

П. А. Кулишъ

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

О Г Ъ

П О Л Ъ Ш И

(1340 1654).

Т О М Ъ П Е Р В Ы Й.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстн. бульв

1888.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1888-й годъ.

Глава I.

Соединеніе Малоруссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ. — Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ. — Расположенность Поляковъ къ русскому элементу. — Какъ завладѣли іезуиты общественнымъ воспитаніемъ въ Польшѣ. — Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью. — Церковныя братства и церковная унія.

Обширную этнографическую область малорусскаго языка и малорусскаго обычая дѣлятъ издавна на Малую Россію, на Бѣлую, Черную и Червонную Русь (иначе Галичину), на Донщину и Черноморщину. Все вмѣстѣ называютъ обыкновенно Южнымъ Краемъ, или Южною Русью, а по языку и характеру народа — Украиною Кіевскою, Слободскою, Волынскою, Подольскою, —землею Донскою, Черноморскою, Галицкою.

Эта область болѣе или менѣе цѣльнаго малорусскаго языка и обычая заключаетъ въ себѣ плодородныя пространства чернозема и песчаныя, дающія скудный урожай междолѣсья; мѣстами переходитъ она изъ однообразной равнины въ холмистыя и байрачистыя раздолья, — изъ высокихъ степныхъ краевъ въ болотистыя низины, изъ безводныхъ степей въ лѣсистыя и водянистыя *нетры* *); нерѣдко изобилуетъ лѣсами и на сухихъ пространствахъ. Что касается языка и обычая, то въ этой разнообразной области находимъ всюду того же самаго Русина, отличеннаго болѣе или менѣе скрещеніемъ съ инородцами и долговременнымъ пребываніемъ подъ вліаніемъ ихъ культуры.

Древнѣйшая, догатарская, или варяжская Русь, на которой основалась малорусская, какъ и великорусская, народность, дѣлилась на самоуправляющіяся княжескія республики съ вольными вѣчами и соединялась въ одинъ союзъ, или федерацію, только династією Рюриковичей, которые, по общественному призыву, княжили въ первой русской столицѣ, Кіевѣ, и въ подначальныхъ великому князю кіевскому

*) Непроходимыя трупцы.

городахъ: Черниговѣ, Переяславѣ, Туровѣ, Полотскѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Перемышлѣ, Галичѣ и Тмутаракани.

Въ XIII столѣтіи нашъ Малорусскій край покорилъ внукъ завоевателяго монгола Чингисхана—Батый, а въ началѣ XIV-го изъ рукъ монголотатарскихъ перешелъ онъ въ руки литовскія. Только часть великаго южнорусскаго займища, такъ называемая Галицкая, или Червонная Русь (иначе Карпатское Подгорье) продолжала отстаивать свою независимость—съ одной стороны отъ Татаръ, а съ другой отъ Поляковъ; но въ 1340 году завоевалъ ее польскій король Казимиръ Великій, а подъ конецъ XIV столѣтія Литва соединилась съ Польшею, по волѣ своего самодержавнаго князя Ягелла или Ягайла, котораго Поляки женили на принцессѣ Ядвига, дочери и наслѣдницѣ своего короля Людовика Венгерскаго и провозгласили своимъ королемъ.

Завоеваніе Червонной Руси и призваніе на польскій престолъ Ягайла привели нашихъ предковъ къ соединенію съ Поляками подъ одной верховной властью. Отъ этого соединенія мы утратили не одну таковую черту, которая свидѣтельствовала о нашемъ родствѣ съ Великоруссами, и въ то же время сдѣлались кой въ чемъ похожи на Поляковъ. Впрочемъ корни нашей народной жизни тѣ самыя, что и у Руси Сѣверной, впоследствии прозванной Московскою. Сходство съ Поляками ограничивается у насъ только нѣкоторою примѣсью со стороны языка и обычая.

Въ завоеванной Прикарпатской Руси и въ соединенной съ Польшею Руси Литовской Поляки нашли достаточно боевой силы, во первыхъ, для одолѣнія своего страшнаго супостата—ордена нѣмецкихъ рыцарей Крестоносцевъ, по польски Крыжаковъ, вовторыхъ, для удаленія отъ своихъ предѣловъ Москвы и, втретьихъ, для запугиванья остатка Золотой Орды, Крымскихъ Татаръ. Но эта боевая сила не сознавала достоинства своей національности въ такой степени, чтобы, какъ это свойственно народу культурному, видѣть въ своемъ родномъ элементѣ драгоцѣнный заветъ предковъ, не подчиняясь чуждому языку и обычаю. Червонную Русь, или Галичину, поворила Польша превосходствомъ военнаго искусства и государственности; Литва же сама по себѣ, какъ нація, была до такой степени груба въ своей первобытности, что не имѣла даже собственной, литовской письменности, а если обнаруживала нѣкоторую образованность въ своемъ домашнемъ быту и вѣрѣ, то этимъ заимствовалась она сперва у тѣхъ Русичей, которые проникали въ ея лѣсистыя и болотистыя трупцы ради торговли или уходили сюда во время татарскаго Ли-

холодѣтья, а потомъ у тѣхъ, которыхъ великій князь литовскій Гедиминъ привлекъ подѣ свою власть или политикою, или оружіемъ.

Съ того времени, когда Литва превозмогла татарскую силу въ Кіевщинѣ и неопредѣленной границами Подоли до самаго Чернаго моря, литовское дворянство пополнялось людьми Русскими, сравнительно съ Литвою—образованными. Государственные акты въ Литвѣ писались по-русски. Литовскіе князья и родственники ихъ женились на дочеряхъ обездоленныхъ нашихъ князей, потомковъ Рюрика. Языкомъ литовскаго двора, языкомъ высшихъ сановниковъ былъ нашъ южнорусскій языкъ. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что и самое идолопоклонство литовское отошло на второй планъ передъ русскимъ христіанствомъ. Въ грекославянскую вѣру крестились не только знатные Литвины, но и члены великокняжескаго дома. Литва была самобытная нація однимъ только именемъ своимъ. Огромное большинство литовскихъ подданныхъ, людей Русскихъ, превосходство русскаго быта надъ литовскимъ и необозримое пространство литворусской земли, ознаменованной преданіями христіанской церкви и славянскій государственности,—все это вмѣстѣ дѣлало такъ называемую въ Москвѣ „Литовскую Сторону“, по существу своему, славянорусскою.

И при всемъ томъ русскій элементъ, въ глазахъ верховныхъ представителей Литовскаго племени, не выдерживалъ сравненія съ элементомъ польскимъ.

Въ эпоху, прозванную Татарскимъ Лихолѣтьемъ, малорусская церковь отособилась отъ греческой, и перестала заимствоваться отъ нея просвѣщеніемъ. Осталась она, среди городскихъ развалинъ и опустѣлыхъ селищъ, безъ книгохранилищъ, безъ просвѣщенныхъ и богатыхъ ктиторовъ. Она проповѣдывала свою науку въ ободранныхъ и полуразрушенныхъ святилищахъ, проповѣдывала устами нищаго духовенства, среди жалкихъ остатковъ побитыхъ и разогнанныхъ прихожанъ. Малорусская церковь не въ состояніи была давать о себѣ высокое понятіе даже и тѣмъ Литвинамъ, которые обратились въ христіанство; а между тѣмъ въ сосѣднемъ краѣ, въ Польшѣ, передъ язычниками и неофитами открылось католичество во всемъ внѣшнемъ величіи своемъ.

Эта другая вѣра въ того же христіанскаго Бога пришла къ недавнимъ врагамъ Литвы не изъ Царьграда, который уже и въ Ягайлово время тѣнили Турки, а изъ „Вѣчнаго Города“, царствовавшего тогда надъ всей Европой, изъ столицы наукъ, искусствъ и высшей гражданственности. Русская незначительная образованность развила въ литовскихъ труппахъ умы воинственныхъ дикарей не больше,

какъ настолькоъ, чтобы, сравнивая наше православіе съ иольскимъ католичествомъ, блестящую вѣру полновластнаго римскаго папы предпочитать потускнѣвшей передъ нею вѣрѣ константинопольскаго патріарха. Самъ Ягайло, воспитанный въ православной обрядности среди своего русскаго двора, воцарившись въ Польшѣ, оставилъ эту обрядность, крестился въ католичество и заставилъ многихъ себѣ подобныхъ принять римское крещеніе.

Преображеніе русскаго элемента въ польскій было у насъ въ началѣ явленіемъ естественнымъ. Что происходило съ литовскимъ языкомъ и обычаемъ, когда слилась Литва съ растоптанною, заполоненною, разбѣжавшеюся куда попало Русью, то самое началò дѣлаться съ языкомъ и обычаемъ литворусскимъ, когда соединилась Литва съ Польшею подъ одной короною.

Между тѣмъ не весьма давно еще было такое время, что русскій нашъ элементъ стоялъ выше польскаго.

Днѣпровская и Днѣстровская Русь, яко земля, была и богаче, и разнообразнѣе Польши. Расеянулась она, въ смыслѣ области, шире, нежели вся древняя Польша съ своими Прусами. Воевала и торговала она съ Византіею, которая во времена оны не до конца еще утратила культурное наслѣдство свое послѣ древнихъ Римлянъ. Все вмѣстѣ поднимало въ ней народный духъ высоко, такъ что и въ письменахъ, и въ пѣснопѣвіяхъ своихъ, и въ самомъ быту своемъ съ его ремеслами и торговлею первобытный Русинъ превосходилъ первобытнаго Ляха.

Когда пойдуть бывало Рюриковичи войною въ Польскую землю, то возвращаются домой только съ плѣнниками, чтобы населять чужимъ, а не своимъ народомъ дикія поля свои въ виду кочующихъ Половцевъ и Печенѣговъ. Когда же вторгались въ намъ убогіе въ своей воинственной грубости Ляхи, то навьючивали своихъ коней дивными для нихъ издѣльями нашихъ ремесленниковъ; а наша столица, Кіевъ, такъ ослѣпляла ихъ невѣдомыми еще удобствами жизни, что они не хотѣли возвращаться въ свое убогое отечество.

До XVI столѣтія въ Польшѣ не было написано ни одной книги по польски. Мертвая латынь пересыпалась, точно сухой горохъ, въ головахъ польскихъ грамотеевъ, не давая живыхъ ростковъ; а торговля и война съ „Руснаками“ вселяли между тѣмъ среди Поляковъ русскіе нравы, русскій вкусъ, шпиговали русскимъ языкомъ и польскую рѣчь, которая, по своей первоначальной формаціи, далеко не такъ благозвучна и богата, какъ наша русская. Можно сказать, что древніе Ляхи, въ своей закоснѣлой грубости, воспитывались на русскомъ

элементъ, подобно тому, какъ младшіе братья, сидя въ домашнемъ захолустѣ, воспитываются сообществомъ старшихъ братьевъ, возмужавшихъ въ широкой бывалости.

Когда господствовало еще въ Польской землѣ идолопоклонство, христіанская вѣра пришла туда прежде всего изъ Моравіи; священное писаніе преподано Ляхамъ первоначально на томъ славянскомъ языкѣ, который приняли уже въ своей церкви Русичи, и въ началѣ Поляки крестились по обряду церкви греческой. Даже облатинивши въ послѣдствіи свои храмы, Ляхи звали ихъ до XV столѣтія по-русски церквями (cerkwie). Въ одномъ изъ краковскихъ костеловъ богослуженіе совершалось попольски еще въ началѣ XVI вѣка; а фрески святыхъ со славянскими надписями на стѣнахъ окатоличенныхъ церквей въ Краковѣ и Казимиржѣ оставались не замалеванными до послѣдняго времени.

Религіозное единство съ нами Поляковъ отрывало имъ тотъ самый, что и намъ, путь исторической жизни. Но вслѣдъ за славянскими апостолами вѣры пришли къ надвислянамъ апостолы латинскіе, пренебрегли проповѣданное уже на Вислѣ христіанство, уничтожили его вторичнымъ крещеніемъ и началамъ умственного развитія Ляховъ дали направленіе римское.

Разлившись бурно и широко, монголо-татарская сила остановилась въ Краковѣ. Потрясла она и Польшу, но Польша устояла на своемъ основаніи; и между тѣмъ какъ на Днѣпрѣ погибли плоды до-татарской культуры, край Привислянскій развивался безъ остановки, подъ вліяніемъ западныхъ націй. Близкое знакомство съ этими націями дало Польшѣ великій перевѣсъ надъ присоединенною къ ней двойнымъ способомъ Русью. Обладатели Русской земли, сатрапы, неграмотнаго деспота, Литвина, до того закосяѣли подъ его властью, что когда великій князь литовскій сдѣлался польскимъ королемъ и свелъ ихъ съ новыми своими подданными, польскіе „дуки“ показались имъ недостижимо бывалыми, въ общежитіи дивно искусными, въ грамотности зѣло премудрыми. Скрещенные съ Литвинами Русичи, въ свою очередь, стали тогда смотрѣть на Ляховъ, какъ смотрятъ изъ роднаго захолустя меньшіе братья на старшихъ. Начали они уподобляться вельможнымъ польскимъ людямъ въ ихъ быту и поступкахъ. Шлифуясь въ обществѣ именитыхъ Ляховъ, теряли свою шероховатость, и естественно чувствовали благодарность къ сосѣдямъ за ласковое руководительство во всемъ, что тѣ перенимали у народовъ цивилизованныхъ. Они съ Поляками дружились, почтительно, а скрещиваясь родовой кровью, смотрѣли на свое родство и свойство съ польскими

домами, какъ на высокую честь, гордились иноземными взглядами на вещи, какъ отличіемъ отъ людей отсталыхъ, невѣжественныхъ. Во времена оны представители польской общественности брали себѣ за образецъ отшлифованнаго по-византійски Русича съ его сравнительно утонченнымъ языкомъ и обычаемъ. Теперь потомки этого Русича подчинялись просвѣщенному по-римски Ляху въ своемъ единеніи съ нимъ по государственнымъ, общественнымъ и домашнимъ дѣламъ. Такимъ образомъ нашъ гражданскій и домашній бытъ, наши воззрѣнія, вкусы и симпатіи были уже издавна въ высшихъ кругахъ тѣ самыя, чтò и у Поляковъ.

Подобно тому, какъ, въ отдаленную эпоху восточной проповѣди христіанства на берегахъ Вислы, Ляхамъ, по всѣмъ видимостямъ, предстояло идти тою же историческою дорогою, что и кіевскимъ Полянамъ, съ ихъ русскими родичами, — потомкамъ кіевскихъ Полянъ, а съ ними и всѣмъ польско-литовскимъ Русичамъ, открылся теперь путь вѣчнаго единства ихъ судебъ съ судьбами племени Польскаго. Но вышло иначе, и именно по той причинѣ, что паны Ляхи черезчуръ уже близко привлекли къ себѣ сановныхъ представителей нашей Руси. Не помогло тутъ панамъ Ляхамъ единство вѣры, обычаевъ и семейной политики съ панями Русичами, — напротивъ, оно имъ повредило. Польша потому и не устояла на русской почвѣ, что разлучила нашихъ малорусскихъ пановъ съ малорусскимъ простонародьемъ, — разлучила просвѣщенныхъ представителей націи съ темною массою націи.

Главнымъ двигателемъ несчастнаго для обѣихъ сторонъ единенія нашихъ пановъ съ панями Ляхами была завоевательная политика римской церкви.

Папскіе нунціи, или духовные послы, резидуя одинъ за другимъ въ Польшѣ при королевскомъ дворѣ, постоянно заботились о томъ, какъ бы въ польско-литовской Руси водворить латинство. Но въ теченіе трехъ столѣтій, отъ Владислава Ягайла до Сигизмунда Вазы, ревнители католичества обратили въ свою вѣру однихъ нашихъ магнатовъ съ ихъ служилою шляхтою, и то далеко не всѣхъ. Нижшіе классы въ Малороссіи были какъ-то недоступны для латинской проповѣди, кромѣ тѣхъ виленскихъ, львовскихъ и люблинскихъ мѣщанъ, которые перенимали отъ шляхты панскіе обычаи и поддавались внушеніямъ вельможныхъ людей ради своихъ торговыхъ интересовъ *).

*) О городельскомъ декретѣ 1413 года, воспрепятствовавшемъ православнымъ занимать высшія государственныя и общественныя должности и о послѣдствіяхъ этого декрета не для чего распространяться, такъ какъ онъ оставался мертвою буквою уже и при Казимирѣ Ягайловичѣ.

Такую медленность въ работѣ, которою только и дышала Римская Курія, объясняютъ намъ, вопервыхъ, извѣстныя политическія дѣйствія московскаго самодержца Іоанна III, относительно Литвы Польшы, а вовторыхъ, два страшныя для папистовъ явленія въ Западной Европѣ.

Съ начала XV столѣтія Чехи провозгласили свободу религіозной совѣсти устами Гуса, а съ начала XVI-го—Нѣмцы обновили науку чешскихъ гуситовъ отъ имени Лютера. Хотя паписты сожгли Гуса живымъ, а послѣдователей его науки придавили военною силою, но высказанная Гусомъ всенародно правда не переставала обнаруживать неправду римской церкви, и пробралась изъ ученой Германіи даже въ сравнительно невѣжественную Польшу. Опасно стало тогда римскимъ агентамъ возбуждать противъ себя негодованіе русскихъ людей въ Польшѣ: боялись поддерживать этимъ гуситскую проповѣдь въ средѣ самихъ католиковъ. Поэтому всѣ принужденія, прикрытыя королевскимъ и державнымъ панскимъ правомъ, были отложены до удобнѣйшаго времени. Распространяли католичество только домашнею проповѣдью, заохочивая можновладниковъ къ иновѣрству королевскими милостями. То же самое должны были дѣлать и послѣ того, когда чешское свободомысліе обновили нѣмецкіе богословы. Перестали дѣлать покушенія на церковныя имущества православниковъ; боялись утратить приобрѣтенія и католической церкви въ Польшѣ. Протестанты множились тутъ очень быстро и подавали руку православникамъ для совмѣстной борьбы противъ приверженцевъ римскаго папы. Взаимное отрицаніе старой и новой вѣры въ Бога привело Поляковъ даже къ безбожію. При Сигизмундѣ Старомъ, одинъ благочестивый католикъ доносилъ въ Римъ о польскихъ протестантахъ такъ: „Нашъ дворъ чтитъ Бога настолько, насколько это не обижаетъ діавола. Здѣсь отверженіе Христа—похвальное дѣло“. Польскіе сеймики собирались тогда обыкновенно въ костелахъ и церквахъ, гдѣ, по словамъ того же католика, шумъ, брань и кровопрولیтіе были явленіями заурядными.

При такихъ обстоятельствахъ мудрено было римскому католичеству распространяться въ Польшѣ на счетъ греческаго православія. Но всего больше останавливало латинскую проповѣдь среди нашей Руси то, что Поляки не слишкомъ сильно заботились о завоевательной политикѣ римской церкви. Въ нравахъ и обычаяхъ польской шляхты столько было чувства личной свободы, что она, въ своей общности, взирала съ негодованіемъ на всяческія принужденія къ католичеству, которыя агенты Римской Куріи обыкновенно внушали

королямъ и сенаторамъ. Пропаганда католичества въ малорусскомъ населеніи Польши велась только путемъ просвѣщенія, которое сосредоточивалось тогда въ представителяхъ римской церкви, и естественно привлекало къ ней тѣхъ Русичей, которыхъ воспитывало духовенство католическое.

Что же до Поляковъ, то они сами по себѣ, какъ Поляки, и въ томъ числѣ даже церковные сановники, близкіе родичи вельможныхъ домовъ, не имѣли преднамѣренныхъ стремленій къ подавленію русской народности, опиравшейся на предковскую вѣру. Напротивъ, очутились игрою случайностей среди чистой *Русины*, коренной Ляхъ, кто бъ ни былъ онъ, скоро начиналъ самъ русѣть, привыкалъ къ малорусскому языку и православному обычаю, поддавался поэзіи нашего слова, нашей пѣсни, нашей русской природѣ. Даже католическіе бискупы, живя въ Кіевщинѣ, уже во время обнародованія церковной уніи (1596), не имѣли ничего общаго съ іезуитскими замыслами, и, спустя десятилѣтіе послѣ этого событія, еще молились чудотворному образу въ Кіевопечерской лаврѣ о своихъ личныхъ нуждахъ, среди богомольцевъ православныхъ.

Не должно забывать давнишней вражды Русина съ Ляхомъ, о которой цистеріанскій монахъ Кадлубекъ, въ XI вѣвѣ, писалъ, что эту „закоренѣлую“ вражду Русинъ погашалъ въ себѣ только польскою кровью. Но, зная себя, каковы мы теперь, и помня, каковы были наши малорусскіе предки въ дотатарское и въ послѣтатарское время, мы должны признать, что эта закоренѣлая вражда получала свое начало больше въ русскомъ, нежели въ польскомъ сердцѣ.

И въ любви, и въ ненависти мы, по своей природѣ, были глубже Ляха. Это свидѣлствуютъ намъ съ одинаковою выразительностью и наши монахи-аскеты, и наши козаки разбойники. Аскетизма не было вовсе въ польскомъ характерѣ, а въ разбойныхъ своихъ подвигахъ никогда Поляки не доходили до такого кроваваго энтузіазма, какъ наши малорусскіе предки. Любя Бога и ближняго, мы дѣлались молчальниками, пещерными затворниками, добровольными мучениками, а любя Бога и ненавидя своего врага, мы окунались въ человѣческую кровь по шею, мы не знали границъ своей лютой.

Не такъ щедро, какъ насъ, Малороссовъ, одарила природа нашего сосѣда, Ляха, и поэтому въ польскихъ монастыряхъ не было аскетовъ, а польскіе разбойники, сравнительно съ нашими, были, можно сказать, только забіяки. Что же касается ляшескихъ злодѣйствъ, описанныхъ въ нашихъ вымышленныхъ сказаніяхъ, то здѣсь мы творили мнимыхъ и дѣйствительныхъ враговъ своихъ по внутреннему своему образу и по подобію. На горс намъ и родственнымъ съ нами по пле-

мени сосѣдямъ, наши малорусскія сердца дышали жаждою правды; но наше невѣжество, наша варварская логика относительно посягательства на чужое, наша беспорядочная, дикая свобода, которой мы домогались, не имѣя въ виду никакого лучшаго счастья,—дѣлали насъ геніями зла, которые ужасали своихъ несчастныхъ современниковъ и изумляютъ свое мыслящее потомство. Свирѣпая наша мстительность, не знавшая ни мѣры, ни пощады, не отличавшая малой неправды отъ великой, мнимой обиды отъ дѣйствительной, успокоивалась только тогда, когда исчезалъ на землѣ и самый слѣдъ обидчика.

Совсѣмъ иной былъ складъ и ума и сердца польскаго. По своей природѣ, Полякъ, не скрещенный съ представителями Руси, былъ такъ мягокъ въ сравненіи съ угрюмымъ и жестокимъ Русинемъ, что его можно было бы принять за незлобнаго въ своей неопытности отрока. Въ характерѣ Поляка было много, такъ сказать, жевскаго легковѣрія. Веселый и доврчивый, онъ часто забывалъ не только тяжкія обиды, но и такія злодѣяства, отъ которыхъ оставались кровавые слѣды на порогѣ его дома. Не одинъ случай подобнаго забвенія мы знаемъ документально, и по такимъ случаямъ заключаемъ, какъ польское сердце билось въ отдаленную старину, о которой воспоминаетъ лѣтописецъ Кадлубекъ. Не было нашей глубины у златовласаго, свѣтлоокаго нашего сосѣда, Ляха. Не было у него даже и той бездушнoй глубины, которую выработали себѣ вѣками господства просвѣтители Польши, Римляне, эти жестокосердые соперники поэтическихъ Грековъ, эти безпощадные поработители классическаго міра, которыхъ ни великій наплывъ завоевательныхъ варваровъ, ни великая революція религіи и философіи не остановили въ ихъ наслѣдственномъ стремленіи къ поработенію вселенной. Полякъ, пожалуй, покорялся своимъ латинскимъ пастырямъ, когда они твердили ему о пожертвованіи имуществомъ на „увеличеніе хвалы Господней“, или накладывали на него покаянное искушеніе. Но ясная, созданная для тихаго счастья, душа его съ трудомъ поддавалась шепоту фанатизма, который насилуваніе чужой совѣсти представлялъ наибольшою заслугою передъ Богомъ. Только при королевскомъ дворѣ иногда существовала ненасытимая владычествомъ римская факція. Только темныя креатуры вліятельныхъ римскихъ проходивцевъ труждались въ Польшѣ по примѣру тѣхъ, которые, тѣсня до самаго края свободу мысли и совѣсти, довели Европу до многолѣтнихъ войнъ подъ знаменами вѣры. Но ни одного громкаго польскаго имени не вписала исторія въ число вождей поработительной политики папы, ни одинъ геніальный Полякъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ не подаль голоса за религіозную нетерпимость. Ляха, достойнаго

стоять въ ряду героевъ челоѣчности, можно было запутать въ политическія мрежи Римской Куріи, но онъ тотчасъ возвращался къ своимъ природнымъ чувствамъ, лишь только эти мрежи рвались отъ собственной своей ловитвы. Безхитростный Славянинъ, любитель домашнихъ заботъ и мирной жизни, привязанный къ своему уголку, къ своему родному полю, онъ рѣдко покидалъ наслѣдственный плугъ для боевой жизни. Но и воюя съ сосѣдями, не чуждался Полякъ дружескихъ связей съ ними, по старопольскому обычаю. Таковы были его войны съ Нѣмцами, Литвою, Москвою и даже съ Турками. Наша-завзятая Русь не вселяла въ польскую душу непримиримой вражды и тогда, когда воспитала на своемъ дикомъ лонѣ такихъ рыцарей, которые знали одну только форму и одну только цѣль борьбы—истребленіе Ляхвы „до поги“. Благоволеніе къ иностранцамъ было слабостью и блажью у польской шляхты, а шляхетское чувство свободы развилось у Поляка до такого всликодушія, что, будучи самъ искреннимъ католикомъ, перѣдко стоялъ онъ грудью за иповѣрцевъ, которыхъ католики тѣснили во имя своей церкви.

Въ XVI столѣтіи, до Люблинской гражданской уніи, коренные Поляки не имѣли права пріобрѣтать землю въ Литовской Руси. Но часто случалось, что польскій пришлецъ женился на маестной Русинкѣ, и этимъ способомъ дѣлался землевладѣльцемъ среди туземцевъ. Такие люди, воспитанные въ католичествѣ, не только не завоевывали у насъ ничего для своей церкви, но и сами крестили дѣтей своихъ у русскихъ нашихъ поповъ, дѣлая такимъ образомъ свой польскій родъ православнымъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, католичество таяло само собою, тогда какъ вблизи Вислы, папримѣръ въ Люблинской Холмщинѣ, такъ точно таяло православіе; только здѣсь наши попы были равнодушны къ тому, чтобы привлечь Ляха къ своей вѣрѣ, а тамъ попы латинскіе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы домъ русской обратиться въ польскій, то есть въ католическій. Помогало латинскимъ попамъ и королевское правительство. Но то правительство, которое, независимо отъ короля, составлялось изъ „земскихъ пословъ“, не только не хотѣло знать церковной римской политики, но и само возставало противъ католическаго своего духовенства за увеличеніе церковныхъ имуществъ посредствомъ духовныхъ завѣщаній и другихъ записей.

Когда же наконецъ, въ 1569 году, состоялась въ Люблинѣ гражданская уніа, и земскія права у обояхъ народовъ сдѣлались одинаковы, коренные Полонусы начали переселяться къ намъ на хозяйство, яко въ страну плодородную, но малолюдную. Казалось бы, съ этого времени католики, какъ люди, ознакомленные съ просвѣщенной Евро-

пою, должны были подавить у насъ православіе, державшееся, безъ наукъ, одними обрядами да преданіями. Нѣтъ, переселенцы не принесли къ намъ той систематической пропаганды латинства, которую католическое духовенство отличалось и въ Холмщинѣ и всюду въ малорусскихъ областяхъ, гдѣ оно уже вкоренилось. Это были люди воинственные, но вовсе не богословы. Беззаботность ихъ относительно соперничества двухъ вѣроисповѣданій была такова, что даже начала было тревожить церковныя власти въ католической Польшѣ. Чтобы защитить господствующее вѣроисповѣданіе отъ неумышленного вторженія въ него нашего православія, королевскія власти прибѣгли наконецъ къ репрессіи, и король Стефанъ Баторій, по просьбѣ примаса, универсаломъ своимъ повелѣлъ, чтобы наше духовенство не крестило дѣтей въ католическихъ домахъ на Волыни, подъ страхомъ весьма значительной денежной пени.

Дѣло стояло такъ: наша простая, первобытная общественность не привлекала къ намъ католическаго духовенства, воснитывавшагося въ краяхъ цивилизованныхъ и привычнаго къ общенію съ людьми культурными. Католическія епископіи, основанныя Римскою Куріею въ нашей Руси, существовали, можно сказать, только по имени, а хоть знатные паны-католики и держали при себѣ капеляновъ, то этимъ капелянамъ, при тогдашнемъ бездорожьѣ и раскиданности населенныхъ мѣстъ въ Малороссіи, трудно было ѣздить для крещенія дѣтей, хотя бы ихъ о томъ и просили. Королевскій универсалъ не перемѣнилъ ни природы вещей, ни обстоятельствъ, и поэтому въ нашей пустынной странѣ православіе распространялось въ семьяхъ католическихъ, а не католичество—въ православныхъ.

Только съ того времени, когда въ Польшѣ водворились іезуиты, католичество изъ центровъ польщизны начало растекаться по русскимъ воеводствамъ послѣдовательно и поступательно. Только съ этого же времени и со стороны нашей Руси выступили силы, остановившія завоевательную римскую политику.

Полумонашескій и полусвѣтскій орденъ іезуитовъ утвердился въ Польшѣ при второмъ избирательномъ королѣ, Стефанѣ Баторіи. Онъ былъ посланъ сюда Римскою Куріею для противодѣйствія церковной реформаціи, и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ протестанты, подъ покровомъ шляхетской свободы, начали присоединять къ своимъ „зборамъ“ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ людей въ Польшѣ, іезуиты, пользуясь той же свободой, принялись отстаивать древнее приобрѣтеніе Римской Куріи противъ новаторовъ.

Поваторами по предмету вѣроученія были въ Польшѣ и въ поль-

ской Руси члены великихъ панскихъ домовъ, воспитанные за границею. Тамъ они видали, какъ съ одной стороны паписты подавляли свободу совѣсти, и какъ съ другой стороны люди вольные, никогда ни къ чему не принуждаемы, отдавали все свои симпатіи церковнымъ либераламъ. Слѣдуя примѣру послѣднихъ, горячо проповѣдывали они новую науку вѣры со словъ Лютера и Кальвина, а будучи въ дѣдичныхъ владѣніяхъ своихъ такими же государями, какимъ Стефанъ Баторій былъ въ коронныхъ и литовскихъ королевщинахъ, обращали въ молитвенныя дома, называвшіяся зборами, не одни католическіе костелы, но и православныя церкви. Іезуиты, прійдя къ намъ сперва въ Бѣлую и Червою Русь по слѣдамъ протестантовъ, старались предвосхитить у нихъ русскую паству, какъ бы церковный ясырь и нашли себѣ могущественнаго помощника въ особѣ самого короля.

Родной край Стефана Баторія, Седмиградъ, или Трансильванія, былъ самымъ безопаснымъ убѣжищемъ религіознаго вольнодумства, встревожившаго все западнае правительство въ XVI вѣкѣ. По своему воспитанію, Баторій пренебрегалъ католическимъ догматизмомъ; но, сдѣлавшись королемъ польскимъ, долженъ былъ приноравливаться къ религіозному взгляду „шляхетскаго народа“. Не возставая противъ разновѣрія, онъ все-таки стоялъ на сторонѣ господствующей въ Польшѣ вѣры и, въ ея интересахъ, содѣйствовалъ всякому законному предпріятію своихъ подданныхъ. Согласно съ такою политикою, помогалъ онъ и іезуитамъ распространять латинскую проповѣдь, не только къ ущербу нѣмецкаго нововѣрства, но и ко вреду древней греческой религіи, которая водворилась было въ Польшѣ раньше латинства. Этимъ способомъ наша малорусская церковь, надруйнованная уже папистами, подверглась новому руйнованію, какъ со стороны фанатическихъ піонеровъ нововѣрства, такъ и со стороны энергическихъ его противниковъ.

И разумъ, и совѣсть оправдывали короля Стефана въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ іезуитамъ во вредъ православію. Не говоря уже о государственной политикѣ, которая велѣла ему сообразоваться съ видами римскаго папы, — на латинство смотрѣлъ онъ, какъ на такую вѣру, которая распространяетъ въ народѣ просвѣщеніе, тогда какъ вѣроученіе греческое было въ его глазахъ проповѣдью законснѣлости, выстѣ и безплодной, и вредной для умственной дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, среди нашихъ православниковъ рѣдко встрѣчался тогда человекъ образованный, между тѣмъ какъ польскорусскіе паписты своею бывалостію и ученостію стояли иногда наравнѣ съ просвѣщенными Нѣмцами, Французами, даже Итальянцами. Іезуиты

же именно тѣмъ и славились, что „хорошо“ воспитывали молодежь, и начали свою работу въ Польшѣ основаніемъ нѣсколькихъ образцовыхъ школъ.

Тогда было еще рано уразумѣть, что іезуитская наука стремилась не къ тому, чтобы возбуждать человѣческій духъ къ свободной дѣятельности, а къ тому, чтобы въ области знанія поддерживать авторитетъ римской церкви. Притомъ же іезуиты усыпили осторожность лучшихъ людей въ Польшѣ и въ польской Руси кажущимся безкорыстіемъ своего ордена, который подвизался для общественной пользы, довольствуясь одною щедростью своихъ покровителей и приверженцевъ. Іезуитскія коллегіи, или гимназіи высшихъ наукъ, вмѣсто плодотворной образованности, давали своимъ питомцамъ обольстительную, но бесполезную умственную роскошь, а между тѣмъ формировали ихъ способности такъ, что, выйдя въ свѣтъ, блестящіе молодые люди не имѣли силы первенствовать въ своемъ обществѣ, и дѣлались орудіями коноводовъ его, іезуитовъ. Баторію некогда было углубляться въ методъ и направленіе іезуитской педагогики. Въ теченіе десятилѣтняго царствованія своего (1576—1586) онъ слишкомъ сильно былъ озабоченъ военными и политическими дѣлами. Онъ сдѣлалъ, или лучше сказать—помогъ сдѣлать польскому обществу ошибку, вредоносныя послѣдствія которой проявились только въ третьемъ поколѣніи его подданныхъ.

На бѣду шляхетскому народу, прославленный Баторіемъ престолъ тридцать шесть лѣтъ занималъ такой король, который не имѣлъ ни его ума, ни его твердаго характера. То былъ Сигизмундъ III, слѣпой приверженецъ римскаго папы, безмысленный покровитель и слуга іезуитовъ.

Баторій отдалъ іезуитамъ почти все имущество Полотскаго владычества, или епископія, основываясь на томъ, что Полотскую землю самъ онъ отвоевалъ у Москвы, поэтому-то и право „подаванья хлѣбовъ духовныхъ“ (*ius patronatus*) принадлежало не кому иному, какъ завоевателю. Но, передавая церкви и монастыри изъ православныхъ рукъ въ католическія, онъ объявилъ панамъ полочанамъ, что отречется отъ права подаванья, если они документами докажутъ, что церкви или монастыри основаны и уфундованы ихъ предками. Сигизмундъ орудовалъ подаваньемъ духовнаго хлѣба, не обращая вниманія и на самые документы, а такъ какъ фундушевыя записи погибали въ домашнихъ усобицахъ, пожарахъ и т. п., то іезуиты пользовались такими случаями, подобно судебнымъ кляузникамъ,—изобрѣтали казусы къ тяжбамъ, подучивали латинцевъ къ захвату церковныхъ имуществъ

и, имѣя на своей сторонѣ короля съ его грамотами, умножали имущества католической церкви на счетъ православной.

Да и безъ казуистики, безъ передачи достоинства малорусской церкви въ руки служителей польской, Сигизмундъ III подрывалъ весьма чувствительно „древнее русское благочестіе“, какъ величали мы свою вѣру относительно протестантовъ съ одной стороны и панистовъ съ другой. Титулуясь верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ, онъ весьма часто раздавалъ православныя владѣчества и архимандріи людямъ свѣтскимъ; а эти люди, принявши духовный санъ, жили въ монастыряхъ панами и смотрѣли на подвластныхъ поповъ и чернецовъ такъ, какъ смотрѣлъ мытникъ на мытницу, торговецъ на „крамную комору“, арендаторъ на аренду.

Подъ патронатомъ чужеземныхъ королей церковь наша теряла свое достоинство со времянь Ягайла. Въ царствованіе Сигизмунда III подаваніе духовныхъ столицъ и хлѣбовъ рукою подкупною и іезуитски лукавою довело ее до послѣдняго упадка. На апостольскихъ сѣдалищахъ возсѣдали въ ней не только книжники и фарисеи, но даже неграмотные мытари и грушники.

Между тѣмъ энергическіе строители единой, какъ говорили панисты, спасающей, истинно вселенской церкви, іезуиты, втирались въ наши панскіе дома въ видѣ врачей, юристовъ, наставниковъ молодежи и пріятныхъ собесѣдниковъ. Не любя никого внѣ интересовъ католичества, и не видя ничего достойнаго уваженія ни въ какой вѣрѣ, кромѣ римской, эти религіозные пройдохи умѣли внушать къ себѣ привязанность и уваженіе даже въ такихъ малорусскихъ кружкахъ, которые называли римскаго папу антихристомъ.

Появились они въ русскихъ провинціяхъ Польши, какъ уже сказано, вслѣдъ за тѣмъ, когда Лютерова и Кальвинова наука вѣры, путемъ шляхетской вольности, пришла къ намъ изъ Германіи вмѣстѣ съ молодыми людьми, которые искали за-границею не только самаго просвѣщенія, но и искусства общежитія. Іезуиты были не что иное, какъ отлично дисциплинированныя фаланги, которые пана посылалъ въ Польшу выгнѣснять церковное вольнодумство изъ его позицій и учить общество католической нравственности. Товарищи (braciszki) Іисуса, „ангелы и духи“ Христова намѣстника, іезуиты приспособлялись ко всякому порядку и беспорядку панской жизни. Они дружились одинаково и съ самыми веселыми, и съ самыми мрачными характерами. Даже тамъ, гдѣ іезуиты открыто презирали, не отказывался онъ отъ своей преданности магнату. Прикрываясь личиною христіанскаго смиренія, терпѣлъ товарищъ Іисуса сарказмы знатныхъ и незнатныхъ лю-

дой, лишь бы не лишиться своего мѣста между папскими собесѣдниками. Когда же притворная покорность не останавливала инаго яраго послѣдователя Лютера, Кальвина и самого Арія, іезуитъ лучше всѣхъ умѣлъ принять на себя спокойный видъ умственнаго превосходства. Передъ глазами у отцовъ - кощунниковъ, смиренныя и вмѣстѣ высокоумѣрные тупеядцы пріобрѣтали себѣ почитателей между ихъ дѣтьми. Знали они, какъ бьется неопытное сердце, когда передъ нимъ оскорбляютъ высокую добродѣтель вмѣстѣ съ глубокою ученостью, и тайно отъ свѣта уловляли впечатлительныя души не только въ полуграмотныхъ православныхъ семьяхъ, но и въ протестантскихъ, вооруженныхъ заграпичнымъ просвѣщеніемъ.

Іезуиты разсчитывали разомъ и на высшія и на низшія свойства человѣческой природы. Къ строгости христіанскихъ правилъ присоединяли они яко бы христіанскую снисходительность къ слабостямъ ближняго. Они палагали на молодыхъ своихъ питомцевъ иго слѣпнаго послушанія высшимъ велѣніямъ церкви, и услаждали это иго потачками тайнымъ удовольствіямъ. Съ лицемѣрною кротостію мудрости разрѣшали они своихъ юныхъ друзей не только отъ старопольскаго цѣломудрія, но и отъ рыцарской честности. Этими путемъ дальновидныя наставники входили въ тѣсныя съ ними связи, дѣлались ихъ товарищами въ предосудительныхъ поступкахъ, ихъ руководителями на поприщѣ житейской политики, и навсегда обезпечивали себя помощниками въ клерикальныхъ интригахъ.

Если этимъ способомъ удавалось іезуитамъ привлечь на лоно римской церкви наслѣдника древняго русскаго дома, то подѣихъ дружескимъ руководствомъ, онъ радѣлъ этой церкви въ своихъ маестностяхъ такъ точно, какъ Сигизмундъ Ваза—въ своихъ королевщинахъ. Плъпенный въ послушаніе спасающей вѣры, вельможный папѣ естественно подавалъ духовныя хлѣбы своего патроната или римскимъ католикамъ, или такимъ православнымъ людямъ, которые не были способны поддерживать нашу церковь, напротивъ, своимъ безпутствомъ помогали разорять ее.

Изшая шляхта, папскіе мѣщане и мужики, кто добровольно, а кто и по принужденію, приставали къ вѣрѣ своего папа. Бывали такія парафіи и архимандріи, въ которыхъ наслѣдственное ктиторство, именуемое патронатомъ, принадлежало не одному, а нѣсколькимъ дѣдичамъ. Тутъ іезуиты, или ихъ орудія, мѣстные ксендзы, старались обратить въ русскую вѣру тѣхъ патроновъ, чьи предки больше другихъ участвовали въ фундаціи, а успѣвши въ этомъ, подавали ихъ руками королю просьбу, и король, „снисходя къ благочестивому же-

лацию достойнѣйшихъ представителей вѣры“, отдавалъ церковь или монастырь съ ихъ имуществами подъ власть католическаго бискупа.

Это была старинная, еще доіезуитская практика римской пронагапды. Іезуиты только обновили и подкрѣпили крестовые походы своего папы противъ Руси, которые остановили было ченскіе и прѣмецкіе нововѣрцы. Но они не дѣлали ничего крикливаго, слишкомъ уже громко вопіющаго и кроваваго. Наибольшее насиліе, которое дозволяли себѣ эти апостолы Христова намѣстника, заключалось въ паусѣиваньи школьничковъ и поджиганьи городскихъ „гульбасевъ“ къ поруганію иновѣрнаго духовества, къ осмѣянію иновѣрныхъ процессій и обрядовъ, къ грабежу „еретическихъ“ и „схизматическихъ“ святинищъ. Но то были случаи особенные. Они шли въ тонъ съ обычнымъ въ тѣ времена буйствомъ не только между двумя враждебными вѣрами, но и между единовѣрцами. Вообще, дѣло іезуитской проновѣдн вселось такъ тихо, и вожаки церковнаго завоеванія держали себя такъ миролюбиво, что на поверхностный взглядъ казалось, будто въ Польнѣ нѣтъ никакого наступанія на малорусскую церковь, и какъ будто польская Русь католичится сама собою.

Что касается Сигизмунда III, то онъ всего больше помогалъ іезуитской работѣ тѣмъ, что нашимъ некаатоликамъ не давалъ, за рѣдкими исключеніями, никакихъ дигнитарствъ, которыхъ у него въ рукахъ, вмѣстѣ съ церковными бенефиціями, было больше двадцати тысячъ. Какъ ни ограничили папы королевскую власть въ своей Рѣчи Посполитой; но это былъ двигатель могущественный: ибо русскопольскіе магнаты, говоря о нихъ вообще, безъ королевскихъ мпостей, не могли обставлять свои дома такъ, какъ того требовала политика ихъ общественности. Королевскіе наперенки, клерикалы, разсчитывали тутъ безошибочно. Сигизмундъ Ваза, заставши въ числѣ литовскихъ, то есть малорусскихъ, сенаторовъ только двухъ или трехъ католиковъ, подъ конецъ своего царствованія имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ сенаторскія „лавицы“ занимали тамъ католики, кромѣ двухъ или трехъ мѣствъ, на которыхъ сидѣли иновѣрцы. То же самое надобно разумѣть и о прочихъ дигнитарствахъ.

Такимъ образомъ наши малорусскіе дома, посредствомъ перемѣны вѣры, превращались въ польскіе; право наследственнаго патронага, вмѣсто православнаго духовества, распространяли они на католическое; оставшая ветхія церкви безъ починки, воздвигали великолѣпные костелы, и въ тѣ костелы переводили фундуши, пожертвовавшіе ихъ предкамъ „на хвалу Божію по греческому обряду“. Все это дѣйствовало гибельно на наше духовенство. Утрачивая со временемъ Игайла

одно церковное имущество за другимъ, и пополняя персоналъ іерарховъ не пастырями душъ, а мытарями и грѣшниками, малорусская церковь клонилась теперь къ надешю быстрѣе, нежели когда-либо. Къ убожеству духовенства естественно присоединилось невѣжество, а вмѣстѣ съ невѣжествомъ вкоренились грубые нравы и привычки. Этотъ нравственный упадокъ, въ свою очередь, отвращалъ знатныхъ людей отъ отеческой вѣры, и тѣмъ скорѣе привлекалъ ихъ къ переходу на лоно римской церкви, или же направлялъ къ нововѣрству; а нововѣрство, выработанное жизнью чуждою, не поднимало въ насъ чувства русской національности изъ его упадка.

Однихъ только Кіевопечерскій монастырь, который мы справедливо титуловали царствующею Лаврою, былъ у насъ крупною хозяйственною единицею среди обрѣзанныхъ или утраченныхъ церковныхъ имуществъ. Чѣмъ больше древнихъ малорусскихъ домовъ отпадало — то въ католичество, то въ протестантство, — тѣмъ малочисленнѣе и скуднѣе становились наши церковныя имущества, сравнительно съ нововѣрческими; а между тѣмъ въ личный составъ церковной іерархіи вбѣдрялось такое зло, которое соотвѣтствовало отступничеству малорусскихъ папъ и невѣжеству тѣхъ, кому предоставлялась роль охранителей родной національности.

Наши владычества и архимандріи, какъ это видно уже изъ предыдущаго повѣствованія, доставались не тѣмъ, кто съумѣлъ бы лучше стропельствовать въ малорусской церкви, а тѣмъ, за кого было больше ходатаевъ передъ шовѣрнымъ королемъ, верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ. Покупка у короля церковныхъ дигнитарствъ вошла въ обычай со временъ Ягайла. Сохранились даже письменныя обязательства уплатить королю условленную цѣну владычества деньгами и волами. Этимъ способомъ, еще при жизни митрополита, владыкѣ и архимандритовъ, мѣста ихъ продавались въ Краковѣ и въ Варшавѣ, точно на рынокѣ. Покупали духовныя столицы и духовныя хлѣбы почти исключительно сановники евѣтскіе, вовсе не приготовленные къ исполненію новыхъ обязанностей. Управляя церковными дѣлами, покупщики долго титуловались *нареченными* владыками или архимандритами: принять инокство обязывались они только для вида; но, покамѣтъ, жили въ монастыряхъ съ женами и дѣтьми, со слугами, охотничьими собаками и всѣми панскими забавами, а въ случаѣ ссоры съ сосѣдями за село или за угоды, хаживали на своихъ противниковъ попански войною, если же противникъ былъ чловѣкъ духовный, то владыка ходилъ войною на владыку, архимандритъ бралъ приступомъ церковь и монастырь у архимандрита. Не оставав-

леваго ихъ ни въ чемъ общество, отуманенное въ разумѣніи церкви и вѣры, если не латинствомъ, то протестанствомъ и злоупотребленіями, какъ продавцовъ, такъ и покупателей духовнаго сана. Въ виду поруганныхъ святилищъ, владѣльцы ихъ распутичали, святотатествовали и разбойничали безнаказанно; на подначальное имъ низшее духовенство смотрѣли, какъ откупники, имѣющіе въ виду одни доходы, и естественно были беззаботны относительно посвященія этого духовенства, относительно достоинства жизни его.

Въ такомъ замѣнательствѣ малорусской церкви, городскіе и сельскіе поны все меньше и меньше дѣлались тѣмъ, тѣмъ надлежало имъ быть, обращали спасительное дѣло церкви въ простое ремесло, а невѣжество ихъ было таково, что иногда они читали въ церквахъ подсуную имъ книгу свѣтскаго новатора, какъ твореніе святыхъ отцовъ, часто бывали неграмотны вовсе, а еще чаще дѣлались постоянными посягателями кабаковъ, забывая о церкви.

Купля и продажа хлѣбовъ духовныхъ началась у насъ, по всей вѣроятности, еще во времена татарскаго владычества. При Сигизмундѣ III онѣ принесли свои вредные плоды. Верховная власть константинопольскаго патріарха надъ намию церковью существовала только по имени. Подавленные своими іерархическими смутами подъ мусульманскимъ верховенствомъ, восточные патріархи не появлялись въ нашемъ пустынномъ краѣ лично, затруднялись даже присылать къ намъ своихъ уполномоченныхъ. Некому было входить въ положеніе церковныхъ дѣлъ, не къ кому было обращаться съ жалобами на повсемѣстныя злоупотребленія духовнымъ саномъ. Наме малорусское православіе, наме „древнее русское благочестіе“ въ Польшѣ представляло опустошенныя, падающія въ развалины церкви, возмутительный бытъ духовенства высшаго, невѣжество, убожество и беззаботность о церкви низшаго, наконецъ, какъ это естественно, унадокъ доброй правдивости у мірянъ всякаго состоянія, отъ магната до хлѣбороба. Въ народной массѣ водворился развратъ, которому изумлялись даже иноземные наблюдатели. Хранигельныя узы родства, семьи и женской стыдливости до того ослабѣли тогда въ нашемъ простонародьѣ, что, казалось, будто бы въ немъ исчезла всякая совесть.

Лучшіе между насъ люди, видя, что такъ называемое благочестіе не заключало въ себѣ ничего спасительнаго, начали искать спасенія общественной правдивости за предѣлами восточнаго патріархата, и раздѣлялись въ своихъ замыслахъ на двѣ партіи. Одни, послушавшись нѣмецкихъ нововѣрцевъ, склонялись къ тому, чтобъ отречься преданій родной старины церковной, а другіе, видя сравнительно по-

рядочную жизнь католиковъ, готовы были признать главенство римскаго папы и соединить національную церковь съ латинскою. Греческая вѣра, казалось, падала въ Малороссіи сама собою, яко несостоятельная. Нѣкоторые надѣялись еще, что ее поддержать въ ея упадкѣ богатый, славный и приверженный къ православію домъ князей Острожскихъ. Но могущественные папы Острожскіе одной рукою поддерживали предковскую церковь, а другую подрывали.

Они были потомки Изяслава, и происходили отъ туровско-нишскихъ Рюриковичей. Новые послѣ Татаръ обладатели паней Русской земли, Литвины оставили за Острожскими, какъ и за другими князьями, нѣкоторые изъ ихъ древнихъ правъ, и приниженымъ Рюриковичамъ было такъ хорошо подъ Гедимновичами, что они больше коренной Литвы противились Ягайловскому соединенію Великаго Литовскаго Княжества съ Польскою Короною. Когда Ягайло сидѣлъ уже на королевскомъ престолѣ, и тогда еще они, заодно съ его братьями, пытались отдѣлать отъ Польши Литву. Но смерти Ягайла, князь Василій Оедоровичъ Острожскій отговаривалъ литовскаго великаго князя Казимира Ягайловича принимать отцовскую корону, а когда это ему не удалось, онъ вступился за литовское право и домогался, чтобы Польша считала Литву не подначальною, а равною себѣ державою, и возвратила бы ей Лопатинъ, Бельзъ, Подолію и другія земли, которыя при Ягайлѣ захватила подъ свою юрисдикцію.

Знаменемъ спора литовскихъ патриотовъ съ польскими обыкновенно выставялась русская церковь, у которой Римская курія отнимала постоянно одинъ духовный хлѣбъ за другимъ. Чѣмъ больше латинская церковь выманивала у короля русскихъ бенефицій, тѣмъ громче приверженцы Литвы отзывались за обиженную церковь малорусскую. Папскіе нунціи старались между тѣмъ разъединить православныхъ русскихъ вельможъ. Но смерти князя Василія Оедоровича, имъ удалось раздѣлить и самый домъ Острожскихъ. Младшая линия этого дома, титуловавшаяся князьями Заславскими, искусплась какими-то личными интересами, и перешла въ католичество. Но зато старшая, которой представителемъ былъ князь Константинъ Ивановичъ, еще больше возревновала о русскомъ благочестіи предковъ своихъ. Напрасны были все проски римскихъ политиковъ, направляемыхъ легатомъ Пизономъ. Не отклонялся Константинъ Ивановичъ ни въ какомъ обрядѣ отъ родной вѣры, созидалъ храмы, поддерживалъ древніе монастыри и защищалъ всѣхъ, кого тѣснили паписты. Папскій легатъ Пизонъ всю надежду свою окатоличить Малороссію возлагалъ на при-

влеченіе князя Константина къ римской вѣрѣ, по его чаянію было напраснымъ.

И въ самомъ дѣлѣ стойкость Константина Ивановича Острожскаго значила много для нашей Руси, уже поколебленной въ своей національности. Будучи обладателемъ громаднхъ имѣній, явился онъ и великимъ воиномъ. Отъ конца XV столѣтія до 30-хъ годовъ XVI-го, князь Константинъ, титулуясь литовскимъ гетманомъ, охранялъ границы королевства отъ Москвы, Татаръ и Волоховъ такъ могущественно, что король Сигизмундъ I устраивалъ ему триумфальныя вѣзды въ Вильно^и и въ Кіевъ, чего никогда еще не бывало. Подъ его начальствомъ и руководствомъ образовалось первое извѣстное въ исторіи дѣйствующее казачество, заслужившее у современниковъ славу „великихъ и безуречныхъ Геркулесовъ“, — казачество шляхетское, въ которомъ гетманшии герои наны и князья, какъ объ этомъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Онъ оставилъ по себѣ наилучшую память въ обществѣ польскихъ и русскихъ рыцарей. Былъ онъ храбрѣйшимъ между своими сподвижниками и справедливѣйшимъ въ дѣлахъ военной добычи. Съ пльшниками обходился по-христіански; давалъ къ себѣ доступъ самому мелкому просителю, и награждалъ заслуги своихъ соратниковъ такъ щедро, какъ никто.

И было у него довольно средствъ для такой щедрости. Паслѣдственными владѣніями свои увеличилъ онъ брачнымъ союзомъ съ двумя древними малорусскими домами. Онъ былъ женатъ сперва на Татьянѣ, единственной дочери Симеона Олежковича, князя Олышанскаго, и Пастасіи, княгини Эбаражеской, а въ другой — на Александрѣ, дочери Симеона, князя Слуцкаго. Сигизмундъ I пожаловалъ ему староства Брацлавское, Вишницкое и Луцкое, каштелянство Виленское, воеводство Троцкое. Кромѣ того, онъ былъ маршаломъ земли Волинской, а за оборону литовскихъ границъ получилъ отъ Сигизмундова предшественника короля Александра, замокъ Дубно.

По смерти Константина Ивановича (1533), два сына его, Илья и Константинъ-Василій, однимъ тѣмъ, что назывались князьями Острожскими, поднимали національный духъ Южной Руси. Ихъ домъ былъ устоемъ и средоточіемъ того, что уцѣлѣло отъ религіознаго и племеннаго нашего единства съ Русью Сѣвѣрною, со времени татарскаго владычества. Но недолго жить послѣ отца старшій братъ, Илья. Представителемъ широко прославленнаго дома остался одинъ только князь Острожскій, Константинъ II, иначе князь Василій, и было ему тогда всего шестнадцать лѣтъ.

Не удивительно, что молодой магнатъ внималъ и давалъ вѣру не столько тому, кто говорилъ правдиво, сколько тому, кто говорилъ убѣдительно. Распространившаяся тогда мода пововѣрства не миновала довѣрчиваго юноши. Но противникамъ поваторовъ, Римлянамъ, не трудно было дискредитировать у него такъ называемую нѣмецкую науку вѣры въ пользу грандіозной церкви, которой первосвященникомъ былъ не патріархъ, подвластный повѣрному Турку, а государь государей, земной намѣстникъ небснаго царя. Вообще, кто разъ отпадалъ у насъ на Русь отъ древней греческой церкви, тотъ уже не возвращался къ ней искренно, потому что католики, опровергая пововѣрство, тѣмъ самымъ обнаруживали мракъ, лежавшій надъ восточнымъ вѣроученіемъ, и „грубіяństwo“, отличавшее палихъ духовныхъ. Такъ было и съ юнымъ княземъ Острожскимъ. Въ 1550 году женили его на дочери католика, королеваго гетмана Тарновскаго, и этимъ актомъ сдѣлали то, что домъ Острожскихъ, который былъ для Римской куріи „вратами адовыми“, сдѣлался для нея вратами райскими. Въ эти ворота, отворенныя, какъ увидимъ, черезъ полвѣка съ небольшимъ пастежъ, всѣ владѣнія и клѣпты князей Острожскихъ, такъ точно какъ и Заславскихъ, изъ-подъ власти православныхъ перешли подъ власть католиковъ.

Князь Константинъ-Василій Константиновичъ, котораго наши историки изображаютъ „святопамятнымъ“, какъ и современные панегиристы, былъ именно тотъ, кто отворилъ пастежъ католичеству наши послѣднія оборонныя ворота на гибель Польши и его собственнаго дома съ нею. Первородный сынъ его, Янушъ, унаслѣдовавшій всѣ его владѣнія, по повѣишимъ польскимъ изслѣдованіямъ, *spolszszal, jeszcze w kolebce* *), такъ какъ вмѣстѣ съ католичкою Тарновскою, въ православный домъ князя Василя перешелъ и духовникъ ея, извѣстный апостолъ католичества въ Малороссіи, іезуитъ Петръ Старга. Между тѣмъ православникамъ казалось, что сынъ знаменитаго литовскаго гетмана стоитъ на стражѣ древнерусской церкви и не такого закала была эта личность.

Славный отецъ приготовилъ князю Василю вліятельное положеніе среди можновладчиковъ, но онъ пользовался своими преимуществами, какъ эгоистъ. Еще при Сигизмундѣ Августѣ сочеталъ онъ, изъ корыстныхъ видовъ, насильственнымъ бракомъ съ княземъ Сапушкомъ сироту и паслѣдницу своего брата Пльи, опекуномъ которой былъ самъ король. Князь Василю былъ такъ могущественъ, что его не рѣ-

*) Опоясывая еще въ колыбели.

шлись даже попрекнуть самовольствомъ; но для обороны своего зятя, погибшаго смертїю банита отъ руки своихъ враговъ, не сдѣлалъ онъ ни малѣйшаго шага. Стефанъ Баторїй титуловалъ его *ясно осломожнымаъ*, что значило много въ старой Польгѣ, тогда какъ прочїихъ князей, родственниковъ его, звалъ попросгу *твою вѣрность*, но пачальникъ православїя не проронилъ слова въ зацїгу православныхъ церквей и монастырей, когорые король отдавалъ іезуитамъ. „Новага“ князя Василїя выросла въ Польгѣ до такой степени, что пунціи Спаноччи въ ряду кандидатовъ на корону Стефана, на первомъ мѣстѣ поставилъ князя Василїя, а на второмъ—его сына Януша,—и могущественный изъ можновладниковъ довольствовался только удовлетворенїемъ фамилїной гордости въ своемъ политическомъ значенїи.

Современные историки прославляютъ отца его за тридцать три побѣды надъ Москалями, Волохами и Татарамн, но молчатъ про его собствєнные подвиги, хотя всѣ грамотєи въ тѣ времена были присяжными панскими льстецами. Въмѣсто того, широко распространялись ошн о его богатствѣ и не находили лучшей похвалы его величїю, какъ тотъ фактъ, что онъ какому-то высокому сановнику платилъ 70,000 злотыхъ ¹⁾ за то, чтобъ онъ два раза въ годъ стоялъ у него за снпной во время торжественнаго обѣда. Пишуть еще, что у него въ домѣ толнилось безчисленное множество гостей, но не упоминають, какая вѣра или національность была здѣсь наилучше представляема. Толкались у него и монахи аюонцы, апостольствовали въ его сборнщахъ и іезуиты, находили щедрое гостепрїимство и протестанты всѣхъ сектъ, не исключая и арїанской. Въ XVI вѣкѣ вошло въ обычай, сдѣлалось модою и страстью вести релнгіозные диспуты. Поэтому знатные паны поклоняли ухо ко всякой ораціи, слушали диспуты, точно концерты; а проповѣдники старыхъ и новыхъ вѣроученїй стекались къ панему малорусскому магнату, въ надеждѣ привлечь его къ своей вѣрѣ. Между тѣмъ люди глубокаго ума или великаго энтузіазма, собираясь въ богатомъ домѣ для разумной бесѣды, не находили въ самомъ меценатѣ подготовки для пониманїя своего выработаннаго долгимъ трудомъ слова, и забавляли его, какъ ребенка, не научая ничему. У князя Константина II Острожскаго можно было видѣть и строгїя лица нѣмецкихъ реформаторовъ, которыхъ, за предѣлами свободной Польши, сожигали на кострахъ, и рядомъ съ ними повседневыя фигуры панскихъ потѣшниковъ, которые зарабатывали свой пасуный хлѣбъ смѣхотворствомъ. Тутъ проживали изгнанные панистами ректоры итальянскихъ

¹⁾ Злотый стоялъ тогда разъ въ двадцать больше нынѣшняго.

университетовъ, и тутъ же важную роль игралъ знаменитый Богданко Обжора, который съѣдалъ за десятерыхъ, пилъ, какъ верблюдъ, и никогда не напивался допьяна.

Князь Василій, какъ его называли въ Москвѣ и въ Турціи, пользовался широкою славою своего отца на Руси, но поддерживалъ ее только тѣмъ, что былъ доступенъ для каждаго ревнителя древняго благочестія и давалъ его поборникамъ подачки на печатную прю съ его притѣснителями. Но и представители другихъ вѣръ находили въ немъ такую помощь, что одни ревнители католичества посвящали ему свои сочиненія, а другіе объявляли его, если не схизматикомъ, то еретикомъ и даже атеистомъ. Это потому, что въ дѣлахъ вѣры и церкви князь Василій безпрестанно переходилъ изъ одного лагеря въ другой, и никто не зналъ, которому лагерю онъ усердствуетъ наиболѣе. Титулуясь по наслѣдству протекторомъ русской церкви, онъ въ свой славный древнимъ благочестіемъ домъ ввелъ, какъ мы видѣли, жснупаществу съ ея католическимъ почтомъ, и своего первенца дозволилъ іезуиту окрестить по обряду римской церкви; а потомъ выдалъ любимую дочь свою, Катерину, за предводителя литовскихъ протестантовъ, князя Криштофа Радзивила (по польски Радзивила), прозваннаго Перуномъ, когда же онъ овдовѣлъ, немедленно выдалъ за него и другую дочь, Елизавету. Но, чтобы не оттолкнуть огь своего дома православниковъ, сына своего Александра держалъ онъ въ той вѣрѣ, отъ которой не отрекался и самъ. Между тѣмъ Сигизмунду III, „арому католику“, онъ угождалъ такъ много, что тотъ князя Януша сдѣлалъ краковскимъ каштеляномъ, а князя Александра—волынскимъ воеводою. Самъ же князь Василій давно уже былъ воеводою кievскимъ и маршаломъ Земли Волинской. Такъ всѣ три религіозныя партіи, сохранявшія въ Польшѣ политическое равновѣсіе свое, считали князя Василія принадлежащимъ къ своему лагерю, и каждая должна была заискивать его благосклонности, боясь перевѣса стороны враждебной. Какъ онъ старался, чтобы его всѣ называли протекторомъ русской церкви въ Польшѣ, показываетъ намъ хвала его имени, которую монахи и попы разносили всюду, отъ Острога до Кіева, отъ Кіева до Москвы, отъ Москвы до Царьграда и Аѳона. А какъ онъ былъ неспособенъ къ своей величавой роли, это мы видимъ изъ того, что онъ, представляя изъ себя непоколебимаго православника, держался за полу литовскихъ протестантовъ.

Когда съ новой христіанской науки сошла первая пѣна, многіе послѣдователи Лютера и Кальвина увидѣли, что, уничтожая древніе обычаи и святилища, не распространяли они въ народѣ реформиро-

ваннаго христіанства, а дѣлали изъ этого народа только языческую толпу передъ покинутыми христіанскими храмами. Ученые и наблюдательные нововѣрцы, такіе какъ Радивилъ Черный, пришли къ тому убѣжденію, что народъ нашъ можно вывести на добрый путь лишь улучшеніемъ его нравственности посредствомъ научныхъ знаній. Радивилъ Черный первый изъ Литво-Русичей основалъ у себя типографію, и въ 1563 году напечаталъ первый польскій переводъ Библіи. Онъ первый началъ заводить въ своихъ городахъ и селахъ школы, а домъ свой сдѣлалъ подобіемъ академіи, составленной изъ ученыхъ Поляковъ, „Руснаковъ“ и чужеземныхъ выходцевъ. Князь Василій тѣмъ же порядкомъ заводитъ у себя, въ городѣ Острогѣ, школу, типографію, даетъ въ своемъ домѣ пристанище грекославянскимъ библистамъ и печатаетъ Библію церковнославянскую. „Оттого, что у насъ нѣтъ наукъ, великое грубіанство въ нашихъ духовныхъ умножилось“, пишетъ онъ съ голоса протестантовъ, и приближенные къ нему люди вмѣсто того, чтобы поддерживать русское православіе, каково бы оно ни было тогда въ нашемъ обществѣ, поддерживаютъ въ мѣщанскихъ муниципіяхъ духъ протестантскій.

Мѣщанскія муниципіи появились у насъ въ Южной Руси подъ руководствомъ Нѣмцевъ. Бытовой механизмъ этихъ мѣщанскихъ республикъ выработался по общинному праву города Магдебурга. Но, до появленія въ Польгѣ іезуитовъ, муниципальное нѣмецкое право дѣйствовало въ Малороссіи мало. Мало кто и обращался къ нему въ мѣщанскихъ республикахъ. Оживила его и поставила на ноги протестантская проповѣдь, въ борьбѣ съ іезуитскою. Подъ вліяніемъ германскихъ воспитанниковъ, польскорусскихъ пановъ, мѣщанскія *братства* или *цехи*, заговорили языкомъ магдебургскаго самоуправленія.

Братства и цехи существовали у насъ издавна, какъ союзы ремесленниковъ и купцовъ въ родѣ нѣмецкихъ *брудершафтовъ*. Теперь смѣшались они съ давнишними братствами церковными, и поставили церковные интересы свои подъ знамя вѣры. Церковныя братства, заботившіяся прежде о поддержкѣ храмовъ и вспоможеніи убогихъ людей по древнему христіанскому преданію, вводили теперь у себя церковный самосудъ и составляли себѣ права по образцу нѣмецкихъ муниципальных общинъ. Мало было уже для нихъ церковнаго благолѣпія да милосердія къ бѣднымъ: по примѣру протестантовъ, они вмѣшиваются въ дѣла своего духовенства и въ управленіе самой іерархіи. Были и прежде такіе случаи, что мѣщане жаловались королю на своихъ архіереевъ за обдиранье поповъ и притѣсненіе прихожанъ. Но въ тѣ времена они еще мало вникали Нѣмцамъ, которые безпре-

станно переселялись въ Польшу и въ польскую Русь, угрожаемые терроромъ со стороны латинскаго духовенства, и вносили въ польско-русскую среду свой реформаціонный взглядъ на пастырство человѣческихъ душъ. Теперь нѣмецкій протестантскій образъ мыслей распространялся у насъ во всѣхъ церковныхъ братствахъ, которыя ничѣмъ уже не отособлялись отъ ремесленныхъ цеховъ и купеческихъ корпорацій. Насколько малорусская церковь походила своими вѣрованіями и обрядами на римскую, настолько надобно было ждать въ ней и реформы, постигшей римскую церковь вездѣ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ самой Польшѣ. Мѣщане перестали видѣть въ своемъ духовенствѣ руководителей въ разумнѣйшій Священнаго Писанія, перестали вѣровать въ благодать рукоположенія и смѣло заявляли опеку церковнаго братства надъ рукоположенными.

Такая реформація понятій о церкви выразительнѣе всего проявилась въ Львовѣ, многолюднѣйшемъ городѣ послѣ Вильны, столицы южнорусскаго протестантства. Подъ конецъ XVI столѣтія, восточные патріархи утратили уже у Турокъ тершимость, которую относительно христіанъ ввелъ было среди нихъ мудрый завоеватель Константинополя, Магометь II. Подкунался одинъ подъ другого, верховные наши первосвященники сами учили мусульманъ увеличивать все больше и больше наложенную на христіанскія патріархества дань. Начали Турки тѣснить ихъ въ церковныхъ имуществахъ и церквѣдко обращали христіанскіе храмы въ магометанскія мечети. Претерпѣвая такое поруганіе, восточные патріархи не могли держать себя такъ строго относительно подвластныхъ имъ въ церковномъ управленіи народовъ, какъ держалъ себя первосвященникъ римскій. Тѣснила ихъ нужда; подкунались подъ нихъ пройдохи; теряли они, въ борьбѣ за свой санъ, чувство архинастырскаго достоинства. Поэтому подписывали бываю подаваемые имъ отъ нашихъ церковныхъ братчиковъ грамоты, не зная даже, что въ нихъ написано. И вотъ, одною изъ такихъ покушныхъ грамотъ предоставили они львовскому братству наблюденіе за благочестіемъ и порядкомъ всей русской церкви въ Польшѣ, съ тѣмъ что, еслибы и епископъ въ чемъ-либо поступалъ недостойно, то братство должно было смотрѣть на него, какъ на врага истины и противиться его распоряженіямъ. Въ другихъ патріаршихъ грамотахъ говорилось прямо, что названнос братство на вѣчныя времена не обязано было подчиняться никакому духовенству,—ни митрополичьему, ни владычьемъ, ни иному духовному начальству, суду и благословенію, кромѣ патріаршей константинопольской касседры. За нарушеніе такой привилегіи патріархъ

посылалъ нашимъ архіереямъ строгіе выговоры, похожіе на папскіе breve, и не обинуясь угрожалъ имъ отлученіемъ отъ церкви.

Между тѣмъ протестанты такъ усердно заботились о нашихъ братствахъ, что снабжали ихъ школы собственными наставниками, а малорусскія типографіи учеными распорядителями. Отсюда произошло удивительное, но не замѣченное нашею исторіографіею явленіе: что тогдашняя малорусская полемика выставляла на всенародное негодованіе имена вельможныхъ пановъ, совратившихся въ католичество, и совершенно игнорировала такихъ людей, какъ Радивилы, Ходкевичи, Вишневецкіе, Дорогостайскіе, Немиричи, Пузины и т. д., которые пренебрегли вѣрою православныхъ предковъ своихъ и подѣлались лютеранами, кальвинистами, аріянами и другими нововѣрными сектантами. Протестанты прикрывались въ этомъ дѣлѣ „повагою“ князя Василія и напечатали для нашего употребленія столько неортодоксальныхъ книгъ, что, спустя много лѣтъ по смерти престарѣлаго Острожскаго, съ одной стороны митрополитъ Петръ Могила очищалъ православныя церкви отъ книгъ, подготовлявшихъ насъ къ новаторству, а съ другой прозелиты римскаго католичества вырывали такія книги изъ рукъ у невѣжественныхъ малорусскихъ поповъ.

Въ самый разгаръ борьбы православниковъ съ церковною униєю, изъ острожской типографіи вышла написанная протестантомъ отъ имени „людей древней русской религіи“ книга „Анокрисисъ“. Въ этой книгѣ проповѣдывалось: что „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище состоящее изъ однихъ епископовъ“; что „между мірянами много бываетъ благочестивыхъ людей, которые одною своею простотою могутъ дѣлать многое“; что между ними „много бываетъ ученыхъ, которые гораздо умнѣе епископовъ“; что „простому мірянину и безъ посвященныхъ, лишь бы только онъ зналъ Писаніе, надобно больше вѣрить въ поученіяхъ, нежели самому папѣ“, и тому подобное.

Предводители малорусскаго протестантства, соединенные съ княземъ Василюмъ узамы дружбы и родства, видѣли, можетъ быть, въ немъ поваго Фридриха Саксонскаго, который, не выступая открыто за реформацію, отъ всего сердца покровительствовалъ ученію Лютера. Но политическій и церковный эквилибристъ, князь Василій, обманулъ ихъ надежды, такъ точно какъ и надежды православниковъ.

Еще въ 1577 году, ему, какъ высшему авторитету малорусской вѣры, посвятилъ іезуитъ Скарга книгу, которая доказываетъ: будто Греки отступили отъ единства Божіей церкви; будто русская церковь, подначальная восточнымъ патріархамъ, не имѣетъ будущности, и будто передъ нею одинъ только путь—соединиться съ церковью римскою.

Съ того времени іезуиты не переставали долбить мертвый умъ такъ называемаго Начальника Русскаго Православія, какъ водяная капля долбить камень, и, подобно протестантамъ, окружали князя Василія своими людьми.

Въ числѣ избранныхъ особъ, съ которыми князь Василій бесѣдовалъ наединѣ, были два агента іезуитской факціи, Кирилль Терлецкій и Ипатій Потѣй. Каждый изъ нихъ происходилъ изъ знатнаго панскаго дома, и оба считались „головами не малыми“ среди православниковъ. Терлецкій былъ сперва протопопомъ въ Шинскѣ, а съ 1585 года, по протекціи князя Василія, король сдѣлалъ его владыкою луцкимъ и острожскимъ; а Потѣй, будучи родственникомъ князю по женѣ, получилъ мѣсто брестскаго каштеляна, а въ 1593 году сдѣлалъ его владимірскимъ владыкою. Они пользовались свободнымъ доступомъ къ „верховному хранителю и защитнику православной церкви“, какъ величали князя Василія духовные панегиристы, и при всякомъ удобномъ случаѣ преподавали ему, точно катихизисъ, тѣ мысли, которыя іезуитъ Скарга высказалъ въ посвященной ему книгѣ. Могущественный князь не оспаривалъ того, что церковная унія дѣло спасительное, а собесѣдники распространяли благосклонныя слова его въ обществѣ и настраивали общественное мнѣніе такъ, какъ того желали католическіе клерикалы. Но, зная, какъ зыбокъ Начальникъ Русскаго Православія въ своихъ намѣреніяхъ, и видя его тѣсную дружбу съ протестантами, не смѣли открывать ему всѣхъ своихъ замысловъ, а вели дѣло такъ, чтобы поставить его въ невозможность противодѣйствовать имъ. Король Сигизмундъ III поощрялъ тайкомъ обоихъ епископовъ своими милостями и обезпечивалъ своею властью. Въ заговорѣ съ ними былъ и Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, воспитанный въ іезуитской школѣ высшихъ наукъ и приготовленный къ предстоящей ему роли заблаговременно. По этотъ не высказывался вовсе, и держалъ себя неопредѣленно между папистами и православными, какъ и самъ князь Василій. Прочихъ малорусскихъ архіереевъ приготовляли іезуиты къ отступничеству обѣщаніемъ королевскихъ пожалованій. По православныхъ іерарховъ, сравнительно съ католическими убогихъ, не столько прельщали бенефиціи и даже обѣщаніемъ засѣданіе въ „сенаторской лавницѣ“, какъ то, что соединеніе съ католиками подъ верховною властью римскаго папы освободитъ ихъ отъ вмѣшательства въ духовныя дѣла свѣтскихъ пановъ, которые, въ качествѣ патроновъ, держали высшее духовенство, какъ и низшее, въ полной отъ себя зависимости и, вписываясь въ братства подъ именемъ старшихъ братчиковъ, передавали письменно свой автори-

тетъ браичикамъ младшимъ, а младшіе братчики, будучи торгашами, чеботарями, воскобойниками и т. п., верховодили въ церковной іерархіи на основаніи купленныхъ у константинопольскаго патріарха грамотъ.

Терлецкій и Потѣй не разъ писали къ князю Василю, совѣтуясь, какъ бы великое и спасительное дѣло церковной уніи довести до конца безъ особенной тревоги въ обществѣ, наконецъ повернули круто, и въ 1595 году, получивъ отъ короля субсидію, отправились въ Рвмъ просить папу отъ имени „всѣхъ христіанъ“ простереть свое главенство и на Русь. Этотъ поступокъ оскорбилъ князя Василя смертельно. Возненавидѣвъ унію, которую до сихъ поръ лелѣялъ, какъ практикъ-эквилибристъ, онъ отправилъ посла на протестантскій съѣздъ въ Торнѣ, и въ инструкціи послу написалъ такія угрозы королю и католической шляхтѣ, какъ будто готовился идти на нихъ войною. Инструкція какимъ-то случаемъ очутилась въ рукахъ у короля. Вельможный защитникъ православія испугался своей смѣлости, и далъ королевской партіи тѣмъ легче довести дѣло церковной уніи до конца.

Въ октябрѣ 1596 года, въ городѣ Берестѣ, или Брестѣ, который въ Москвѣ называли Литовскою Брестью, собрался синодъ изъ представителей греческой и римской вѣры. Много было говору и крику между православниками и въ самомъ Берестѣ, и по всей польской Руси. Думали, что князь Василій, обладавшій милліонами наличныхъ денегъ, являвшійся на варшавскій сеймъ съ артиллерією и многочисленнымъ войскомъ, имѣвшій возможность призвать къ оружію десятки тысячъ своихъ подданныхъ и вассаловъ, думали, что онъ и совершить въ самомъ дѣлѣ что-то чрезвычайное на защиту вѣры знаменитыхъ предковъ своихъ. Но „верховный хранитель и защитникъ православной церкви“ не въ силахъ былъ оборонить даже берестовскихъ поповъ и мѣщанъ, которые, въ упованіи на его могущество, выступили противъ королевской партіи съ такими смѣлыми рѣчами, что ихъ посажали въ тюрьму и объявили банитами. Еще больше посрамилъ себя „святопамятный“ тѣмъ, что, пригласивъ на соборъ протопотарія константинопольскаго патріаршаго престола, Никифора, допустилъ противной партіи сдѣлать изъ него турецкаго шіона и посадить въ маріенбургскую крѣпость, гдѣ онъ и скончался. Титулъ протектора русской церкви посилъ Острожскій изъ одной папской гордости да для острастки своихъ политическихъ противниковъ. Но, когда они показали, что не боятся той Руси, которую онъ якобы представлялъ въ своей особѣ, тогда онъ сдѣлался настолько смиреннымъ и бессильнымъ, насколько прежде казался гордымъ и могу-

щественнымъ. Борясь до упадка съ утвержденною уже и обнародованною королею унією, львовскіе мѣщане спрашивали у него, что же имъ наконецъ дѣлать? и князь Василій отписалъ имъ: „Терпѣть, терпѣть и терпѣть“.

Такъ исчезла надежда православниковъ на поддержку со стороны дома Острожскихъ. Такъ низко пало знаменитое начальство этого древняго княжескаго рода надъ нашею церковью. Спустя десятилѣтіе по обнародованіи церковной уніи, въ числѣ православныхъ паповъ не осталось ни одного Острожскаго. Съ другой стороны, протестантское движеніе ознаменовало себя у насъ только тѣмъ, что испуганные церковными братствами іерархи должны были искать у римскаго папы защиты отъ грубаго вмѣшательства мѣщанъ въ церковныя дѣла. Между тѣмъ наши паны, сдѣлавшись протестантами, перестали быть въ глазахъ Русскаго народа Русью, такъ точно, какъ и тѣ, которые обратились въ католичество. Озлобленное папистами духовенство стало указывать на отступниковъ, какъ на своихъ гонителей, и безразлично называло *Ляхами* всѣхъ исполнителей правительственныхъ распоряженій, такъ что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у насъ на Руси синонимами*). Земскіе послы, законодательствовавшіе вмѣстѣ съ королевскими сенаторами на дворянскихъ сеймахъ или вѣчахъ; земскіе и замковые судьи, охранявшіе общественное право; коронныя ополченія, на вербованныя свободно не только въ католическомъ, но и въ православномъ населеніи Польши для отраженія Татаръ и Турокъ, для войны со Шведами и Москвою, все это были у насъ Ляхи. Съ другой стороны, раздраженные русскою закоренѣlostью проповѣдники болѣе человѣчной, какъ они думали, вѣры прозвали православіе религіею волчьею, и потѣшали себя выходками противъ нея школьниковъ своихъ. Но клерикальное дѣленіе нашихъ предковъ на Ляховъ и Русиновъ не осталось достояніемъ одного келейнаго фанатизма. Изъ устъ поповскихъ оно перешло въ сердца мірянъ, и повело къ такимъ комбинаціямъ, въ силу которыхъ задача религіознаго единенія Польши должна была разрѣшиться ся соціальнымъ раздвоеніемъ.

Подъ вліяніемъ іезуитски религіозно проповѣдуемаго единства, идея русской народности до того была наконецъ подавлена въ Малороссіи, что уже князь Василій, отправляя сына въ заграничное путе-

*) Въ тогдашнемъ языкѣ слово *Ляхъ* означали у насъ Русина, отпавшаго отъ православія; исконныхъ же католиковъ называли мы *Поляками*. Поэтому и въ современной московской письменности встрѣчаемъ поставленные рядомъ слова *Ляхи* и *Поляки*, какъ названія не однозначашія.

мѣстѣ, пауцествовалъ его словами: „Помни, что ты Полякъ“. При его наслѣдникахъ, на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ водворилась Польша, или то, что народъ называлъ Ляхвю, и вскорѣ іезуиты раскинули свои преобразовательныя училища отъ Полотска до Червяслава, отъ Ярославъ Галицкаго до Новагорода Сѣверскаго. Ни наука, ни литература, ни высшее общежитіе, ни даже богатство не представляли въ себѣ русскаго элемента. Онѣ держался только тамъ, гдѣ, по невѣжеству, не умѣли говорить и писать по-польски, или гдѣ церковная обрядность не допускала польщизны и латыни. Но именно этимъ отособленіемъ господствующей части Малоруссовъ отъ подчиненной, которое составляло главную заботу іезуитской педагогіи, правительство Рѣчи Посполитой Польской выдвинуло на сцену дѣйствія тѣ силы, которыя обратили въ ничто и темныя интриги Римской куріи въ Польшѣ, и подвиги неучастныхъ къ нимъ, представителей польской народности въ Малороссіи.

Глава II.

Польскіе мѣщане и вольская шляхта. — Земледѣіе и городская промышленность. — Польскорусскіе крестьяне — Столкновеіе европейскаго хозяйства съ азійскимъ — Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ. — Соперничества между мѣщанами и шляхтою. — Колонизація малорусскихъ пустынь. — Украинные города. — Зарожденіе козачества. — Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству — Мысль объ уничтоженіи козачества.

Въ то время, когда іезуиты трудились надъ созданіемъ единой вѣры и единой національности въ составѣ польскаго дворянства, это дворянство обратило свою хозяйственную дѣятельность на извлеченіе доходовъ изъ роскошныхъ пустынь Малорусскаго края, не тропутыхъ плугомъ со времянь Татарскаго Лихолѣтя.

Экономическая сторона польскорусской исторіи сама по себѣ интересна. Въ связи съ событіями, къ которымъ привела польскихъ и нашихъ малорусскихъ пановъ хозяйственная дѣятельность, интересъ ся дѣлается трагическимъ.

Коренная или старая Польша *) дѣлилась весьма выразительно на городскую и сельскую. Городская принадлежала почти исключительно выходцамъ изъ другихъ, болѣе цивилизованныхъ или болѣе безпкойныхъ странъ. Сельская составляла почти исключительную собственность туземцевъ. По наследственнымъ рыцарскимъ понятіямъ, для шляхтича было унижительно заниматься мѣщанскими промыслами и торговлею. Только война да земледѣіе были ему приличны. Съ другой стороны, польскій мужикъ былъ такъ простъ и патріархаленъ, что въ городскомъ быту не могъ выдерживать соперничества съ пришельцами. Остальное состояніе обоихъ этихъ сословій, сравнительно съ обитателями европейскаго Запада и Юга, соединяло нравственныя

*) По ея образу и подобію сформировалась Новая Польша, какъ называли современные польскіе политики нашу Малороссію.

и вещественныя силы ихъ въ нераздѣльную, вольную и невольную предпринимчивость. Намъ, въ качествѣ землевладѣльца, долженъ былъ увеличивать рабочія средства мужика. Мужикъ въ качествѣ звѣролова и помада, интересовался привольемъ и обипрностью панскихъ угодій. Свидѣтельствомъ взаимнаго согласія этихъ двухъ состояній, или естественнаго сродства ихъ до времени Ягайла, служить намъ необыкновенно густое населеніе Краковской, Сендомирской, Мазовецкой, Великопольской и Малопольской земель, почти не увеличившихъ количества своихъ силъ съ XII и XIII столѣтій до XVIII-го.

Это согласіе, имѣвшее, конечно, свои печальныя исключенія, начало нарушаться разными обстоятельствами, вытекавшими изъ той личной свободы, которой искони домогались, которою всего больше дорожила и гордилась польская шляхта. Оттягавъ у своихъ государей существенную часть дрявляго княжескаго права (*ius ducale*), по не развитіи общественности въ соотвѣтственной степени, сарматскіе землевладѣльцы не умѣли водворить миръ и порядокъ въ своемъ привилегированномъ сословіи, дѣлали взаимныя захваты земли, полевыхъ урожаевъ и всякаго иного имуществва, а стѣзжаясь на свои сеймы, или вѣча, превращали ихъ въ такія побоища, какими отличалось вѣчное время папихъ удѣльныхъ князей и ихъ дружинниковъ. Отсюда у „низшей шляхты“, или мелкихъ дворянъ, возникъ обычай „отдавать себя подъ папскій щитъ“, то есть собираться вокругъ воинственнаго землевладѣльца и общими силами домогаться боеваго правосудія, а у людей побогаче или позавзятѣе—выставлять свой щитовой гербъ, называвшійся *прокламоу*, иначе *азывомъ*, и обязывавшій всѣхъ родныхъ и всѣхъ принявшихъ тотъ же гербъ въ знакъ союза, или „клейпотничество“, являться на кличъ своего предводителя. Обычай этотъ имѣлъ то практическое значеніе, что воинственные и предпринимчивые шляхтичи, съ помощію своихъ вассаловъ, увеличивали послѣдственныя имѣнія свои или фактическимъ захватомъ, или перевѣсомъ вооруженной силы на судебномъ вѣчѣ. Наконецъ, и безо всякихъ неправдъ, поди съ характеромъ гордымъ должны были заботиться о крупности своего землевладѣнія и увеличеніи доходовъ своихъ для того, чтобы не сдѣлаться игралищемъ загребистаго сосѣда. Имѣнія и доходы увеличивались, какъ исходатайствованіемъ у короля пожалованій и особыхъ привилегій, такъ и покупкою земли у мелкихъ владѣльцевъ, которые предпочитали продать свои ланы и лѣса одному шляхетному „дукъ“, нежели видѣть ихъ присвоенными другимъ.

Такъ, въ отдаленныя времена, было положено начало польскому *можновладству*, или вельможеству, которое, въ видахъ сохраненія меж-

ду нами политическаго равновѣсія, образовало въ Польшѣ нѣсколько десятковъ удѣльныхъ княжествъ, подъ названіемъ панскихъ добръ, ключей, волостей, и подѣлило шляхту на нѣсколько вассальствующихъ партій. По свидѣтельству Длугоша, уже въ XII вѣкѣ было въ Польшѣ семьдесятъ такихъ панскихъ домовъ, которые „поднимали щитъ“ отъ собственнаго имени и, пренебрегая, въ сознаніи силы своей, именемъ *шляхтичей*, называли себя *панями*.

Черевѣсъ на ту или другую сторону босовой силы и достатковъ борющихся землевладѣльцевъ побуждать крестьянъ неребѣгать къ тому пану, у котораго было имя побезопаснѣе и попривольнѣе. Такъ какъ было бы напрасно требовать отъ сосѣдей, чтобъ они не прини- мали къ себѣ неребѣжчиковъ, то шляхта уже въ концѣ XIV столѣтія пришла къ необходимости налець законодательными правами своими на крестьянъ, и добилаь того, что вольнымъ до тѣхъ поръ *кметямъ* было запрещено переходить съ мѣста на мѣсто. Въ польскихъ заим- цахъ происходило такимъ образомъ нѣчто подобное верхнему и ниж- нему теченію воздуха. Требованія жизни и быта вельнй крушнымъ землевладѣльцамъ разширять свои имущества на счетъ мелкихъ, и тѣ же требованія побуждали крестьянъ изъ имѣній мелкихъ стремиться гуда, гдѣ было попривольнѣе.

Подобное же движеніе происходило въ Польшѣ и относительно сосѣднихъ племенъ. Смѣшанное населеніе Нѣмецкой Имперіи, томимое феодалными смутами и сознававшее превосходство въ промыслахъ надъ отсталымъ Полякомъ, постоянно выселялось въ полудикую Сар- матію, какъ въ старину сравнительно тихую и обшачивную больше прибыли. Здѣсь, какъ и въ дотатарской Малороссіи, хлопотали издавна о заселеніи городовъ нѣмецкими выходцами, и представляли Нѣмцамъ (какъ называли и нѣмецкихъ Славянъ) сохранять законы и обычаи роднаго ихъ края. Но сельское населеніе смотрѣло на пришельцевъ, какъ на людей печестивыхъ. Въ праздничные дни Нѣмцы устраивали у церквей торги съ кабаками, музыкой, нѣсенями, которыя нарушали чинъ богослуженія и отвлекали молодежь отъ молитвы. При этомъ ре- месленные цехи, всегда враждебные другъ другу, заводили обыкновенно драки, въ которыя вмѣшивали и подносныхъ мужиковъ. Если же послѣ дракъ зашивали мировую, то общее согласіе цеховъ было еще вреднѣе для сельскихъ жителей, чѣмъ ихъ раздоры. Пользуясь коммерческой орга- низаціей своею, мѣщанскіе цехи устанавливали произвольныя цѣны при- возимымъ на рынки товарамъ. Напрасно мѣстные воеводы и старосты публиковали собственный тарифъ; оборона отъ нѣмецкихъ торгашей была не по силамъ для отсталыхъ въ культурномъ пройдошствѣ поселянъ.

Чувство отвращенія сельской Польши къ городской увеличивало еще распущенность семейнаго и общественнаго быта, не виданная ни въ папскихъ домахъ, ни въ селахъ. Было извѣстно, что Нѣмцы, независимо отъ церковныхъ браковъ, заключали новыя браки посредствомъ *облаанья*, то есть попойки, и что этимъ способомъ держали по нѣскольку женъ. Было также извѣстно, что городскіе цехи, называвшіеся братствами, собирались въ свои частныя засѣданія не для разбора дѣлъ, а для безобразнаго бражничанья, которое называлось *Vu-der-bier*. При этомъ, какъ и во время ремесленныхъ работъ, Нѣмцы одѣвались въ такія короткія и странныя одежды, что даже смотрѣть на нихъ считалось непристойностью. Празднуемый же Нѣмцами по-недѣльникъ отличался крайнимъ буйствомъ и распутствомъ, точно языческая вакханалія.

Все это было возмутительно уже само по себѣ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для степенныхъ крестьянъ. Но города, наполненные и организованные Нѣмцами, досаждали Полякамъ еще больше тѣмъ, что заманивали къ себѣ на заработки сельскую молодежь обоихъ половъ, которая, заразившись привычками разгульной жизни, норовила оставить сельскій бытъ навсегда. Каждый дурной членъ сельскаго общества, совершая свои проказы, имѣлъ въ виду укрывательство среди мѣщанъ, подъ ихъ одеждой, дѣлавшей бѣгльца неузнаваемымъ. А хотя бы перебѣжникъ и былъ узнавъ въ городѣ, то польскіе Нѣмцы имѣли обычай не выдавать припелца; въ случаѣ же крайности, сироваживали его въ другой городъ и даже за-границу. Но мѣрѣ того, какъ заграничныя города извергали изъ себя все имъ ненужное, тягостное или вредное въ сельскую Славяницу (ибо не лучшіе, а можно сказать, одни худшіе Нѣмцы переселялись въ Польшу), они изъ сельской Славяницы привлекали молодыхъ людей, поставленныхъ въ необходимость работать имъ за кусокъ хлѣба, то въ видѣ безпріютныхъ бродягъ, то въ видѣ ремесленныхъ учениковъ. Кромѣ того, передъ началомъ каждой жатвы, заграничныя Нѣмцы, чрезъ посредство польскихъ гражданъ, вербовали въ Польшу сельскихъ работниковъ, и подрывали такимъ образомъ сельское хозяйство польское.

Убыль рабочей силы отъ сосѣдства полушѣмецкихъ городовъ и отъ вербовки крестьянъ для заграничныхъ заработковъ заставляла землевладѣльцевъ принимать противодѣйственныя мѣры. На шляхетскихъ сѣздахъ выработался наконецъ законъ, дозволявшій отлучаться въ города и за-границу только тѣмъ членамъ крестьянскихъ семействъ, которые составляли въ нихъ какъ бы излишекъ. Положеніе сельскаго мужика затруднилось, но затруднилось въ соразмѣрности съ тѣмъ, какъ

нарушалъ онъ обязательства своего подданства, первоначально добровольнаго. За невозможностью въ томъ вѣкъ принять мѣры болѣе человѣчныя, одно зло нейтрализовалось другимъ. Оба, соединенныя пуждой, сословія искали выхода изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, и каждое находило его въ томъ, что зависѣло отъ него. Недовольный наномъ мужикъ бѣжалъ къ его сосѣду, или въ городскіе цехи. Обманутый мужикомъ панъ ограждалъ свое хозяйство строгими мѣрами закона.

Когда экономическія дѣла находились въ такомъ натянутомъ положеніи, оба хозяйственные класса, эти, можно сказать, двѣ руки одного и того же промышленнаго тѣла, попали на такой изъ него выходъ, который обѣщаль имъ возстановленіе согласія, нарушеннаго соблазнами грубой свободы. Этимъ выходомъ было заселеніе малорусскихъ пустынь, открывшихся передъ нами послѣ соединенія Литвы съ Польшею, или гражданской уніи, совершившейся въ Люблинѣ 1569 года. Но здѣсь и паны и ихъ подданные встрѣчали новыя препятствія къ экономическому благоденствію.

Землевладѣльцамъ Польской короны въ ся соединеніи съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ открылся просторъ для сбыта сельскихъ произведеній въ портѣ Балтійскаго моря и для устройства землевладѣльческихъ хозяйствъ на обширныхъ пространствахъ, бывшихъ до тѣхъ поръ арсною пограничныхъ наѣздовъ и шибоекъ съ литовскою Русью. Въ бѣдственную для Польши эпоху, когда Литва была еще свирѣбой язычницей, Поляки, содѣйствуя распространенію христіанства и желая развить силы хищныхъ сосѣдей, уступили свое балтійское поморье тевтонскимъ рыцарямъ, яко войнамъ Св. Креста. Тевтоны, или Крыжаки, отплатили за это Полякамъ войнами, заставившими ихъ искать союза съ той же, уже полуправославною Литвою. Результатомъ соединенія двухъ племень въ одно государство было подчиненіе Крыжаковъ польскому владычеству и открытіе свободнаго доступа водою въ Балтійское море. Это море, почти пелужное Польнѣ во времена оны, теперь, съ развитіемъ ся экономическаго быта, вернулось къ ней, словно доходное имѣніе послѣ убогихъ въ своемъ невѣжествѣ предковъ. Панскія добра, облегченныя отъ общественныхъ тягостей привилегіями, стали приносить неслыханныя до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выростали при одиѣхъ и тѣхъ же рабочихъ силахъ, а избытокъ денежныхъ средствъ далъ новое движеніе экономической предпріимчивости. Тогда-то пригодились польскимъ панамъ нетронутыя плугомъ пустыни сосѣдней Литвы, вѣрнѣе сказать—Литовской Руси, сдѣлавшейся Русью Польскою.

Но не вдругъ оправдались надежды польскихъ экономистовъ. Турки давно уже грозили Европѣ завоеваніемъ, и это требовало отъ нея чрезвычайныхъ усилій самосохраненія. Какъ передовой постъ европейской культуры, Польша больше другихъ странъ подвергалась опасности. Уже сынъ Ягайла, Владиславъ III, палъ въ бою съ Амуратомъ II подъ Варною (1414). При его преемникѣ, Казимирѣ IV, подвластные турецкому султану Крымцы уничтожили на Черномъ морѣ принадлежавшій Польшѣ, чрезъ посредство литовской Руси, портъ Кочубей (нынѣ Одесса), который, во времена существованія Византійской имперіи, снабжалъ Царьградъ и Греческіе острова подольскою шкеницею. Литворусскія займища въ устьяхъ Днѣпра и Днѣстра сдѣлались турко-татарскими. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заволовилъ пограничный польско-литовскій городъ, столицу до-татарской Руси, Кіевъ. Черезъ десять лѣтъ отстроилъ Крымцами, по распоряженію Турокъ, Очаковъ, стоящій на польско-русской землѣ, а потомъ и Тегилъ (въ старину, какъ и нынѣ, Бендеры), которую литовскіе государи, въ спорахъ съ ханами, называли своею отчиною. Черноморская торговля русскимъ и польскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто татарской торговлѣ русскими и польскими плѣнниками. Напрасно король Сигизмундъ Альбертъ пытался отнять у Турокъ Волошину или Молдавію, которая, будучи леннымъ владѣніемъ Польской Короны, закрывала Подолію и Черношную Русь, „какъ щитомъ“. Войско его, заведенное предательски въ такъ-называемыя Буковины (непроходимыя лѣса горной Молдавіи), было побито до остатка (1498), и открыло Туркамъ, Татарамъ и перемѣнчивымъ Волохамъ дорогу въ Подолію, откуда пожары и пологи разлились до самаго Львова. Только чрезвычайно морозная зима того года, истребившая десятки тысячъ наѣзди-ковъ, спасла Польшу отъ азіатскаго завоеванія.

При такихъ обстоятельствахъ подвигаться съ хозяйственными займищами къ востоку было дѣломъ не одного экономическаго разсчета, но и рыцарскаго геройства. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія Татары видали не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Вислы, у Сендомира и Опатова. Безопаснѣе былъ отъ нихъ даже Цапановъ, и въ самомъ Краковѣ не разъ бывалъ переполохъ отъ ихъ близости; а въ 1578 году Орда окружила было свадебную компанію князя Василія, праздновавшаго бракъ старшей дочери своей съ Радзивиломъ Черупомъ.

Въ эти времена борьбы съ азіатцами за безопасность панскаго плуга, экономическій бытъ польско-русской республики, называемой Рѣчью Посполитою Польскою, представлялъ замѣчательное противо-

рѣчіе между юридическимъ гнѣвомъ чернорабочаго, пахарскаго класса крестьянъ и фактическимъ согласіемъ его съ органами законодательной власти, землевладѣльцами. Мы читасмъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ дракоповскіе законы о панскихъ подданныхъ, а подъ тѣми же годами находимъ постановленія объ учрежденіи новыхъ повѣтовъ и новыхъ воеводствъ въ украинной Польшѣ, „по причинѣ сгущенія рыцарской людности“ на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ до Царева и отъ Днѣстра до Случи. Рыцарская людность, то-есть шляхетчина, на пограничьи, выставленное противъ азійтскихъ добычниковъ, вила не одна: ее сопровождали тѣ самыя кметы, крестьяне, или подданные, противъ которыхъ на шляхетскихъ стѣздахъ придумывались все болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры.

Это движеніе происходило въ силу давленія можновладцевъ на мелкопомѣстную шляхту, которая, вмѣстѣ съ своими подданными, приходила въ упадокъ по мѣрѣ того, какъ землевладѣльцы крупныя, путемъ получаемыхъ отъ короля привилегій, захвата и подкупа, увеличивали имущества свои. Объединяе, или тѣснимые шляхтичи, вмѣсто того, чтобы дѣлаться слугами и вассалами собратій своихъ, хотѣли въ новыхъ займищахъ, въ дешевыхъ приобрѣтеніяхъ и на заслуженныхъ у короля, или у магната, пустопорожныхъ мѣстахъ, доказать справедливость гордой пословицы: „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ во сводѣ“. Составляя аванпосты польско-русской колонизаціи пустынь отъ Вислы къ Днѣпру, они вели съ собой крестьянъ, лишенныхъ всякой свободы и даже собственности по буквѣ панскаго законодательства, но вели не насильственно. Эти крестьяне были частію бѣглецы изъ сосѣднихъ имѣній, разсчитывавшіе на пустышность пограничнаго края, недоступную для сычиковъ, но частію и такіе подданные, которые смотрѣли на побѣги сельской молодежи и сельскихъ негодяевъ глазами своего напа. Въ обоихъ случаяхъ сближеніе ихъ съ землевладѣльцемъ было не только естественное, но и необходимое. Праздность въ повозапятыхъ пустыняхъ показывалась голодомъ, а недостатокъ повиновенія — пабѣгами Крымцевъ, Погайцевъ и самихъ Волоховъ, которые съ подчиненіемъ азійтскому господству сдѣлались для Полякоруссовъ такими же хищниками, какъ и Татары. Пограничный землевладѣлецъ былъ глава хозяйственной ассоціаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ — предводитель боевой дружины. По существу факта, онъ былъ не столько дѣдичъ новозаселеннаго займища, сколько его завоеватель.

Посредствомъ выселенія шляхты въ украинныя земли, къ старому, или сравнительно старому, краю приросталъ новый, основанный на

томъ же началъ шляхетской вольности, но безъ ея произвольныхъ и вынужденныхъ обстоятельствами злоупотребленій,—край, обѣщавшій быти настолькоъ лучше стараго, насколько колоніи всегда бывають лучше метрополій своихъ. Но Турки, стремясь занять славянскую ночву Европы, въ авангардѣ своего движенія къ западу послали безпощадныхъ опустошителей, Татаръ, которые, зарабатывая свой насущный хлѣбъ грабежомъ и ясыромъ, выжигали опустѣлыя села и покинутую разбѣжавшимися нахарями жатву изъ любви къ дикому простору. Все, что могли предпринять противъ азіатскихъ набѣговъ мелкіе владѣльцы въ своихъ колоніяхъ, оказывалось недостаточнымъ. Свободолюбивые шляхтичи, бредившіе равенствомъ съ магнатами, сами были готовы молить вельможныхъ притѣснителей о принятіи ихъ подъ свой могущественный щитъ. Но шляхетскіе дуки, въ свою очередь, страдали отъ можновладства, которымъ подавляли низшую шляхту. Изпураясь въ борбѣ съ людьми болѣе сильными, или же искусными въ придворныхъ проискахъ, они искали поприща для своихъ талантовъ на окраинахъ польско-русской республики, въ странѣ, которую молва сравнивала съ Индією и Новымъ Свѣтомъ. Они выпрашивали себѣ у короля пожалованіе такъ называемыхъ пустынь, подъ условіемъ защиты ихъ отъ азіатцевъ, а не то—покупали эти пустыни у владѣльцевъ бездѣйственныхъ, или же захватывали по праву сильного; высылали въ опасныя мѣста осадчихъ съ компанією вооруженныхъ людей и съ огненнымъ боемъ; иногда являлись лично въ видѣ королевскаго старосты пограничнаго городка, наиримѣръ Канева или Черкасъ, въ видѣ воеводы такого разореннаго города, какимъ былъ Кіевъ послѣ 1482 года; и этимъ способомъ среди вольной, равноправной шляхты, съ ея свободными подданными, возникало то же самое можновладство, которое томило шляхту въ ея стародавнихъ, исконныхъ осадахъ.

Такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ низшаго порядка полезное постоянно преобладаетъ надъ истиннымъ, а умственное надъ нравственнымъ, то энергію заселенія малорусскихъ пустынь мы должны приписать въ меньшей пропорціи такимъ щедрымъ и милосердымъ людямъ, какимъ былъ отецъ князя Василя, а въ большей такимъ, каковы должны были быть потомки домашняго наѣзника, извѣстнаго въ Польшѣ XIV столѣтія подъ характернымъ прозвищемъ Кроваваго Дьявола изъ Венеціи. И вообще, едва ли мы ошибемся, если поразительные успѣхи экономическаго развитія Польши въ XV-мъ и XVI вѣкахъ будемъ объяснять себѣ не столько умственнымъ превосход-

ствомъ культиваторовъ, сколько ихъ жадностью къ захвату чужаго имущества, дерзостью силы и талатливостью въ дѣлахъ домашняго разбоя. ... Мы знаемъ наиримѣръ, что современнѣйшій гетману Острожскому, князю Константину I, кіевскій воєвода, Юрій Монтовтовичъ, поступалъ съ Печерскимъ монастыремъ не лучше татарскаго баскака. Мы знаемъ, что и ставлещикъ тогдашнихъ придворныхъ пановъ, архимандритъ печерскій, Вассіанъ, былъ не лучше обыкновеннаго Жбиды арендатора, а добродѣтельный по своему вѣку князь Константинъ I Острожскій, при своемъ всемогущемъ значеніи у короля, терпѣлъ Монтовтовича на его важномъ посту и покровительствовалъ Вассіану, не взирая на вторженіе въ монастырь одного и церковное обдирательство другаго. Совокупность подобныхъ явленій заставляетъ думать, что тогдашнему экономисту, достигавшему предположенной цѣли наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, была извѣстна только правда сильнаго падъ слабымъ; что другой правды въ экономическомъ быту тогдашней Малороссіи не знали, а если она иногда и встрѣчалась, то не уважали. И вотъ эта-то грубая первобытная правда управляла польскимъ и нашимъ роднымъ плугомъ въ малорусскихъ пустыняхъ. Она вела впередъ хозяйство, промыслы, торговлю трудными, непроторепными, опасными путями, и насколько умѣла пользоваться ею наша сбродная Русь, настолько приняла участія въ добычѣ земледѣлія, которое было и самымъ выгоднымъ, и самымъ общимъ занятіемъ колонистовъ.

Видя и зная всѣ эти обстоятельства, надобно согласиться, что можновладество, эта антипатичная нашему вѣку и опровергнутая политической экономіей система землевладѣнія, было въ тотъ вѣкъ для шляхетскаго народа единственно возможною хозяйственною системою, которая двигала впередъ колонизацію пустыннаго края, составлявшую необходимость не только для независимой, самодѣятельной, талатливой части польскорусскаго шляхетства, но и для всего составнаго государства. Оно привело Рѣчь Посполитую къ несчастному концу, превращая украинскую шляхту, если не въ вассальную, то прямо въ служилую силу, и вырабатывая въ этой убогой и завязтой шляхтѣ—или предавшихъ магнатамъ людей, или такихъ, которые были способны воспользоваться первымъ случаемъ, для уничтоженія своихъ вѣлможныхъ повелителей; но оно исполнило дѣло свое, защищая столько времени культивированныя области и цѣлыя государства европейскія отъ разлива азіатчины.

Какъ панскіе вассалы, владѣніе сравнительно малыми вотчинами, такъ и панскіе „рукодашныя слуги“, распорядившіеся землями крупныхъ помѣщиковъ, несмотря на всѣ постигавшія ихъ бѣдствія,

шли впередъ мужественно и неуклонно по трудному пути колонизаціи малорусскихъ пустынь. Играя смѣлую роль начальниковъ магнатовскихъ аванпостовъ, они, въ свою очередь, окружали себя служилой боевой силою низшаго разряда. Врожденное высококомѣріе этихъ *наместниковъ* и *офиціалитовъ*, этихъ *осадчихъ* и *губернаторовъ* не уступало панскому. Ихъ идеаль сословной свободы былъ никакъ не ниже панскаго. Гордясь личными подвигами меча и плуга, они такъ точно рвались на волю и просгоръ въ украинныя земли, какъ и тѣ гордые заслугами предковъ магнаты, которые не хотѣли уступить первенства королевскимъ избранникамъ. Воспитанные въ правилъ и обычаевъ гражданственной соподчиненности, они были готовы свергнуть съ себя всякую зависимость отъ благосклонности и власти людей, предвосхитившихъ въ Рѣчи Посполитой поземельную собственность и высокія дигнитарства. Но впереди у нихъ кочевала Орда, слишкомъ сильная для того, чтобъ имъ было возможно не отдавать себя подъ панскій щитъ, не идти къ панамъ въ рукоудайныя слуги, не обезпечивать судьбы своихъ семействъ покровительствомъ чловѣка знатнаго и могущественнаго. Паноръ азіятской дичи консолидировалъ ихъ съ магнатами, наперекоръ древнимъ преданіямъ о шляхетскомъ равенствѣ, нарушенномъ вельможествомъ, и люди, бывшіе притѣснителями мелкопомѣстной шляхты въ одномъ случаѣ, дѣлались ея приближенцемъ въ другомъ. Такъ развивалась въ „Новый Польшѣ“ шляхетчина, заключающая въ себѣ задатки революціи противъ Польши старой.

Что касается панскихъ и королевскихъ подданныхъ, то, каково бы ни было ихъ положеніе въ глубинѣ польско-русскаго края, они не были и не могли быть учтены въ новыхъ слободахъ и хозяйствахъ среди украинныхъ пустынь. Основывая слободу за чертой старопольской и старорусской осѣдлости, паны, или ихъ осадчіе, прежде всего объявляли, что поселенцы будутъ пользоваться въ ней 10-лѣтнею, 20-лѣтнею, 30-лѣтнею, а мѣстами и 40-лѣтнею *волею* или *слободото* отъ всѣхъ повинностей и платежей. Пока не истекалъ условленный между панамъ и ихъ свободными подданными срокъ, господствующему и подчиненному классамъ было необходимо сблизиться на такихъ пунктахъ взаимной услуги или одолженія, которые, съ одной стороны, не допускали суровости землевладѣльческаго нанованія, а съ другой, не слишкомъ низко пагубали нею подданнаго передъ его, какъ называли здѣсь „пана“, *добродѣльцемъ*. Неизбѣжный обѣщаніямъ землевладѣлецъ обуздывался тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя осады, боли, слободы (все это синонимы) основывались безпрестанно въ сосѣднихъ имѣніяхъ; что каждый недовольный могъ туда перебѣжать, а вернуть перебѣж-

чика изъ чужаго имѣнія—значило бы то же самое, что взять его въ плѣнъ путемъ войны съ сосѣдомъ. Война наполеъ съ панами и безъ того шла безпрестанно за взаимныя вторженія въ чужіе предѣлы, и она была мѣриломъ умѣны землевладѣльца приязать къ себѣ подданныхъ. Отъ ихъ численности, отъ ихъ усердія, отъ совпаденія ихъ выгодъ съ выгодами помѣщика зависѣлъ успѣхъ не только хозяйства, но и тѣхъ вѣчныхъ дракъ, которыми сопровождалось опредѣленіе границъ каждаго новаго займища. Поэтому-то, чѣмъ дальше было въ глубь малорусскихъ пустынь отъ центровъ старой шляхетчины, тѣмъ больше измѣнялся характеръ помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній, тѣмъ меньше зависѣло убожество быта отъ подчиненности крестьянина волѣ помѣщика, тѣмъ проще и независимѣе держалъ себя подданный въ присутствіи своего пана.

Разница между внутренними, издавна захитыми частями государства и его пустынными окраинами увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ центровъ польско-русской осѣдлости на ея окраины выходили не одни безпутные, но и самые порядочные, самые даровитые, энергичные представители чернорабочаго класса. Оставшіеся на древнемъ переломѣ, подъ гнетомъ хозяйственной рутины, утрачивали даже идею лучшаго общественнаго положенія, лучшихъ отношеній мужицкой личности къ панской; смирялись молчаливо передъ суровою судьбой своею; корчились безнадежно передъ шляхетскимъ произволомъ, и производили на сторонняго наблюдателя самое тягостное впечатлѣніе.

Не такъ было въ странѣ, носившей неопредѣленное названіе Украины, странѣ колонизуемой съ сѣверо-запада предприимчивыми хозяевами и угрожаемой съ юго-востока чужеродными моадами. Здѣсь панскій подданный видалъ „великаго пана“ рѣдко. Съ мелкимъ же землевладѣльцемъ сблизали его общія для шляхтича и для крестьянина опасности пограничной жизни, а на панскихъ намѣстниковъ, или слугъ, называвшихся въ королевщинахъ, то-есть помѣстныхъ владѣніяхъ, подвосводіями и подстаростіями, смотрѣли почти, какъ равный на равнаго и вольный на вольнаго. Отъ этого малѣйшая прижимка со стороны официалитовъ и арендаторовъ чувствовалась въ Украинѣ, или по-польски *на крѣсахъ*, сильно. По свидѣтельству лучшей изъ мѣстныхъ лѣтописей, здѣшній крестьянинъ, живя въ довольствѣ на просторѣ панскихъ земель и угодій, не пожалѣлъ бы ничего для своего пана, но быстрое обогащеніе панскихъ клѣптовъ раздражало его. При обширности экономическихъ заведеній, разбросанныхъ на большихъ разстояніяхъ, такъ называемые великіе паны не имѣли средствъ регу-

лизовать поведеніе своихъ рукодаинныхъ слугъ и арендаторовъ, которые, выѣстъ съ державою или арендою, получали все права помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣльцевъ надъ подданными. Вотъ почему у малорусскаго поселенина на сердцѣ множество такихъ догадъ и кривдъ, которыя во внутреннихъ, издавна зажитыхъ частяхъ королевства не оставляли по себѣ никакого злонамятства.

Но каковы бы ни были отношенія украинскаго крестьянина къ помѣщику, или его намѣстнику, домовитость пограничнаго быта огражалась на его характерѣ: далеко не такъ рѣзко, какъ его бездомовность. Татарскіе набѣги, превращавшіе обширныя пространства заселенной земли въ безплодную пустыню, весьма часто дѣлали здѣсь человека богатаго убогимъ, семянистаго одинокимъ, осѣдлаго бродячимъ, среди наплыва новыхъ и новыхъ поселенцевъ. Безъ крова, безъ семьи и безо всего, чѣмъ живетъ и веселится нахарь,—чужой для всѣхъ *чужина*, паравиѣ съ безпутными *гультаями*, бродилъ изъ одной слободы въ другую, нища возврата къ тому быту, изъ котораго вышибла его безнощадная судьба, и съ каждымъ годомъ утрачивалъ къ нему способность. Наконецъ попадавъ онъ въ какой-нибудь пограничный городъ, смѣшивался съ мѣщанскою челядью, составлявшею мутный осадокъ не весьма свѣтлой городской жизни, и увеличивалъ массу народа бѣднаго, пьянаго и готоваго на самыя отчаянныя предпріятія.

Въ противоположность украиннымъ селамъ, въ которыхъ властвовали руководители панскаго плуга, украинскіе города были сѣдалищемъ власти королевской. Но они подлежали польскому праву только со стороны *замка*, иначе *городка*, который представлялъ точку опоры сельскохозяйственнымъ колонизаторамъ края. Со стороны *мѣстна*, находившагося въ распоряженіи мѣстичей, или мѣщанъ, города наши подчинялись праву пѣмскому.

Замокъ, или городъ, былъ резиденціею королевскихъ чиновниковъ, съ ихъ вооруженною командою. Онъ посылалъ въ поле сторожевые разѣзды для наблюденія за Татарами. Онъ судилъ и рядилъ *подземчаны*, людей *замковаго присуду*, жителей королевскихъ пригородовъ, которые доставляли ему съѣстные принасы и отбывали урочныя повинности. Онъ взималъ пошлины, по тогдашнему *мыто* и *прѣмыто**) съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Въ извѣстные сроки, называвшіеся *рочками*, въ немъ засѣдали *городскій* (уголовный) и *земскій*

*) Промытомъ назывался штрафъ за уклоненіе отъ платежа мыта.

(гражданскій) суды. Въ немъ же собирались и повѣтовые сѣимки для выбора земскихъ пословъ на центральный сѣимъ.

Совершенно независимо отъ *замковаго уряда* дѣйствовало представительство мѣщанской муниципалитѣти. Главное завѣдываніе городомъ возлагалось въ немъ на *бургомистра*, избиравшагося ежемѣсячно изъ годовыхъ *рангмайствъ*, или *райцствъ*, а судебная власть предоставлялась *войту* и *ласникамъ*, избравшимся на всю жизнь.

Такое самоуправленіе существовало даже въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые не имѣли привилегій на *магдебургію* и находились подъ вѣдомствомъ королевскаго старосты или панскаго губернатора. Оно было введено у насъ нѣмецкими выходцами и составляло противовѣсъ праву *княжескому* (*jus ducale*), иначе *польскому* (*jus polonicum*). Захожіе въ Новую Польшу Пѣмцы, какъ и тѣ, которые водворялись въ старой, чрезъ два-три поколѣнія теряли свою народность и ослабывались, въ силу необходимаго господства мѣстнаго элемента. Но ихъ обычаи въ дѣлахъ торговли, ремеселъ и городской жизни, ихъ отношенія къ сосѣдней шляхтѣ и поселянамъ оставались тѣже самыя, что и въ городахъ старопольскихъ. Та же самая была здѣсь и непріязнь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, выражавшаяся безпрестаннымъ тягачемъ шляхты съ мѣщанами за присвоиваемыя взаимно земли и права. То же самое соперничество существовало между городской и сельскою промышленностью. Такъ же точно города всасывали въ себя и рабочія силы панскихъ селъ, при посредствѣ своихъ цеховъ, шпиковъ и площадныхъ увеселеній. Тѣмъ же самымъ порядкомъ и сельскія власти, вмѣстѣ съ отцами порядочныхъ семействъ, удерживали молодежь свою отъ бѣгства въ мѣщанскія общины.

Города старой, или Привислянской, Польши были первыми сѣдлашицами иноземщины среди Сѣверныхъ Славянъ и первыми вольницами, противодѣйственными интересамъ сельскаго плуга. Города Новой, или Приднѣпровской, Польши, по характеру своего образованія, сохранили фамиліное сходство съ городами старопольскими. Но цеховая вольница украиныхъ городовъ, пользуясь анархическимъ состояніемъ новозаселенныхъ займищъ, развивалась въ своеобразную форму, преобразовалась въ добычное товарищество, раздѣляла мѣщанъ на *послушныхъ* и *испослушныхъ*, то-есть на подчинявшихся повинностямъ и на такихъ, которые, называя себя *вольными людьми*, примыкали къ мѣщанскимъ муниципалитѣтамъ въ видѣ кочевниковъ; наконецъ сдѣлалась извѣстна подъ общимъ именемъ козачества.

Козацкій промыселъ существовалъ на Руси со времяъ Свято-

славовскихъ, принимая по временамъ характеръ защиты Русской земли отъ хищниковъ и представляя въ себѣ постоянное домашнее хищничество. Они были у насъ въ ходу во все эпохи колонизаціи опустошеннаго Батыемъ края, и наконецъ, въ борьбѣ остатковъ Руси съ остатками Кипчакской Орды, позучилъ названіе татарское. *Козакими* у Татаръ назывались воюющіе самовольно добычники, теримые Ордой по невозможности съ ними справиться. Слово *козакъ* въ переводѣ съ татарскаго значить *воръ*. Это не очень лестное названіе было присвоено и добыщикамъ русскимъ, занимавшимъ въ русской общественной средѣ соотвѣтственное, болѣе или менѣе воровское, положеніе. Насколько Москва, Литва и Ляхва имѣли общаго съ ордынскимъ бытомъ на окраинахъ своихъ владѣній, настолько у нихъ развилось и полуазіатское козачество. Это было скопище людей пенокорныхъ, никакаго власти, ни даже отцовской и материнской,—товарищество бѣглецовъ, угрожаемыхъ карою за преступленія, или же такихъ личностей, которыя, вслѣдствіе разныхъ случайностей, были слишкомъ убоги для жизни осѣдлой и слишкомъ строптивы для подчиненія себя людямъ домовитымъ.

Есть основаніе думать, что городъ Черкасы названъ по имени первыхъ его осадниковъ Черкасъ, называемыхъ нынѣ Черкасами, и что эти осадники, давая у себя пріютъ разбойному сброду туземцевъ (которыхъ еще Дитмаръ зналъ съ этой стороны), распространили подъ своимъ именемъ козачество вверхъ и внизъ по Днѣпру. Иначе—Великоруссы, имѣвшіе собственныхъ *козаковъ*, не стали бы называть *Черкасами* козаковъ днѣпровскихъ. Они дѣлали это, очевидно, по старой памяти о томъ времени, когда колонисты Черкасы не слились еще съ туземцами. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, до начала козако-шляхетскихъ усобицъ, днѣпровскихъ и даже днѣстровскихъ козаковъ не смѣшивали въ Польнѣ съ Русскимъ народомъ, какъ и прочихъ кочевниковъ степнаго междурѣчья. Врачъ царя Алексея Михайловича, Самуилъ Коляницъ, называетъ Черкасъ (безъ сомнѣнія, по московскому преданію) племенемъ татарскимъ, а древнѣйшая русская лѣтопись имя Торковъ смѣшиваетъ безразлично съ именемъ Черкасъ. Писавшій по-латыни польскій историкъ Сарницкій, передавая молву о братьяхъ Струсяхъ, удостоенныхъ за свою воинственность гвѣспондній, *quae dicitur russi vocant* *), въ то же самое время говорить о козакахъ, какъ о племени инородномъ. Въ качествѣ посла

*) Которыя Русскіе называютъ думами.

къ мусульманскимъ государямъ, Сарниціи проѣзжалъ не разъ мѣста козацкихъ подвиговъ, двился козацкой отвагѣ, слушалъ козацкіе рассказы объ опасностяхъ добычнаго промысла на торговомъ турецкомъ трактѣ, и однакожь написалъ озадачившія позднѣйшихъ читателей слова, что козаки исповѣдуютъ вѣру турецкую. Все это вмѣстѣ составляетъ предполагать, что только сильный приливъ русскаго элемента въ притоны первобытныхъ днѣпровскихъ козаковъ переродилъ ихъ въ русскихъ людей, подобно тому, какъ исключительно нѣмціи въ началѣ общины такихъ городовъ, какъ Познань, Гнѣзно и Краковъ, переродились въ общины польскія.

Относительно колонизаціи малорусскихъ пустынь, козаки играли роль, напоминающую тѣхъ поддѣпровскихъ номадовъ, которыхъ князья Варягоруссы — то прогоняли въ глубину безлюдныхъ степей, то вербовали въ свои ополченія. Подобно Торкамъ и Берседеямъ, Чернымъ Клобукамъ до-татарскаго періода русской исторіи, днѣпровскіе козаки иногда составляли гарнизоны въ королевскихъ пограничныхъ городахъ, а иногда наивыались въ королевскія ополченія только на время, за одно съ козаками пагайскими и бѣлгородскими. Самые предѣлы первоначальнаго ихъ кочевья между рѣкой Росью и днѣпровскими порогами совпадаютъ съ мѣстами, на которыхъ исторія паходитъ подобныхъ имъ номадовъ до Батисва нашествія. Въ эти предѣлы мапши къ себѣ козаки все однородное съ ними по задаткамъ жизни со всего Польско-Литовскаго края, и отсюда производили свои операціи, которыя надѣлали говора въ лѣтонисныхъ сказаніяхъ, по которыхъ основою была задача дикая — существовать продуктами чужаго труда, не заботясь объ участи трудящихся.

Пограничные города, всасывавшіе въ себя все своеправное изъ селя и дававшіе пристанище каждому бродягѣ изъ нужды въ рабочихъ рукахъ, извергали изъ себя, въ свою очередь, непригодную для цеховой практики голоту. Эта голота была приисволиваема къ правильному труду въ цеховыхъ заведеніяхъ только голодомъ да холодомъ; по когда ее согрѣвало весеннее солнышко, она поровила бѣжать изъ общества, сравнительно благоустроеннаго, и предавалась, до новой зимы и бѣды, своимъ независимымъ промысламъ.

Устройство козацкой общины, съ ея первоначальнымъ дѣленіемъ на сотни и десятки, было не чтд иное, какъ подражаніе общинѣ мѣщанской, приспособленное къ жизни кочевой и добычной. Даже козаціи самосудъ былъ повтореніемъ самосуда цеховаго, или магдебургскаго. По городскіе бѣглецы и отверженные, очутились на свободѣ отъ ненавистныхъ имъ порядковъ, питали такое же непріязненное

чувство къ мѣщанамъ, кокимъ все вообще козаки были проникнуты къ тѣмъ обществамъ, изъ которыхъ они бѣжали въ подобныя ватаги.

Дибировскіе козаки, наравнѣ съ Татарами, дали себя знать Кіеву еще въ то время, когда онъ былъ удѣльнымъ владѣніемъ князей Олельковичей. Ихъ постыдныя вторженія въ область землевладѣльческаго хозяйства заставили вдову князя Симеона Владиміровича Олельковича отказаться отъ гробовища предковъ своихъ, и на плодородныя кіевскія земли вымѣнять у короля Александра Казимировича болотистыя окрестности Цинска, Кобринна и Рогачева. Сдѣлавшись, въ силу такого обмѣна, изъ княжеско-удѣльнаго городомъ королевско-восводскимъ, Кіевъ, какъ уже сказано, палъ безлюдными развалинами передъ Ордою Менгли-Гирея. Но козацкіе притоки, Каневъ и Черкасы, продолжали стоять среди окрестныхъ пустынь, какъ острова, недоступныя для Татаръ по воинственности своихъ обитателей, не стовяшіе набѣга по ихъ убожеству, а, можетъ быть, и потому, что паходились въ пзвѣстной связи съ ордынскими ватагами. Заселенное новыми нескателыми счастья, кіевское пепелище ограждаетъ себя актомъ 1499 года отъ козаковъ, которые привозили сюда съ верху и съ низу Дибіра на продажу рыбу и предавались, вмѣстѣ съ мѣщанскими гультаями, грубому разврату. Козаки слывуть по всему дибіровскому и черноморскому краю прямыми разбойниками. Торговые пути отъ нихъ не безопасны. Они не даютъ спуска даже королевскимъ посламъ. Но, не составляя народа ни въ какомъ смыслѣ и не представляя собой никакого общества и есловія, безпрестанно дѣлятся на закорепѣлыхъ въ помадной жизни добычниковъ и на измѣнниковъ интересамъ помаднаго быта въ пользу общества сравнительно культурнаго, подобно тому, какъ это дѣлали нѣкогда подибіровскіе Торки, Беренден, Черные Клобуки. Большинство козацкой орды безразлично бросается во все мѣста, гдѣ пахнеть грабежомъ безъ особенной опасности; но нѣкоторая часть козаковъ, повнущая истинству семейности, или нуждаясь въ предметахъ болѣе прочнаго быта, входитъ въ условія съ польскими королями и пограничными магпатами, получаетъ отъ нихъ подарки сукномъ, каразію, кожухами, деньгами, дорожитъ позволеніемъ гнѣздиться съ женами и дѣтьми на королевскихъ займищахъ, наконецъ, въ видѣ особенной покорности правительству, принимаетъ отъ него предводителей, которыхъ называетъ своими гетманами, и, подъ ихъ начальствомъ, отпугиваетъ прочь не только Орду, но и помадныхъ козаковъ, своихъ прежнихъ товарищей.

Со времянь Сигизмунда-Августа (1548—1572), козацкими предводителями у короля были князья и паны, ушедшіе недалеко отъ ко-

зацкихъ возрѣній на войну и добычу, и выселившіеся въ Украину, то-есть на кресы, въ видѣ королевскихъ старостъ, но невозможности играть видную роль въ странѣ цивилизованной. Впрочемъ рыцарскій вѣкъ нерѣдко вызывалъ на мусульманское пограничье Польши знаменитыхъ воиновъ, которые, въ видѣ религіознаго обѣта, посвящали свою жизнь на борьбу съ „врагами св. креста“ среди отважныхъ и свирѣпыхъ Берендеевъ. Этими пажимымъ и суровымъ воинамъ была по дунѣ мысль очеловѣчить безправственную толпу добычниковъ лучшими правилами жизни и обратить ихъ ремесло на истребленіе мусульманъ. Въ царствованіе Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, двѣ-три такія личности промелькнули среди козацкихъ скопищъ. Онѣ прибавили къ исторіи крестоноснаго воинства нѣсколько новыхъ отголосковъ боевой славы и придали козацкому быту нѣкоторый блескъ, подобно яркомуцѣтному плащу, накинутому на лохмотья бродяги, но разбойнаго характера козачества не перемѣнили. Вскорѣ воспоминанія о такихъ козакахъ-дворянахъ, какіе прославили себя подъ предводительствомъ князя Константина I Острожскаго, совсѣмъ исчезли, и козацкая вольница получила характеръ помадно-демократическій.

Козаки основали за Порогами, подъ именемъ Сѣчи, военный форпостъ, противившійся многократнымъ нападеньямъ Татаръ и Турокъ. Козаки служили христіанскимъ государямъ, защищая ихъ владѣнія отъ мусульманъ, и тѣ же козаки, подъ предводительствомъ князя Дмитрія Вишневецкаго, одно время состояли на службѣ у турецкаго султана; спустя 30 лѣтъ, подъ предводительствомъ банита-магната, Самуила Зборовскаго, принявшаго на себя почетное званіе хашкаго сына, готовы были идти съ Татарами въ Персію, а въ промежуткѣ между этими событіями водили на волошское господарство то одного, то другаго самозванца, лишь бы пограбить мѣстныхъ жителей одного съ ними вѣроисповѣданія. Наконецъ, запорожскіе добычники начали становиться опасными и для самого короля. На днѣпровскомъ Низу, въ перемежку съ рыцарями безъ страха и упрека, мечтавшими о „вѣчной славѣ козацкаго имени“, появлялись и такіе, которые готовы были низпровергнуть ненавистныхъ имъ правителей Польскаго государства, хотя бы даже и посредствомъ цареубійства. Умыселъ на жизнь Стефана Баторія исторія положительно знаетъ за Самуиломъ Зборовскимъ, который, гетманя низовцами, втягивалъ ихъ въ кровавую интригу своего дома. Король снялъ ему съ плечъ голову, какъ баниту, дерзко появлявшемуся въ публичныхъ мѣстахъ съ ватагою буйныхъ шляхтичей; но прямой цѣлью казни было уничтоженіе задуманнаго имъ переворота. Не палилъ Баторій и другихъ козацкихъ вождей. Кромѣ

претендента на молдавское государство, известнаго под именем гетмана Подковы, королевскій мечъ, въ то время не напрасно называвшіеся *длинными*, снялъ головы еще нѣсколькимъ десяткамъ подобныхъ ему авантюристовъ, соротившихъ Польшу съ турецкимъ султаномъ въ трудное для нея время войны съ царемъ Иваномъ Грознымъ. Наконецъ, Баторій рѣшился прогнать козаковъ совѣмъ съ Днѣпра, и устроилъ противъ нихъ русско-татарскую лигу, — именпо: князь Константинъ II Острожскій заключилъ съ крымскимъ ханомъ договоръ, чтобы наступить на козаковъ одновременно и съ верху и съ низу Днѣпра. Тогда днѣпровскіе казаки бѣжали къ донскимъ. По домовитѣйшимъ изъ нихъ покорились королевскимъ старостамъ, съ тѣмъ чтобы, подъ ихъ начальствомъ, отбывать стороженую службу, а во время похода присоединяться къ коронному войску.

Стефанъ Баторій, не давая козакамъ гнѣздиться за Порогами, предоставилъ имъ городокъ Терехтемировъ, или Трахтомировъ, лежащій надъ Днѣпромъ выше Канева, для покрытія доходами съ него войсковыхъ нуждъ, а находившіеся въ немъ монастырь — для содержанія козацкихъ инвалидовъ. Это было сдѣлано на томъ основаніи, на какомъ мѣстечкѣ Межигорье и Межигорскій монастырь были приписаны, въ числѣ прочихъ королевскихъ, къ кіевскому замку для содержанія его гарнизона. Но дисциплинированные такимъ способомъ казаки, уселенные новымъ притокомъ вольницы изъ украинскихъ городовъ, стали опять ходить на Цизъ для разбойнаго промысла, и въ свой притонъ среди днѣпровскихъ камышей и плавней, известный подъ именемъ Запорожской Сѣчи, привлекли донскихъ сподвижниковъ своихъ. Посланнаго къ нимъ съ угрозами королевскаго дворянина, Глыбоцкаго, (по имени Малоруса), утопили въ Днѣпрѣ, и, въ свою очередь, стали угрожать королю, въ лицѣ пограничныхъ представителей власти его. Когда предводитель послушныхъ правительству городовыхъ козаковъ, князь Рожинскій, схватилъ десятокъ запорожцевъ, обвиняемыхъ въ умерщвленіи Глыбоцкаго, пачальникъ замковой команды, кіевскій подвоводій, князь Вороницкій, отказался помѣстить ихъ въ замкѣ, избѣгая ссоры съ низовцами, а представители кіевской магдебургіи, съ своей стороны, отказывались принять убійцъ королевскаго посла въ магистратскую тюрьму, говоря, что „они и сами не безопасны въ своихъ домахъ отъ козаковъ, яко на Украинѣ“.

Баторій вскорѣ послѣ того умеръ, и не напрасно сохранилось преданіе о высказанномъ имъ на смертномъ одрѣ сожалѣніи, что онъ уничтожилъ козаковъ. Лишь только онъ сошелъ со сцены дѣйствія, козачество приняло размѣры небывалые.

Въ трудное для Рѣчи Посполитой время междуцарствія передъ избраніемъ на престолъ Сигизмунда III, когда паны спорили между собою въ пользу различныхъ претендентовъ польской короны, дѣйровскіе добычники разорили Очаковъ, и открыли передъ ними перспективу турецкой войны. Война съ Турціей ужасала панскую республику. По словамъ одного изъ сеймовыхъ ораторовъ, первая проигранная битва погубила бы Польшу, тогда какъ Турокъ выдержалъ бы и пятнадцать несчастныхъ битвъ. Но обуздать козаковъ не было на ту пору никакой возможности. Шляхта раздѣлилась на два лагера: одни желали возвести на польскій престолъ шведскаго принца, другіе— австрійскаго. Эти послѣдніе вели уже эрцгерцога Максимилиана съ его нѣмецкимъ войскомъ въ Краковъ, и только искусные маневры предводителя шведской партіи, короннаго гетмана Яна Замонскаго, спасли Польшу отъ австрійскаго господства. Въ 1588 году произошла подъ Бычиной рѣшительная битва, въ которой Замойскій взялъ Максимилиана въ плѣтъ и подавилъ шляхетское междоусобіе. Часть новыхъ Торковъ и Берендсевъ, съ атаманомъ своимъ Голубкомъ, помогала Замойскому въ этомъ важномъ дѣлѣ, но прочіе пшовецъ продолжали навлекать на Польшу грозу турецкой войны. Толпы украинскіхъ добычниковъ разграбили въ Крыму невольничій рынокъ Козлевъ, а на Днѣстрѣ сожгли Течиню, Бѣлгородъ и еще нѣсколько пограничныхъ турецкихъ колоній. Война съ Турціей сдѣлалась неизбежною. Въ государственномъ скарбѣ не было между тѣмъ денегъ. Хотѣли сдѣлать заемъ въ Германіи, или въ Италіи; но и тамъ экономическія дѣла были разстроены то католико-протестантскими войнами, то войнами христіанъ съ магометанами. Пока земскіе послы изыскивали на сеймѣ средства для отраженія Турокъ, предвѣстники турецкаго нашествія, Татары, вторгнулись въ Подолію и въ Галицкую Русь, набрали ясыру, и увели въ неволю нѣсколько знатныхъ людей, въ томъ числѣ князя Збаржскаго съ его княгинею. Только потомокъ воспѣтыхъ думами братьевъ Струссій, отстоялъ окруженную Татарамъ въ Баваровѣ сестру короннаго гетмана, хотя и пальъ, изрубленный въ куски, почти со всею дружиною своею. Козакамъ панскія бѣдствія были на' руку: они залезли въ стѣны на обремененныхъ добычею Татаръ, вломилсъ ночью въ одинъ изъ ихъ таборовъ, и награбленное у пановъ добро сдѣлалось добычею козацкою.

Гроза между тѣмъ приближалась. Турки обѣщали пощадить Польшу только подъ условіемъ платежа ежегодной дани во сто коней, павьюченихъ серебромъ, или же—пріятія магометанской вѣры. Польскаго посла въ Стамбултѣ называли песомъ и грозили половину его

свиты повѣсить на желѣзныхъ крючьяхъ, а другую посадить гребцами на галеры. Коронный гетманъ, приготовивъ наскоро къ задержкѣ турецкаго вторженія пограничныя крѣпости Львовъ и Подольскій Камянецъ, на колѣняхъ умолялъ сеймовое собраніе спасти отечество, и первый приносилъ въ жертву все свое состояніе. Назначенъ былъ поголовный палогъ, не исключившій ни духовенства, ни королевскихъ дворянъ, ни даже людей безземельныхъ. Но воеводства Киевское, Волынское, Подольское и Брацлавское до того были опустошены крупными и мелкими татарскими набѣгами, что ихъ отъ поголовнаго налога освободили совершенно. Страшная опасность миновала, однакожь, благодаря интригамъ султанскаго серала, въ которомъ одинъ беглербекъ подкопался подъ другаго и далъ себя купить въ пользу мира.

Но миръ былъ заключенъ подъ условіемъ уничтоженія козаковъ.

Уничтожить козаковъ значило—организовать колонизацію украинскихъ пустынь такимъ образомъ, чтобы среди народа работающаго и торговаго не было мѣста людямъ не признающимъ никакой власти, кромѣ присуда своего добычнаго круга и избравшаго имъ предводителя.

Мы видѣли, что польско-русскіе паны давно уже прилагали старанія, чтобы Украина, или Новая Польша, съ одной стороны, не оставалась безплодною залежью, а съ другой, чтобы она заслоняла отъ азіятцевъ коловія старинныя, то-есть старую Казимировскую Польшу. Но то были политико-экономическія мѣры отдѣльныхъ личностей, искавшихъ въ малорусскихъ пустыняхъ независимости отъ магнатовъ, сильныхъ придворными просками. Тсперь колонизація этихъ пустынь, простиравшаяся за черту древнихъ Ярославскихъ осадъ по рѣкѣ Роси и за черту рѣки Сулы, отдѣлявшей Варяжскую Русь отъ земли Половецкой, сдѣлалась предиріятіемъ польскаго правительства, и соединилась въ одно дѣло съ обузданіемъ козацкаго своевольства, называвшагося официально своевольствомъ украинскимъ (*swawola ukraińska*) въ томъ смыслѣ, что козаки составляли только часть того „розгардіаша“, который царствовалъ на кресахъ или юго-восточныхъ окраинахъ польскихъ владѣній. Въ слѣдствіе рѣшенія варшавскаго сейма 1590 года обнародованы были Сигизмундомъ III два постановленія, которыя могли бы спасти Польшу отъ роковаго разьединенія нашего съ Русью, когда бы Польша не была разьединена сама въ себѣ доведенною до крайности шляхетскою свободою.

Первое изъ этихъ постановленій гласило слѣдующее:

„Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впускѣ нашихъ владѣній

на украинскомъ пограничѣ за Бѣлою Церквою. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью Посполитою“.

Второе постановленіе возлагало на короннаго гетмана обязанность—образовать изъ людей, проживающихъ въ низовьяхъ Днѣпра и за порогами, или какихъ-нибудь другихъ, пограничное войско, послушное правительству и подчиненное главному начальству и сотникамъ изъ шляхты, имѣющей въ Украинѣ недвижимую собственность, съ тѣмъ:

чтобы это войско ни водою, ни сухимъ путемъ въ сосѣднія государства не вторгалось;

чтобы оно проходящихъ тамошними мѣстами купцовъ и никакихъ людей не полонило и не грабило;

чтобы не только осужденныхъ на смерть или лишенныхъ чести, но и никакихъ ввухъ людей къ себѣ не принимало;

чтобы въ украинскихъ мѣстечкахъ съѣстные припасы, порохъ, селитра и другія надобности продавались только тѣмъ низовцамъ, которые предъявятъ отъ своего начальства свидѣтельства, а безъ свидѣтельства чтобы ни одного изъ нихъ въ мѣстечки не пускали;

чтобы въ королевскихъ и панскихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были поставлены присяжные бурмистры, войты и ватаманы, которые бы, подъ смертною казнью, никого не пускали на низъ, ни въ поле за добычею, а тѣмъ паче—за рубежъ сосѣднихъ государствъ; кто же пришелъ бы съ добычею изъ другихъ мѣстъ; у того бы добычу отнимали, самого добычника карали и покушать добычи никому не позволяли;

наконецъ, чтобы пограничные королевскіе чиновники и паны карали смертью своевольныхъ людей, проживающихъ въ украинскихъ поселеніяхъ, или имѣющихъ тамъ какіе-либо склады, а равно и тѣхъ присяжныхъ урядниковъ, которые бы отважились имъ потворствовать.

Но правительство сознавало, что „пропустило время“ для прекращенія „пограничной неурядицы и своевольства“, вовлечшаго все польско-русское общество въ столь опасное положеніе. Мало того, правительство знало, что даже въ личпомъ составѣ своемъ, въ средѣ сеймовыхъ представителей малорусской шляхты разныхъ вѣроисповѣданій, оно содержитъ не только козацкихъ потаковниковъ, дѣлящихся съ полудикими наѣздниками ихъ добычею, но и козацкихъ пособни-

кобъ, предпринимавшихъ вторженія въ турецкія области совмѣстно съ такъ называемыми низовцами.

Еще Стефанъ Баторіи упрекалъ пограничныхъ пановъ старость въ томъ, что они дѣйствовали заодно съ низовыми добычниками, давали ихъ атаманамъ у себя пристанище въ такихъ городахъ, какъ Немировъ и Кіевъ, помогали имъ людьми и снарядами для походовъ, навлекавшихъ на окраины государства опустошительныя татарскіе набѣги. Сигизмундъ III, въ заключеніе своего декрета, счелъ необходимымъ грозить карою *de gventis* тѣмъ панамъ, князьямъ, старостамъ, державцамъ и шляхтѣ, которые бы осмѣлились ходить въ поле мимо вѣдома короннаго гетмана, набѣжать на сосѣднія государства, или прятать у себя козацкую добычу. До такой степени добычый бытъ преобладавъ тогда въ Украинѣ надъ хозяйственнымъ. До такой степени паны-колонизаторы дичали въ удаленіи отъ центральной гражданственности и оказывались въ исключительныхъ видахъ личной выгоды. Задача уничтоженія козаковъ была задачею перебора шляхетскаго общества и подавленія въ немъ разбойныхъ элементовъ. Лучшіе люди должны были вооружиться силою обычая, закона и меча противъ худшихъ, разумное меньшинство—противъ неразымляющаго большинства, строители государства—противъ разрушителей.

Съ своей стороны козаки видѣли, что панское господство надъ пограничниками держится людьми бездомовными, такъ называемыми панскими „слугами“, то-есть обѣдѣвшею шляхтою, которая не съ добра дѣлалась магнатскими осадчими, экономами, дворцовыми, предводителями надворныхъ козаковъ, даже подстаростіями и подвсводіями. Всѣ они въ своемъ положеніи на креслахъ имѣли болѣе общаго съ низовыми кочевниками, къ которымъ зачастую и переходили изъ панской службы, нежели съ землевладѣльцами, которыхъ родственныя и пріятельскія связи были слишкомъ выше ихъ служилого уровня. Видѣли также козаки, что великіе панскіе дома, составлявшіе на Руси какъ бы удѣльныя княжества, раздѣлены между собою ссорой то за вѣру, то за дигнигаретва, то за границы новыхъ займищъ, то за призыванье чужихъ подданныхъ въ украинныя воли. По недавнему набѣгу Татаръ они знали, что кресовые можновладники скорѣе дадутъ уничтожить свои замки смѣлымъ людямъ каждый порознь, нежели позабудутъ сосѣдскія ссоры изъ-за нѣсколькихъ пановъ отхваченной граничниками земли, а тѣмъ болѣе изъ-за оскорбленной гордости. Особенно ободряло козацкихъ ватажковъ соперничество между домомъ Замоискихъ, первенствовавшимъ въ Червоной Руси, и домомъ князей Острожскихъ, игравшихъ первую роль на Волынѣ, въ Бѣлоруссіи и

въ Киевской землѣ. Зная, что коронный гетманъ, которому они недавно сослужили службу подъ Вычиною, не шевельнетъ пальцемъ для защиты своего соперника, князя Василя, козаки рѣшились отомстить Острожскому за его недавнюю лигу съ крымскимъ ханомъ и завести смуты въ предѣлахъ его властвованія.

Всѣ украинныя паны, колонизуя сосѣднія пустыни, волей и неволей способствовали развитію козачества. Такъ называемые офиціально *непослушные мящане* въ ихъ вотчинныхъ городахъ и мѣстечкахъ равно какъ и въ королевщинахъ, были *вольные люди*, ходившіе на Татаръ подъ начальствомъ паискимъ слугъ и самихъ пановъ*). Никто изъ украинскихъ землевладѣльцевъ не пользовался такою популярностью въ кочующемъ или козацкомъ населеніи Украины, какъ Острожскіе. Въ качествѣ киевскаго воеводы, князь Василя колонизовалъ древнее Переяславское городище, дозволивъ ютиться въ Переяславѣ всякаго рода преступникамъ безъ сыска и суда, какъ это было въ обычаѣ у колонизаторовъ малорусскихъ пустынь. Не наследовавъ отъ знаменитаго отца своего таланта полководца, онъ тѣмъ не менѣе пуждался въ боевомъ народѣ для охраненія своихъ владѣній; и въ самомъ городѣ Острогѣ содержалъ дружину „вольныхъ людей“ подъ начальствомъ прославившагося въ послѣдствіи Наливайка. Но двуличный и измѣнчивый во всемъ, князь Василя игралъ двойную роль въ сношеніяхъ своихъ съ козаками. Сперва онъ имъ потворствовалъ, какъ никто другой въ Украинѣ; покрывалъ широкой своей властью козацкіе паѣзды на сосѣднихъ пановъ; въ молодости, какъ его оупрекали передъ королевскимъ судомъ, даже лично участвовалъ въ такихъ паѣздахъ; потомъ, въ угоду королю Стефану, готовъ былъ истреблять ихъ совмѣстно съ крымскимъ ханомъ. Козаки давно уже были имъ недовольны, и когда грозное сеймовое постановленіе 1590 года было объявлено на ярмаркахъ, прибито къ дверямъ мѣщанскихъ ратушъ, городскихъ и земскихъ судовъ, церквей и кабаковъ, досада ихъ сдѣлалась общею. Шляхетные добычники, водившіе козацкую орду на добычный промыселъ сухимъ путемъ и водою, составили за

*) Происхожденіе вольныхъ людей въ нашей Руси относится ко временамъ первобытнымъ. Князья и другіе дѣдичи переизывали на свои земли или мѣщанъ, или иноземныхъ колонистовъ. Отношенія между этими поселенцами и землевладѣльцами регулировались держанными контрактами, которые возобновлялись черезъ каждыя 12 лѣтъ. Въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ донынѣ существуютъ классы поселянъ, называющихся на административномъ языкѣ „вольными людьми“.

Порогами зловѣщій иланъ уничтожить колонизацію украинскихъ пустынь, превратитъ всю Украину въ неподвластное никому кочевие. Элементы дикой анархіи встали противъ только-что установившейся здѣсь гражданственности.

Запорожская вольница прежде всего напала на воеводскій городъ Кіевъ. Укрѣпленія этого важнаго пограничнаго пункта, подъ эгоистическимъ управленіемъ князя Василя, находились въ такомъ состояніи, что сеймовые депутаты, земскіе послы, еще въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія упрекали въ небрежности папа кіевскаго воеводу, который, по ихъ выраженію, имѣлъ безстыдство оправдываться своею несостоятельностью, и просилъ у шляхетскаго правительства субсидіи для приведенія Кіева въ оборонительное положеніе. Козаки, подъ предводительствомъ своего войсковаго писаря, Гренковича, вломились въ кіевскій замокъ, съ тѣмъ чтобы овладѣть приписанными къ замку имуществами. Къ числу такихъ имуществъ, какъ хозяйственная единица, принадлежалъ Межигорскій монастырь. Въ качествѣ завоевателей, козаки не уважили ни православнаго монашества, ни самой церкви. Подъ предлогомъ, что въ монастырѣ скрывается какой-то воръ, обокравшій Гренковича, козаки связали игумена и избили до кровавыхъ ранъ. Межигорскимъ игуменомъ былъ то время Іосифъ Бобриковичъ-Копоть, извѣстный въ послѣдствіи борьбою противъ церковной уни, въ санѣ мстиславскаго епископа. Возный генералъ Кіевскаго воеводства, составившій судебный актъ о козацкомъ разбоѣ, писалъ въ пемъ, что козаки, „змучивши и змордовавши игумена“, кивулись по монастырскимъ коморамъ, а потомъ, „впадши до церкви, яко одни Татарове“, разбили ларець съ монастырскими деньгами и документами на монастырскія имущества, деньги забрали, а документы уничтожили. Особенно издѣвались они, по произведенному вознымъ генераломъ слѣдствію, надъ королевскими грамотами; отрывали „вислыя“ печати, рвали пергаментъ въ куски, бросали въ грязь и топтали ногами.

Таково было начало козацкихъ бунтовъ, которые наши историки представляютъ войною за вѣру.

Глава III.

Свобода вѣры и совѣсти въ козачествѣ. — Первая козако-панская усобица. — Три характеристическія черты козацкихъ бунтовъ. — Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Кіевомъ. — Признаки разложенія Польши. — Вторая козако-панская усобица.

Ни запорожскимъ дикарямъ, сдѣланнымъ отчасти ручными, ни замковымъ жолнерамъ, дичавшимъ на кіевскомъ пустынномъ пограничѣ, не было дѣла до религіозной стороны монастырей, находившихся въ ихъ распоряженіи и „подаваннѣ“ (jus patronatus). Даже кіевскіе мѣщане, люди осѣдлые, домовитые и естественно расположенные больше козаковъ и жолнеровъ къ благочестію, отпосылись къ мѣстнымъ святилищамъ не лучше, какъ воевода кіевскій къ укрѣпленіямъ. По свидѣтельству кіевского католическаго епископа въ началѣ царствованія Сигизмунда III, пачальники кіевского гарнизона держали въ католической замковой калличкѣ своихъ лошадей, а кіевскіе мѣщане запирали скотъ въ развалинахъ Софійской церкви, и ни самъ князь Острожскій, ни его православный подвоеводій, князь Вороняцкій, не хотѣли ничего знать о подобныхъ безчинствахъ, возмущавшихъ душу просвѣщеннаго бискупа. Но въ козацкихъ нападеніяхъ на православные монастыри, въ козацкихъ разбояхъ по городамъ и селамъ, принадлежавшимъ вѣчно или доживотно православнымъ панамъ, въ козацкихъ набѣгахъ на православныя области Турціи и на самое Царство Московское, добычный промыселъ малорускаго козачества не подчинялся ничало чувству единовѣрія. Мы знаемъ, что одинъ изъ предводителей нашего козачества, въ первой половинѣ XVI вѣка, отписалъ Никольскому монастырю родовое село свое, а другой, въ концѣ того же столѣтія, устроилъ въ Кіевѣ шпиталь. Намъ извѣстно, что за Порогами подвизались перѣдко рыцари, выдавшіе широкій христіанскій и мусульманскій свѣтъ, одушевленные религіознымъ энтузіазмомъ и мечгавшіе о вѣчной славѣ козацкаго имени. Но козацкая масса представляла такое смѣшеніе вѣроисповѣданій, правовъ

и обычаевъ, что ученому дипломату Сарпицкому, въ царствованіе Стефана Баторія, козаки казались исповѣдывающими вѣру турецкую.

По формациі запорожской вольницы, принимавшей къ себѣ всѣхъ и каждого безъ опроса, кто опъ и зачѣмъ бѣжалъ въ низовыя кочевья, эта вольница необходимо должна была состоять изъ представителей всѣхъ вѣръ, такъ точно, какъ она состояла изъ иридставителей всѣхъ племенъ, сословіій и состояній. Мы знаемъ, что когда шляхетное общество вытѣсняло изъ своей среды крайнихъ протестантовъ, называемыхъ аріянами, эти протестанты въ кочевомъ товариществѣ, отрицавшемъ вообще законы людей гражданственныхъ, находили себѣ такой же невозбратный пріютъ, какой обрѣтали въ немъ убійцы, воры и всякаго рода злодѣи. Предоставляя въ своемъ кругу каждому свободу совѣсти относительно злодѣйскихъ поступковъ съ отцомъ, матерью, родствомъ и со всѣмъ обществомъ, козаки естественно допускали и свободу совѣсти религіозной.

Козачье скопище было, во-первыхъ, продуктомъ Азіи, насколько Азія была безсильна притянуть къ своимъ поработительнымъ центрамъ передовыя полчища своихъ набѣговъ. Во-вторыхъ, оно было продуктомъ Европы, насколько господствовавшее въ ней кулачное право было безсильно пріучить общество къ уваженію чужаго труда и чужой собственности. Чтд касается польскаго общества, то сго феодализмъ, извѣстный подъ именемъ шляхетской вольности, еще больше, чѣмъ дикая Татарщина времянь Мепгли-Гирея и полудикая Московщика времянь Ивана Грознаго, способствовалъ развитію въ козакахъ разбойной терпимости, которая набрасывала покровъ забвенія на самыя ужасныя злодѣйства ихъ пріемышей. До какой степени эта терпимость была необходима въ образованіи сброднаго козацкаго товарищества, видно изъ того, какъ заводились въ Малороссіи питомники низовой вольницы, старостинскія и вотчинныя осады и слободы.

Колонизаторы малорусскихъ пустынь, заочинвая народъ къ заселенію зймищъ своихъ, всего больше разсчитывали на тѣхъ, которымъ угрожала кара за проступки и преступленія, сдѣланные ими въ королевскихъ городахъ, или въ имѣніяхъ другихъ колонизаторовъ. Стремленіе къ основанію новыхъ и новыхъ осадъ на русско-татарскомъ пограничѣ было такою сильною потребностью строителей польско-русской республики, что не только люди грубые, но даже и такіе, какъ ученый коронный канцлеръ Янъ Замоискій, не считали для себя унизительнымъ прибѣгать къ этому способу заселенія своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ „эксорбитаций, уцѣпленныхъ Яномъ Замоискимъ“, 36-ою эксорби-

танцією помѣщено то, что онъ, замыкая къ себѣ на слободы народъ по сосѣднимъ мѣстечкамъ, „поселялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодьямъ (сказано въ протестѣ), которые убивали отца, мать, роднаго брата, или наана, давалъ онъ у себя пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать этихъ преступниковъ законами“.

Порожденіе разбойной вольности, оправдываемой вольностью шляхетскою, казаки, состоявшіе большею частью изъ обѣднѣвшихъ шляхтичей да изъ такъ называемыхъ вольныхъ людей, уносили изъ отцовскихъ и вачскихъ домовъ за Пороги религиозную терпимость, или индифферентизмъ, отличавшіе „шляхетскій народъ“ отъ всѣхъ народовъ сосѣднихъ. Одни изъ казаковъ, для покрытія тяжкихъ грѣховъ своихъ, жертвовали добычное серебро на украшеніе церковныхъ образовъ, называя себя оброчниками, или давали обѣтъ работать по нѣскольку недѣль на своихъ богомольцевъ, монаховъ; зато другіе, по словамъ народной пѣсни, не умѣли отличить церкви отъ скирды сѣна, а были и такіе, что не хотѣли произнести никакой молитвы и, вставъ отъ обѣда въ свосмъ бурлацкомъ куренѣ, благодарили Бога кощунственнымъ подражаніемъ обычному благодаренію: „Спасибі Бѣгу и козиному рѣгу, и козишій голдвці, и вамъ, панѣве молодці“. Что касается того, какъ мало военное ремесло располагало ихъ къ выполненію религиозныхъ обрядовъ, видно изъ интереснаго факта: что іезуитскіе миссіонеры даже въ составѣ квартанаго войска находили, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, множество Поляковъ и Руснаковъ, не бывавшихъ по многу лѣтъ у исповѣди и св. причащенія.

Церковь и вѣра, принятыя въ основаніе козацкаго тогарищества, какъ представляеть наша историографія, не прибавили бы ничего къ козацкимъ заработкамъ; напротивъ, стѣсняли бы свободу козацкаго промысла, чего мы не видимъ ни въ одномъ изъ козацкихъ набѣговъ на единовѣрныя змли. Въ предпріятіи теперь казаками панаденіи на владѣнія кіевского воеводы казаки должны были бы уважать распространенное въ малорусскомъ духовенствѣ мнѣніе, что князь Василій есть „начальникъ православія, столпъ и утвержденіе вѣры“. Но интересы малорусскаго духовенства расходились діаметрально съ интересами козацкими. Ни духовные и свѣтскіе авторитеты православія, славословившіе князя Василя, какъ ревнителя отеческой вѣры, ни покровительствуемая имъ церковныя братства, ни такія изданія, какъ славянская Библія, напечатанная въ Острогѣ отъ его имени,—ничто не остановило днѣпровскихъ добычниковъ на пути къ разоренію родовыхъ и дигнитарскихъ владѣній дома Острожежскихъ. Ограбивши въ

1591 году Кіевъ и его окрестности, подъ предводительствомъ шляхтича Криштофа Косинскаго, бывшаго рукодайнаго слуги князя Василія, они составляютъ въ Кіевскомъ и Волинскомъ воеводствахъ шайки набѣдниковъ, нападаютъ на дома преданной Острожскимъ шляхты, грабятъ, убиваютъ, безчинствуютъ и приводятъ наконецъ край въ такое положеніе, что мѣстное дворянство прекращаетъ производство всѣхъ судебныхъ и общественныхъ дѣлъ, какъ это случилось прежде только во время татарскаго набѣга „великою ордою“. Со стороны князей Острожскихъ, кіевскаго и волинскаго воеводъ, принимаются мѣры къ соединенію дворянства въ правильныя ополченія. Но усилія магнатовъ, подѣржанные королевскими универсалами, парализуются мелкими землевладѣльцами, которые смотрятъ на козаковъ, какъ на своихъ защитниковъ и мстителей за претерѣнныя ими отъ людей сильныхъ обиды. Многіе помогаютъ козакамъ тайкомъ, а нѣкоторые открыто выпрашиваютъ у Косинскаго хорошо вооруженные, опытные въ набѣгахъ отряды запорожцевъ, и ходятъ съ ними на своихъ суностатовахъ. Видя, что вѣтеръ дуетъ въ ея паруса, вольница Косинскаго овладѣла пограничными старостинскими городами, всѣ находимыя у подстаростіевъ бумаги истребляла, какъ и въ Мезжигорскомъ монастырѣ, наконецъ стала принуждать не только мужиковъ, но и самихъ шляхтичей землевладѣльцевъ, къ присягѣ на послушаніе Запорожскому войску. Мятежъ Косинскаго былъ опасенъ всего болѣе съ этой стороны. Едва сложившеся на пограничѣ общество готово было прерваться въ безсудную, безпощадную, саморазрушительную орду.

Однимъ изъ мотивовъ бунта послужила Косинскому недоплата жалованья. Сохранилось его воззваніе къ „ласковымъ панамъ-товарищамъ“, писанное изъ Инкова по-польски^{*)}. Въ немъ говорится: „Узнали мы (преданные вамъ товарищи, Криштофъ Косинскій и все рыцарство), что нашъ староста (Претвичъ) не сгѣшитъ къ намъ съ гѣми деньгами, и потому, ничего не ожидая, прибывайте къ намъ. А слугѣ пана Претвича скажите именемъ войска, что больше ждать его мощи не будутъ, и должны сами о себѣ промышлять.—Видно, додержатъ насъ до знымы, какъ прошлый годъ еще на св. Ивана имѣли намъ дагъ, а теперь уже осень наступила“.

*) Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, спустя года четыре, коронный полевой гетманъ, усмиривъ козаковъ, просилъ у короннаго канцлера универсаловъ и позволю, писанныхъ *Ruskim pismem, według zwyczaju tej ziemi*, и что судопроизводство надъ козаками въ градскихъ судахъ совершалось на языкѣ русскоязъ.

Пограничное общество было спасено отъ козаковъ Косинскаго чрезвычайными мѣрами, къ которымъ прибѣгнувъ богатый домъ Острожскихъ. Старшій сынъ князя Василя, князь Янушъ, бросился въ Тарновъ, родственную мѣстность по католичкѣ матери, и наwerbоваль тамъ людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ козаками, а въ поддержку выписаль нѣсколько ротъ нѣхоты изъ Венгрии. Къ этому войску присоединилъ онъ наемныхъ козаковъ своего отца (которыхъ собремники называли „вольными людьми“), подъ предводительствомъ Северина Паливайка, да призвалъ на помощь князя Александра Вишневецкаго, черкаскаго, каневскаго и любечскаго старосту, съ нѣкоторыми вольными напанами, и въ началѣ февраля 1593 года разбилъ Косинскаго за Чудновымъ, подъ мѣстечкомъ Пяткомъ, недалеко отъ Тарнополя. 26 пушекъ и почти все козацкія хоругви достались побѣдителямъ. Козаковъ побито, какъ была молва, до 3.000. Бѣжавшаго въ Пяткомъ Косинскаго можно было принудить къ сдачѣ съ остальными бунтовщиками. Но Острожскіе, видя себя изолированными въ борьбѣ съ козачествомъ, не хотѣли довести дѣло до крайности. Они предоставили Косинскому свободу, а пизовцевъ обязали письменнымъ договоромъ избрать немедленно другаго „атамана“, бытъ въ послушаніи королю, находиться за Порогами, на указанныхъ правительствомъ мѣстахъ, не имѣть никакихъ *лежж* (квартиръ), ни *приставствъ* (реквизицій) въ имѣніяхъ самого пана кievскаго воеводы, и другихъ пановъ, которые находились подъ Пяткомъ при князьяхъ Острожскихъ, выдать и впредь не задерживать у себя служилыхъ шляхтичей, измѣпившихъ князьямъ Острожскимъ, возвратитъ награбленное въ панскихъ имѣніяхъ огнестрѣльное оружіе, коней, скотъ и другую движимость, а челядь обоего пола, которая находилась при козакахъ, отъ себя отослать. Договоръ подписали, по просьбѣ побѣжденныхъ, и все паны, помогавшіе князьямъ Острожскимъ, а именно: Якубъ Претвицъ (Претвичъ) изъ Кавронъ, каштелянъ кампецкій *); князь Александръ Вишневецкій, черкасскій, каневскій, корсунскій, любечскій, лоевскій староста; Янъ Кгульскій (Гойскій), войскій трембовельскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій земли Волынской; Василій Гулевичъ, войскій володимерскій **).

*) Въ документахъ онъ ошибочно названъ галицкимъ.

***) Исчисленные въ этомъ порядкѣ въ текстахъ документа, писаннаго по-русски, паны, кромѣ Гулевича, подписались по-польски; Косинскій — также по-польски, но войсковою писарь, Иванъ Кгречковичъ, „именемъ всего войска“, по-русски. Янъ Кгульскій вовсе не подписался.

Всего замѣчательнѣе въ этомъ событіи то обстоятельство, что казаки, прежде чѣмъ вооружиться противъ князя Острожскаго и его партіи, вошли въ переговоры съ Крымскими Татарами съ одной стороны и съ Москвою съ другой. Въ самомъ зародышѣ козацкихъ бунтовъ замѣтно уже сознаніе, что украинская орда не совпадаетъ съ панами безъ Крымцевъ, и что только „подъ высокой рукою“ Московскаго царя найдеть себѣ убѣжище въ случаѣ крайности. Последнюю мысль восприняли казаки, можеть быть, отъ самой же шляхты, которая, въ лицѣ своихъ отверженцевъ и преступниковъ, руководила тогда запорожскою вольницею. Уже между гетманствомъ двухъ первыхъ возмутителей козацкихъ, Косинскаго и Наливайка, посоль императора Рудольфа II замѣтилъ во время своего пребыванія у запорожцевъ, что они не считали себя подданными Рѣчи Посполитой, а скорѣе—слугами московскаго самодержца, и оправдывался передъ своимъ государемъ тѣмъ, что московскій великій князь могъ бы обидѣться за козаковъ, когда-бъ онъ прервалъ съ ними сношенія; а черкасскій, каневскій и любечскій староста доносилъ королю, что московскій великій князь, въ своемъ листѣ къ козакамъ, титулуеть себя царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ. Безъ сомнѣнія, царская грамота столь неправдоподобнаго содержанія была вымышлена первыми козацкими бунтовщиками, какъ и „Золотая Грамота царицы Катерины“—последними. Для историка важно здѣсь убѣжденіе, возникшее въ козакахъ до начала ихъ бунтовъ. Оно могло принадлежать и самому Косинскому. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что польская шляхта, по пресѣченіи наслѣдственной линіи королей своихъ, боялась измельчать и обратиться въ магнатскихъ мужиковъ. На избирательныхъ сеймикахъ раздавались въ ней такіе голоса: „Ни отъ одного государя не можно ожидать такой помощи нашему шляхетскому чину, какъ отъ московскаго. Только подъ рукою московскаго самодержца прекратились эти насилія, наѣзды, кровопролитія, убійства, блудодѣянія и разныя другія беззаконія. Только у него нашли бы мы быстрое, немедленное удовлетвореніе справедливости“.

Другая характеристическая черта первой козако-панской усобицы состояла въ томъ, что Криштофъ Косинскій въ концѣ XVI столѣтія предполагалъ сдѣлать съ Польшею то, чѣмъ ей грозилъ въ половинѣ XVII-го Богданъ Хмельницкій. Князь Александръ Вишневецкій доносилъ объ этомъ коронному великому гетману Яну Замоискому, отъ 23 мая 1593 года, изъ Черкасъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Измѣнникъ Косинскій не удовольствовался тѣмъ, что все время до сихъ поръ не проливалъ кровь людскую во владѣніяхъ его королевской милости,

совершая безпрестанныя жестокости, мучительства, наѣзды, насилія, по еще и до основанія все пограничье хотѣлъ низпровергнуть (wyrzucić), всѣхъ насъ вырубить, и присягнувъ со всѣмъ войскомъ своимъ опустошать съ турецкими и татарскими войсками коронныя владѣнія и помочь языческимъ псамъ завоевать самую корону. Въ самомъ дѣлѣ крымскій царь готовился послать съ нимъ войска, а онъ ему присягнувъ восвать владѣнія его королевской милостя“.

Не менѣе характеристично въ первой козакопанской усобицѣ и то, что козацкія обѣщанія и клятвы были дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ у козаковъ, пока козаки сознавали себя бессильными. Такъ у нихъ было и въ послѣдующихъ бунтахъ. Самые предводители ихъ, милуемые великими папами иногда даже на эшафотѣ, не считали себя связанными никакими обѣщаніями, лишь только на мѣсто побитыхъ товарищей окружали ихъ новыя.

Въ настоящемъ случаѣ, гнѣздившіеся въ Кіевщинѣ козаки вѣрили ни во что клятвенный договоръ, заключенный подъ Пяткомъ „сотниками, отаманами и рыцарствомъ Запорожскаго Войска“ вмѣстѣ съ ихъ „гетманомъ“, какъ именовалъ себя Косинскій. Они провозгласили того же Косинскаго вновь своимъ гетманомъ и, оставляя князей Острожскихъ въ покоѣ, бросились вмѣстѣ съ нимъ на Черкасы, чтобы отомстить Александру Вишневецкому за его вмѣшательство въ дѣло, которое, по ихъ удѣльно-вѣчевому воззрѣнію, вовсе до него не касалось, нужды имѣть, что подъ Пяткомъ сражалось множество свободныхъ людей изъ его украинскихъ старостъ. Но тутъ „Манъ Косинскій“, какъ титуловали его въ договорномъ актѣ побѣдителя, загулялъ съ козаками по-запорожски. Старостинскіе люди папали на пьяныхъ рушниковъ, убили ихъ предводителя, разогнали пьяную орду и положили копецъ возобновленному разбою.

Побитые въ Черкасахъ козаки заключили съ княземъ Вишневецкимъ такую же мировую, какъ и съ княземъ Острожскимъ. По, по смерти князя Вишневецкаго, послѣдникъ его сдѣлалъ имъ какую-то „кривду“. Козаки отправили къ кіевскому „замковому уряду“ двухъ пословъ съ просьбою—дать имъ вознагражденія для составленія обвинительнаго акта. Но этотъ урядъ состоялъ, какъ видно, изъ людей, расположенныхъ больше всего къ самоуправству. Вымещая на козацкихъ послахъ претерпѣнныя въ минувшую усобицу обиды свои, замковые чиновники одного изъ нихъ убили, другаго до полусмерти замучили, и все имущество ихъ товарищей разграбили. Въ этомъ самоуправствѣ, какъ видно изъ теченія дѣла, участвовали и кіевскіе мѣщане. Озлобленные запорожцы, въ числѣ 4.000 человекъ, двинулись къ Кіеву

„съ арматою“, то-есть со всѣми принадлежностями войны и козацкаго самоуправленія.

Между колонизаторами Украины игралъ въ то время важную роль кievскій католическій бискупъ, Іосифъ Верещинскій, осадившій на древнемъ городищѣ Хвастовъ, который онъ, по своему родовому гнѣзду въ люблинской холмщинѣ, назвалъ Новымъ Верещиномъ. Осадить на безлюдѣ городъ значитъ—защищать его не только отъ татарской, но и отъ мѣстной орды. Одну надобно было отражать, другую привлекать къ себѣ разными уступками и подарками. То и другое для Верещинскаго было тѣмъ возможнѣе, что духовный санъ его не мѣшалъ ему водить лично противъ Татаръ боевыя дружины. Эти дружины состояли обыкновенно на половину изъ низовыхъ козаковъ. Въ нихъ участвовали знаменитѣйшіе запорожскіе рыцари разныхъ національностей. Козаки знали и любили щедрого, толерантнаго, справедливаго и благочестиваго въ своемъ католичествѣ бискупа. Походъ ихъ на Кіевъ былъ предпринятъ въ ту пору, когда сюда съѣхались окрестныя земледѣльцы на судебныя *рочки*. Имъ угрожала въ Кіевѣ немалая опасность, и они всѣмъ обществомъ своимъ упростили Верещинскаго вмѣстѣ съ другимъ популярнымъ въ Запорожскомъ Войскѣ лицомъ, княземъ Кирикомъ Рожинскимъ, умиротворить козаковъ. Шляхетскіе депутаты, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, подъ которыми надобно разумѣть служилую шляхту, выступили навстрѣчу козакамъ и ждали ихъ надъ Днѣпромъ, верстахъ въ десяти отъ Кіева, на урочищѣ Лыбедь.

„На этомъ урочищѣ“, доносилъ Русинъ по происхожденію, Верещинскій, такому же Русину, полевому коронному гетману, Жовковскому (по-польски Жулкевскому *), „въ концѣ сентября 1593 года, едва не поплатились мы жизнью, потому что козаки, свѣдавъ о насъ отъ своихъ *калаузовъ* (проводниковъ) и принявъ насъ за кievскую (полевую) сторожу, хотѣли на насъ ударить. Замѣтивъ это, я, по дивному Божію промыслу, вмѣсто *vim vi illis retinendo* **), велѣлъ музыкантамъ играть на *шаломаяхъ* ***), псаломъ Давидовъ *Cantabo Domino in vitā meā* ****), дабы козаки узнали меня по этому шаламайному *гаслу* (сигналу). Господь Богъ сохранилъ мою жизнь для своей славы и къ большому еще умноженію хвалы своей. Съ помощію Божіею,

*) Źółkiewski.

**) Вмѣсто отраженія силу силою.

***) Пѣмецкое Schallmeien. Покозацки -- жоломійки.

****) Восхваляю Господа въ животѣ моемъ.

шаломайная мелодія спасла меня съ княземъ Кирикомъ Рожинскимъ и съ моими слугами отъ страшной опасности. Когда, на другой день, приплыло Запорожское Войско, воздало оно Господу честь и хвалу, что его сторожа не обагрила своего оружія нашей пеповинною кровью. По окончаніи церемоніи, стали мы убѣждать козаковъ, чтобъ они, не вступая въ Кіевъ, съ такимъ отрядомъ, искали справедливости въ меньшемъ числѣ; но они на то не согласились, говоря, что небольшому ихъ отряду стало бы то же самое, что ихъ посламъ. И когда козаки подходили къ Кіеву Диѣвромъ и сушией, съѣхавшася туда шляхта, не желая съ замковымъ урядомъ пить этого пива, котораго онъ наварилъ, разтѣхалась по своимъ домамъ, а замковой и мѣщанскій урядъ заперся въ замкѣ. Много стоило намъ труда и не мало опасности примиреніе козаковъ съ замковымъ и мѣщанскимъ урядомъ. Козаки, за свои труды и потери, за тиранію падъ однимъ посломъ и за грабежъ надъ ихъ товарищами, согласились наконецъ получить двѣнадцать сотъ злотыхъ польскаго счету, и учинили между собой на бумагѣ вѣчный миръ, безъ присяги, охраняя знаменитую столицу Кіевскаго отечества, чтобъ она не понесла на себѣ никакой обиды. Въ самый дѣлъ выѣхали они изъ Кіева безъ стрѣльбы и безъ обоюднаго пролитія крови, не сдѣлавъ никакого вреда въ людяхъ, кромѣ живности, которою хорошо обзаваслись“.

Въ заключеніе, Верещинскій просилъ Жовковскаго — сообщца со всѣмъ сенатомъ сдѣлать замковому уряду хорошую нотанцію, чтобъ онъ впередъ, безъ королевской инструкціи, или безъ совѣта своего бискупа, или же кіевскаго воеводы, ничего подобнаго не дѣлалъ. „За такіе глупые поступки — писалъ онъ — слѣдовало бы выскать съ замковаго уряда всѣ убытки, понесенные мѣщанами отъ казаковъ, чтобы на будущее время они были умнѣе: иначе — надобно бояться, чтобы Кіевъ не сдѣлался пустками“.

По дѣла сложились уже такимъ образомъ, что пограничной шляхты нельзя было развести съ козаками. Съ той и съ другой стороны накопилось множество кровавыхъ обидъ. Съ той и съ другой стороны набралось множество людей, для которыхъ не существовало никакого права, кромѣ права сильного. У того самаго князя Василя, который первый вооружился противъ диѣвровской вольницы, состоялъ на жалованьи преемникъ отважнаго Косинскаго, уроженецъ мѣстечка Гусятина, Северианъ Паливайко, прозванный впоследствии полушутя и полусерьезно Царемъ Паливаемъ. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и алкивіадовскою красотою своею, и дикою энергіею своей дѣятельности. По чувству рыцарской чести, унаслѣдо-

вапшой козаками отъ знаменитыхъ предводителей своихъ, не могъ онъ отказать „своему пану“ въ повиновеніи, когда тотъ посылалъ его противъ его собратій по оружію; но лишь только срокъ его службъ миновалъ, и онъ сдѣлался по-старому; вольнымъ добычникомъ,—низовые козаки, у себя въ Сѣчи, получили отъ него посольство, характеризующее козака со стороны его рыцарства.

Паливайко оправдывался передъ занорожцами долгомъ чести въ томъ, что воевалъ противъ нихъ подъ знаменами князя Острожскаго, и предлагалъ имъ навсегда дружбу и братство свое. Въ доказательство своей искренности, дарилъ онъ отъ 1500 до 1600 лучшихъ коней изъ военной добычи, взятой недавно въ Волощинѣ. Но, такъ какъ честное рыцарство (говорили послы Паливайка) не довѣряетъ ему, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ раду положить въ ся кругѣ свою саблю и оправдаться во веѣхъ изводимыхъ на него обвиненіяхъ,—сѣтъмъ, что, еслибы рыцарская рада не уважила его представленій, то онъ склонитъ передъ нею голову подъ собственнй мечъ свой. Низовцы были довольны обращеніемъ Паливайка изъ панской службы къ добычному промыслу, и поладили съ вольными людьми, изъ которыхъ состояла Паливайкова дружина.

Примиренію вольнопасмныхъ Торковъ съ Торками и Берендеями кочующими въ дикой свободѣ помогло то обстоятельство, что Турки въ это время сильно тѣснили Венгрію, и нѣмецкій императоръ Рудольфъ II прислалъ въ Занорожскую Сѣчь своего посла, силезца Фриха Ласоту, съ значительною суммою денегъ, заохочивая козацкое войско къ нападеніямъ на турецкія владенія. Съ другой стороны, агенты римскаго пана подстрекали шляхту къ набѣгамъ на турецкое Подлѣстріе. По случаю мира съ Москвою, много народу, кормившагося войною на сѣверѣ, отхлынуло теперь къ югу. Бывшіе слуги, или дворяне, Стефана Баторія, тѣснимыя козаками для усюкошенія Турокъ, интриговали въ пользу турецкой войны всюду, гдѣ шляхетскій бытъ приближался къ быту козацкому; а множество боевой шляхты, не получивъ за Московскую войну жалованья и навлекши на себя кару закона обычнымъ въ такомъ случаѣ грабежомъ королевскихъ и панскихъ имуществъ, „прістало въ козаки“ рыцарскимъ путемъ Паливайка. Своевольный элементъ выдѣлился изъ польскаго общества рѣзко, и фізіономія козачества получила злобную выразительность. Козацкіе сотники стали играть даже роли агентовъ по сношеніямъ придунайскихъ господарей и седмиградскаго князя съ нѣмецкимъ императоромъ, во вредъ мусульманамъ. Козаки служили Рудольфу II въ самой Венгріи цѣлымъ войскомъ своимъ, въ которомъ насчитывали 6,000 ста-

ришскихъ козаковъ, людей отборныхъ, не включая тѣхъ, которые проживали въ послѣднихъ пограничныхъ и хаживали съ опытными козаками на добычный промыселъ въ смыслѣ повиціата. Правда, дѣйровскіе рыцари оказались весьма убыточными защитниками венгерскихъ христіанъ отъ мусульманскихъ вторженій, и были выпровожены изъ Венгріи, какъ противоядіе, болѣе вредное, чѣмъ самый ядъ; но тѣмъ не менѣе у нихъ завелась нушка съ именемъ императора и знамена съ его императорскими знаками, а сознаніе своей самобытности возросло въ Запорожскомъ войскѣ до того, что власть короннаго гетмана потеряла для него всякое значеніе.

По признацію польской исторіографіи, „въ краѣ чувствовалось уже нѣкоторое разложеніе. Украинныя области—говоритъ она—были для насъ Ахиллесовой пятою. Безправіе и неурядица дошли въ нихъ до высочайшей степени. Правительство взваливало бремя обороны границъ на старость, и дѣло шло еще довольно хорошо, пока непріятель дѣлалъ нашествіе со стороны Днѣпскихъ Полей; но когда поднялся оный домашній врагъ, извѣстный подъ именемъ Низовцевъ или Свобольныхъ Кунь,—затрудненія увеличились: ибо старостинскія роты состояли изъ земляковъ и товарищей взбунтовавшихся грабителей. Наконецъ то, что въ другихъ странахъ называлось грабежомъ и разбоемъ, здѣсь представлялось легкимъ свособольствомъ. И пришельцы, и туземцы, воспитанные въ школѣ борьбы съ татарскою дичею, часто теряли чувство справедливости. Наше прекрасное законодательство не дѣлало своего дѣла даже по *уродамъ*. Ограничивались протестаціями, и то въ весьма скромной формѣ. Никто не преслѣдовалъ виновнаго. Судопроизводство тапуюлось до тѣхъ поръ, пока набѣгъ татарскихъ ордъ не полагалъ ему конца, такъ какъ и истецъ и отвѣтчикъ являлись весьма скорыми въ отраженіи набѣга, и часто сражались вмѣстѣ, отбивая бѣдный народъ изъ ясыра, и скоть, гонимый подъ Вѣлгородъ или еще дальше. Такимъ образомъ свособольство господствовало (*swawola więsgroz wielmożniała się*), и Рѣчь Посполитая тогда только задумывала поступить съ нею строго, когда оно вызывало гнѣвъ дивана и угрозы татарскаго хана“.

Въ этихъ словахъ Поляка и шляхтича мы читаемъ признаніе, что буйство козацкое получило свое начало въ буйствѣ шляхетскомъ. Біографія самого Паливайки, какъ увидимъ изъ его оправданія передъ королемъ, представляетъ разительный тому примѣръ.

Послѣ Косинскаго, въ запорожскомъ скопищѣ прославился Лобода. И при Косинскомъ сумѣлъ онъ овладѣть Кіевомъ, а когда панъ Крштофъ погибъ въ отважномъ покушеніи на Черкасы, онъ, осенью

того же года, бросился въ задѣстровскія степи, напалъ на богатую ярмарку, собиравшуюся въ Юрьсвѣ (Джурджево) подѣ Бѣлгородомъ, ограбилъ самый городъ и прошелъ по-татарски загонами по окрестностямъ. Слава Лободы выросла соответственно его добычѣ. Наливайко воспламенился жаждою подобной славы. Есть основаніе думать, что онъ завидовалъ и самому Косинскому. Не даромъ же князь Василій писать о немъ своему зятю: „Господь попускаетъ на меня другаго Косинскаго“. По закону подражательности злему подѣ видошь чего-то добраго, Наливайко шелъ погибельнымъ путемъ пана Криштофа, не зная и не заботясь, къ чему приведетъ его соревнованіе паву Григорію, такому же шляхтичу, какимъ былъ и Косинскій.

Новую карьеру свою началъ онъ поступкомъ предательскимъ. Забывая, что подѣ крыломъ князя Василя выросла его сила, онъ обратился къ врагу его Замойскому съ представленіемъ, будто бы милостивый его пашъ, князь Острожскій, дозволялъ ему собрать, сколько сможетъ, товарищей для войны съ неприятелемъ Св. Креста, но что онъ признаетъ себя и свою дружину болѣе подчиненными ему, Замойскому, на котораго взираетъ, какъ на монарха, и такъ какъ эта дружина состоитъ изъ людей, которые всю жизнь и все свое время обыкли посвящать службѣ *его пашской милости и всей Речи Посполитой*, то онъ ищетъ его покровительства противъ тѣхъ людей, которымъ за обычай уменьшать козацкую славу (намекъ на битву подѣ Пяткомъ), и просить указать, гдѣ бы его дружина могла добывать себѣ живность, готовясь къ выступленію въ походъ.

Острожскій враждовалъ съ Замойскимъ за назначеніе жолнерскихъ стоянокъ въ его владѣніяхъ. Наливайко, ирсея коронаго гетмана узаконить его гостеванье въ Острожчикѣ съ толпою мародеровъ, рассчитывалъ на усиленіе вражды между двумя магнатами. Но вооруженный издавна противъ козачины Замойскій не удостоилъ отвѣта его представленію, — тѣмъ болше, что онъ и титуловалъ себя въ немъ занорожскимъ гетманомъ *), тогда какъ за Порогами существовалъ герцогимъ повелѣнъ правительствомъ *гетманъ* Григорій Лобода и въ Украинѣ правительство признавало козацкимъ *старшиимъ* сихтынскаго старосту Николая Язловецкаго.

Неразборчивый въ дѣлѣ вѣры, національности и чести, прототипъ козачества, Наливайко, повелъ свою дружину за Днѣстръ (весною 1594 года), и вернулся съ добычей, а потому и со славою, превзошедшей самую гордую надежду его. Но палладіумъ козацкой славы

*) Событвенноручная подпись церковно-славянскими буквами.

былъ не въ магпатекомъ дворѣ, гдѣ онъ служилъ недавно по найму, не на вольной Волиши, гдѣ *гостевалъ* въ панскихъ имѣніяхъ своевольно, даже не въ Украинѣ, гдѣ козакъ не признавалъ никакихъ властей, а въ „преславномъ“ Запорожскомъ Войскѣ: надобно было такъ или иначе предвосхитить козацкую *честь-славу, войсковую справу* у Лободы. И вотъ онъ отправляется извѣстное уже намъ посольство въ низовой лугъ Базавлукъ, на урочище Чоргомлыкъ, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь.

Волошское Задіѣстріе было населено почти исключительно православными христіянами. Богатая добыча была взята Паливайкомъ не у Турокъ, сидѣвшихъ тамъ въ укрѣпленныхъ городахъ, не у Буджацкихъ Татаръ, умѣвшихъ брать ясырь среди рыцарской шляхты и угопять къ себѣ подольскія, брацлавскія, червоннорусскія стада; но Паливайко вернулся въ Брацлавщину, какъ воинъ, подвизавшійся противъ „непріятелей Св. Креста“, и потому распределялъ универсалами своими, какія *стачии* должны были давать его войску жители городовъ и селъ, сгоняя въ свой кошъ табуны лошадей, стада воловъ и „ловницъ“, словомъ—дѣлалъ то самое, что дѣлала на кресахъ и татарская орда во время своихъ набѣговъ.

Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. По непонятному въ наше время равнодушію тогдашнихъ обитателей Малороссіи къ личнымъ насиліямъ, лучше сказать—по ихъ обыкновенности, даже судебныя позывовіяны больше объ утратахъ имущественныхъ. Но извѣстно и изъ актовъ Центрального Архива и изъ такихъ записокъ, какъ названная мною *Боркулабовская Хроника*, что запорожскіе рыцари—а ихъ у Паливайка было много—не только „погнали“ женщинъ и даже дѣтей, но и уводили съ собой каждый по восьми, десяти, двѣнадцати лошадей, „по трое, четверо хлонять, по двѣ или три жонки и дѣвки“. Какъ бы то ни было, только Паливайко прославился до такой степени, что его величали царемъ Паливасемъ во всѣхъ козацкихъ „кабакахъ“, какъ назывались тогдашніе притоны пьянства и распутства.

Королевскому правительству было въ то время не до кресовъ. „Стражъ короной границы“, коронный полевой гетманъ Жовковскій, былъ озабоченъ въ Русскомъ восводствѣ грабежами собственнаго козачества, какъ слѣдуетъ разумѣть жолперство; а жолперство потому считало себя въ правѣ промышлять козацкими грабежами, что ему не былъ заплаченъ *жолдъ*, по-русски жалованье. Между тѣмъ вниманіе фельдмаршала, короннаго великаго гетмана и вмѣстѣ канцлера, Яна Замойскаго, было поглощено сосѣднею *Волощиною*, какъ называли Поляки и наши козаки Молдавію. Затруднительное положеніе, въ ко-

торомъ находилась тогда Турція, представляло возможность возвратитъ польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство *волошскую* господаря.

Когда, въ числѣ нанскаго контингента для похода за Дуѣстры явился подъ Жванецмъ, съ малочисленнымъ почтомъ, и брацлавскій староста Струсъ, Жовковскій принялъ спокойно его жалобу на „своевольство и бунты злыхъ хлоповъ“, которые не даютъ ему отправлять правосудіе въ мѣстномъ грѣдѣ,—принялъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бюскунъ Верещицскій писалъ къ нему о столкновеніи низовцевъ съ кіевскимъ урядомъ. Онъ совѣтовалъ пану старостѣ умѣренность, ограничился донесеніемъ по начальству, и замѣтилъ въ донесеніи успокоительнымъ тономъ о свосвольникахъ, что сила у нихъ слаба, велика только завзятость (*urog wielki*). „Однакожь—продолжалъ онъ—я попытаюсь найти способы умиротворить ихъ добрыми средствами“.

Неизвѣстно, чтѣ дѣлалъ онъ для умиротворенія „свосвольниковъ“; только Наливайко, въ іюнѣ 1594 года, предводительствуя дружиною „почти однихъ банитовъ“, углубился въ Турецчину и Татарщину, какъ называли козаки безразлично все Задуѣстріе, прошелъ (по собственному его сказанію) „между Течини и Бѣлгорода къ Прескапамъ взялъ неприятельскій городъ, и десятка полтора сельъ вокругъ него выжегъ“.

Однакожь добычу, взятую въ этомъ походѣ, отбили у Наливайка не Турки и Татары, а единовѣрцы его, Волохи, подъ предводительствомъ своего православнаго господаря. Наливайко потерялъ полторы тысячи соучастниковъ набѣга, и вернулся въ Брацлавъ, преслѣдуемый голодомъ. Распустилъ обнищавшую дружину, пріютился онъ у мѣстнаго войта, шляхтича Тиковича, съ горстью „прибочниковъ“, которые, въ качествѣ тѣлохранителей, были необходимы для каждаго козацкаго гетмана и ватажка.

Въ это время брацлавскіе землевладѣльцы съѣхались въ „столичный“ свой городъ на рочки, но, предупреденные гродскимъ писаремъ, Байбузою, разѣхались по домамъ: такъ былъ страшенъ Царь Наливай и въ своемъ упадкѣ. Землевладѣльцы рѣшились отправлять судебныя рочки въ Вишницѣ. Наконецъ осмѣлились воспріять гражданскія права свои, и двинулись полнымъ собраніемъ въ Брацлавъ. На бѣду мирныхъ единовѣрцевъ защитника Св. Креста обозъ ихъ, подъ самимъ Брацлавомъ, захватила темная октябрьская ночь. Передъ разсвѣтомъ началъ на нихъ Наливайко вмѣстѣ съ брацлавскимъ войтомъ и толпою задуѣстровскихъ геросель. Они убили пана Ивана Микулашкаго, побили много служилой шляхты, а все добро судеб-

наго общества, одежды, бумаги, наличныя деньги, лошадей, забрали, чтобы „полатать свои злы дни“, какъ выразился русскій лѣтописецъ.

Этотъ козацкій разбой записанъ со всѣми подробностями, какъ общественный протестъ, въ лужскихъ актовыхъ книгахъ; но и онъ остался ненаказаннымъ.

Однакожь титулярный гетманъ Паливайко нанеся вынужденнымъ искомъ, на всякій случай, покровительства у дѣйствительнаго запорожскаго гетмана, Лободы, съ которымъ соперничалъ до гибели для нихъ обоихъ побоища за Сулою. Изъ страха беззащитности примѣшивалось у него и чувство мести къ волошскому господарю,—чувство, съ которымъ Косипскій папалъ на Вишневецкаго въ Черкасахъ. Во время своего бѣгства изъ-за Днѣстра, онъ обѣщалъ господарю побывать у него въ гостяхъ, и звалъ теперь лободинцевъ на богатую добычу въ Лессы. Лободинцы откликнулись на зовъ паливайцевъ, какъ орлы къ орламъ, или вороны къ воронамъ. Тутъ, конечно, поддержала Царя Паливая и брацлавская добыча, такъ какъ, безъ поощренія гостинцами, энтузіазмъ сѣчевыхъ рыцарей не двигалъ ихъ къ отважнымъ предиріятіямъ.

Пизовцы появились въ Брацлавицѣ, и вмѣстѣ съ „охочеконниками“ паливайцами составили больше 12,000. Все войско дѣлилось на двѣнадцать хоругвей, въ числѣ которыхъ двѣ были украшены императорскими гербами. „Затяжцы“ объявили мирнымъ жителямъ, что, по просьбѣ христіанскаго императора Рудольфа и съ дозволенія преславной рады Запорожскаго Войска, оставшейся на днѣпровскихъ островахъ, идутъ противъ невѣрныхъ. Торжественное объявленіе уполномочивало ихъ, какъ воеводъ Св. Креста, взимать со всѣхъ сословій и состояній то, что въ другихъ странахъ называлось черною данью, подъ видомъ стаціи. Быстро снялась козацкая орда съ мѣста своихъ лежъ, и очутилась въ гостяхъ у волошскаго господаря, въ Лесахъ. Только трои сутки гостевали козакъ, но черезъ годъ послѣ того столица Молдавіи показала Яну Замойскому сполною руною, среди которой „уцѣлѣлъ только мурованный господарскій дворецъ“.

Разбивши господарское войско въ трехъ мѣстахъ, козакъ „пустили на пожаръ“ все, чего загоны ихъ не могли взять съ собою, и не прошло мѣсяца послѣ ночнаго разбоя подъ Брацлавомъ, какъ они заняли уже подъ свои лежи многочисленный городъ Варъ.

Тамъ захватили ихъ ранняя и необыкновенно снѣжная зима. Подъ защитой странныхъ мятежей и глубокихъ запосоль, побѣдители Волоховъ не боялись ни короля съ его жолнерами, ни пановъ съ ихъ ополченіями. Да и не было въ краѣ никакихъ боевыхъ силъ, если не

считать человекъ пятнадцати вооруженныхъ людей въ Межибожѣ, Камонецкій каштелянъ Яковъ Претвичъ, соратникъ Якуша Острожскаго подъ Пяткомъ, проживалъ въ Шаравѣ, миляхъ въ шести отъ Бара, съ горстью служилой шляхты своей. Онъ отослалъ женщинъ, дѣтей и движимость въ Терембовлю, мѣсто, нагнѣтое знаменитымъ отцемъ его, Бернардомъ, предводителемъ козацкихъ дружинъ Константина I Острожскаго; а самъ, по долгу службы, оставался на мѣстѣ, собирая тревожныя вѣсти о козакахъ. Все зажиточное бѣжало съ движимостью во Львовъ и въ другія безопасныя мѣста. Были козаки грозою для знатныхъ и незнатныхъ людей. „Подуванивши въ Барѣ дуванъ“ (подѣливъ между собой добычу) и расквартировавши товарищество свое широко вокругъ Бара, они простерли свои лежи до самой Винницы. Именемъ Запорожскаго Войска были разосланы универсалы, предписывавшіе мѣстнымъ властямъ доставить „реестръ всѣхъ провьянтовъ“, а между тѣмъ барская „генеральная“ рада постановила „допневяться“ у Рѣчи Посполитой жолду за походъ въ „Туретчину“.

Здѣсь подобно вспомнить, что весною 1594 года запорожцы были призваны въ Венгрію довольно представительнымъ посольствомъ отъ императора Рудольфа II для помощи ему противъ Турокъ. Съ того времени козаки стали смотрѣть на себя какъ на воиновъ „христіанскаго цесаря“. Козацкіе сотники играли даже роли агентовъ въ сношеніяхъ придунайскаго князька съ императоромъ. Сохранилось письмо сотника Демковича къ князю Константину II Острожскому, изъ Бара, отъ 3 февраля 1595 года, въ которомъ онъ говоритъ (польски): „Когда я былъ посланъ отъ паповъ козаковъ къ мулянскому (валахскому) господарю для слушанія присяги, которую господарь его милость, какъ съ духовною, такъ и съ свѣтскою радою, учинилъ съ папами своими и съ гетманомъ своимъ, за моимъ прѣводомъ, въ томъ, что дѣйствительно отвергся цесаря турецкаго и поддался цесарю христіанскому, послѣ этого получилъ онъ отъ его милости цесаря привилегію и закрытый листъ, чтобы вопелъ въ соглашеніе съ козаками, что все намъ онъ показывалъ для большаго удостовѣренія“ и т. д.

Послѣ Косищини, надѣлавшей много хлопотъ старому „доматору“, князю Василію, „святопамятный“ нашъ устранился отъ всякаго вмѣшательства въ подавленіе Паливайщины. Меньшимъ изъ золъ находилъ онъ оставаться съ козаками въ миру. По старой памяти, онъ игралъ роль ихъ благодѣтеля, роль ихъ защитника передъ правительствомъ, хотя въ секретныхъ письмахъ къ зятю проклиналъ козачество и называлъ козаковъ поганцами (язычниками). Онъ былъ готовъ

играть самыя противоположныя роли, лишь бы умножить, или сберечь, свои богатства, лишь бы одни его чествовали, а другіе боялись. Отсюда между доброжелателями и врагами эквилибриста-богача пошла молва, будто онъ поощряетъ козаковъ къ бунтамъ, будто онъ устраиваетъ ихъ грабежи въ имѣніяхъ поборниковъ въ уніи, и, на основаніи такой молвы, малорусскія лѣтописи вписали имя козацкаго гетмана Наливайко вмѣстѣ съ именемъ князя Острожскаго въ несбывающую войну за православіе.

Сношенія козаковъ съ нѣмецкимъ императоромъ, безъ сомнѣнія, возымѣли извѣстное вліяніе на отношенія князя Василія къ козачеству. Онъ, котораго передъ избраніемъ Сигизмунда Вазы, объявляли кандидатомъ на польскій престолъ вмѣстѣ съ сыномъ Янушемъ, могъ имѣть особыя виды на козаковъ, подобно Рудольфу II въ борьбѣ съ Турками, и потому, глядя сквозь пальцы на Наливайко, привлекалъ къ себѣ козаковъ молчаливыми кой въ чемъ потачками. Онъ, очевидно, выжидалъ такого, или иного конца *tragedii*, какъ называлъ онъ въ письмѣ къ зятю борьбу козачества съ королевскимъ войскомъ.

Съ своей стороны и представитель солиднѣйшихъ „пановъ-козаковъ“, Лобода, старался пріобрѣсти благосклонность магната изъ магнатовъ, щадилъ его имѣнія отъ козацкихъ лежекъ, и сообщалъ ему нисѣмненю разныя новости, съ выраженіемъ „униженнѣйшей службы“ и пр. Такія отношенія козацкаго демагога къ польско-русскому повелителю объясняютъ романомъ, разыгравшимся, въ зимнюю стоянку, между запорожскимъ *лыцаремъ* и красивою панною, проживавшею недалеко отъ Бара, въ хуторѣ Шершняхъ.

О Лободѣ сохранилось преданіе, что это былъ *козарюга* великанскаго роста, необычайной силы, плечистый, мускулистый, со взгядомъ и выраженіемъ лица, поражающими своею дикостью. Умъ его, склонный къ великодушію, заставлялъ его держать свое слово крѣпко. Онъ охранялъ по своему общественное спокойствіе, отличался строгостью съ подчиненными и не разъ рисковалъ изъ-за этого жизнью. Въ хуторѣ Шершняхъ жила вдова, какал-то пани Оборская, которой покойный мужъ отличался, въ царствованіе Стефана Баторія, воинскими подвигами и, по королевской милости, былъ обезпеченъ значительнымъ вознагражденіемъ. Въ скромномъ, но поставленномъ на панскую ногу, домѣ вдовы Оборской процвѣтала ея воспитанница и родственница, дѣвица замѣчательной красоты. Когда сосѣдняя шляхта, испугавшись козацкаго хозяйничанья въ краѣ, разѣхалась въ разныя стороны, пани Оборская, взрослая на кресахъ и привыкшая къ бурямъ украинной жизни, осталась героически въ своемъ хуторѣ. Вѣроятно, ея питомица отличалась тою же смѣлостью, и, можетъ быть, это въ ней больше всего

понравилось козацкому Аяксу. Какъ бы то ни было, только романъ свой съ прелестною панною Лобода закончилъ тѣмъ самымъ обычаемъ, какой призналъ наилучшимъ самъ князь Василій въ насильственномъ сочетаніи племянницы съ княземъ Сангушкомъ *). Одинъ изъ вѣстовниковъ старика-феодала доносилъ ему лаконически: что панянка шла замужъ по неволѣ: „такъ было угодно его милости; вѣнчалъ же ихъ пошъ. Но Господь знаетъ, надолго ли“ (*dlugo li tego*)?

Женидба деспота-козака была въ самомъ дѣлѣ неудачна, какъ и та, которую устроилъ деспотъ-магнатъ. Но мы знаемъ о судьбѣ несчастной женщины только то, что когда Жовковскій, въ слѣдующемъ году, гнался за Паливайкомъ, Лобода наткнулся было на него съ отрядомъ „комонника“ въ семьсотъ человѣкъ. Онъ летѣлъ къ Вару, чтобъ ограбить Подолію и схватить вдову Оборскую, „великую свою непріятельницу“, но принужденъ былъ вернуться въ Бѣлоцерковщину. Такъ рассказываетъ мимоходомъ современный историкъ, не придавая этому характеристическому факту никакой важности.

Въ концѣ февраля 1595 года, еще не возмущенный семейною исторіей Лобода писалъ изъ Брацлава къ своему „милостивому папу“, что, съ помощію Божіею, выступаетъ противъ непріятеля Св. Креста на „Вѣлгородское Поле“, моля Господа Бога, чтобы, „за счастьемъ его милости (князя Василя), этотъ поганецъ упалъ подъ наши ноги“, и просилъ его княжескую милость предстательствовать за козакомъ во всякомъ дѣлѣ.

Дѣлая, въ письмѣ къ зятю, выписку изъ письма Лободы, Острожскій называетъ его папомъ Лободою и хвалится, что онъ во всемъ держалъ себя къ нему (князю) и къ его подданнымъ спокойно, заискивая его „пріязни“.—„А этотъ негодяй, Паливайко (продолжася онъ), оторвавшись отъ прочихъ съ тысячею человѣкъ, не пошелъ къ Волохамъ, и теперь гоститъ въ Остронолѣ, моемъ имѣніи. Кажется (прибавляетъ онъ своимъ таинственнымъ языкомъ), что мнѣ придется поступить съ нимъ, какъ на рынкѣ“ (*jako na targu*).

Надобно думать, что Паливайко былъ недоволенъ произведеннымъ въ Гарѣ дѣлшемъ заднѣстровской добычи, а, можетъ быть, ему было тягостно повиноваться Лободѣ въ качествѣ полугермана. Во всякомъ случаѣ, онъ задумалъ поискать „козацкаго хлѣба“ самостоятельно. Въ оправдательномъ письмѣ своемъ къ Сигизмунду III онъ описываетъ новые подвиги свои слѣдующими словами:

*) Объ этомъ рассказано подробно въ „Исторіи Возрожденія Руса“, I, 266—272.

„Получивъ письменный зазывъ отъ его цесарской милости, а также и отъ ихъ милостей пановъ воеводъ седмиградскаго, мултанскаго и волошскаго, по просьбѣ этихъ пановъ христіанскихъ, какъ подобало намъ, людямъ рыцарскимъ, отправились мы въ непріятельскія земли. Тамъ, соединясь и присягнувши взаимно съ волошскимъ войскомъ подъ Тегншею, пошли мы подъ замокъ. Не могли его взять, повернули къ Бѣлгороду, взяли городъ, съ непріятелемъ нѣсколько разъ бились, селъ очень много подъ Бѣлгородомъ пожгли, но, не взявши замка, направили войска къ Киліи, городъ сожгли, селъ также не мало въ устьяхъ Дуная выжгли; замокъ сильно штурмовали; могли бы его и взять, еслибъ не опасались волошской и венгерской измѣны, которая вездѣ намъ была великимъ препятствіемъ. Опасаясь ихъ предательства, повернули мы домой, въ землю вашей королевской милости, и на долигѣ Ялугѣ праздновали Великдень христіанскимъ обычаемъ. Проведя тамъ святки, въѣхали мы благополучно въ свою землю панства вашей королевской милости, и дали конямъ въ Никовѣ трехнедѣльный отдыхъ. Но, не имѣя занятія въ панствѣ вашей королевской милости, и праздну проводить время не привыкнувъ, пустились мы въ цесарскую землю по письменному призыву его милости христіанскаго цесаря. Послуживъ тамъ немалое время, безъ всякой платы, изъ одной рыцарской охоты, и свѣдавъ, что Мамутеля съ седмиградскимъ воеводоу дѣласть *практики* противъ вашей королевской милости, и что они послали войско короля Максимилиана воеводѣ седмиградскому въ Волощину противъ его милости пана канцлера (Замойскаго), я, какъ подданный вашей королевской милости, не могъ дольше оставаться въ томъ государствѣ, не приложилъ моего сердца никакимъ подаркамъ, не соблазнился никакимъ *лакомствомъ*. Напротивъ, зная достовѣрно, что его милость панъ гетманъ (Замойскій) пошелъ съ войскомъ въ Волощину, я поспѣшилъ туда, не медля ни мало, будучи обязанъ вездѣ служить моеи отчизнѣ. Прямо съ горь я написалъ о себѣ его милости пану гетману, не нужень ли я его милости въ томъ краѣ. По его милости панъ гетманъ описалъ намъ, что онъ шелъ въ Волошскую землю не для войны, а для иныхъ надобностей, почему мы двинулись мимо Львова, покуная все и конямъ, и себѣ за деньги; а для военныхъ запасовъ, завернули въ Луцкъ, такъ какъ очень нуждались въ порохѣ и огнестрѣльныхъ снарядахъ. Оттуда, немного отдохнувъ и исполнивъ свои надобности, въѣхали мы на третій день“.

Реляція Паливайка характеризуетъ его кипищую боевой дѣятельностью природу, его двусмысленный классъ общества и самый духъ, господствовавшій на польскихъ кресахъ. Этотъ козакующій витязь въ

оправдательномъ письмѣ не считалъ нужнымъ упоминать о козацкомъ самоуправствѣ въ Пиковѣ, Брацлавѣ, Варѣ, Луцкѣ и всюду, гдѣ побывали козаки. Самоуправство ихъ считалъ онъ чѣмъ-то законнымъ. Даже личную свою месть надъ паномъ Калиновскимъ описываетъ онъ въ слѣдующихъ полупанвнхъ выраженіяхъ:

„Что касается пана Калиновскаго, то мнѣ извѣстно, что ваша королевская милость изволила прогнѣваться на меня, слугу вашей королевской милости. Это я долженъ былъ сдѣлать по уважительной причинѣ: мнѣ было больно, что панъ Калиновскій отцу моему, который былъ у меня *одинокъ*, безъ всякой причины переломалъ ребра и такимъ мучительствомъ согналъ отца моего со свѣта. Не зная, какъ поступить съ нимъ по закону за столь великую кривду, больше которой, думаю, ничто нѣкого изъ насъ и постигнуть не можетъ, и не имѣя средствъ на издержки, которыхъ требуютъ судопроизводство, яко челоувѣкъ убогій (*chudy pacholek*), прибѣгнувъ я къ тому, во чтѣ гораздъ (*znam się do tego*): поместился надъ нимъ худонахольскимъ способомъ. Но, такъ какъ ему въ то время послужило счастье (Паливайко не захватилъ Калиновскаго въ его имѣніи), то я, не думая мстить ему за всю мою кривду, полагаюсь вполнѣ, ничего себѣ не предоставляя, на Господа Бога и на милосердіе вашей королевской милости. И хотя онъ овладѣлъ всею моею землею, какъ ни мало ее у меня было, и нынѣ владѣеть, я ужъ не хочу и не буду отъ него домогаться моего имущества, не гоняясь насколько за прибылью. Этотъ поступокъ, какъ всякій иной, такъ и ваша королевская милость, мой милостивый панъ, принимая во вниманіе и уважительность дѣла, и побудительную причину, не изволите считать за своеволие съ моей стороны, разсудивъ при этомъ и то, что мы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, не имѣя ни къ кому такой причины, не осмѣливались больше такъ поступить, и такимъ своеволиемъ, къ которому не обыкли, не занимались“.

Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, что Паливайко сжегъ мимоходомъ замокъ пана Калиновскаго и разорилъ его мѣстечко, Гусятинъ. Послѣ такой бездѣяницы, не стоило оправдываться въ томъ, что, гостя въ Брацлавѣ, онъ „полагалъ свои злы дни“ на счетъ судебного общества или, отдыхая въ Луцкѣ, ограбилъ городъ. Вонтелямъ Св. Креста надобно же было вознаграждать походныя утраты если не королевскимъ жолдомъ, то чѣмъ-то такимъ, чтѣ приходило и скорѣе, и исправнѣе. Правда, король своимъ декретомъ осудилъ войта Тиковича съ его соучастниками на смертную казнь, а Луцкихъ мѣщанъ освободилъ отъ вниманія съ нихъ чопового налога въ уваженіе того, что они „отъ своевольнаго козацтва гельми на мастиностяхъ своихъ пошкождоны и

шарпаны суть“; но паливасцы смотрѣли на шкеры и шарпаше, какъ защитники края отъ непріятелей Св. Креста.

Изъ Луцка пустились козаки перелетными птицами въ Бѣлорусію — „отдыхать надъ обычнымъ козацкимъ шляхомъ, надъ Дибиромъ, пока не представится новый случай для службы Рѣчи Посполитой“, какъ изъяснялъ этотъ отдыхъ Паливайко въ томъ же оправдательномъ письмѣ къ королю. „Но едва мы ступили въ Литву, какъ говорится, одной ногою (жаловался онъ), литовскіе паны, безъ всякой съ нашей стороны причины и безъ вины, только за кусокъ хлѣба, въ ихъ маст-постяхъ съѣденнаго, а пожалуй, еще и не съѣденнаго, обрушились на насъ съ гайдуками“, и т. д.

Кусокъ хлѣба состоялъ въ томъ, что Паливайко овладѣлъ нанскимъ городомъ Слуцкомъ и забралъ въ городскомъ замкѣ всю артиллерию (12 пушекъ, 80 гаковницъ и 70 ружей), а съ мѣщамъ взялъ 5,000 копъ грошей литовскихъ въ видѣ разбойной черной дани, или татарскаго гарача.

Изъ-подъ Слуцка козаки ходили отрядами добывать свой кусокъ хлѣба къ Копылу и Бобруйску, наконецъ двинулись всею массою къ королевскому городу Могилеву на Дибирь. Здѣсь мѣщане вздумали было защищаться, но заплатились сожженіемъ своихъ домовъ и крашнихъ коморъ, которые дали паливайцамъ богатую добычу; а поданная Сигизмунду III петиція отъ могилевскихъ поповъ, съ ихъ протопопомъ, говорить, что козаки ограбили въ Могилевѣ и приходскія церкви.

Современный священникъ, авторъ „Боркулабовской Хроники“, описывая походы паливайцевъ, изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣлорусскихъ борцовъ за общественную безопасность такими чертами, которыя больше, нежели что-либо, объясняютъ возможность Паливайщины въ Рѣчи Посполитой Польской.

„Мѣта Божого нарожденья 1595, мѣсяца позбря 30 дня, въ понедѣлокъ, за тиждень передъ Святымъ Шиколю, (пришелъ) Севериша Паливайко. При немъ было козаковъ 2,000, дѣлъ (пушекъ) 14, гаковницъ. . . . *). Мѣсто славное Могилевъ, мѣсто побожное, дома, храмы, острогъ, выглы: домовъ всѣхъ яко 500, а храмовъ зъ великими скарбами 400. Мѣщанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и женъ, дѣтей малыхъ побили, порубили, поноганили; скарбовъ тожъ величюныхъ побрали“.

*) Пробѣль.

Въ виду важности записокъ Боркулабовскаго очевидца привожу его свидѣтельство подлинными словами:

„Тутъ же войско литовское Радивила *) троцкого, гетмана литовскаго (зятя князя Василія), до Могилева у погоню за козаками притягнуло, люду рыцарскаго коннаго, збройнаго Татаръ 4000, Литвы 14,000. Падъ тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. Въ той часъ Наливайко лежалъ (на *лежалъ*) у Могилевъ дѣи недѣли. Услышалъ о томъ Наливайко, иже (что) гетманъ зъ великимъ людомъ и зъ дѣлами до Могилева тагнеть, тогда Наливайкой зъ могилевскаго зѣмку на гору Илипскую, где теперь церковь Святаго Георгія стоить: бо на тотъ часъ не было, выѣхалъ. А такъ войско литовское на поли Буйницкомъ, именемъ вельможнаго его милости князя Богдана Соломерецкаго, старосты кричевскаго и олучицкаго, на войско Наливайково вдарили и кругомъ остушили. Тамъ же зъ ранку ажъ до вечера, якобы вже къ вечерши звонити часъ, межи собою битву мѣли; якожь Литва, зъ войскомъ великимъ, патисками на войско Наливайкино. Предсе (однакожь) одинъ другому войску мало шкоды учинили: бо армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ всеми при собѣ множество мѣлъ; такъ же людъ свой стаборивъ коньми, возами, людомъ шогъ моцно (сильно). Якожь зъ дѣла съ табору Наливайкины козаки пана зацнаго, пана Григорія Аноховскаго, забиди. Первѣи коня подъ нимъ застрѣлили, а потомъ, выпавши съ табору, козаки его самого розсѣкали. Теперь же Литва, *отъ козаковъ отступивши, до Могилева на большій путь* (грабескъ) *поѣхали*; а козаки на всю почъ ѣхали до Бихова ажъ на пизъ. Литва за козаками гналася ажъ до Рогачева, да ничѣго згола (вовсе) не учинили козакомъ; а Литва и Татары рунили до Менска, Новогорода и до Вильны, *набравшии туташняго краю мзу* **).

Другой очевидецъ Наливайкины, новгородскій подсудокъ и ходатай по дѣламъ князя Радивила Перуна и его теста, Князя Василія,

*) Не пишеть оиъ *Радзивилъ* по польскому произношенію, какъ дѣлають наши историки.

***) Слова боркулабовскаго самовидца о хищничествѣ литовскаго войска подтверждаетъ князь Василій въ писемѣ къ зятю отъ 7 января 1597 года: „Жоанеры (пишеть оиъ по-польски), а особливо изъ Княжества Литовскаго, равняются у насъ вноземному неприятелю въ опустошеніи нашихъ имѣній. Не только тѣхъ подданныхъ, которыхъ не дограбили въ Подоліи козаки и Татары, они дограбливають, но, наконецъ, насилують почтенныхъ женщинъ и панянокъ, а подданныхъ убиваютъ“.

Федоръ Евлашевскій, говоритъ въ своихъ запискахъ, что жители Луцка встрѣтили Наливайку съ подаркомъ въ нѣсколько тысячъ золотыхъ, но что это не спасло ихъ отъ разоренія. Съ того времени (продолжаетъ новгородскій подсудокъ), проходя Полѣсьемъ до самихъ Петриковичъ, разсылалъ онъ кругомъ универсалы съ повелѣніемъ давать ему подарки, что и исполнялось безпрекословно. На Слуцкъ напалъ онъ потому, что оттуда замедлили выслать ему черную дань. Эпизодъ записокъ Евлашевскаго о козацкомъ загоиѣ, ходившемъ подъ Копылъ, объясняетъ, почему Наливайко, въ своемъ оправдательномъ письмѣ, жалуется на панскихъ гайдуковъ. Привожу этотъ характеристическій эпизодъ цѣликомъ.

„Между тѣмъ Наливайко послалъ было подъ Копылъ съ пятью сотнями козаковъ полковника Мартина, на котораго вполне полагался, такъ какъ это былъ человекъ великаго сердца. Случайно наткнулись они на гайдуковъ его милости воеводы вилепскаго (Іеронима Ходковича, по-польски Ходкѣвича), которые, бросившись въ водяную мельницу и въ спускъ подъ городомъ, не давали (козакамъ) войти въ него, убили Мартина и настрѣляли козаковъ столько, что множество ихъ осталось на мѣстѣ; остальные, въ отступленіи, оставили многихъ изъ среды себя по дорогѣ и заросляхъ. Нѣкоторые, будучи подстрѣлены, бросались въ огонь и горѣли, такъ какъ была подожжена дворовая конюшня, находившаяся у той мельнички, и немного ихъ вернулось въ Слуцкъ“.

Встревоженный этимъ Наливайко (рассказываетъ Евлашевскій) вообразилъ, что напы соберутся послѣ того и тотчасъ попытаются напасть на него изъ Клецка, чтобъ и въ Слуцкъ перебить козаковъ такъ, какъ Копылъ. Онъ выбрался на третій день изъ Слуцка и пошелъ обратно къ Полѣсью до Олиховичъ, а потомъ взялъ приступомъ Могилевъ, и т. д.

О литовскомъ ополченіи новгородскій подсудокъ и повѣренный литовскаго гетмана выразился осторожно, что оно отличалось *неослушаніемъ* своему предводителю. По его разсказу, Наливайко, идучи внизъ Днѣпра, бросился изъ Рогачева по какимъ-то совѣтамъ и опять явился въ Петриковичахъ, изъ Петриковичъ выступилъ въ Туровъ, потомъ въ Городокъ и вернулся на Волынь *).

*) Автографъ записокъ Евлашевскаго, писанныхъ по-руески, хранится въ Вилянковской бібліотекѣ графовъ Потоцкихъ.

Ни боркулабовскій священникъ, ни повогородскій подсудокъ не упоминають о пребываніи Наливайка въ Рѣчицѣ надъ Днѣпромъ, откуда, въ январѣ 1596 года, послалъ онъ къ Сигизмунду III жалобу на панскую пеподѣльчивость кускомъ хлѣба. Къ жалобѣ подохотилъ козацкаго „царя“ шляхтичъ Нишковскій, самозванный королевскій посолъ къ бѣлорусскому герою. Оставляя въ сторонѣ рассказъ о представителѣ „Шляхетскаго Народа“, ревностномъ пособникѣ „Народу Козацкому“, приведу здѣсь только *Кондиціи*, которыя онъ подалъ королю отъ имени Наливайка.

Подъ такимъ названіемъ сохранился документъ, обнародованный печатью въ 1858 году и до сихъ поръ игнорируемый малорусскою историографіею. Въ этомъ полуграмотно составленномъ документѣ читаемъ слѣдующее:

„Чтобы прекратить козацкое своевольство, необходимо положить конецъ раздѣленію козаковъ подъ различными гетманами въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, отъ чего происходитъ больше вреда, нежели отъ непріятели, владѣніямъ „короля его милости и убытка скарбу, а республикѣ королевской великая неслава“.

Поэтому Наливайко просить короля „прежде всего о пустынь, отстоящей на 20 украинскихъ миль отъ Брацлава, между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, на Татарскомъ и Турецкомъ Шляху между Течиню и Очаковомъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ“.

На этомъ Шляху вызывался онъ построить городъ и замокъ, чтобы тамъ жить со всеми козаками, сколько король назначитъ козацкаго войска. За Порогами не будетъ онъ держать гетмана, а только намѣстника. Всехъ своевольныхъ козаковъ, которыхъ не будетъ у него въ ресстрѣ подъ его юрисдикціею, онъ „уничтожитъ, бросаясь на нихъ своею силою и давни имъ битву“ (на оныхъ месѣ своѣя rzuciw-zu się, bitwę imъ даѣ і w niwecz obróci: ma), а нѣкоторыхъ знатныхъ будетъ посылать къ королю на казнь, незнатныхъ же, яко хлопамъ, носъ и уши обрѣзавши, въ свое войско допускать не будетъ.

Въ награду просить онъ выдавать ему то, что отпускается на 2,000 старыхъ жолперовъ, или что будетъ угодно королю, „особливо какъ сукнами, такъ и деньгами“ (ноясняетъ Наливайко козацкую нужду).

„А мы за это (нишетъ онъ въ заключеніе своихъ *Кондицій*) по каждому повелѣнію его королевской милости и пановъ гетмановъ

обоихъ государствъ, гдѣ укажетъ надобность, какъ на непріятеля Св. Креста, такъ и на великаго князя московскаго, готовы съ войскомъ своимъ и съ арматою двинуться скорѣе, нежли кто-либо въ королевствѣ“.

Паливайковы „вольные люди“ умножились въ Бѣлоруссіи по мѣрѣ его усилѣховъ. Погода, не смогря на глубокую зиму, благопріятствовала козацкому шумному рою. Боркулабовскій лѣтописецъ говоритъ, что, по выстуПЛеніи козаковъ изъ Литвы, была ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна.

Если разбойный элементъ польско-русскаго края, съ одной стороны, увеличивалъ боевыя средства строителей „королевской республики“, то съ другой — тотъ же элементъ, развитой преимущественно въ сословіи шляхетскомъ, постоянно доставлялъ контингентъ ея разрушителямъ. Косинщина и Паливайщина тѣмъ для насъ и занимательны въ забвенныхъ исторію чертахъ своихъ, что онѣ были предвѣстниками Хмельнитчины. *Приманка и Терроръ* были двойнымъ девизомъ, написаннымъ на знаменахъ Криштофа Косинскаго, Северина Наливайка и Богдана Хмельницкаго съ одинаковой выразительностью. Мы, напримѣръ, знаемъ (и скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), что даже изъ-подъ хоругвей короннаго войска цѣлыя роты переходили подъ бунчуки царя Наливайка. Нераздѣльно съ этимъ фактомъ знаемъ, что Наливайко вернулся изъ бѣлорусскаго набѣга съ двадцатью пушками, къ которымъ пушкари были прикованы цѣпями.

Когда соберемъ въ умѣ и взвѣсимъ значеніе всего, что происходило въ Королевской Республикѣ отъ начала козакопанскаго междоусобія до великаго Польскаго Разоренія, затмившаго въ нашей памяти Разореніе Московское; когда мы потомъ оглянемся на оправдательное письмо козацкаго демагога, — памъ не покажется бессмысленнымъ бравурствомъ этотъ манифестъ полудикаго царя банитовъ и инфамисовъ къ монарху, вѣнчанному высоко-цивилизованною по своему времени націею. То былъ — конечно, безсознательный — вызовъ на борьбу, въ которой представлялось больше шансовъ на усилѣхъ со стороны царя Северина, нежели со стороны короля Сигизмунда.

Передъ такими геніальными людьми, какимъ былъ ополяченный Русинъ *Жовковскій*, переименованный *Жульковскимъ*, трагическая будущность польской цивилизаціи рисовалась по временамъ чертами почти осязательными. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ коронному великому гетману онъ говоритъ, что посылаетъ одного изъ нужнѣй-

пихъ ему въ походѣ пановъ, галицкаго каштеляна Станислава Гойскаго (опять Русинъ, котораго Поляки звали Gólsky), для того чтобы онъ, какъ опытный и очевидный всего свидѣтель, втолковалъ бы королю и правительственнымъ папамъ, „изъ какихъ источниковъ происходитъ это своевольство, и что они могутъ себѣ предсказывать (obieszcrowasz)“. Дѣло въ томъ, что вся шляхта готова была, подобно украинскимъ мѣщанамъ, разложиться на *послушныя* и *непослушныя*, то-есть на пановъ и козаковъ, какъ она уже и разлагалась.

Глава IV.

Крестовые походы на иновѣрцевъ.—„Начало Трагедіи“.—Гонитва жолнеровъ за козаками.—Козаки бѣгутъ за Сулу.—Блокада козацкаго становища на Солоницѣхъ.—Гибель козаковъ.

Усиѣхи Наливайка въ Бѣлой Руси, а, можетъ быть, и предательскіи относительно Запорожской Сѣчи просектъ его возбудили противъ него зависть, или негодование Лободы. Вернувшись изъ-подъ Очакова въ Кіевщину, онъ писалъ коронному великому гетману, что „своевольный Наливайко—человѣкъ безбожный, пренебрегающій всѣмъ на свѣтѣ, что, собравши „по своей мысли“ (ku myśli swej) такихъ же своевольныхъ людей, совершалъ великія преступленія въ Польской Коронѣ, и что онъ (Лобода) съ козаками своими о немъ „никогда не зналъ и знать не хотѣлъ“.

Это былъ отвѣтъ на полученное имъ повелѣніе короннаго великаго гетмана—не входить въ границы Великаго Княжества Литовскаго къ Мозырю, такъ какъ и тамъ, и во всей Рѣчи Посполитой нѣтъ надобности въ козацкой службѣ по причинѣ наступившаго мира со всѣми державами.

Лобода умалчивалъ, что запорожскій на то время гетманъ (гетманы смѣнялись у козаковъ часто), Матѣй Савула, находится уже съ арматою въ Мозырищѣхъ, самъ же де онъ расположился въ Кіевщищѣхъ, ожидая повелѣнія идти на непріятелей Св. Креста, и теперь не знаетъ, какъ ему быть. Козаковъ де захватила въ Украинѣ зима съ своими непогодами, а ихъ выслаютъ изъ королевскихъ владѣній, и потому онъ всепокорнѣйше проситъ не воспрещать козакамъ хлѣба соли въ этой области.

Между тѣмъ Северина, какъ называли добычники своего царя Наливая съ разбойницкой нѣжностью, подѣлился съ товарищами бѣлорусскимъ *лупомъ*, распустилъ козацкую орду по ея зимнимъ притопамъ, оставилъ у себя только прибоchnую дружину и гостевалъ въ городѣ Острогѣ, гдѣ не такъ давно начматалась церковнославянская

Библія стараніемъ бѣглаго московскаго типографа, знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія Федорова, и подѣ надзоромъ „ученаго по-гречески“ духовника князя Василія, протопопа Демяна, старшаго брата Северина.

Теперь въ резиденціи „святопамятнаго“ и въ ея окрестностяхъ совершалось, изъ-за различія вѣръ, то, чтѣ Евлашевскій, въ своихъ запискахъ, оплакиваетъ какъ явленіе, во времена доуніятскія небывалое. Тотъ протестантъ Русицъ евангелическаго исповѣданія избразилъ весьма наглядно замѣшательство, произведенное въ польскорусскомъ обществѣ церковною унією.

„Въ 1565 году (писалъ онъ спустя лѣтъ сорокъ) жилъ я въ городѣ Вильнѣ, собирая налогъ, называемый *поголовное*. Великимъ мнѣ было мнѣ утѣшеніемъ слушать слово Божіе въ христіанскомъ зборѣ изъ устъ ученыхъ пасторовъ, Вѣндрогурскаго и Костенецкаго. Пользовался я также благосклонностію людей и противнаго исповѣданія, въ особенности же достопамятнаго мужа, ксендза Яна Маковецкаго, архидіакона вариавскаго, кустоша и каноника вилнскаго, писаря въ скарбѣ короля его милости, который меня еще болше усовершенствовалъ въ счетоводствѣ, увеличилъ мои доходы и многимъ людямъ сдѣлалъ меня извѣстнымъ и рекомендовалъ. Ибо въ то время несогласія въ вѣрѣ не производили никакого разлада въ дружеской любви. По этому самому относительно нынѣшняго вѣка, когда даже и между людьми одной и той же вѣры все уже заступила мѣсто всегда готовая фальшь, тотъ вѣкъ представляется мнѣ золотымъ. Теперь между разновѣрными хоть и не спрашивай о любви, искренности и истинно добрыхъ отношеніяхъ, особенно между сословіями свѣтскими. Помню еще не такъ давнее время. Когда нынѣшній папа Клеменсъ, будучи еще кардиналомъ, находился у короля его милости Стефана въ Вильнѣ, сидѣлъ я за столомъ у ксендза Бартоломея Педзвѣдзкаго, вилнскаго каноника, съ главными слугами кардинала, Итальянцами. Тѣ, когда узнали, что я евангеликъ, дивились крайне, какъ смѣлъ меня ксендзъ каноникъ приглашать къ обѣду; а когда онъ объяснилъ имъ, что у насъ въ этомъ отношеніи никакой несправости не бывастъ, и мы любимъ другъ друга, какъ добрые пріятели, хвалили это Итальянцы, говоря, что тутъ Богъ живетъ у насъ, и порицали свои домашніи права и распри въ совѣтахъ. „О, когда бы далъ Богъ, чтобъ и нынѣ наступило болше согласное время!“ напрасно восклицаетъ кроткій евангеликъ вмѣстѣ съ тысячами подобныхъ ему людей.

Напрасно!... Дикія страсти были возбуждены дикими въ своѣякобы христіолюбивой культурѣ іезуитами, при посредствѣ измышлен-

ной ими церковной уніи. Такъ и въ Острожчинѣ люди различныхъ вѣроисповѣданій были свидѣтелями самой грубой религіозной демонстраціи. „Ученый по-гречески“ протопопъ, духовникъ престарѣлаго князя Василя, корректоръ церковнославянской Библии и, какъ надобно думать, издатель полемиическихъ сочиненій въ защиту православія, устроилъ католическую процессію, въ которой большая хоругвь была сдѣлана изъ простыни, а меньшія — изъ мужицкихъ мѣшковъ; роль „дисциплинъ“ играли въ ней лисьи хвосты, а вмѣсто набожнаго пѣнія слышны были „рыки да крики“. И эта процессія, къ религіозному ужасу зрителей католиковъ, ходила вокругъ Острога по лѣснымъ острожскимъ поселеніямъ, которыя, вмѣстѣ съ окрестными болотами, служили гвѣзду князей Острожскихъ защитою отъ азіятскихъ и домашнихъ ордъ.

При такомъ настроеніи ума и сердца, старшій братъ воспользовался козацкою готовностью къ услугамъ младшаго, и они вдвоемъ совершили два крестовые похода противъ поклонниковъ римскаго паны.

Первый изъ этихъ незабвенныхъ въ исторіи русской церкви походовъ былъ направленъ противъ отступника православія, уніятскаго епископа Кирилла Терлецкаго; другой — противъ брацлавскаго каштеляна и луцкаго старосты, православнаго но предкамъ католика Александра Сѣманка, который своими грабежами и притѣвленіями прислѣблялъ отступничество Терлецкаго.

Изъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ Центрального Архива, мы знаемъ слѣдующіе факты.

Проживавъ въ резиденціи князя Василя бывшій дворянинъ, или рукодажный слуга Терлецкаго, Флоріанъ Гедройць, иначе Гедроти-Наливайко принялъ его, очевидно, какъ знатока мѣстности, въ составъ своего „злого собранія людей“ и, вмѣстѣ съ братомъ протопопомъ, повелъ эту дружищу въ окрестности того Пинска, куда удаллась отъ козаковъ и Татаръ послѣдница послѣдняго удѣльнаго князя кіевскаго. Цѣлью разбойнаго похода были два села, Дубуза и Отовичи, принадлежавшія родному брату епископа, Ярошу Терлецкому. Отъѣзжая въ Римъ, не придумавъ владыка луцкій и острожскій лучшаго способа обезопасить свою драгоценную движимость, какъ препроводить на сохраненіе къ брату. Въ половинѣ февраля намятнаго въ исторіи 1596 года, банда наѣздивковъ, по пустыннымъ дорогамъ, достигла пинской трущобы безпрепятственно. Брата владыки не было дома. Бумаги Кирилла, исчисленныя въ жалобѣ Яроша, составляли главную цѣнность хранимаго имъ скарба; потомъ слѣдовали наличныя

деньги, золотыя цѣпи, серебряныя роstrуханы и чары, „позлотпстыя“ пояса, бархатныя и „фалендишовыя“ (fein holländisch) жуаны, соболы, бобровыя, куны шубы, оправленныя костью пулаки (ружья полугаки), „гвинтованныя рушпицы“ (винтовки) и т. п. Все это забрала вооруженная шайка, перекалѣчивъ челядь, и увезла частью въ резиденцію князя Василя, а частью, для дѣлежа между наѣздицкою братією, въ принадлежавшій ему городъ Степань.

Напрасно вельможный отступникъ, Кирилль Терлецкій, домогался судомъ удовлетворенія отъ князя Острожскаго. Не помогъ ему и королевскій листъ, предписывавшій феодалу можновладнику выдать Гедроты, находившагося при его особѣ. Исполнительною властью въ этомъ случаѣ былъ луцкій войскій и острожскій ключевой староста, Жданъ Боровицкій. Но онъ сперва грозилъ предъявителямъ королевскаго листа отдубасить ихъ постромками, а потомъ посадилъ въ тюрьму, морилъ голодомъ и „на большее еще поруганіе (взгарду) общественнаго права и шляхетской вольности, перевязавъ, какъ злодѣевъ, отправилъ на коняхъ въ Кременецкій замокъ“.

О другомъ крестовомъ походѣ рассказываютъ намъ тѣ же архивныя документы еще большіе ужасы польско-русскаго феодализма, совершившіяся подъ широкой полой „святомятнаго“.

Уже въ началѣ января 1596 года брацлавскій каштелянъ и луцкій староста, Александръ Сѣмашко, былъ осажденъ въ своемъ Хунковскомъ замкѣ, какъ онъ протестовалъ, „своевольными людьми, разбойниками войска Григорія Лободы“. Педѣли черезъ двѣ послѣ того, павалъ на имѣніе Сѣмашко, Коростянигъ, какой-то Остафій Слуцкій, называя себя сотникомъ гетмана Лободы. Онъ вербовалъ себѣ дружину въ Омеляникѣхъ подъ Луцкомъ, проживая у князя Януша Боровицкаго; потомъ буйствовалъ съ повобранцами своими по-козацки и по-жолнерски въ Луцкѣ; изъ Луцка вторгнулся въ добра Лидрея Одица, потомъ бушевалъ въ имѣніи нана Прилуцкаго, Житиль, и наконецъ перешелъ въ Коростянигъ. Но здѣсь мужики дали ему отпоръ: самого Слуцкаго убили топоромъ, восьмерыхъ изъ его соучастниковъ переловили. Остальная козацкая куна разсѣялась во все стороны. Эти злодѣи въ городѣ грабили мѣщанъ, въ селлахъ—мужиковъ и пизнью шляхту: похищали и отнимали у мирныхъ жителей не только деньги, лошадей, оружіе, жупаны, пащитки и всякія вещи, но даже и женскую одежду, не оставляли и самихъ сорочекъ.

Это были въ самомъ дѣлѣ „разбойники войска Григорія Лободы“, какъ назвалъ ихъ Сѣмашко; но не Лобода послалъ ихъ на воровство и грабскъ, а сами они составили сотню всякой сволочи, убѣдивъ

Остафія Слудскаго быть ихъ сотникомъ, съ тѣмъ чтобы, обзаведясь всѣмъ необходимымъ для козацкаго промысла, ѣхать въ войско гетмана Лободы. Интересно, однакожь, что вслѣдъ за ними явились на томъ же поприщѣ какъ бы мстители за ихъ неудачу. Во главѣ новыхъ витязей своевольства, сдѣлавшагося наконецъ историческимъ, подвизался воинственный протопонъ Паливайко, въ сотовариществѣ князя Петра Вороницкаго, пана Александра Гулевича и самого Северини, остававшагося покаместъ въ арріергардѣ. Они напали сперва на Сѣмашково же мѣстечко Тучинъ, а потомъ и на село Коростянищъ. Въ мѣстечкѣ появился сначала Демянь Паливайко, съ отрядомъ человекъ въ сто „разбойниковъ и грабителей“, которые конвоировали одинъ скарбный возъ въ шесть коней, два скарбные же воза по четыре коня и девяти возковъ купеческихъ по два коня, какъ сказано въ жалобѣ, „съ лупами и скарбами“, безъ означенія, гдѣ добытыми. Демянь Паливайко объявилъ панскому дворецкому, что Северинъ вовсе не думаетъ идти на добра пана его. Успокоенный этимъ дворецкій не выслалъ въ безопасное мѣсто ни ѣздовыхъ лошадей, ни жеребцовъ, ни скота панскаго, какъ въ сумерки пришелъ съ арріергардомъ братъ „острожскаго пана“. Тогда въѣхали они со всѣми возами въ панскій дворъ и забрали съ фольварка ѣздовыхъ лошадей 17 жеребцовъ и рогатый скотъ. Отецъ Демянь отправился съ добычею домой, а товарищи его грабили мирныхъ жителей, въ томъ числѣ и мѣстнаго „пана“ цѣлую почъ и въ Тучинѣ, и въ Коростянищѣ: забирали лошадей, воловъ, коровъ, шкуры, медъ, зерновой хлѣбъ, сѣдла, сабли, рушницы, хозяйственныя орудія, кожухи, обувь, бѣлье и т. д. Въ мѣстечкѣ и въ селѣ паливайцы изнасиловали одиннадцать замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, а одиннадцати мужчинамъ обрѣзали уши. Какъ за турецкое правительство отвѣчали передъ козаками единовѣрные Волохи, такъ за католика пана пострадали здѣсь православные подданные. За что страдалъ православный городъ Могилевъ со множествомъ другихъ православныхъ бѣлорусцевъ, объ этомъ знаютъ козацкіе папегиреты.

Производившій слѣдствіе „возный генералъ“ не упоминаетъ, кто изнасиловалъ женщинъ (видю, это было тогда дѣло обыкновенное), а тираннію надъ мужчинами приписываетъ, главнымъ образомъ, дворянамъ князя Василія, соучастникамъ паливайскаго пабѣга. Когда онъ, въ сопровожденіи свидѣтелей шляхтичей, явился къ извѣстному намъ уже Ждану Боровицкому и объявилъ, что панель нѣсколько Сѣмашкиныхъ лошадей у протопона Демяна, Жданъ отвѣчалъ благо-

душно и внушительно: „совѣтую вамъ, убирайтесь отсюда, а то все погибнете“.

То былъ вѣкъ, завѣщавшій польско-русскому потомству добытую опытомъ поговорку: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Силею былъ канцеляръ-католикъ Сѣманко въ своемъ ругательствѣ надъ Кирилломъ Терлецкимъ, но противъ православника Острожскаго все его позы и протесты остались безсильными. Поплатились головами только мелкіе феодалы, которыхъ переловили мужики. Слѣдствіе обнаружило, что пять изъ нихъ принадлежало къ сословію шляхетскому, и въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что нѣкоторые изъ пановъ-ассистентовъ гродскаго суда подали голосъ въ пользу помилованія преступниковъ, такъ какъ они сознались добровольно въ своемъ грабежѣ, лишь бы вознаградили потерѣвшихъ утраты платою по оцѣнкѣ за то, что взяли. Но луцкіе мѣщане, терпѣвше не разъ уже такіе грабежи, настояли на смертной казни злодѣевъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялъ декретъ гродскаго суда. Однакожь были казнены только трое, „яко люди народу простого“; о прочихъ же пяти, яко происходившихъ изъ „народу шляхетского“, декретъ былъ представленъ королю на утвержденіе, и судьба ихъ осталась намъ неизвѣстною.

Во вниманіе къ Народу Шляхетскому, эксплуатировавшему силы и средства всего, что было *пониже*, начиная съ наибольшаго можновладника, привожу изъ тѣхъ же документовъ нѣсколько характеристическихъ чертъ Народа Козацкаго, въ соответственной эксплуатаціи всего, что было *выше*, начиная съ послѣдняго „козака-нетяги“.

Когда сотникъ Остафій Слудкій и его сотенный атаманъ, Андрей Ганскій, подговаривали шляхтича Прилуцкаго пособствовать имъ въ вербовкѣ войска для Лободы, и Прилуцкій отказалъ имъ въ такомъ содѣйствіи, то они „тамъ же его жестоко, немилосердно и даже тирански поторопками и погайками избили, измучили, изранили“.

Одинъ изъ подсудимыхъ, шляхтичъ Пясецкій, объявилъ на судѣ, что „Ганскій убѣдилъ покойнаго Слудскаго сдѣлаться сотникомъ и, снаряжаясь, ѣхать въ Лободино войско, съ тѣмъ чтобы взять нѣсколько сотенъ изъ Лободина войска, наѣхать на домъ какого-то шляхтича въ Кіевской землѣ, и отомстить за какое-то *побраніе почту своего*“.

Тотъ же подсудимый рассказалъ, что „Ганскій, яко атаманъ ихъ, съ покойнымъ Слудскимъ, сотникомъ ихъ постановили, дабы, въ случаѣ, когда бы кто-либо изъ завербованныхъ ушелъ, или уходилъ, такого разстрѣлять“, и что поэтому ихъ „нильновали“ (крѣпко сторожили).

Крестовые походы братьевъ Паливайковъ совершились въ февралѣ 1596 года, а еще въ январѣ король универсаломъ своимъ, писаннымъ по-русски (какъ и вся процедура судебныхъ возни Кирилла Терлецкаго съ Сѣманкомъ, а потомъ ихъ обоихъ съ княземъ Острожскимъ), объявилъ „всякаго сословія и достоинства рыцарскимъ людемъ“, что королевское войско вскорѣ двинется противъ „украиной своеволи, которая, не довольствуясь злодѣйствами, какія до сихъ подѣ чинила на Украинѣ, уже и далѣе въ королевскихъ владѣніяхъ города, мѣстечка, шляхетскіе дома беретъ, грабитъ, жжетъ, неисчислимыя кривды дѣлаетъ“, и убѣждалъ, чтобы всѣ „не по обязанности своей, а изъ любви къ отчизнѣ и для собственной безопасности, какъ можно скорѣе присоединялись къ его войску для похода противъ этихъ своевольныхъ людей, яко противниковъ права и непріятелей общаго всѣхъ отечества“.

По этотъ сѣдшій универсалъ только черезъ мѣсяць по подписаніи дошелъ до рукъ брацлавскаго каптеляна, который тотчасъ и внесалъ его въ лудкія городскія книги.

Козачина, подѣ названіемъ украинной своеволи (swawola ukraiinna), названіемъ конкретнымъ, строго историческимъ, сдѣлалась наконецъ вопросомъ первостепенной важности. Домашняя орда, этотъ продуктъ польско-русскаго можновладства, напирала уже на центральныя области государства и, по свойству формации своей, отъ предложенія дикихъ услугъ правительству переходила къ другой крайности, къ угрозамъ уничтожить короля во имя гайдамацкаго царя Паливая, разорить Краковъ, истребить шляхетское сословіе. Побитые подѣ Пяткомъ и Черкасами драконы польско-русской жизни носѣли на кресахъ зубы свои, и они начали уже давать смертоносныя ростки.

Дѣло подавленія темной силы, возставшей противъ гражданскаго общества съ его культурой, коронный великій гетманъ и канцлеръ возложилъ на своего товарища по должности фельдмаршала и родственника по женѣ, Станислава Жовковскаго.

Жовковскій былъ уроженецъ выставленныхъ на татарскіе набѣги окрестностей Львова, и, хотя, подобно Замоискому, получилъ образованіе классическое, но провелъ много лѣтъ въ козацкой гонитвѣ за Татарами, и приемы скиѣской войны изучилъ практически. Козакъ зналъ онъ съ дѣтства, зналъ, изъ какихъ людей состоятъ ихъ кадры, видѣлъ, какъ трудно участвовавшію въ козацкомъ промыслѣ шляхту разъединить со всякими другими „вольными людемъ“, составлявшими козацкую массу, и долго смотрѣлъ на козацкія похождения глазами кievскаго бискупа Верещинскаго. Незадолго передъ боемъ

подъ Цяткомъ, пытался онъ склонить князя Василія къ уступкамъ, которыя бы могли дать козаконанской усобицѣ мирный исходъ; но тотъ не хотѣлъ слышать о примиреніи съ Косицкимъ. Теперь онъ явился исполнителемъ королевской воли, и выполнялъ ее съ холодною энергіей, отличавшею этого великаго воина и гражданина.

Финансовая неурядица въ Польшѣ послужила уже поводомъ къ увеличенію толпы, называвшей себя Запорожскимъ войскомъ. Жовковскому предстояла двойная задача: привлечь къ себѣ самоуправныхъ жолнеровъ, несправно получавшихъ жондъ, и подавить подобное жолнерскому самоуправство козацкое. Онъ только что вернулся изъ Волоцины, гдѣ коронный великій гетманъ посадилъ на господарскій престолъ дядю будущаго кievскаго митрополита, Петра Могилы, и возвратилъ польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство задѣстровскаго князька. Полевой гетманъ коронный стоялъ теперь у западной границы Волынскаго воеводства, въ Кременцѣ, и было у него подъ командою всего 1.000 воиновъ. Видѣлъ онъ самъ, какъ мало этого войска для подавленія украинскаго своевольства, и потому писалъ къ кievскому и брацлавскому воеводамъ о грозящей обществу и государству опасности, оповѣщалъ землевладельцевъ перемышльскаго, львовскаго, галицкаго Подгорья, просилъ помочь ему въ крайне затруднительномъ положеніи. Всѣ отвѣчали молчаніемъ, какъ potentаты, которыхъ самъ король, вмѣсто призыва къ долгу вѣрнооподданнаго и гражданина, увѣщевалъ явить любовь къ отчизнѣ и позаботиться о собственной безопасности. „Вижу (доносилъ Жовковский грустно Замоискому), что во всемъ этомъ, кромѣ жолнера, мало надежды, но и тотъ изнуренный, оборванный, незаплаченный“.

„Было, однакожь, это — явленіе повседневное (говорить откровенно пѣлѣдокатель польской старины). Небалованные усміхами, пренебрегали мы все и всѣхъ. Теперь очевидная опасность буила насъ отъ этой бешечности, и потому-то, при началѣ похода, предводитель его долженъ былъ продолжать тысячи препятствій, идти въ огонь съ малыми силами“.

Паливайко знаетъ, во что играетъ. Онъ держалъ наготовѣ свое сбродное войско въ окрестностяхъ Стараго Константина и Острополя, а двѣ сотни его развѣстилъ по селамъ, входившимъ когда-то въ составъ Острожчины, а теперь выдѣленныхъ князю Криштофу Радивилу Перуну, какъ „вѣно“ жены его, Катерины Острожской. Царь Паливай, очевидно, щадилъ князя Василія, и потому престарѣлый магнатъ спокойно проживалъ въ староконстантиновскомъ замкѣ, какъ равнодушный, невидимому, зритель начавшейся борьбы.

Лобода съ запорожцами лежалъ на лежахъ въ Кіевщинѣ, и собралъ подъ своимъ бунчукомъ до 3.000 козаковъ. У него въ таборѣ находились и женщины, которыхъ не дозволялось держать въ Сѣчи, жены и дѣти козацкія. Титулъ гетмана принадлежалъ, однакожъ, въ это время Матвѣю Савулѣ, хотя гетманомъ величалъ себя тогда каждый предводитель отдѣльной козацкой орды. Этотъ старшій между козацкими гетманами гостевалъ въ Мозырщинѣ, и, вызванный оттуда, остановился съ „сильною арматою“, въ Пропойскѣ.

Достоинно замѣчанія, что „пропойскій подстаростичъ“, Оршевскій, бывшій королевскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, теперь водилъ за собою отдѣльный козацкій полкъ, и мы знаемъ, что онъ *двумья двумя* съ Наливайкомъ и Лободою въ Барѣ, а потомъ завялъ подъ свои лежи Звѣковщину. Теперь польскіе козаки не имѣли ничего общаго съ запорожцами, и Оршевскій держался также особнякомъ.

Это было на руку малочисленнымъ жовковцамъ, которыхъ предводитель постоянно имѣлъ въ виду классическое правило: *divide et impera**). Предубѣждая неизбежное сліяніе орды съ ордою, разцуглся Жовковскій съ мѣста по сѣвѣгъ и рогамъ Дѣнь и ночь сдѣлалъ онъ къ Острополю, и неожиданно палать на цѣрвыя стоячки наливайцевъ.

Северниа знали о королевскомъ универсалѣ, но, полагаясь на свою способность „двигаться съ войскомъ и съ арматою скорѣе, нежели кто-либо въ королевствѣ“, не были готовы къ отраженію жолперовъ. Февраля 28 Жовковскій былъ уже въ Материнцахъ, гдѣ сотниковали надъ козаками Марко Дурный и Татаринъ. Ударъ былъ до того внезапенъ, что отъ двухъ сотенъ осталось только нѣсколько человекъ, „и то раненыхъ“. Какой завзятый народъ были наливайцы, мы знаемъ по отряду полковника Мартина, бросавшемуся въ пламя. Такъ и здѣсь, по разсказу очевидцевъ, наливайцы оборонялись отъ жовковцевъ сперва въ улицахъ, потомъ въ пылающихъ хатахъ, но не сдавался ни одинъ. Наливайко, предупрежденный о палетѣ Жовковского въ Лабуни отъ измѣнника жолпера, съ удивительною быстротою соединилъ свои дружины въ сосѣднихъ Чернавкахъ, и ушелъ со всею арматою по направленію къ Пикову.

Жовковскій перевелъ духъ въ Райкахъ подъ Острополеми, и рано утромъ преслѣдовалъ уже знаменитаго бѣглеца.

*) Раздѣлай и властвуи.

Здѣсь на кровавой сценѣ козаконанеской усобицы является типическая фигура феодала доматора. Московскіе странники временъ Грیشки Отрѣпьева, въ своемъ „сказаніи“ изобразили намъ князя Василія въ видѣ какого-то патріарха, съ величественной бородой, подъ которую онъ подстилалъ „платъ“ возсѣдая на „мѣстѣ своемъ“ передъ благоговѣйными скитальцами *). Мы видимъ этого патріарха среди дымящихся послѣ пожара селъ, къ сопровожденію конной лейбгвардіи. Въ письмѣ къ возлюбленному и почитаемому зятю престарѣлый князь рассказываетъ о себѣ слѣдующее:

„Вчера, черезъ слугу пана Бронницкаго (Бронскаго?) **) сообщилъ я вашей княжеской милости кратко о *началѣ трагедіи* между панамі-жолперами и папомъ Наливайкомъ. Но такъ уже мало вѣрю я разскажемъ, что выбѣгалъ самъ въ нѣсколько десятковъ коней ради болѣе точнаго утѣдомленія вашей княжеской милости“, и т. д.

О Наливайкѣ сообщаетъ онъ слѣдующія вѣсти:

„Наливайко на то время въ Чернавѣ такъ былъ *убезпеченъ*, что при себѣ больше двадцати человекъ не имѣлъ, только потомъ изъ Луцкаго ***) и другихъ селъ, именно изъ Пустовецъ, изъ Голубца и другихъ, пришло къ нему нѣсколько сотенъ; послѣ чего, тотчасъ вышедши изъ села таборомъ, пошелъ къ Острѣполю; только человекъ тридцать тамъ же въ Чернавѣ убито, да живьемъ шестерыхъ поймано, которыхъ однакожь въ Райцахъ изловили“.

Пиша, очевидно, второпяхъ, патріархъ — можновладвикъ противорѣчитъ себѣ тѣмъ, что сказалъ въ началѣ своего письма и что слѣдовало бы сказать въ концѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ слѣдующее:

„Во вторникъ, часа за два передъ вечеромъ, Наливайко вышелъ съ лунами ****) и со всею арматою, къ ночи посидѣлъ въ Чернавы,

*) И видѣлъ благовѣрнаго князя, сѣдая на мѣстѣ своемъ, возрасту мала ещца, брану имѣти до земли, на колѣняхъ же его посланъ бысть платъ, на немже лежаше его брада.

**) Письмо списано съ копій, снятой въ Песвижской библиотекѣ. Копіи письма Острожскаго оставилъ кое что и непрочитаннымъ. Поэтому здѣсь оказывается даже противорѣчіе (можетъ быть, происшедшее и отъ забывчивости князя). Сперва князь говоритъ, что Наливайко былъ тогда въ Чернавцахъ, а потомъ — что онъ прибылъ въ Чернавы. Это противорѣчіе авторъ пытался исправить съ помощью позднѣйшей реляціи Жовковского.

***) Въ копіи, находящейся въ Императорской Публичной Библиотекѣ, написано *Sluckiem*, отъ чего выходитъ безсмыслица.

****) Въ копіи — *z łabanі*.

расположивши по селамъ въ сторонѣ поляки. Послѣ того утромъ, около часу до полудня, наступило нѣсколько жолнерскихъ ретъ, при которыхъ, говорятъ, была и часть войска сборнаго. Въ Материнцахъ пана Ксвлячовича, слуги вашей милости, застали двѣ сотни: сотню Марка Дурнаго и Татаринцову, которыя, вѣроятно, только на то были посланы, чтобы пану Ксвлячу какъ можно больше шкоды надѣлали. Даже, слыхатъ, и село хотѣли сжечь ^{*)}, только горѣлка имъ помѣшала, которой бочку застали во дворѣ арендатора. Почему такъ врасплохъ жолнеры ихъ ^{**)} захвативши, обѣ сотни положили почти на голову и съ сотниками.

„Наливайко же (оканчиваесть свои вѣсти князь Острожскій), не останавливаясь, пошелъ черезъ Острополь въ поля къ Пикову. Однакъжь доходить до мѣся такіе слухи, якобы уже въ Пиковѣ передъ нимъ заперли ворота и по вѣсѣ другимъ городамъ украиннымъ, даже и народъ украинный якобы весь готовъ ^{***)}. Неизвѣстно, куда бы онъ далѣе могъ обратиться. Людей при себѣ больше тысячи не имѣеть, а побито до трехсотъ.

Къ этимъ рѣзкимъ чергамъ боровшихся между собой элементовъ Жовковскій прибавляесть самую рѣзкую и уже не для козаковъ зловѣщую. Его жолнеры, „оборванные и незаплаченные“, готовы были присоединиться къ козакамъ. Онъ выразилъ это опасеніе въ письмѣ къ Замоискому съ похода, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ уже коронному великому гетману. Прося оставить на службѣ нѣкоторыя роты жолнеровъ, которымъ платить было нечѣмъ, онъ открываесть намъ шаткость польскаго нанованья въ Малороссіи слѣдующими, къ сожалѣнію, лаконическими словами:

„Отъ распущенія этихъ ротъ увеличилось бы товарищество козацкое, какъ сдѣлали роты Пюскаго и Чонганскаго, что присоединились къ Наливайку (*że się do Nalewajka włączali*). Да и самъ Пюскій, какъ это я знаю отъ пѣвниковъ, предостерегъ Наливайка обо мнѣ. Засталъ бы я его какъ разъ въ Лабуни, когда бы не предостереженіе Пюскаго“.

Но чтò поражаетъ въ этомъ насъ, то вовсе не поражало современниковъ, барахтавшихся въ пропасти кулачнаго права. Князь Василій писалъ къ зятю: „Неисчислимыя шкоды надѣлали (здѣсь) сперва козаки, а потомъ (идущіе для ихъ усмиренія) жолнеры. Рѣдко въ ко-

*) Очевидно, въ отмщеніе Радивилу за изгнаніе изъ Бѣлоруссіи.

***) Въ коніи пробѣлъ.

****) Неясность въ рукописи.

торомъ селѣ вашей княжеской милости найдешь коня: ибо чего козаки не взяли, то до остатка забрали жолнеры“.

Дѣла, однакожь, какъ-то дѣлались и при такихъ обстоятельствахъ. Энергія полководца торжествовала и надъ скарбовою неурядицею, и надъ жолнерскою деморализаціей. Не останавливали Жовковскаго ни дурныя малорусскія дороги, ни грозныя мятели, ни темныя ночи, ни *мановиді*, которыми, точно лѣсной звѣрь, уходилъ Северица. Какъ привидѣнія, двигались его хоругви передъ глазами малочисленныхъ колониствоѣ, съ гикомъ и лягомъ, безъ пѣсенъ, безъ радостныхъ криковъ—Наливайко былъ закаленъ въ бояхъ и паѣздахъ. Никто не превосходилъ его гибкостью, ловкостью, изворотливостью; а мѣстность изучилъ онъ въ совершенствѣ. Но Жовковскій не уступалъ ему ни въ чемъ, точно какъ бы въ его жилахъ текла козацкая кровь.

И началась отважная, почти полугодовая гонитва на пространствахъ въ двѣсти миль, началась борьба упорная, остревѣвшая, безпощадная. Предводитель вольницы прибѣгалъ къ разнообразнымъ ухищреніямъ, лишь бы только выскользнуть изъ желѣзныхъ рукъ Жовковскаго, который, провидя его замыслы, напрягалъ все силы, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ дальнѣйшимъ боямъ. Полевому коронному гетману надобно было во что бы то ни стало умиротворить кресы, ввести порядокъ на пограничныхъ устояхъ, которыхъ онъ былъ „стражемъ“, и постановилъ онъ—или *положить голову*, или довести дѣло до желаннаго конца... Это былъ рыцарь старой школы. Терпѣливостью и мудрой медлительностію не уступалъ онъ своему наставнику, Замоискому; но, разъ поднявшись на борьбу, не допускалъ уже никакихъ разсужденій, не вступалъ ни въ какой компромиссъ: или пускай дерзостный козакъ бьется съ нимъ до конца, или пускай отдастся на его милость и немилость.

Но Наливайко, съ своей стороны, выказывалъ ему козацкую завзятость, которая вошла на Русь въ пословицу. Какъ разъяренный вепрь, окруженный въ родной труппѣ, оборонялся онъ свирѣпо. Не подавило дикаго духа его и то, что одноплеменники мѣщане, до сихъ поръ его поклонники и поборники, заирали передъ нимъ ворта. Когда достигъ онъ Никова, не пустили его въ городъ. Онъ перевелъ духъ на голомъ полѣ, на тающемъ снѣгу, и помчался къ Брацлаву. Полевой гетманъ не спускалъ его съ глазъ: одинъ только часъ пути отдѣлялъ непріятельскія силы. Брацлавяне поступили такъ же, какъ и Никовцы. Пронюхалъ царь Наливай *зрѣду* издали, занекъ, что называется, въ сердцѣ обиду, и круто повернулъ вправо къ Прилукамъ, селу, лежащему подъ Собомъ, въ нынѣшней Кіевской губер-

ли. Эта колонія, въ концѣ XVI вѣка, стояла на рубежѣ заселеннаго края: за нею къ востоку и югу простиралась пустыня.

„Наливайко укрылся въ дубровѣ за селомъ. Выслѣдилъ и тамъ его Жовковскій. Уже миль 30 бился онъ по весенней ростани, однакожь наступилъ на козаковъ тотчасъ же. Битва продолжалась безъ видимой пользы до ночи. Противники были одинаково сильны и одинаково надорваны. На другой день передъ свѣтомъ Северинъ былъ уже далеко, мчался въ ту сторону, гдѣ лежатъ Синія Воды, и исчезъ въ Дикихъ Поляхъ безъ вѣсти.

Компанія продолжалась уже двѣ недѣли, и переходила въ новую фазу. Наливайко почти выскользнулъ изъ рукъ у Жовковского. Быстрота передвиженія оказалась безуспѣшною. Предстояло испытать нныя способы. По прежде всего Жовковскому былъ нуженъ нѣсколькодневный отдыхъ,—не для себя лично и не для людей, а для несчастныхъ лошадей, которыя выбились изъ послѣднихъ силъ въ бѣшеннѣйшій гонимѣ. Кроме того, надобно было ждать подкрѣпленій: тысячью измученныхъ жолнеровъ трудно было побѣдить летучаго и стойкаго противника.

Отъ наступленія на козаковъ удерживало Жовковского такъ долго то, что ни венгерская пѣхота, ни королевскіе жолнеры не получили жалованья за службу въ Волоцинѣ. Отчаянное положеніе, въ какое поставили полевого гетмана „скарбовые люди“, вѣчно тормазившіе въ Польшѣ военное дѣло, заставило его броситься въ походъ совершенно по-козацки—на удачу, чтобы, какъ говоритъ украинская боевая поговорка: „або добути, або дома побути“. Гоня всю дню въ день домашнюю орду, полевой гетманъ просилъ у великаго гетмана королевскихъ универсаловъ къ панамъ „горныхъ земель“, Черемышльской, Львовской, Галицкой, а также земель Кіевской, Волынской, Брацлавской чтобы шли противъ *своєвольниковъ* (подъ которыми разумѣлись не одни запорожцы, не одни собственно такъ называемые козаки). Просилъ также и „позвои“ на соучастниковъ Наливайка и Лободы. Какъ тѣ, такъ и другіе документы должны были быть писаны „русскимъ письмомъ“, согласно мѣстному обычаю, подобно предъидущимъ, уже разосланнымъ. Боролось, какъ это мы видимъ, русское населеніе края съ разбойнымъ элементомъ своимъ, а не Поляки съ Русью, какъ у насъ представляютъ. Всего яснѣе засвидѣтельствовали это примеченія къ козацкому промыслу и подверженныя козацкому террору города, запирая ворота свои передъ бѣгущимъ царемъ Наливайкомъ.

Съ загнанными до упаду конями, при недостаткѣ въ огнестрѣльномъ оружіи, только съ шестью фальковетами и нѣсколькими куле-

вринами, не рѣшался Жовковскій продолжать скинскую гонитву за рѣку Собъ, въ таинственную *Уманію*, съ ся полусказочными Сяними Водами. При томъ же ему хотѣлось упредить въ Кіевщицѣ Савулу, о которомъ узналъ, что онъ готовится соединиться съ Саскомъ и Лободою, хотѣлось также захватить челпы и жпвность, которую козаки „призапасли себѣ на Дѣбурь“. Всего больше разсчитывалъ польскій полководецъ на православнаго магната, князя Михаила Вишневецкаго, который владѣлъ въ Кіевщицѣ многими имѣніями и развѣдывалъ о намѣреніяхъ свосвольниковъ посредствомъ своихъ слугъ и подданныхъ.

Войско Жовковскаго увеличивалось медленно сверхъ квартирной кавалеріи, которой было у него теперь 1500 человекъ, въ числѣ которыхъ двѣ роты, Темрюкова (татарская) и Бекешова, пользовались установившеюся славою. Было у него также 300 человекъ венгерской пѣхоты и кромѣ того пѣсколько сотъ охотниковъ изъ Бара, Константинова и Хмельника.

Отдохнувши, двинулся Жовковскій къ Винницѣ, и послалъ оттуда одну хоругвь въ Брацлавъ. Славетники-мѣщане, освободясь отъ козацкаго террора, воспреобладали надъ своими анархистами, и выражали полную покорность представителямъ порядка. Имъ предъявили королевскій декретъ, которымъ войтъ ихъ, Тиковичъ, и еще одинъ изъ зачинщиковъ бунта осуждались на смертную казнь. Эти паливайцы были выданы, отравлены въ Винницу и тамъ обезглавлены „для примѣра“.

Коронный полевой гетманъ подвигался къ востоку черезъ Пиковъ и Погребнице. Входилъ онъ въ самое жерло украиннаго свосвольства. Противники его также готовились къ борбѣ, и безпрестанно перемѣняли позиціи, стремясь, подъ вліяніемъ общей бѣды, къ соединенію своихъ силъ. Въ такъ называемой Уманіи, то-есть въ пустыняхъ за Вѣлою Церквою, скрывался Паливайко. Въ окрестностяхъ Вѣлой Церкви лежалъ на лежахъ Лобода. Въ Кіевѣ хозяйничалъ полковникъ Саско, а по сосѣдству съ нимъ расположился Савула „со всею арматою запорожскою“. Не удалось Жовковскому разъединить ихъ силою; оставалась надежда на искусные переговоры.

Паливайко прислалъ изъ-за Сяниихъ Водъ козака къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося его склонить короннаго полевого гетмана къ помилованію, и обѣщая возвратить пушки, захваченныя, какъ въ брацлавскомъ, такъ и въ другихъ замкахъ. „Я отвѣчалъ (доносилъ полевой гетманъ великому), что не жажду ни его крови, ни его соучастниковъ“. Это онъ можетъ видѣть изъ того, что, имѣя въ рукахъ не мало его товарищества, не сврѣпствуя (*nie pastwie się*) надъ ними.

Искали только распустить свою куну да оглясть Максиміліаново знамя и пушки. Если это сдѣлать, обѣщали ему ходатайствовать у его королевской милости о пощады его жизни. Раскаянїе произошло въ немъ не отъ честности: привели Паливайка къ нему, какъ донесено мнѣ, бунты дружины. Нѣсколько разъ едва не убили его. Укоряють его, что погубилъ много людей своимъ неумѣньемъ гетманить (za swązlą zrgawą), всѣхъ довелъ до голоду и подѣлалъ гѣшимп. Въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ Жовковскій) не подлежитъ сомнѣнію, что бунтъ имъ надѣлалъ, и немного съ нимъ осталось козаковъ; разбѣгаются отъ него безпрестанно. Не думаю, однакожъ, чтобъ его раскаянїе возымѣло послѣдствія. Стелеть себѣ онъ дорогу и на другую сторону. Гораздо вѣроятнѣе, что подобный подобному скорѣе будутъ (взаимно) вѣрять (taki s takim richley sobie będą wierzyć), нежели отдаться на милосердіе его королевской милости, зная за собой столько злодѣяній. Но, съ другой стороны, онъ и козакамъ не довѣряеть: боится, чтобы отобрать у него все, не выкупились его горломъ: этимъ давно уже ему грозили“.

Таковы были паны-козаки, какъ называлъ ихъ князь Острожскій. Но не лучше ихъ были и паны-жолнеры, которыхъ, въ томъ же донесеніи, Жовковскій проситъ Замойскаго не распускать за недостаткомъ жалованья, чтобъ они не присоединились къ товариществу козацкому, какъ это сдѣлали роты Плескаго и Чонганскаго.

Безразличіе знамени, подъ которымъ шляхта и всѣ вольные люди искали боеваго заработка, равно какъ и желаніе разобидить непріятелей, заставили полеваго гетмана писать въ Бѣлую Церковь къ Лободѣ, взваливая всю бѣду на Паливайка и обѣщая лободипцамъ исходатайствовать у короля прощеніе, селибы они прибѣгнули къ его милосердію, выдали Паливайка и жили на прежнихъ мѣстахъ „стародавнимъ способомъ“.

Въ таборѣ Лободы знали уже о „погромѣ паливайцевъ“, знали все, что произошло съ Паливайкомъ. Козацкая чернь хотѣла убить подателя письма, говоря, что онъ прѣхалъ на соглядатайство. Лобода также досадовалъ при черни и говорилъ посланцу: „Развѣ не могъ вашъ гетманъ прислать какого-нибудь знатнаго шляхтича, а не тебя, точно сказалъ этимъ, что негодя къ негоднымъ посылаеть“? Однакожъ отпустилъ его съ миромъ и далъ ему червонецъ, а письмо оставилъ безъ отвѣта. Отъ этого посланца и отъ шпіона, который находился среди козаковъ, Жовковскій узналъ, что они намѣрены выступить изъ Бѣлой Церкви къ Кіеву. Чернь настаивала, чтобы Бѣлую

Церковь разграбить и выжечь. Но Лобода, вмѣстѣ съ Саксѣмъ и Шо-стакѣмъ, отвлекъ руиншиковъ отъ ихъ намѣренія.

Въ это время у Жовковскаго образовался родъ авангарда изъ дружины мѣстныхъ жителей, предводительствуемой православнымъ украинскимъ землевладѣльцемъ, княземъ Рожинскимъ, товарищемъ пылѣвшихъ бунтовщиковъ по козацкому ремеслу, и пріятелемъ памятнаго козакамъ бискупа Верещинскаго, весьма популярнымъ въ ихъ средѣ подъ именемъ князя Кирика. Мелкіе и потому темные въ исторіи князя Рожинскіе дѣлаются извѣстны только въ царствованіе Стефана Баторія. Въ 1580 годахъ Остафій Рожинскій является владѣльцемъ Коростышева. Одинъ изъ его сыновей, Михайло, былъ державцемъ Рублевки, села князя Януша Острожскаго (1587), и владѣльцемъ Павлочи, перешедшей по его смерти къ брату Николаю. Третій сынъ Остафія, Кириакъ, былъ наномъ на Рожинѣ и Котельнѣ, пожалованной ему за козацкую службу Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 году. Предпринимчивый характеръ этого популярнаго князя Кирика виденъ изъ того, что онъ всю жизнь граничился и тигался съ сосѣдями панами, Котаубаями, Ильшневскими, Горностаями, а также и съ магнатами Тинкевичемъ кодепскимъ и княземъ Янушемъ Острожскимъ, что и заставляло его быть ревностнымъ королевскимъ слугою-партизаномъ, вѣрише сказать, аристократомъ-козакомъ. Человѣкъ завзятый и хорошо знающій Украину, князь Кирикъ былъ своего рода гетманомъ пятисотъ украинцевъ, и обладалъ весьма значительною для пустынной страны артиллерією. Помогая теперь Жовковскому, онъ „разрывалъ“ козацкія куны, подходилъ къ нимъ „фортелемъ“, папалъ неожиданно, и у него въ рукахъ было всегда множество плѣнниковъ-языковъ.

По словамъ Жовковскаго, козаки не смѣли оставаться въ Вѣлой Церкви. Онъ послалъ туда князя Рожинскаго, придавъ къ нему нѣсколько сотенъ своего войска, для увеличенія страха и собиранія вѣстей, а Рожинскій, сдѣлавшись изъ феодалнаго барона предводителемъ летучей кавалеріи, представилъ въ распоряженіе коронаго гетмана штукъ пятнадцать своихъ пушекъ со вѣями принадлежностями.

Теперь весь интересъ похода сосредоточился на томъ, чтобы не допустить Лободу соединиться съ Савулою. Но для насъ важнѣе многихъ подробностей войны кроткій взглядъ великаго полководца на составъ Паливайщины. „Здѣсь между плѣнныхъ паливайцевъ (писалъ онъ Замойскому) есть пѣкто Камеискій. Слуга вашъ Высоцкій, будучи его родственникомъ, просилъ меня отпустить его. Не могу я доставить это удовольствіе Высоцкому. Пускай онъ тамъ проситъ васъ о немъ самъ. По-моему, сдѣлавши ему карбачемъ паставленіе, такъ

какъ онъ еще молоденецъ (młodzieńcu), можно бы опустить его, авось исправится, и будетъ изъ него что-нибудь хорошее“.

Голодь заставилъ Паливайка идти „съ поля“ къ Корсуну. Увѣдомляя объ этомъ Замоискаго, черезъ восемь дней послѣ предыдущаго, Жовковскій пишетъ: „Князь Рожнскій наловилъ неожиданно подъ Паволочью гультаевъ изъ Саскова полка, и велѣлъ ихъ обезглавить больше пятидесяти. Я до сихъ поръ, кромѣ надшихъ въ бою, сохранилъ мои руки чистыми отъ ихъ крови. Желать бы я, когда бы это было возможно, лечить putrida membra *)), а не отсѣкать“.

Во всю кампанію совершилъ Жовковскій только двѣ смерчныя казни, да и то въ исполненіе прозлогодяго королевскаго декрета: одну надъ брацлавскимъ войтомъ Тиковичемъ, другую надъ означеннымъ въ томъ же декретѣ преступникомъ, „которыхъ выдалъ (доносилъ онъ) сами мѣщане“.

Малочисленность войска и недостатокъ въ военныхъ снарядахъ лишили коропаго, полеваго гетмана возможности разъединить непріятельскія силы. Но и казаки колебались въ своихъ намѣреніяхъ: то ихъ брала охота ударить общими силами и подавить многолюдствомъ искусное въ бояхъ папское ополченіе, то утѣшали они себя мечтою о бѣгствѣ за московскій рубежь, куда еще волищцы Дашковичъ и князь Вишневецкій-Байда проторили имъ дорогу, гдѣ у нихъ были знакомцы по Днѣпру и Дону, подобные славному козацкому предводителю Данилу Адашеву, и гдѣ съвернорусское козацество процвѣтало и буйствовало по-своему со времени отважныхъ повгородскихъ ушкуйниковъ.

Гетманъ Матвѣй Савула безпрятственно вступилъ въ Кіевъ. Отсюда вошелъ онъ въ переговоры съ давнишнимъ товарищемъ по ремеслу, княземъ Кирикомъ. Всего лучше подобало бы ему избрать посредника православнаго, какъ „борцу за вѣру“ etc., согласно проповѣдуемой у насъ выдумкѣ. Нѣтъ, онъ послалъ доминиканскаго пріора съ письмомъ къ единовѣрному козаку—князю. Изъ устъ въ уста, черезъ доминиканца, Савула предлагалъ выдать папамъ готоваго присягнуть вновь запорожцамъ Паливайка, чего тотъ уже и боялся, и что наконецъ таки совершилось, а въ письмѣ спрашивалъ, можетъ быть, для прикрытія цѣли посольства: за что паны собираются на козаковъ? Обо всемъ этомъ князь Рожнскій донесъ немедленно коропаго полевого гетману.

*) Зараженные члены.

Жовковскій стоялъ еще въ Пугревицахъ. Онъ, какъ мы видѣли, хлопоталъ вѣчески о разбѣдненіи козацкихъ ордъ. Козацкія орды, повидимому, сами распались. Еще не вернулся посланный имъ къ Лободѣ „козачекъ“, какъ привели къ нему и другаго посланца. Тотъ привелъ письмо отъ Наливайка къ находившемуся при полковомъ гетманѣ брацлавскому старостѣ Струсю. Северина просилъ черезъ него помилванія; писалъ, что томится голодомъ, что товарищи покинули его, и онъ, какъ дикій звѣрь, принужденъ скрываться въ дѣбряхъ.

Жовковскій, подумавъ немного, отвѣчалъ Струсю: „Богъ съ нимъ! пускай отдастся въ наши руки. Я даю слово, что не будетъ наказанъ смертью, лишь бы возвратилъ коронныя и забранныя въ панскихъ замкахъ пушки, а также Максимілиановы знамена“.

Но Наливайко, по козацкому обычаю, „сталаъ себѣ дорогу на обѣ стороны“, какъ сдѣлалъ черезъ 58 лѣтъ Хмельницкій, присягнувъ явно московскому царю, а тайно турецкому султану, и какъ дѣлали слѣдовавшіе за нимъ козацкіе гетманы, переходившіе отъ Русскихъ къ Лахамъ, отъ Лаховъ къ Тагарамъ, Туркамъ, Шведамъ.

Оправдывая стихъ украинской пѣсни, по которому запорожцы „повдавались оди́нь въ оди́го“, какъ родимые братья, Савула, Лобода и Наливайко, въ концѣ концовъ, соединились, и двинулись безъ шума къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскій замокъ занималъ тогда князь Рожинскій. Жовковскій освѣдомился уже о движеніи непріятелей, зналъ, что у нихъ 7000 войска, и спѣшилъ на соединеніе съ авангардомъ своимъ изъ Ходоркова по тонкой мартовской дорогѣ, сквозь ужасный снѣгъ, какого не бывало во всю зиму...

Но намъ интересно читать реляцію самого полководца.

„Князь Рожинскій (писалъ онъ) зналъ, что я такъ близко, и хотъ во вторникъ, немного позже полудня, получивъ извѣстіе, что козаки йдутъ къ Бѣлой Церкви, хотъ ихъ уже было и видагъ, но знатъ мнѣ о томъ не далъ. Въ среду рано утромъ услышалъ я боевой гулъ, и поспѣшилъ на мѣсто. Бились наши съ козаками отъ полуночи, и могли бы дожидаться меня въ замкѣ безопасно; замокъ здѣсь не изъ худшихъ, и съ такимъ гарнизономъ, какой былъ у Рожинскаго, несолимый. Однакожъ, пренебрегая козаками и не освѣдомившись ночью, что за войско, (бросился) къ нимъ въ поле, а козаки вошли другими воротами въ городъ. Побили наши въ полѣ козаковъ, такъ что легло ихъ до тысячи, но, когда вернулись въ городъ, тотчасъ потеряли больше полсотни пѣхоты, а прочіе много было переранено. Козаки, услыхавъ о приближеніи войска, двинулись обратно къ Триполю. Были уже въ доброй полумилѣ, когда я пришелъ подъ Бѣлую Церковь. Тамъ всѣ

рѣшили преслѣдовать ихъ тотчасъ. Настигли мы козаковъ за Бѣлою Церковью въ одной милѣ. Шли не сѣна въ таборѣ, пустивши въ пять рядовъ возы и телѣги (*wozy i kolasy*). Пушекъ у нихъ было больше двадцати. Часа три смотрѣли мы такъ одинъ на другіихъ, подвигаясь медленно впередъ, такъ какъ я поджидать людей, оставшихся сзади. Потомъ, когда уже склонялось къ вечеру, ушло отъ нихъ двое съ поля, и одинъ, который служилъ покойному пану подкоморію. Они допсели, что между козаками тревога. Тогда оставалось уже только попытать счастья. Построивши войско, ударить я на нихъ съ фронга и въ тылъ, и съ обѣихъ сторонъ. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ, такъ какъ я выдержалъ бой до удобной позиціи. Но милости Божіей, стрѣльба ихъ не дѣлала намъ совсѣмъ никакого вреда. Рукопашная битва кипѣла въ таборѣ. Однакожь разорвать ихъ, хогь и очень было на то похоже, Господь Богъ не судилъ. Побили же мы ихъ столько, что и сами они говорятъ, что никогда не понесли такой потери, какъ въ этихъ (двухъ) сраженіяхъ. Савулѣ отшибло ядромъ локоть; Саско убитъ на повалъ, и другіихъ знатныхъ между ними легло множество. Но и намъ не безъ крови обошлась эта драка (*burda*). Убитъ ротмистръ Вѣрскъ *): въ таборѣ конь подъ нимъ упалъ, не перескочивъ черезъ телегу (*kon' z niem przez kolase szwankowal*), а товарищей въ нѣкоторыхъ ротахъ легло трупомъ 32 **). Козаки тотчасъ выбрали на мѣсто Савулы Паливайка, также раненаго, и двинулись на всю ночь къ Триполью. А мы расположились на почлегъ тамъ же, гдѣ была битва, сегодня же пришли сюда, въ Бѣлую Церковь. Ночи очень морозныя, и людямъ и конямъ великая бѣда, что дѣлаетъ большое *ad rem gerendam impedimentum* ***).

Что Паливайко былъ избранъ гетманомъ предпочтительно передъ Лободою, прославившимся на сушѣ и на морѣ, это показываетъ, что на его сторонѣ была масса, цѣнившая въ предводителѣ больше всего умѣнье ретироваться да отсиживаться въ окнахъ среди зарослей и топей, — умѣньемъ, доведеннымъ впоследствии козаками до совершенства изумительнаго. Онъ повелъ войско къ Киеву и переправился за Днѣпръ; не остановилъ его и весенній ледоходъ. Туда Карлъ Подвисоцкій, козакъ-шляхтичъ, доставилъ ему челны изъ-за Пороговъ. Въ

*) По другимъ извѣстіямъ, убиты были еще: Дульскій, герба Палачъ, радомскій; Станиславъ Лашъ, герба Правдичъ, белзскій; Палчовскій, герба Орелъ, заторскій.

***) По другимъ извѣстіямъ, 300.

***) Въ военномъ дѣлѣ препятствіе.

козацкихъ кунахъ, по извѣстіяхъ Жовковскаго, преобладали два мнѣнія: одни хотѣли бѣжать за московскій рубежъ, другіе—къ татарскому хану, съ тѣмъ чтобы, отдавшись на „его ласку“, воевать съ Татарами Польшу. Не смотря на выраженную королю готовность ходить войною на Москаля такъ же, какъ и на Татарина, Паливайко направилъ общее бѣгство за Днѣпръ къ Сулѣ, которой роменскіе берега Москва называла своимъ.

Къ Жовковскому пришли между тѣмъ контингенты паповъ Потоцкихъ и Ходковичей. Молодой Ходковичъ, въ то время еще православный, въ сообществѣ православнаго князя Кирика, захватилъ задній козацкій полкъ шляхтича Кремискаго въ Капевѣ, въ день Воскресенія Христова, и такъ какъ опустошители Волицы и другихъ православныхъ областей праздновали свѣтлый праздникъ пшеницы темнымъ, какъ ночь *), то православные ходковичане и кирковцы перебили и перетопили въ Днѣпрѣ православныхъ паливайцевъ. Върадѣсь, какъ и во веѣхъ козакопанскихъ усобицахъ, были ни при чемъ.

Жовковскій уже и тогда зналъ, что козаки побѣгутъ въ Лубны, хотя они стояли еще на Днѣпрѣ въ перѣшности, бросится ли имъ въ счастливую для паливайцевъ Бѣлоруссію, или въ старинную Половецкую землю, въ „поле незнаемое“, по выраженію варяжскаго гѣльца. Козаки позаботились о томъ, чтобъ отнять у своихъ преслѣдователей все средства къ переправѣ, и нѣсколько перевозныхъ судовъ затопили въ Днѣпрѣ. Но лишь только направились къ Переяславу, кіевскіе мѣщане указали нанамъ затопленные козаками судна и предложили Жовковскому свои услуги. Козаки вернулись, подъ предводительствомъ Лободы, отрядомъ, довольно сильнымъ для наказанія „кіяги“ за измѣну козацкому дѣлу; но было уже поздно. Тогда Лобода вступилъ въ словесные переговоры съ Жовковскимъ, сидя въ челнѣ на Днѣпрѣ. Жовковскій согласился пощадить козаковъ только подъ условіемъ выдачи Паливайка и его сообщниковъ. Паливайцы были въ козацкомъ войскѣ сильнѣе лободинцевъ, и переговоры не привели ни къ чему. Зато старый сбѣчикъ, шляхтичъ Кремискій, съ пятью сотнями запорожцевъ, послушался совѣта Жовковскаго и держался въ сторонѣ отъ Паливайкова бунта, пока наконецъ былъ вынужденъ присоединиться къ днѣпровскимъ бѣглецамъ. Другой шляхтичъ, Подвысоцкій, запорожскій адмиралъ, не согласился оставить паливайцевъ безъ опоры и держался съ морскими чайками на Днѣпрѣ, готовый къ ихъ услугамъ.

*) Украинская пословица: „пшениць, якъ нічь“.

Для наблюденія за нимъ, коронный полевой гетманъ оставилъ на Русскою берегу Днѣпра каменецкаго старосту, Яна Потоцкаго, а самъ перешелъ на *Татарскій*. Въ Переяславѣ былъ замокъ, построенный уже давно кievскимъ воеводою Констанентиномъ II Острожскимъ. По пограничныя замки, подъ вѣдомствомъ князя Василія, какъ извѣстно, пришли въ крайній упадокъ. Городъ, лежащій между болотистыхъ рѣчекъ, Алты и Трубежа, могъ бы служить, пожалуй, точкой опоры для козацкой орды; но Жовковскій съ каждымъ днемъ увеличивалъ свое войско прибывавшими къ нему въ помощь панами, а козакъ побросали склады припасовъ позади себя на Русской сторонѣ Днѣпра и набрали съ собой козацкихъ женъ съ дѣтьми. Осада для нихъ была бы гибельна. Паливайко и Лобода бѣжали далѣе, къ рѣкѣ Сулѣ.

Истребленные на Днѣпрѣ паромы и байдаки, сверхъ затопленныхъ, не скоро могли быть восполнены новыми. Жовковскій, какъ по этой, такъ и по другимъ причинамъ, простоялъ на кievскихъ высотахъ нѣсколько недѣль, наконецъ переправился черезъ Днѣпръ, и не засталъ уже въ Переяславѣ козаковъ.

Тогда Лубны были еще молодою, едва шестилѣтнею колоніей. Основалъ ее, на старинномъ урочищѣ, воевавшій съ Косинскимъ князь Александръ Винницецкій, и наименовалъ, по своему имени, Александровымъ. Не трудно было вытѣснить козаковъ изъ новой колоніи; но за мѣстечкомъ Александровымъ текла обильная затопами и мочарами рѣка Сула, а черезъ нее шелъ длинный деревянный мостъ, перемежаемый „грѣблями“ и дивившій тогдашнихъ инженеровъ, какъ чудо строительнаго искусства. Козакъ рѣшилъ — перейти за рѣку, сжечь позади себя мостъ, воспользоваться замедленіемъ наповъ для дальнѣйшихъ своихъ „утѣковъ“. Изъ-за Сулы легко было имъ направиться и въ московскія придонскія пустыни, куда черезъ 42 года бѣжалъ прославленный у насъ Острица, и въ пизовъ Днѣпра, куда мужественно ретировались его дѣйствительно славные соратники. Но Жовковскій пѣз своего ставовища подъ Супосемъ, писалъ, въ половинѣ мая, что будетъ преслѣдовать козаковъ хоть бы „за московскимъ рубежемъ, хоть бы и подъ Чернымъ моремъ. Онъ просилъ только королевскаго на то соизволенія. Не скоро пришло оно къ нему; но достойно замѣчанія, что реляцію о своей рѣшимости Жовковскій послалъ опять черезъ того Русина, галицкаго канцеляря Гойскаго, на устное донесеніе котораго такъ много рачитывалъ при началѣ своей гонимы, и котораго родной братъ сражался вмѣстѣ съ Винницецкимъ и другими панами противъ Косинскаго подъ Цяткомъ.

Коронный полевой гетманъ постигъ козаковъ еще въ Лубнахъ. Зная все ихъ замыслы, искуснымъ распоряженіемъ перевелъ за рѣку Сулу, черезъ незабытый тогда еще *Выпостовъ бродъ*, часть артиллеріи и конницы, подъ начальствомъ того Струся, которому было такъ тѣсно отъ Паливайка въ его старобѣ, и перегородилъ „утікачамъ“ дорогу, какъ въ Московію, такъ и въ Татарію. Между тѣмъ какъ потомокъ вослѣднихъ въ древнихъ думахъ братьевъ Струсей совершалъ отважное, крайне рискованное дѣло свое, Жовковскій занималъ въ Лубнахъ козаковъ заманчивыми для нихъ переговорами; потомъ вытѣснилъ ихъ изъ мѣстечка на лѣвый берегъ Сулы, не даль имъ при этомъ зажечь моста и, преслѣдуя по пятамъ, поставилъ бѣгущихъ между двухъ своихъ лагерей. Волей и неволей должны были они оконаться на урочищѣ Солоницѣ, верстахъ въ пяти отъ Лубенъ. Одной стороною своего табора примкнули козаки къ болотистому берегу Сулы; три остальные стороны четвероугольника выходили въ чистое поле.

Въ концѣ русскаго мая борющіяся силы стояли одна противъ другой во всеоружіи боевыхъ средствъ и были готовы съ обѣихъ сторонъ на подвиги выносливости, которою козаки брали больше всего, но которой у соратниковъ Жовковскаго было столько же, какъ и боеваго искусства. Паливайко, Лобода и присоединившійся къ нимъ Кремскій насчитывали у себя до 8,000 народу, кромѣ женщинъ и дѣтей. Но Жовковскій утверждалъ, что въ козацкихъ окопахъ не больше 2,000 добрыхъ воиновъ; остальныхъ называлъ онъ каменю. Коней боевыхъ и ѣздовыхъ было у нихъ 10,000, пушекъ 21; большой запасъ оружія и аммуніціи. У пановъ набралось до 5,000 пѣхоты и кавалеріи съ 15 пушками: войско сравнительно многочисленное.

Задача осаждающихъ состояла въ томъ, чтобы лишить козаковъ продовольствія и принудить голодомъ къ искорности; задача осаждаемыхъ—въ томъ, чтобы утомить непріятеля вылазками, обмануть его бдительность и выскользнуть изъ панскихъ рукъ, подобно тому, какъ Паливайко, царь козацкой завязтости и гений козацкихъ „утѣковъ“, выскользнулъ изъ рукъ Жовковскаго въ прилуцкой дубровѣ.

На Солоницѣ, въ томъ и другомъ становищѣ, собрался цвѣтъ нашего малорусскаго рыцарства, составлявшаго польскую славу и польское безславіе. На Солоницѣ среди насъ было весьма мало коренныхъ Поляковъ, за исключеніемъ людей, ополчившихся посредствомъ вѣры. Къ числу такихъ Полопусовъ принадлежалъ и самъ панскій фельдмаршалъ. Подъ его предводительствомъ лучшіе изъ насъ бились противъ худшихъ за древнюю культуру днѣпровскихъ Полянъ, под-

нятую изъ унадка политическимъ слияніемъ ихъ съ Поляками привилегіями, озаренную просвѣщеніемъ Италіи и Германіи, стремившуюся къ высшимъ идеаламъ общественной свободы. Подъ знаменемъ конституціоннаго государства и цивилизованнаго общества стояли здѣсь противъ домашней орды люди обѣихъ національностей, дослужившіеся впоследствіи до высшихъ дигнитарствъ. Были среди нихъ и православные строители (или етиторы) церкви и монастырей, этихъ единственныхъ тогда устоевъ русскаго элемента въ борьбѣ съ объединителями двухъ несоединимыхъ вѣръ, оказавшейся гибельною для Польши.

Какъ въ началѣ знаменитаго похода отвѣчали паны на замыслъ полководца равнодушнымъ молчаніемъ, такъ подъ конецъ снѣжили къ нему съ контингентами своими, уразумѣвъ ясно, чего должны ожидать въ будущемъ отъ „угранскаго своевольтва“... Только князья Острожскіе не приехали сюда своихъ всегда многочисленныхъ почтовъ, находя, вѣроятно, что достаточно послужили королевской республикѣ пораженіемъ перваго бунтовщика, грозившаго разореніемъ Кракова, истребленіемъ шляхетскаго сословія, опустошеніемъ панскихъ домовъ и хозяйствъ съ помощью азіатской дичи, а можетъ быть, изъ практическаго соображенія, что въ феодалной Рѣчи Посполитой Польской ниоднѣ панскій домъ не могъ обойтись безъ готоваго безразлично къ услугамъ козачества, а то, пожалуй, и изъ политическаго разсчета, что „Польша стоитъ неурядицею“, что польскій престолъ, можетъ быть, очень скоро перейдетъ въ другую династію, и что въ этомъ весьма возможномъ переворотѣ, козаки пригодятся князьямъ Острожскимъ, какъ пригодился онъ Яну Замойскому подъ Вичниною...

Долго держались козаки въ блокадѣ, „закопавшись по уши въ землю“, питаясь кониною безъ соли, глядя на гибель своихъ женъ и дѣтей отъ панской артиллеріи. Приступомъ невозможно было взять отчаянныхъ. Между волчьимъ бѣгствомъ и медвѣжьимъ отпоромъ середины у нихъ не было. Много пановъ поплатилось головой за отважныя попытки. Наконецъ умирители бунта „обступили таборъ на коняхъ и цѣлую недѣлю, не слѣзая съ коней, сторожили козаковъ“, постоянно готовившихся къ бѣгству.

Не помогала панамъ и такая блокада, пока не привезли изъ Кіева тяжелой артиллеріи. Тогда открылась по козакамъ убійственная пальба, продолжавшаяся безъ перерыва четыре часа. Козаки выдержали и канонаду. Отняли у нихъ воду, — они утоляли жажду въ болотныхъ кюпанкахъ. Не стало у нихъ топлива, — они превращали свои возы въ дрова. Не стало, наконецъ, муки, соли и, что всего важнѣе,

папи для лошадей. Падали копи съ голоду сотнями. Привычныя ко всякой нуждѣ козацкія жены и дѣти умирали помипутно. Ворочавшимся въ дымномъ аду козакамъ было не до погребенія мертвыхъ. Разлагающіеся подъ жгучимъ лѣтнимъ солнцемъ трупы заражали воздухъ. По козаки соперничали гордо съ панами въ боевой выносливости, не хотѣли уступить имъ рыцарскаго превосходства, — презирая страхъ смерти, стыдились подчиниться побѣдителямъ.

И однакожь не устояли въ гордомъ соперничествѣ, признали за панами превосходство рѣшающаго боя, со стыдомъ, горшимъ самой смерти, подчинились побѣдителямъ, — все это потому, что наследственный со времянь варягорусскихъ разладъ преобладалъ въ ихъ дикой вольницѣ еще больше, нежели въ панскомъ феодальномъ обществѣ.

Цѣня своихъ предводителей только по мѣрѣ успѣха, козаки перестали довѣрять „счастью“ царя Паливая, и поставили гетманомъ затмѣваемаго имъ Лободу. Малочисленные теперь приверженцы Севернии видѣли въ Лободѣ завистливаго соперника, подкравнаго подъ ихъ божка, и заподозрили его въ расположенности къ „панамъ Ляхамъ“. Въ такой толпѣ, какъ солоницкіе козаки, отъ подозрѣнія до убійства былъ только одинъ шагъ. Лобода палъ жертвою соревнованія въ „козацкой славѣ“, которое не давало покоя царю Паливаю.

Но царь Паливай обнаружилъ предательскую мысль — воспользо-ваться своимъ талаптомъ къ бѣгству, — обнаружилъ себя такимъ героемъ, какимъ являлся передъ королемъ въ своемъ просктѣ уничтожить запорожцевъ. Поэтому гетманская булава перешла къ старому съчевнику, Кремпскому.

Дѣла, однакожь, не пошли отъ этого лучше. Доведенные до послѣдней крайности, козаки просили пощады у Жовковскаго. Снисходительный къ козакамъ больше всѣхъ своихъ сподвижниковъ, Жовковскій готовъ былъ пощадить ихъ, но требовалъ безусловной выдачи Паливайка съ главными зачинщиками бунта. Козаки на это не согласились.

При всемъ упадкѣ ихъ мужества и силы, между ними много было такихъ людей, какъ тѣ, которые, подъ предводительствомъ полковника Мартина, будучи ранены, бросались въ пылающее пламя. Рѣшимость ихъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ поддерживала презрѣніе къ смерти въ тысячахъ людей. Это были такъ называемые *козаки не-омирники*, о которыхъ сохранилось у Поляковъ народное повѣрье, будто бы каждый изъ нихъ, убитый на повалѣ, вставалъ и сражался вновь до девяти разъ. Папрасно жолнеры побивали солоницкихъ певмиракъ. Не разъ уже казалось имъ, что только почъ не дала по-

бѣдѣть завзятыхъ окончательно; но утро слѣдующаго дня являло передъ ними какъ бы воскреснувшія силы козацкаго духа и тѣла.

Боясь довести панское войско до отчаянія, Жовковскій снѣшилъ значительную часть конницы, чтобы въ слѣдующее утро вести ее въ атаку вмѣстѣ съ нѣскою. Во всю ночь въ панскомъ стану никто не смыкалъ глазъ: Жовковскій стоялъ на томъ, чтобы не выпустить изъ обложеннаго табора ни одного человѣка. А въ козацкомъ таборѣ разыгралась между тѣмъ отчаянная драма. Паливайко, съ дружиною отважнѣйшихъ людей, хотѣлъ пробиться сквозь козаковъ и пановъ на степной просторъ. Но попытка не удалась. Панскіе ведеры слышали крики: „Не пустимо! Ты насъ довѣдъ до такою лиха, до й терніи ёгдъ вкуні“.

На разсвѣтѣ панскія хоругви почти безъ сопротивленія заняли козацкій таборъ. Тамъ открылось передъ ними страшное зрѣлище: только ничтожныя остатки десятитысячнаго войска стояли колеблясь на горахъ надшихъ. Теперь уже не встали козаки-певмираки привѣтствовать гостей. Жовковскому выдали Паливайка, Шостака, Савулу, Папчошу и Мазену, какъ творцовъ и главныхъ *акторовъ* разыгранной трагедіи. Достались ему также пушки, знамена, булава, которую такъ долго царь Паливай оспаривалъ у Лободы, серебряныя бубны и литавры. Но въ кассѣ грабителей столькожъ городовъ и областей, къ огорченію жолнеровъ, нашли сдуа 4.000 злотыхъ.

Между жолнерами веныхнуль бунтъ: хотѣли истребить осажденныхъ до почи. Жовковскій, всегда снисходительный относительно собственныхъ и непріятельскихъ вонповъ, показалъ себя львомъ въ усмирении звѣрскаго бунга. Казня его зачинщиковъ, онъ въ то же время приказалъ Кремнскому спасагся съ „недобитками“ бѣгствомъ.

Окончательный результатъ борьбы пановъ съ ихъ испавистниками былъ ужасенъ. Изъ кроваваго солоницкаго табора, по сказанію современниковъ, прееминкъ Паливайка вывелъ всего на всего мужчиць и женициць 1.500 душъ.

Адмиралъ запорожской флотиліи, Подвысоцкій, покориляся правительству, и удалился къ низовымъ лугарямъ, среди которыхъ проживалъ уже вятнадцатъ лѣтъ въ отчужденіи отъ правоправящаго словія.

До новгородскаго подсудка, свидѣтеля Паливайцины въ Бѣлоруссін, дошла только глухая молва, что Лобода, отдѣлвшись отъ Саска, шелъ черезъ Кіевщицу къ Паливайку. Солоницкое побоище со всѣми своими ужасами и доблестями не заняло вниманія ни лучшаго изъ Паливайковыхъ земляковъ, Евлашевскаго, ни худшаго изъ нихъ,

князя Василя. По крайней мѣрѣ послѣ обоихъ представителей своего вѣка и общества не осталось никакихъ въ этомъ отношеніи извѣстій.

Молва о знаменигомъ походѣ усмысленнаго Польшею Руслпа, Жовковскаго, столь же глухо коснулась уха, и другой свѣтлой личности среди тогдашней русской тьмы, боркулабовскаго священника. Онъ равнодушно и разсѣянно записалъ въ своей хроникѣ слѣдующее:

„А ижъ (а такъ какъ) козаки Паливайкинаго войска начали творити шкочу великую замкамъ и панамъ украинаго *зѣмлю* (очевидная описка), того жъ року 1595 (1596) съ войскомъ лнговскимъ (слѣдовало бы написать *короннымъ*) погонивши, въ селѣ Лубны, на рѣцѣ Сулѣ, козаковъ побили. Первѣи Савулу сгнали, Папчоку чверговали, а Паливайка Северина поймали, по сѣмой суботѣ до короля послали. Тамъ же его замуровавши, держали ажъ до осени, Святаго Покрова. Тамъ же его чверговано.“

Ни люди чувствительные къ страданіямъ ближняго, какъ Евлашевскій и Боркулабовець, ни люди, скоплявшіе милліоны съ разсчитливымъ эгоизмомъ, какъ пашъ „свитонамятный“, не подозрѣвали, что у нихъ подъ ногами разразился вулканъ, который черезъ полстолѣтія произведетъ великую Руйну на обширномъ пространствѣ между Ворскломъ и Вислою.

Но зачѣмъ не казнили Паливайка столько мѣсяцевъ? На этотъ вопросъ могли бы отвѣчать клерикалы Сигизмундовы, прозавишіе мало-русское православіе *Палисойковой сектою*, воображая, какъ и наши историки, что у панскихъ злодѣевъ былъ на умѣ только церковь да вѣра. Безъ сомнѣнія, производилась разслѣдованія помимо обоихъ коронныхъ гетмановъ, отличавшихся вѣротерпимостію. Дорогая королю да іезуитамъ ушія имѣла столько противниковъ между католиками, что полевой гетманъ незадолго передъ „берестовскимъ синодомъ“, писалъ къ великому: „Ксензъ архіеннеконъ гнѣзненскій (примасъ королевства), которому сообщить было (объ ушіи) іезуитъ Касперъ Татаринъ, *condempnit* *) это дѣло и не захотѣлъ въ него вдаваться“.

Значеніе Паливайщины въ будущемъ почуяли метильнымъ сердцемъ гораздо вѣрнѣе тѣ, которые больше кого либо страдали отъ „римской вѣры“, ушіи. Они выдумали, будто бы Паливайка, Ляхи соязги живьемъ въ мѣдномъ быкѣ, въ отищеніе за защиту православія. Кто первый прикрѣпиль къ бумагѣ эту позорную выдумку, не извѣстно; по ее подхватили сочинители даже самыхъ крагкихъ „козацкихъ хроничекъ“, и она упрно держится въ русской писемности до нашего времени.

*) Презрѣлъ.

Глава V.

Сіяючая перспектива Польши. Затменіе этой перспективы со стороны Рима.— Развитие польскорусскаго козачества по поводу московскихъ смуть.— Козаки недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ.— Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ. Возстановленіе православной іерархіи въ Кіевѣ.— Значеніе царскихъ подацій „на церковное строеніе“.— Насущные интересы массы.

Рѣшительное подавленіе козацкаго мятежа устранило одно изъ главныхъ препятствій къ успѣхамъ колонизаціи малорусскихъ пустынь. Благодаря подвигамъ великихъ полководцевъ, представителей прикарпатской Руси, надъ Польшею засіяло безоблачное небо вѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Если бь эта составная нація, эта оригинальная „королевская республика“, слѣдовала той *миллѣнтности*, той *зажѣлности* и *людскости*, которыми отличались домовитые представители собственно польскаго элемента, — ея владѣнія сдѣлались бы благословеннымъ краемъ гражданской свободы, какою не пользовалась въ то время ниодна изъ сосѣдственныхъ націй. Она бы раньше всѣхъ европейскихъ государствъ перетравила въ себѣ феодальныя начала, возвышавшія одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ, и выработала бы могущественную силу внутренняго благоустройства — общественное мнѣніе, которое каждому члену польской семьи, независимо отъ законовъ и вопреки старыхъ обычаевъ, обезпечило бы свободное пользованіе плодами трудовъ его. Въ ея безирригирной въ томъ вѣкѣ вѣротерпимости и въ ея предупредившей другія гражданскія общества шляхетской конституціи были для этого весьма почтенныя задатки.

Унершись однимъ краемъ земли своей въ Балтійское море, она прокладывала себѣ путь къ Черному морю, какъ это свидѣлствуютъ намъ и ея свосвольные добычники, помогавшіе козакамъ въ ихъ набѣгахъ, и болѣе серьезные люди, рисковавшіе всѣмъ своимъ состояніемъ для завоеванія Крыма. Она заводила уже торговый флотъ на Балтійскомъ морѣ. Съ успѣхами колонизаціи, она спустила бы по Днѣпру и Днѣстру свои суда въ Гостепримный Поить, и ея черноморская торговля

далеко превзошла бы балтійскую. Богатая продуктами своей разнообразной почвы, доступная народамъ всей Европы и Азии, не стѣсняющая никого въ умственной работѣ и религіозной совѣсти, Польша сдѣлалась бы опасна для Москвы не оружіемъ, а стремленіемъ цѣлыхъ массъ, по слѣдамъ князя Курбскаго, Ивана Оседорова и Петра Мстиславскаго, въ ея свободныя отъ дикаго произвола, въ ея плодородныя, согрѣваемые полуденнымъ солнцемъ области. Симпатіи всѣхъ славянскихъ народовъ стремились бы въ тотъ край, гдѣ и Турокъ, и Армянинъ, и Сербъ, и Швецъ безразлично находили убѣжище отъ угрожавшихъ имъ дома гоненій сильнаго, жаднаго и свирѣпаго.

Но еще до татарскаго погрома Руси, апостолы всемірнаго господства, паны раздѣляли Полякъ дѣйровскихъ отъ Полякъ привислянскихъ до такой степени, что, по словамъ Кадлубка, „Русины не упускали никакого случая и не останавливались ни передъ какою трудностью, чтобы бѣшеную свою ненависть и застарѣлую жажду мести угасить польскою кровью“.

Мы вѣрнѣе этому страшному свидѣтельству XI-го, или, пожалуй, XII столѣтія, зная, что Византія, съ своей стороны, проповѣдывала у насъ не столько религію любви, сколько религію вражды. Поссорившійся съ нею Римъ не могъ вносить лучшую проповѣдь христіанства въ полудикую Польшу Мечиславовъ и Болеславовъ. Военныя столкновенія двухъ варварскихъ народовъ сопровождались внутренними двухъ варварскихъ миссій и, при отсутствіи того, что можно бы назвать общественнымъ просвѣщеніемъ, располагали родственныя націи къ уничтоженію другъ друга.

Багыевы Татары явились примирителями нашей Руси съ Польшею, уничтоживъ босвую русскую силу и придавивъ сословіе черноризцевъ, проповѣдывавшее непримиримую ненависть къ латинцамъ, яко къ „врагамъ Божіимъ, держащимъ кривую вѣру“. Но лагнцы раздули сами искру этой ненависти, тлѣющую подъ цепломъ опустошенной Татарами Малороссіи, и всего больше тѣмъ, что, отнимая духовныя хлѣбы у ставленниковъ константинопольскаго патріарха, передавали ихъ ставленникамъ римскаго первосвященника. Въ эпоху брестскаго собора 1596 года эта искра разгоралась пламенемъ злобѣющимъ, и оно пылало только внутри монастырей, остававшихся вѣрными ученію о „Божіихъ врагахъ“, да въ предѣлахъ церковныхъ братствъ которыя протестанты прямо направляли противъ папистовъ, а косвенно — противъ православной іерархіи.

Ни строительная республика панская, ни разрушительная республика козацкая, въ своемъ кровавомъ столкновеніи, не брали знамен

вѣры. Папы творили вооруженный судъ надъ козаками въ виду православныхъ дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ, какъ надъ людьми, по имѣющимъ общимъ интересамъ ни съ которыми сословіемъ. По съ одной стороны католическіе проповѣдники прозвали православіе *Паливайковой сектою*, издавали противъ него памфлеты подъ заглавіемъ *Воскресній Паливайко*, и научили свою чернь уличному крику противъ папихъ монаховъ: *Грѣш, Паливайко! Господи помилуй! Жюнусъ релия* (волчья религія)! а съ другой, папші черноризцы записали въ своихъ невѣжественныхъ „хроничкахъ“, будто бы Косинскій и Паливайко воссвали за вѣру, и будто бы одного изъ нихъ замуровали живымъ въ каменномъ столбѣ, а другаго сожгли торжественно среди Варшавы въ мѣдпомъ бычѣ.

Эти ничтожныя и смѣшныя проявленія поповскаго соперничества были пророчествомъ событій грозныхъ. Козаки, черезъ полстолѣтія дѣйствительно явились въ той роли, которую приписывали имъ современники Косинскаго и Паливайка. Русская вѣра въ самомъ дѣлѣ прервалась у нихъ въ *жюнусъ релию*, вопіющую *Господи помилуй*, не миловавшую ни католиковъ, ни православныхъ. Но для того, чтобы совершилась такая метаморфоза на русскомъ Югѣ, надобно было русскому Сѣверу сдѣлаться для козаковъ практическою школою лицемерія, предательства и безонациности. Эту школу устроила тамъ, съ церковными цѣлями, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ іезуитская политика Христова намѣстника.

Еще при наслѣдникѣ Іоанна Грознаго, царѣ Феодорѣ, проживавшіе въ Москвѣ иностранцы замѣчали, что Римская Курія разсчитываетъ на смуты, должепствующія возникнуть въ Московскомъ Царствѣ вслѣдствіе высокаго и опаснаго положенія Бориса Годуновъ, которому предстоитъ—или проложитъ себѣ дорогу къ престолу убійствомъ малолѣтняго царевича Дмитрія, законнаго наслѣдника послѣ бездѣтнаго брата, Осодора, или сдѣлаться жертвою боярскаго зависти мести. Предсказанія стороннихъ наблюдателей московской жизни оправдались, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдались подозрѣнія непріязненныхъ Риму иностранцевъ, что латинскіе прелаты, появляющіеся въ Москвѣ подъ разными предлогами, имѣютъ въ виду изученіе опасныхъ сторонъ московской государственности. Царевичъ Дмитрій былъ убитъ и дослапными въ Угличѣ злодѣями, а его имя принялъ на себя въ Польшѣ какой-то проходимецъ, очевидно подставленный тѣми людьми, которые возбуждали въ Москвѣ пророческіе толки задолго до кровавыя событій.

Эту загадочную личность приняли подъ свое покровительство и

сколько знатныхъ представителей польскорусской республики, и самъ король Сигизмундъ III благопріятствовалъ обманцику. Названнаго царевича Дмитрія повели въ Москву подъ прикрытіемъ вольнонаемныхъ панскихъ дружинъ. Были въ Польшѣ честные патріоты, называвшіе такое нарушеніе мира съ Москвою вѣроломствомъ; но ихъ не послушались. Разбойный элементъ польскорусскаго общества панель въ томъ походѣ работу какъ разъ по себѣ. Онъ увлекъ за собой и Запорожцевъ, успѣвшихъ уже оправиться отъ пансеснаго имъ, лѣтъ восемь тому назадъ, удара. Такимъ образомъ наше дѣбировское козачество пошло на широкій путь развитія своей Коопинцины и Пали вайцины.

Московское Царство было въ то время отдѣлено отъ Польши и Малороссіи пустынными пространствами, которыя назывались въ немъ полевыми или польскіими украинами. Эти украинны служили убѣжищемъ всякаго рода безземельникамъ, называвшимся, такъ же какъ и въ Польшѣ, козаками. Одни изъ нихъ отправляли сторожевую службу и состояли въ вѣдомствѣ пограничныхъ воеводъ; другіе проживали, въ качествѣ вольныхъ сторожей и работниковъ, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ; третьи промышляли обыкновеннымъ и въ московскихъ и въ польскихъ украиннахъ воровствомъ, перекочевывая изъ притона въ притонъ, и всѣ имѣли ту общую черту, что легко переходили изъ осѣдлаго быта въ кочевой, изъ кочеваго въ осѣдлый, мѣняя роль благонадежныхъ людей на разбойно-хищническую, а изъ разбойниковъ и хищниковъ дѣлаясь опять людьми благонадежными.

Осѣдлое населеніе пограничнаго московскаго края, вмѣстѣ съ воеводскимъ управленіемъ своимъ, иной разъ трепетало передъ этимъ анархическимъ классомъ, страннымъ именно потому, что его „не по чемъ было сыскать“; но, задабривая однихъ и страная другихъ козаконъ, удерживало зыбкую въ своихъ правилахъ орду отъ крупныхъ и мелкихъ посягательствъ на имущество классовъ торговыхъ и промышленныхъ.

Лишь только вольнонаемная шляхта, заодно съ запорожскими добычниками, пришла въ московскія владѣнія, всѣ люди, которыхъ не по чемъ было сыскать, заговорили громко въ украинныхъ городахъ и посадахъ о царевичѣ Дмитріи. Воеводы, съ малочисленными своими стрѣльцами, и заставные головы, съ разъярженными козаками, струсили. Обширный пограничный край въ короткое время призналъ самозванца законнымъ наследникомъ царскаго престола, а Бориса Годунова похитителемъ и лиходѣемъ. Въ теченіе осени и зимы успѣха самозванца въ такъ называемой Сѣверницѣ еще колебались. Къ

весиѣ молва о дивномъ спасеніи зарѣзаннаго будто бы въ Угличѣ царевича облетѣла Россію. Недовольная своимъ правительствомъ чернь обрадовалась возможности перемѣнить одно царствованіе на другое. Подъ грозой повсемѣстнаго мятежа, дворяне и самое духовенство не смѣли стать противъ толпы искателей легкой поживы. Москва, привычленная къ предательству двуличной политикой самого Годунова, готова была выдать его названному царевичу. Но царь Борисъ внезапно умеръ. Выдали клеветамъ самозванца только 16-ти лѣтняго сына Борисова.

На престолѣ высоко заслуженныхъ передъ потомствомъ собирателей Русской Земли сѣлъ темный бродяга, и приступилъ было уже къ преобразованію самобытной Россіи въ духѣ западныхъ державъ, изъ которыхъ лучшею, въ его глазахъ, была Польша. Его крутые и непослѣдовательные приемы въ замѣнѣ старыхъ порядковъ новыми, его презрѣніе къ русскимъ обычаямъ, крайнее пристрастіе къ иноземцамъ вообще, а къ польщизинѣ въ особенности, и наглое самохвальство передъ саповитыми москвичами — помогли боярской партіи подорвать въ обществѣ служилыхъ и торговыхъ людей вѣру, что въ Москвѣ царствуетъ государь законный. Князь Василій Шуйскій соединилъ въ одну мятежную толпу и тѣхъ, которые были вооружены противъ самозванца лично, и тѣхъ, которыхъ раздражало нахальство окружавшей его толпы Поляковъ. Самозванецъ погнѣб со множествомъ знатной и низшей шляхты.

На опозоренное царское сѣдалище Москвичи возвели Василія Шуйскаго. Но разбойная масса, поживнившаяся изъ-за спины своего Димитрія богатою добычею, распустила слухъ о его спасеніи и завела съ людьми порядка и мирнаго труда широкую войну. Россія, столь недавно еще сплотившаяся въ одно цѣлое искуснымъ, хотя подчасъ и жестокимъ, самодержавіемъ государей своихъ, раздѣлилась теперь на ся. Одна половина народа стояла за царя Василія; другая провозглашала спасавшагося якобы отъ бунтовщиковъ царя Димитрія.

Душею партіи, отстаивавшей самозванца даже и послѣ его смерти, была добычная шляхта въ союзѣ съ донскими и днѣпровскими козаками. Эти *воры*, какъ прозвалъ ихъ Московскій народъ, нашли въ Вѣлороссіи подходящаго человѣка для сочиненной ими роли, и ввели его въ поколебленное смутами государство съ новыми охотниками до „козацкаго хлѣба“. Разбойный элементъ польско-русскаго общества соединился съ разбойнымъ элементомъ общества московскаго, развивая свою хищную дѣятельность на счетъ классовъ экономическихъ. Ратные люди царя Василія стояли слабо противъ втораго

Лжедмитрія, измѣняли потерявшемуся правительству и увеличивали массу людей, разорявшихъ Россію во имя измышленнаго царя. Москва была обложена со всѣхъ сторонъ добычниками; ея пути сообщенія съ дальними областями прерваны, и казалось возможнымъ, что новый бродяга заставитъ ее признать себя царемъ, какъ и первый Лжедмитрій.

По уснѣхн свосвольныхъ представителей польскорусской воинственности подохотили къ войнѣ съ Москвой и тѣхъ напоѣвъ, которые до сихъ поръ смотрѣли изчужа на предпріятіе своихъ менѣе разборчивыхъ собратій. Избѣненіе множества Поляковъ, которые гостили, или служили у перваго Лжедмитрія, дало благовидный предлогъ къ нарушенію мира, заключеннаго Сигизмундомъ III еще съ царемъ Борисомъ. Польское войско, подъ предводительствомъ самого короля, идетъ къ Смоленску, осаждаеть этотъ пограничный въ то время городъ, сливается въ одно съ добычными кунами шляхты и козаковъ; второй самозванецъ погибаетъ въ своемъ бѣгствѣ; солонщій побѣдитель, коронный гетманъ Жовковскій, ведетъ къ Москвѣ лучшія польскія хоругви, разбиваетъ у Клушина царскую рать; Москва, обезсиленная смутами, признаеть своимъ царемъ королевича Владислава; Жовковскій занимаетъ столицу во имя новаго царя, и уводитъ изъ нея братьевъ Шуйскихъ плѣнными, подъ оскорбительнымъ для націи названіемъ „русскихъ царей“.

По Сигизмундъ желаетъ царствовать въ Москвѣ лично, и не пустилъ на царство малолѣтняго сына своего. Отсюда возгорѣлась новая война, получившая у современниковъ выразительное прозвище — Московское Разореніе. Сѣверная Русь обратилась въ широкое поприще грабежа и разбоя съ стороны людей, представлявшихъ воинственный и добычный элементъ въ населеніи Руси Южной. Здѣсь была вся Литва и вся Галичина въ лицѣ своихъ окатоличившихся, остречившихся и оставшихся въ предковскомъ православіи воиновъ. Взятая вмѣстѣ, эти страны составляли громадное большинство населенія Рѣчи Посполитой Польской вообще, а въ личномъ составѣ ходившихъ на Москву войскъ Русины различныхъ исповѣданій фигурировали почти исключительно. Такимъ образомъ Южная Русь разоряла Сѣверную Русь, подчиненная королю-католику, уничтожала Русь, созданную изъ удѣльно-вѣчсваго хаоса православными государями, — и въ этомъ заключался наибольшій уснѣхъ римской политики.

По въ томъ же самомъ узлѣ событій таилась комбинація, обратившая въ ничто планы римскаго папы на счетъ Россіи и погубившая Польшу.

Москва отвергла желаніе Сигизмунда царствовать вмѣсто его сына, Владислава. Сигизмундъ хотѣлъ принудить ее къ повиновенію вооруженною силою. Его войско, занимавшее столицу во имя королевича, очутилось въ ней запертымъ, и въ 1612 году, подвергшись, въ осадномъ сидѣннѣ, неслыханнымъ ужасамъ голода, едалось напоицею онолченію царя Михаила Осодоровича, избѣраемаго изъ древняго рода бояръ Романовыхъ. Польша оказалась безсиальною продолжать послѣдовательно войну съ падломленнымъ его царствомъ. Москва оправилась и поднялась изъ унадека очистительнымъ дѣйствіемъ своихъ бѣдствій. Когда, черезъ шесть лѣтъ, королевичъ Владиславъ, уже взрослый, привелъ въ Россію новое шляхетское и козацкое войско, домогаясь московскаго престола, его притязанія оказались мечтательными. Было заключено 14-лѣтнее, такъ названное Деулинское перемиріе. Москва поступилась Польшѣ Смоленскомъ и частью Сѣверщины, но сохранила права своего русскаго царя неприкосновенными.

Велѣдъ за этимъ начинается съ ея стороны нѣчто подобное той политикѣ, посредствомъ которой пыталась восприсобладать надъ нею Польша: *wet za wet*, какъ говорятъ Поляки. Но у Москвы политика была собственная, не нагазанная со стороны и не имѣвшая въ виду чужихъ цѣлей, кромѣ своихъ народныхъ и государственныхъ. Предметомъ этой политики было возстановленіе въ Южной Руси православія, тѣшняго со времени Угайла католичествомъ, уничтожаемаго со времени Сигизмунда Августа протестантствомъ, подавленнаго при Сигизмундѣ III церковною униєю.

Дѣло было трудное. Архіереевъ православныхъ уже не было въ Малороссіи кромѣ ничтожнаго, презираемаго и самими папшетами львовскаго епископа, Іеремія Тисаровскаго. Несогласившіеся на унию перемерли, и каосдры ихъ были замѣщены ставленниками римскаго папы, униятами. По смерти „святопамятнаго“ князя Василія, всѣ вотчинныя и помѣстныя имѣнія дома Острожскихъ, простиравшіеся по рѣку Росъ на правой сторонѣ Днѣпра и по рѣку Альту на лѣвой, очутились въ распоряженіи католиковъ, что повліяло, въ пользу папы, и на тѣхъ православныхъ пановъ, которые были связаны съ этимъ домомъ родствомъ, или вассальствомъ.

Изъ тузовъ польско-русскаго можновладства, равныхъ князю Василію, одинъ только князь Іеремія Вишневецкій оставался въ православіи, но, будучи несовершеннолѣтнимъ, находился въ рукахъ своихъ наставниковъ, іезуитовъ, которые ожидали только смерти его благочестивой матери, чтобы сдѣлать его регентомъ.

Былъ и еще одинъ магнатъ, защитникъ православниковъ, изъ

стариннаго русскаго рода Радивиловъ, князь Христофоръ, сынъ извѣстнаго уже намъ Радивила Черуца; по этотъ, какъ и его отецъ, исповѣдывалъ вѣру Кальвина.

Прочіе потомки древней варяжской Руси, цанримѣръ, князья Чорторійскіе (по-польски Чарторизкіе), Корцекіе, Четвертинскіе, Пузыны и равные этимъ князьямъ по родовому вельможеству паны Русичи стояли между католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ на распутіи, подобно недавно исчезнувшему для православія роду князей Острожскихъ, такъ что представители одного и того же панскаго дома принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и если не были еще католиками или протестантами, то, пройдя школу воспитанія и родственнаго общенія съ иновѣрцами, сохранили за собою только имя православныхъ.

Московскіе государственники считали этихъ Русскихъ людей потерянными для своего правительства, да и сами они относились къ Москвѣ, если не враждебно, то съ пренебреженіемъ, яко къ націи невѣжественной и подавленной царскимъ деспотизмомъ. Самое православіе московское заподозривали они, называя *вярою царскою*, чтѣ въ послѣдствіи отозвалось и на козакахъ Богдана Хмельницкаго. Православные же вассалы и слуги великихъ панскихъ домовъ, какова бы ни была ихъ личная приверженность къ отеческой вѣрѣ, не смѣли и не могли имѣть отдѣльной политики.

За православными панами, по политическому значенію, слѣдовало православное духовенство. Оно искони пополнялось младшими членами панскихъ домовъ, или же панскими кліентами, возводимыми обыкновенно на владчества, архимандріи и протопопін, которыхъ подаванье принадлежало не одному королю, но часто и жуповладникамъ. Теперь этотъ высшій слой духовенства отошелъ въ уиіа; если же имѣлъ нѣсколькихъ представителей своихъ на архимандріяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ уиітскаго захвата, то Московская война прервала всякія сношенія между царскимъ правительствомъ и малорусскими архимандритами.

За мѣщанъ и поселянъ московская политика могла бы ухватиться только чрезъ посредство дворянства и духовенства, а какъ оба эти представители малорусской народности въ Польшѣ были парализованы для Москвы политикой Рима, то Малорусская земля являлась отрѣзанною отъ Великорусской еще больше, нежели въ тѣ времена, когда панская инциатура работала въ Польсколитовскомъ государствѣ одной пропагандой католичества, и епископскія епархіи въ Малороссіи замѣщались архіереями православными. Такъ предусмотрительность просвѣтителей Поль

ши заградилъ путь собирателямъ Русской Земли, которые устами Юаана III торжественно объявили, что будутъ искать Кіева и другихъ отчинъ предковъ своихъ Рюриковичей, примешеванцкихъ великими князьями литовскими къ землѣ Пястовъ.

Но малорусское дворянство имѣло своихъ представителей не въ однихъ монастыряхъ и церквахъ. Кадры Запорожскаго войска состояли изъ людей шляхетскаго происхожденія, и верховодами его были покамѣсть одни члены панскихъ домовъ, такъ точно, какъ и верховниками духовенства. Правда, это были блудные сыновья, бѣгавшіе въ козаки или отъ горькой въ тѣ времена „школьной части“, или отъ суровой родительской власти, или же потому, что ни одинъ панскій домъ не давалъ имъ такого положенія, какимъ пользовался у князя Острожскаго Наливайко. Но зато козаки имѣли собственную политику и въ старія времена независимыя дружины ихъ служили московскимъ государямъ подъ предводительствомъ Евстафія Дашковича и князя Димитрія Вишневецкаго. Теперь козаки сдѣлались разорителями Московскаго Царства въ пользу римской политики, ради хищной добычи и рыцарской славы своей. Но приближалось время, когда имъ сдѣлалось тѣсно въ „Королевской Землѣ“, и когда дикія доблести, которыми они отличались въ „Землѣ Восточнаго Царя“, обратились въ страшилице для ихъ старшихъ братій, польскорусскихъ помѣщиковъ. Можно сказать, что московская политика предусматривала такое положеніе дѣлъ въ польскорусской республикѣ и ждала удобнаго момента, чтобы воспользоваться козаками для своего великаго предиріянія.

Несчастная для Москвы и постыдная для Польши событія, послѣдовавшія за объявленіемъ, что сынъ Ивана Грознаго, Димитрій, живъ, призвали козаковъ къ новой разбойной дѣятельности. Не имѣя столько денегъ, чтобы снаряжать правильныя арміи для одолѣнія надломанной уже Стефаномъ Баторіемъ державы, королевское правительство дозволяло такъ называемому Запорожскому войску увеличить число *охотихъ* козаковъ по мѣрѣ возможности. Напрактиковавшись въ московскихъ походахъ и размножась до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, эти ученики старинныхъ запорожцевъ стали заодно съ ними предпринимать морскіе походы все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Въ 1614 году разграбили они торговую пристань Синопъ; въ 1615-мъ сожгли двѣ пристани, Мисевлу и Ахіоку, недалеко отъ Царьграда; разбили турецкій флотъ, привели взятая въ бою галеры въ дѣйровскій Лиманъ и сожгли въ виду Очакова; въ 1616-мъ разбили пиовъ турецкій флотъ на Лиманѣ, разорили турецкій невольничій рынокъ Кафу въ Крыму и опустошили черноморскія побережья.

Турки были раздражены козацкими набѣгами до крайности, и готовились выместить свою досаду на Польшу. Напрасно коронный гетманъ Жовковскій увѣрялъ ихъ, что казаки состоятъ лишь въ нѣкоторой части изъ польскихъ подданныхъ, да и то непослушныхъ королю и осужденныхъ на казнь. Напрасно писалъ онъ, что это не войско и не народъ, а скопище забродниковъ изъ всѣхъ народовъ; что дѣвировскіе Пороги съ незапамятныхъ временъ служили притономъ хищной толпѣ, нападавшей на купеческіе караваны и промышленявшей разбоямъ во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Султанское правительство не хотѣло слышать никакихъ оправданій.

Козаки, въ самомъ дѣлѣ, на добрую половину, были, что называется по-малорусски, *заволоклими* въ странѣ дававшей имъ пристанище. Попадая въ руки кануданъ-башей, они совсѣмъ изчужа внушали имъ, что единственный способъ вытѣснить занорожденъ изъ ихъ логовища, это—заселить Волощину Турками, овладѣть Подольскимъ Камнящемъ, русскіе края занять по Кіевъ и основаться прочными осадами подъ самымъ Днѣстромъ. Планъ этотъ былъ принятъ въ верховномъ Диванѣ, и только Персидская война не дала осуществить его. Тѣмъ не менѣе, однакожь, было рѣшено восвать Лехистанъ энергически, и въ 1617 году сильное турецко-татарское войско придвинулось къ Днѣстру. Съ великимъ мужествомъ и немалымъ искусствомъ Жовковскій отвелъ отъ Польши грозу, но былъ вынужденъ уступить султану королевское сюзеренство надъ Молдавією и заключилъ съ Турками миръ, подъ условіемъ уничтожить козаковъ, то есть привести ихъ въ такое состояніе, чтобы сухонутныя границы турецкихъ владѣній и черноморскія побережья были отъ нихъ безопасны.

Для этого столь же важнаго, сколько и труднаго дѣла были двинуты въ Украину всѣ коронныя и панскія силы, защитившія Поддѣстріе отъ мусульманскаго нашествія. Они предназначались для подкрѣпленія требованій такъ называемой козацкой комиссіи, назначенной королевемъ и состоявшей изъ первенствующихъ пановъ Кіевского воеводства, подъ предводительствомъ великаго короннаго гетмана и канцлера, всѣ того же Станислава Жовковского. Комиссія собралась, во всеоружіи своемъ, надъ рѣкой Росью у села Ольшанки, близъ Павлочи.

Она вытребовала къ себѣ уполномоченныхъ Запорожскаго Войска, и поставила имъ на видъ, что казаки большими купами и цѣлыми войсками вторгаются въ сосѣднія земли, что, „выхода на влость“ (то есть въ королевскія и панскія имѣнія), притѣсняютъ и разоряютъ людей всякаго состоянія. По мнѣнію королевскихъ комиссаровъ, при-

чипую всему этому было то, что козаки принимаютъ къ себѣ множество всякаго народа, при которомъ и сами не могутъ устроить между собой надлежащаго порядка; а потому комиссары требовали: чтобы людей, называющихся запорожскими козаками, не было больше одной тысячи; чтобы эти люди „жили на обычныхъ мѣстахъ, давныхъ королямъ ихъ старшымъ, и на власть отсюда не выходили“. Для поддержки ихъ военнаго быта, имъ было обѣщано установленное Стефаномъ Баторіемъ жалованье—по червонцу и по поставу сукна караіи на каждаго. Прочіе же (сказано въ актѣ комиссіи), гдѣ бы ни находились въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ, чтобы козаками съ этого времени больше не назывались и никакихъ юрисдикцій себѣ не присвоивали, а были бы во всемъ послушны панамъ, начальству своему, паравиѣ съ другими подданными. Если же окажутся непослушныя, то на такихъ землевладѣльцы Кіевского воеводства немедленно вооружаются и настоящее свое постановленіе приведутъ въ дѣйствіе. А чтобы гасить огонь въ искрахъ (сказано далѣе) и не дать ему запылать пламенемъ, всѣ державцы и паны обязаны хватать каждаго, кто бы кликнулъ кличъ для сбора народа, и безъ всякаго милосердія карать смертью. Кто же изъ державцевъ или пановъ сталъ бы смотрѣть сквозь пальцы на сборъ такихъ кунъ въ своихъ помѣстьяхъ, а пожалуй, и самъ сталъ собирать въ куны разныхъ бунювъ, такой будетъ позванъ въ трибуналъ, наказанъ смертью, а еслибы не явился для оправданія, то—лишеніемъ чести. Даже и за доставку на Низъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ шляхтичъ будетъ наказанъ смертью по разсмотрѣніи уликъ, а простолюдникъ — непременно тотчасъ же.

Въ заключеніе акта Ольшанской козацкой комиссіи сказано: „Монастырь Трахтомировскій, яко недавно пожалованный козакамъ отъ короля и Рѣчи Посполитой, остается при нихъ,—впрочемъ не для чего либо другаго, какъ для того, чтобы онъ былъ убѣжищемъ старымъ, больнымъ, раненымъ для проживанья до смерти; собирать же и сывать въ куны, какъ гдѣ-либо, такъ и тамъ, воспрещается. Въ противномъ случаѣ, это пожалованье будетъ ими утрачено“.

Козаки смиренно согласились на все, чего комиссіи отъ нихъ потребовала, и обѣщали подчиниться новой регуляціи Запорожскаго Войска, но выговорили себѣ право — обратиться на ближайшемъ сеймѣ и королю и Рѣчи Посполитой съ просьбою о трехъ пунктахъ: 1) о томъ, въ которомъ сказано, что нынѣшніе козаки и ихъ потомки не должны ничего такого дѣлать, что причиняло бы кому-нибудь убытокъ, обиду или притѣвленіе; 2) о томъ, по которому не должны они вторгаться во владѣнія „турецкаго императора“, и безъ воли и пове-

лѣнія короля и Рѣчи Посполитой, и 3) о томъ, по которому число запорожскихъ козаковъ ограничено только тысячею человекъ.

Козаки знали, что королю безъ нихъ не обойтись; знали, что совладать съ ними нанамъ теперь уже очень трудно, и выжидали благоприятныхъ для своего промысла событій.

Дѣйствительно, не прошло году, какъ то самое правительство, которое повелѣвало козакамъ переписаться въ одну тысячу, призвало ихъ къ оружію въ произвольномъ числѣ. Для поддержки королевича Владислава въ его Московскомъ походѣ, знаменитый морскими побѣдами Петръ Копашевичъ Сагайдачный привелъ къ Можайску, подъ именемъ Запорожскаго Войска, 20,000 добычниковъ. Распуская во всѣ стороны „загоны“ свои, козацкая орда отъ самой границы проложила къ центру Московскаго Царства широкую полосу, подобную тѣмъ пустыннымъ пространствамъ родной Подоліи, Червонной Руси и Волыни, которыя назывались „татарскими шляхами“. Взятые „взятые“ города, поплѣненные воеводы, новыуженныя села говорили краснорѣчиво, какая губительная сила выросла вновь изъ тѣхъ наѣздниковъ, которыя, тому назадъ двадцать два года, были обезоружены погромомъ за Сулѣю. Эти 20,000 полукочевыхъ воиновъ были тѣсно связаны между собой добычнымъ промысломъ, и не хотѣли знать интересовъ быта осѣдлаго. Ремеслами и хлѣбопашествомъ они тяготились, „крамѣрство“ презирали; ни къ какой правильной и послѣдовательной работѣ способны не были. Имъ приходилась по душѣ одна рискованная жизнь, которой отраду составляла добыча, а поэзію разбойно-рыцарская слава.

Словіе землевладѣльцевъ стояло въ несогласномъ противорѣчьи съ этимъ обществомъ чужезядниковъ, и дальновидные люди уже въ актѣ Ольшанской комиссіи выразили необходимость „гасить огонь въ искрахъ, чтобъ не дать ему занимать пламенемъ“. По большинству шляхетчины, удручаемое правомъ сильнаго, пришло къ печальному убѣжденію, что Польша стоитъ неурядицею (*Polska bezrzędem stoi*). Даже въ сеймовыхъ собраніяхъ проповѣдывалась мысль: что уничтожить козаковъ было бы, во-первыхъ, безчестно,—во вторыхъ, бесполезно,—въ третьихъ, невозможно, и королевское правительство, въ пропозиціи на сеймъ 1618 года, находило это предпріятіе „дѣломъ труднымъ“. Тѣмъ не менѣе, однакожь, оно твердило о необходимости обуздать козацкое своеволие, и воиняло къ сейму и къ малорусскимъ панамъ, чтобъ они „единодушно согласились гасить этотъ страшный огонь“.

Здѣсь разпосооставная Польская нація, при всемъ своемъ превосходствѣ въ культурности, не выдерживаетъ сравненія съ простоватой

Московіей по отношенію къ государственности, обезпечивающей политическую независимость народа. Въмѣсто рѣшительныхъ мѣръ, какими царское правительство клало предѣлъ разбоямъ своихъ косолаповцевъ и воровъ смутнаго времени, представители польско-русской республики для обузданія воскреснувшихъ Палигайцевъ, прибѣгнули къ полумѣрамъ. Въ 1619 году, по примѣру Ольшанской, собралась новая козацкая коммиссія надъ рѣчкою Раставицею (ниже Павловои). Въ виду этой вооруженной, какъ и прежняя, коммисіи, на рѣчкѣ Узени (за Ылою Церквою) стояли, по выраженію акта, „запорожскія войска“. Обѣ стороны молча грозили другъ другу боемъ, но съ обѣихъ сторонъ рѣшеніе спорнаго дѣла боевою силою представлялось великимъ рискомъ, и оно снова было рѣшено только на бумагѣ.

„За прошлый годъ (говорили королевскіе комиссары козацкимъ уполномоченнымъ) козаки, согласно Ольшанскому постановленію, получили 10,000 злотыхъ и 700 поставовъ каразинъ; и за нынѣшній годъ отдали мы имъ такую же сумму деньгами да сукномъ; потомъ уже будутъ они получать не сукномъ, а наличными деньгами по 40.000 злотыхъ ежегодно въ Кіевѣ на св. Плью русскаго“.

Въ благодарность за это, комиссары требовали, чтобы козаки дали рыцарское слово и присягнули, что не только тѣ, которые получаютъ жалованье, не будутъ беспокоить турецкаго императора“ своими набѣгами, но и другихъ, въ случаѣ оказались бы такіе свосвольники, всячески будутъ отъ того удерживать, а тѣхъ, которые недавно, въ противность заурещенію, ходили на море, наказуютъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ козаки должны были уничтожить морскіе челны, которыхъ часть (сказано въ актѣ) уже уничтожена,—дабы свосвольнымъ не было некушенія; оставляютъ лишь необходимые для переезда на Дибирѣ, но будутъ содержать при нихъ надежную сторожу, чтобы свосвольные не выкрадлись на этихъ челнахъ въ море.

Далѣе, комиссары требовали, чтобъ отъ козаковъ не было больше никакихъ непріятностей людямъ въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣніяхъ. Для этого изъ козацкаго ресстра должны быть выписаны прочь все ремесленники, шинкари, войты, бурмистры, торговцы, рѣзники, вообще все занимающіеся какимъ-либо ремесломъ, и иные праздношатающіеся люди, которые до пяти лѣтъ назывались козаками. „Нбо мы (говорили составлявшіе коммиссію землевладѣльцы) ни подъ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“. Эти выписанные должныствовали подчиняться старостамъ, державцамъ, ихъ намѣстникамъ и другимъ на-

памѣ, кто подѣ кѣмъ живеть, не отъываясь къ войсковому суду, а „паны-молодцы“ вступаться за нихъ не должны.

Всего же больше настаивали комиссары на томъ, чтобы „паны-молодцы запорожца“ или вовсе не жили въ имѣніяхъ земскихъ, духовныхъ, свѣтскихъ, дѣдичныхъ, или же, если будутъ имѣть въ нихъ дома и осѣлости, то чтобы оказывали послушаніе дѣдичнымъ панамъ, подѣ которыми будутъ имѣть свои маѣности, чтобы изъ подданства не выламывались и къ инымъ „присудамъ“ не отказывались.

Крайнимъ срокомъ, къ которому казаки были обязаны привести въ исполненіе свои обѣщанія, назначался св. Ілья русскій 1620 года. Къ этому сроку все тѣ, которые не хотятъ подѣ кѣмъ-нибудь жить и быть своему пану подданными, должны были удалиться изъ его имѣнія и жить гдѣ угодно. Тѣ же, которые будутъ проживать въ украинныхъ королевскихъ городахъ, должны оказывать всяческое почтеніе своимъ старостамъ и въ случаѣ надобности, „яко на Украинѣ“, дѣйствовать противъ пепрїятелей св. Креста, подѣ предводительствомъ пановъ-старость, или ихъ намѣтниковъ.

Въ заключеніе, комиссары требовали, чтобы казаки, согласно Олыпанскому постановленію, приняли себя „старшаго“ изъ руки короннаго гетмана, по образцу того, какъ при королѣ Стефанѣ Баторіи былъ старшимъ Орышевскій.

Казаки, какъ и въ прошломъ году, подчинились королевской волѣ, и благодарили за назначеніе имъ жалованья, но не могли опредѣлить немедленно свое число, такъ какъ бракъ и вынесь ремесленниковъ, торговцевъ, шинкарей и тому подобныхъ людей потребуеть немало времени. „Это надобно дѣлать по городамъ (изъясняли письменно ихъ уполномоченные): такихъ людей, не принадлежащихъ къ рыцарскимъ занятіямъ, каковы эти шинкари, кравцы, торговцы и всякіе ремесленники, кафанники, балакезы, рыбалты, *) и тѣхъ, которые, выломавшись лѣтъ пять назадъ изъ присуду своихъ пановъ, подѣлались казаками, мы отъ себя повинимъ и повинремъ. Пусть они не прикрываются нашими вольностями, пускай подчиняются власти своихъ пановъ-старость и ихъ намѣтниковъ, гдѣ кто будетъ жить. А какое число насъ останется, мы доложимъ его королевской милости съ просьбою о пепарушеніи этихъ вольностей, но покамѣсть, постановили такъ: кто хочетъ оставаться съ нами на службѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, то, хотя это сильно нарушаетъ наши воль-

*) Въ комиссіонныхъ актахъ упоминаются въ числѣ ремесленниковъ и торговцевъ еще *бляданы* и *канкаюки*.

ности, пожалованныя намъ привилегіями наленѣвшихъ королей, нашихъ почивающихъ въ Божѣ государей *), и хотя мы должны будемъ обратиться къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, но, если его королевской милости не будетъ угодно оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и правахъ, чтобъ выходилъ изъ шляхетскихъ имѣній и некаль себѣ спокойнаго жительства въ имѣніяхъ королевскихъ, гдѣ кому любо; но гдѣ имѣсть или будетъ имѣть оубѣдость, тамъ будемъ оказывать старостамъ, подстаростіямъ и ихъ намѣстникамъ надлежащее почтеніе. Въ случаѣ вторженія непріятели св. Креста должны мы дѣйствовать противъ него, какъ подобаетъ намъ, подъ начальствомъ старосты, подстаростія или своего атамана, и все то дѣлать, что намъ будетъ слѣдовать. Не сопротивляемся и назначенію надъ нами старшаго, въ родѣ того какъ былъ нѣкогда Орышевскій. Но такъ какъ вышѣ его милость панъ-кашцлеръ и коронный гетманъ не наименовали старшаго и отложили его назначеніе до ближайшаго сейма, то и мы пришлемъ туда пословъ своихъ съ нашими просьбами, отдаваясь на волю его королевской милости. Мы только просимъ, чтобъ надъ нами былъ старшимъ такой человѣкъ, который былъ бы способенъ воевать вмѣстѣ съ нами противъ короннаго непріятели, къ славлѣ и пользѣ короля и Рѣчи Посполитой, и умѣлъ бы неходатайствовать у его королевской милости все, что намъ нужно“.

Коммиссія приложила петицію козаковъ къ своему акту въ знакъ готовности правительства выслушать отъ ихъ пословъ на сеймѣ и такія заявленія, которыя противорѣчили государственному праву польскому.

Дѣйствія Ольшанской и Растваицкой комиссіей вообще отличались кротостью, непонятною для насъ въ предводителѣ обѣихъ этихъ комиссій, Жовковскомъ, который уже въ 1596 году доносилъ о козакахъ Сигизмунду III, что они мечтали о разореніи Кракова, умышляли низложить короля и грозили истребить шляхетское сословіе. Турецкая война, палликанная козаками, съ трудомъ была отклонена Жовковскимъ въ 1617 году. Въ прошломъ 1618-мъ турецко-татарское вторженіе изъ-за козаковъ повторилось нѣсколько разъ, и обошлось не дешево, какъ защитникамъ Червононорусскаго края, такъ и мирнымъ

*) Достоинно замѣчанія, что казаки никогда не указали, кѣмъ именно и что было имъ пожаловано, равно какъ и козацкіе историки, кромѣ тѣхъ, которые, какъ профессоръ Антоновичъ, основывались на Лѣтописи Грабники, объявляютъ, будто бы Сигизмундъ I „призналъ ихъ вѣноюю собственностью тѣ земли, на которыхъ они были поселены по обимъ берегамъ Днѣпра“.

жителямъ, которыхъ множество уведено въ неволю. Война съ мусульманами предвидѣлась и въ недалекомъ будущемъ. Недавно воцарившійся султанъ Османъ II мечталъ расширить на счетъ Польши Оттоманскую Имперію, и готовился къ походу въ небывалыхъ размѣрахъ.

Но не одни запорожскіе козаки возбуждали Турокъ противъ Польши. У подоляскихъ, брацлавскихъ и червонопорусскихъ пановъ завелось издавна свое домашнее козачество, отличавшееся отъ запорожскаго только тѣмъ, что содержалось на счетъ панскихъ, а не королевскихъ имѣній. Образчикъ такого козачества видѣли мы въ дружинѣ Наливайка, служившей князю Острожскому и потомъ присоединившейся къ запорожцамъ.

Пограничные паны малорусскаго Юга были мельче, по воинственности князя Василія: они гетманили сами своими козаками, большею частью шляхтичами, и Подоляя относительно польскорусскихъ южныхъ окраинъ была то самое, что была Киевица относительно польскорусскихъ восточныхъ. Все даже на сеймѣ называли вооруженнымъ панцемъ.

Совершенно справедливо говорить одинъ изъ польскихъ историковъ: что въ этой пограничной области Рѣчи Посполитой столько было гетмановъ, сколько старостъ, сколько поселившихся здѣсь коронныхъ пановъ, сколько военныхъ генераловъ. Много панскихъ именъ вписано въ хроніку мелкихъ и крупныхъ битвъ, которыми сдерживался паноръ азиатчины на Европу. Эти битвы имѣли характеръ самозащиты и потому не нарушали мира съ Турціей; но Молдавское Государство, колебавшееся, въ своемъ вассальствѣ, между турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ, вызывало походы козакующей шляхты со времени Сигизмунда Августа.

Князь Дмитрій Вишневецкій, погубившій себя однимъ изъ такихъ походовъ (1564), показываетъ намъ, какъ много было общаго между рыцарствомъ днѣстровскимъ и днѣпровскимъ. Ходить за Днѣстръ на разореніе турецкихъ городовъ и татарскихъ уймаковъ, — было въ обычаѣ, какъ у днѣстровскихъ, такъ и у днѣпровскихъ козаковъ не только въ эпоху Жовковскаго, но и въ послѣдовавшее за нею время.

Послѣ Московскихъ походовъ, днѣпровскіе козаки пристрастились къ морскому *гостиванью*, къ „верстанью добычнаго пути“ по Черному морю, и правда, что возбуждали Турокъ на войну съ Польшею. Но въ то самое время, когда горѣлъ Синопъ и падала руиной Кафа, князья Корсцкіе и паны Потоцкіе, съ козаками днѣпровскими, вторгались, вопреки мирнымъ договорамъ, въ такъ называемую Волоцину, и король Сигизмундъ III давалъ имъ на то свое тайное доз-

воленіе, совершенно такъ, какъ это дѣлать онъ относительно пановъ, провожавшихъ названнаго Дмитрія въ Московію. Онъ слѣдовалъ правилу: чего нельзя воспретить, то надобно дозволить, а смыслъ этого правила былъ тотъ, что, въ случаѣ успѣха предиріятія, правительство могло имъ воспользоваться, въ случаѣ же неудачи, нарушеніе мира можно было взвалить на людей свосвольныхъ.

Зная это и даже служа посредникомъ въ сообщеніи королевской воли вельможнымъ пограничникамъ, предводитель козацкой комиссіи не могъ обращаться съ днѣпровскими добычниками, въ виду козачества днѣстровскаго, ни слишкомъ сурово, ни слишкомъ требовательно. Они же притомъ сослужили службу польскому оружію въ тяжкое для Москвы время внутреннихъ смуть, и не дальше какъ въ прошломъ 1618 году помогли королевичу Владиславу примержевать къ Польгѣ Смоленскъ и часть Сѣверщины. Въ предстоявшемъ отраженіи Турокъ надобно было опять на нихъ разчитывать. И такимъ образомъ комиссія, долженствовавшая погасить страшный домашній огонь, въ пекрахъ, только присыпала искры пепломъ.

Но козаки были недовольны панами. Еще до столкновенія съ землевладѣльцами подъ предводительствомъ Косинскаго и Паливайка, еще до 1590 года, когда правительство заявило свою рѣшимость не терпѣть козацкихъ вторженій въ сосѣднія государства, козацкихъ разбоевъ и грабежей надъ купеческими караванами, козацкаго покровительства злодѣямъ и государственнымъ преступникамъ, запорожцы называли пановъ неблагодарными.

Съ кочевой точки зрѣнія, они были правы. Пограбичные паны въ началѣ были не что иное, какъ мелкіе и крупныя козацкіе вожаки, и въ панской средѣ было много такихъ, которые посвящали себя войнѣ съ невѣрными „на вѣчную память козацкаго имени“. Польско-чешскій геральдикъ XVI вѣка говоритъ о нихъ, точно о религіозныхъ подвижникахъ, которые „презрѣли богатство и возлюбили славу защиты границъ. Оставивъ земныя блага (нишеть онъ), претерпѣвая голодъ и жажду, стояли они, какъ мужественные львы, и жаждали только кровавой бесѣды съ невѣрными“.

Потомки рыцарей, внушившихъ Папроцкому краснорѣчивое сравненіе, явились въ эпоху московскихъ смуть предводителями разбойничковъ, но, восштаные въ однихъ бояхъ и пабѣгахъ, не сознавали себя ниже предковъ, а заслуги ихъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою были между тѣмъ очевидны.

Въ результатъ опустошительнаго козацкаго промысла получались такія событія, какъ занятіе московской столицы польскимъ войскомъ

и примексаваніе къ Польшѣ московскихъ областей. Въ награду за это наны предлагали тысячѣ козаковъ по червонцу да по поставу караѣи на человѣка, и повелѣвали имъ выписать изъ козацкаго реестра всѣхъ ремесленниковъ и торговцевъ, состоявшихъ въ помѣщичьемъ подданствѣ или у самого короля съ его старостами да державцами, или у *королянтъ*, какъ называли козаки товарищей его правительственной власти.

Исполнивъ это повелѣніе, козаки поставили бы себя въ невозможность продолжать промыселъ, который обезпечивалъ ихъ насущныя потребности, и по-неволѣ должны были бы претерпѣвать голодъ и нужду, которымъ славные предшественники ихъ подвергали себя добровольно. Придавленные самою малочисленностью своею, козаки еще больше были бы стѣснены запрещеніемъ проживать, въ качествѣ самосудныхъ людей, въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Имъ не было дѣла до вреда, который вѣчно терпѣла бы шляхта, допустивъ козацкую республику гнѣздиться въ нѣдрахъ республики шляхетской. Паливайковъ „кусокъ хлѣба“, который они имѣли бы въ панскихъ мѣстностяхъ на правахъ никому неподвластнаго рыцарства, по ихъ воззрѣнію на собственность, не долженъ былъ даже ставиться въ счетъ, а отзывать-ся къ войсковому суду въ своихъ обидахъ со стороны пановъ, это казалось имъ столь же естественнымъ, какъ сами наны находили естественнымъ составлять вооруженныя съѣзды противъ экзорбитанціи своихъ собратій.

Что въ XVII столѣтіи панскія хозяйства держались уже не отдачею въ аренду дубовыхъ лѣсовъ для выпаса свиной, не конскими табунами, не стадами и отарами, не пасѣками, бобровыми гонами да рыбными входами, какъ въ XV-мъ и XVI-мъ,—этого козаки не соображали, и хотя видѣли, что продукты земледѣлія перевѣсили въ панскихъ имѣніяхъ всѣ прочія статьи дохода, по это имъ не правилось. „Эй вы дуки, дуки! позабирали всѣ луки и луки (говорили они): негдѣ бѣдному козаку-петягѣ и коня понасти“ *). А надобность въ оборонѣ границъ была еще такъ велика, что наполнять житомъ гумна казалось имъ столь же недостойнымъ рыцаря, какъ это герольдикъ Напроцкій находилъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда кололъ глаза закляточнымъ польскимъ панамъ убогою воинственностью пановъ русскихъ.

Наконецъ, миръ съ Турками, заключенный подъ условіемъ уничто-

*) Изъ старинной козацкой гѣсии.

женія козаковъ, казался имъ повтореніемъ панской лиги съ Крымцами, устроеной противъ пизовцовъ Стефаномъ Баторіемъ. Если панскими силами предводительствовалъ не такой искусный гетманъ, какъ Жовковскій, казаки навѣрное попытались бы завоевать себѣ то положеніе, въ которомъ паны отказывали имъ при Паливайкѣ. Но, какъ имъ ни было досадно панское полноправство на отвоеванной у Татаръ сообща землѣ, не смѣли они ризугься на полководца, который съ малыми силами побѣждалъ массы Москалей и отражалъ турецко-татарскія полчища. „Мы ни подѣ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“, говорили имъ на послѣдней комиссіи землевладѣльцы устами короннаго гетмана, а онъ *былъ* способенъ подтвердить рѣшительное слово желѣзными доказательствами (*zelazne gacze*).

За невозможностью поставить на своемъ въ Королевской Землѣ, казаки обратились туда, гдѣ въ ихъ услугахъ нуждались больше. Мѣсяца черезъ два послѣ Раставицкой комиссіи, атаманъ Одипецъ съ 15 товарищами повесѣ въ Москву татарскихъ языковъ и, отъ имени Запорожскаго Войска вмѣстѣ съ гетманомъ его Сагайдачнымъ, представилъ царю: что казаки „все хотятъ ему служить головами своими по-прежнему, какъ они служили прежнимъ російскимъ государямъ и въ ихъ повелѣніяхъ были, на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили. А нынѣ (докладывалъ царю думный дякъ) ходили они изъ Запорогъ на крымскіе улусы, а было ихъ съ пять тысячъ человекъ, и было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопа, и Божією милостію, а государевымъ счастьемъ, Татаръ они многихъ нобили, и пародъ крестьянской многой изъ рукъ татарскихъ высвободили, и съ тою службою и съ языки присланы они къ государю, и въ томъ волень Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ. А они вмѣстѣ головами своими хотятъ служить его царскому величеству, и его царскія милости къ себѣ нынѣ и впередъ некать хотятъ“.

Къ чести Москвы и ея государственной политики падобно сказать, что боярская дума ни при царѣ Михаилѣ Осдоровичѣ, ни при его сынѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, не переманивала къ себѣ козаковъ изъ польскихъ владѣній: она желала, чтобы Южная Русь пришла къ самоуразумѣнію всею землею. Пугивльскіе воеводы получили даже выговоръ за пропускъ Одицца къ столицѣ безъ испрошенія царскаго на то указа. Но предложенія со стороны недавнихъ своихъ разорителей служить великому государю по-стариннѣ Москва не отвергла.

Что касается козаковъ, то они вповными въ Московскомъ Разореньи себя не признавали. Они были добычники, терпимые всеми сосѣдними народами, какъ и Татары, но невозможности ихъ уничтожить. Они служили изъ-за добычи каждому, кто се за ними обезпечивалъ. Онустоивъ государство ради своего козацкаго промысла, они теперь были готовы промыслять въ его пользу, все равно какъ промышленныи бы въ пользу его враговъ, даже въ пользу самихъ Татаръ и Турокъ, еслибы благосклонность крымскаго хана и турецкаго султана понадобилась имъ такъ, какъ черезъ двадцать восемь лѣтъ при польскомъ Янѣ Казимирѣ и черезъ восемьдесятъ девять лѣтъ при нашемъ Петрѣ Великомъ.

Такъ и смотрѣла на нихъ Москва. Еще задолго до своего Смутнаго Времени, въ эпоху между бунтомъ Косинскаго и бунтомъ Паливайка, она высказала императорскому посланнику свое мнѣніе о малорусскихъ козакахъ. „Это люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя разчитывать“, говорили тогда думные дяки въ Посольскомъ Приказѣ. Во времена московскихъ смуть и бѣдствій, запорожскіе козаки, парави съ польскими лисовичками, московскою сѣверскою вольницею и не признавшими еще московскаго подданства допцами, назывались у Москвичей ворами, а 1618 годъ не возвысилъ составившагося тогда о нихъ попятія.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, Москва должна была имѣть въ виду, что Запорожское Войско состояло преимущественно изъ людей православныхъ, были ли то бѣглецы сѣверно-русскихъ, или же южно-русскихъ украинъ, была ли то дворянская молодежь, или же была то кабацкая голь всехъ племенъ и состояній. Дибровскіе козаки, со времени героя Данила Адашева, часто избирали своими атаманами людей происхожденія московскаго, и въ свитѣ атамана Одицца могли паходиться такіе люди. Во всякомъ случаѣ царскимъ совѣтникамъ слѣдовало предполагать, что запорожское товарищество относится не совсемъ равнодушно къ событіямъ уни, которая православные церкви и монастыри передавала въ руки папистовъ. Поэтому, похваливъ козаковъ за то, что они ищутъ царской милости, думные дяки спросили Одицца и его товарищей: гдѣтъ ли отъ польскаго короля какого посягательства на ихъ вѣру?

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ дошедшими до Москвы слухами, что польскій король примирился съ турецкимъ султаномъ. Въ Москвѣ знали, что Сигизмундъ III состоитъ въ дружбѣ съ пѣмекскимъ императоромъ Фердинандомъ II, великимъ поклонникомъ римскаго папы, и что Фердинандъ пачалъ тѣснить у себя иповѣрцевъ. Поэтому думали: не находится ли въ связи съ пачавшеюся въ Чехіи религіозною

войною окончательное подавленіе православія въ Польшѣ? Но козаки отвѣчали, что „про цесаря и про папу ничего имъ невѣдомо, и отъ нихъ тотъ край отдаленъ, а посягання на нихъ отъ польскаго короля никотораго не бывало“.

Такой отвѣтъ долженъ былъ поразить думныхъ дьяковъ Посольскаго Приказа, то есть членовъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ. Имъ было извѣстно, что по смерти отступника Михаила Рогозы кievскимъ митрополитомъ сдѣлавъ Инатій Потѣй; что по смерти Потѣя митрополія, съ приписанными къ ней имуществами, предоставлена такому же униату, Іосифу Велимипу Рутскому, и что при этомъ митрополитѣ, Полотской архіепископіи, обрѣзанной въ пользу іезуитовъ еще Стефаномъ Баторіемъ, грозило окончательное совращеніе въ унию. Недавняя уступка Польшѣ Смоленска сдѣлала Москву больше прежняго чувствительною къ успѣхамъ панизма на древней русской почвѣ.

Съ своей стороны панисты направляли всѣ усилія свои преимущественно къ тому, чтобы на границахъ Польши съ Московскимъ Царствомъ поставить крѣпкіе устои завоевательной римской церкви. Съ этою цѣлью для кievской митрополіи былъ воспитанъ специально въ Римѣ сынъ московскаго подданаго Велимина, взятаго плѣнникомъ въ 1578 году, подъ рѣкою Улою, и поселеннаго въ Литвѣ на правахъ шляхтича, а для полотской архіепископіи образованъ мѣстными средствами іезуитовъ сынъ повоградъ-волинскаго мѣщанина, Іосафатъ Кунцевичъ.

Превращеніе православія въ униатство велось чрезъ посредство этихъ агентовъ двумя различными, но параллельно идущими путями. Рутскій, пребывая на Волини, въ Червонной Руси и въ Кіевщинѣ, привлекалъ къ униі основаніемъ народныхъ никовъ, образованіемъ трезвыхъ и набожныхъ монаховъ базилианъ, дружескимъ общеніемъ съ православными и кроткою проповѣдью домашняго благоустройства. Этимъ онъ уничижалъ, въ глазахъ порядочныхъ шляхтичей и мѣщанъ, невѣжественную и запальчивую толпу православныхъ монаховъ и поповъ, заключавшую въ своемъ составѣ чрезвычайно мало людей, не то что благовоспитанныхъ, но хотя бы чуждыхъ общему на пограничьяхъ пороку пьянства.

Напротивъ Кунцевичъ апостольствовалъ въ Бѣлоруссіи посредствомъ казуистическаго принужденія къ перемѣнѣ вѣры. Іезуиты поддерживали при дворѣ его казуистику и подавали королю къ подписанію мандаты противъ мѣщанъ, сопротивлявшихся введенію униі, какъ противъ нарушителей общественнаго покоя. Съ нимъ было страшно

состязаться на судѣ и мірянамъ, и духовенству. Всюду имѣлъ онъ благопріятелей, задобренныхъ, или же фаворитизованныхъ іезуитами. Искусно и вмѣстѣ дерзостно „подводилъ онъ подъ криминалы“ непослушныхъ своимъ распоряженіямъ, но въѣвшіи законнымъ. Даже православная проповѣдь, утверждавшая народъ въ религіи предковъ, истолковывалась имъ, какъ поджиганіе черни къ мятежу. Искренно вѣруя въ святость римскаго папы, какъ Христова намѣстника и главы церкви, онъ, какъ бы въ подражаніе политикѣ нѣмецкаго императора, домогался изгнанія изъ государства всѣхъ отвергающихъ единство двухъ церквей.

Ни православная, ни союзная съ нею протестантская шляхта не смѣла тягаться съ Купцевичемъ за церковныя имущества. Правда, земскіе послы воцѣли на сеймахъ, что приходскія церкви противившихся уни мѣщанъ стояли запечатанными; что изгнанные изъ приходоу священники скитаются въ нищенствѣ; что православное богослуженіе отправляется въ шалапахъ; что и самыя шалапы подвергаются разрушенію отъ униатовъ; что городской народъ, разлученный съ приходскими священниками, собирается для общественной молитвы подъ открытымъ небомъ въ полѣ; что православнымъ мѣщанамъ запрещаютъ рыть могилы рядомъ съ могилами предковъ; что погребенныхъ по православному, безъ униатскаго священника, выбрасываютъ изъ гробовъ; что многіе, изъ-за гоненій на православный обрядъ, остаются некрещенными, и вступаютъ въ брачное сожителство безъ церковнаго благословенія. Но королевская партія отдѣлялась — то отерочками, то обѣщаніямъ, то публикаціею сеймовыхъ постановленій, которая по-старому оставалась мертвою буквою, а православная церковь между тѣмъ пустѣла и уничтожалась.

Полотскъ, древнерусскій Полтескъ, сдѣлавшійся притопомъ іезуитовъ еще во времена Іоанна Грознаго, сильно проагандировалъ сочиненную іезуитами унию, и въ Смоленскѣ, уступленномъ Польшѣ царемъ Михаиломъ, появились уже православные попы, готовые идти по слѣдамъ отступника Купцевича.

Въ этотъ критическій моментъ малорусскаго православія, когда знаменитыя слова Іоанна III о Кіевѣ и другихъ отчинахъ московскихъ государей обращались въ ничто, Москва была поддержала въ своей церковно-государственной политикѣ появленіемъ среди царскихъ совѣтниковъ двухъ важныхъ дѣятелей. Съ Запада прибылъ въ столицу ростовскій митрополитъ Филаретъ Пикитичъ Романовъ, съ Востока — іерусалимскій патріархъ Ософанъ.

Отецъ избраннаго на царство въ 1612 году Михаила Романова,

въ монашествѣ Филаретъ, сдѣлался польскимъ плѣнникомъ въ 1609 году вмѣстѣ съ братьями Шуйскими и другими знатными московскими людьми. Онъ былъ заключенъ въ Мариенбургской крѣпости, и только по Деулинскому договору получилъ наконецъ свободу. Одинъ изъ нашихъ историковъ, повторяя письменныя преданія Смутаго Времени, выставляетъ въ характерѣ ростовскаго митрополита черты двуличности и измѣчивости, которыхъ отнюдь не замѣчаетъ въ „святопамятномъ“ князѣ Василіи. Но онъ забылъ упомянуть, что въ 1618 году, когда въ Деулинѣ шли переговоры съ польскими уполномоченными, Филаретъ Никитичъ прислалъ изъ своего заточенія наказъ: чтобы для освобожденія его изъ плѣна не уступали Полякамъ ни одной пяди русской земли. На нашъ взглядъ, одинъ этотъ поступокъ достаточно говорить о нравственномъ темпераментѣ церковно-государственнаго подданика. Филаретъ Романовъ, послѣ девятилѣтняго плѣна, воспользовался переменною обстоятельствомъ не такъ, какъ это сдѣлалъ бы челоуѣкъ, способный къ двуличности и измѣчивости. Онъ помышлялъ не о собственномъ благоденствіи, а о такихъ великихъ дѣлахъ, какъ подъемъ на русскомъ Югѣ приниженой нами стами православной церкви. Проведя столько времени среди иновѣрцевъ, онъ лучше прежняго зналъ, какъ поддерживать падающее въ землѣ Мономаха православіе.

Событія церковной уніи въ Польшѣ и Смутаго Времени въ Московскомъ Царствѣ разобщили было Русскій міръ съ восточными патріархами. Но лишь только Москва оправилась послѣ своего Разоренія, снова сдѣлалась она упованіемъ турецкихъ Славянъ и Грековъ, а восточные патріархи опять стали помышлять о возобновленіи съ нею сношеній. Общимъ соборомъ избрали они іерусалимскаго патріарха Ософана для путешествія къ „единому православному царю“ и для устройства „обоихъ предѣловъ“ (Русской Земли), какъ говорится объ этомъ въ современномъ московскомъ сказаніи. Опасно было путешествіе, какъ это мы видѣли на Грекѣ Никифорѣ, и трудно было выполнить задачу его. Но, по словамъ московскаго сказанія, товарищи патріарха видѣли въ Ософанѣ „восводу крѣпка и сильна, могуща тенци путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни брони мужскихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуца, могущее разорити тверди неодолювасмыя“. — Неодолювасмыми для Москвы твердями были, въ данномъ случаѣ, іезуитскіе происки, отдѣлившіе посредствомъ уніи одну русскую церковь отъ другой и устремившіе южныхъ Русичей, подъ польскими знаменами, на Русичей сѣверныхъ.

Первымъ дѣломъ Ософана было замѣстить московскій патріаршій престоль, остававшіиса праздымъ съ 1612 года послѣ Гермогена, о

которомъ, какъ и о Филаретѣ, тотъ же историкъ собралъ въ одно мѣсиво современныя розказы, но который явилъ себя героемъ-мученикомъ вѣры и народности въ самый опасный для Россіи моментъ ея борьбы съ Польскою. Никто не могъ наследовать великодушному Гермогену достоинствъ того, кто, будучи царскимъ отцомъ, готовъ былъ скорѣе умереть въ заточеніи, нежели купить свободу уступкою врагамъ хотя бы одной пяди Русской земли. Возсѣвъ на патриаршемъ престолѣ, Филаретъ Романовъ сдѣлался новымъ органомъ великой мысли русскаго воссоединенія, которая проявилась уже во времена Іоанна III такъ выразительно, что не могла исчезнуть ни въ эпоху безумія Грознаго, ни въ Смутное Время, порожденное кознями Бориса Годунова съ одной стороны и Римской Куріи съ другой.

Утраченные документы тогдашней дѣятельности Москвы по этому предмету, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ указанія на способы, которыми была обновлена связь, державшая въ совокупности всю древнюю Русь, разъединенную удѣлами. Уцѣлѣло только свидѣтельство, что малорусскихъ козаковъ разспрашивали въ Москвѣ о работѣ римской политики. Для насъ очевидно, откуда шли разспросы. Царствовавшее Михаила Феодоровича имѣло характеръ теократическій. Патриаршій престолъ стоялъ тогда рядомъ съ царскимъ, и вопросы иностранной политики дѣлались вопросами церкви. Начавшаяся въ Западной Европѣ тридцатилѣтняя война не могла оставить безъ своего вліянія Москву Романовыхъ. Погромъ Чеховъ на Бѣломъ Горѣ, публичныя казни чешскихъ борцовъ за вѣру, сожженіе всѣхъ чешскихъ книгъ и рукописей среди Праги, запечатаніе всѣхъ иновѣрческихъ церквей въ годовщину сожженія Гуса и многочисленная эмиграція чешскихъ утраквистовъ по фанатическимъ узаконеніямъ Фердинанда II — должны были вдохновлять вернувшася изъ польскаго плѣна Филарета на противодѣйствіе панскому главенству въ Малороссіи.

Хотя козаки отозвались о королевской нестерпимости изчужа, но къ нимъ, какъ видно изъ послѣдовавшихъ явленій, приступили съ новыми разспросами и къ разспросамъ, безъ сомнѣнія, присовокупили внушенія. Козакія сердца были доступны, если не той религіи, которая выражаетъ себя дѣлами милосердія, то — религии ужаса передъ карающимъ Божествомъ. На нихъ, какъ мы догадываемся, подѣйствовали въ Москвѣ съ *этой* стороны. Обруженный почетомъ въ царскомъ обществѣ, Осефанъ могъ возымѣть на атамана Одица и его товарищей такое могущественное вліяніе, какое римскій первосвященникъ оказывалъ на жестокосердыхъ рыцарей католичества. Еще вчера

чуждый интересамъ православной церкви полудикій наѣздникъ могъ сдѣлаться сегодня ревностнымъ ея слугою и козацкіе послы, хлопотавшіе въ Москвѣ о войсковыхъ интересахъ своихъ, могли вернуться къ своему гетману съ миссією церковною, а недовольные королевскимъ правительствомъ козаки-шляхтичи, на зло правительственнымъ папамъ и официальнымъ пастырямъ ихъ дунѣ, могли заговорить о своей вѣрѣ, на которую, по словамъ Одница и его товарищей, отъ короля нѣкотораго посягавья не бывало.

Мы ничего не знаемъ объ этомъ положительно; но намъ извѣстно, что въ 1618 году козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, ради польскаго королевича, разорялъ Московское Царство, не щадя въ немъ ни церкви, ни монастырей, а въ 1620-мъ сдѣлался въ Польскомъ Королевствѣ передовикомъ православнаго движенія.

Онъ былъ воспитаникъ Острожскаго училища, и хотя бѣжалъ въ козаки отъ горькой въ тѣ времена „школьной чаши“, по хлопоты православниковъ при дворѣ князя Василя могли заронить въ душу юноши мысль о бѣдственномъ положеніи отеческой церкви, и эта мысль выразилась теперь дѣятельнымъ поканіемъ. Обратный путь свой Ософанъ направилъ черезъ Малороссію и былъ конвоированъ козаками Сагайдачнаго отъ ближайшаго къ московскому рубежу Густынскаго монастыря до Кіева. Въ Кіевѣ Сагайдачный, въ противоположность князю Острожскому относительно Грека Никифора, дѣлалъ долгое пребываніе патріарха совершенно безопаснымъ отъ всякихъ посягательствъ королевской партіи, которая готова была объявить его какъ Никифора, да и объявила таки въ послѣдствіи, турецкимъ шіюномъ.

Ософанъ медлялъ возвращеніемъ въ Грецію. Онъ, очевидно, имѣлъ въ виду смѣлое дѣло, обѣсмертившее его въ исторіи, и выжидалъ только событій.

Событія сложились благоприятно для его важной миссіи. Военственная часть польскорусскаго общесва, подкураженная недавними успѣхами Московскаго похода, побудила Сигизмунда III предупредить войну, которою грозилъ ему молодой Османъ и вооружить противъ Турокъ „Волощину“, съ тѣмъ чтобы, поддерживая господара своимъ войскомъ, защитить Польшу его княжествомъ, точно щитомъ. Къ воинственнымъ мечтаніямъ однихъ пановъ присоединились интриги противъ Жовковскаго другихъ. Король настоятельно потребовалъ отъ него похода, обѣщая прислать ему подкрѣпленіе. Но подкрѣпленія посланы не были. Турки и Татары окружили коронное и панское войско во время его отступленія съ долины Цецоры и разбили на

голову. Знаменитый полководец палъ въ битвѣ; его товарищъ, полевой коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Стамбулъ. Миръ съ Турціей Польша нарушила, а продолжать войну было ей нечѣмъ. Изъ Царьграда приходили между тѣмъ вѣсти о громадныхъ приготовленияхъ Османа II къ походу. Рѣчь Посполитая находилась подъ гнетомъ страха. Присмирѣла и королевская партія, добывавшая малорусское православіе посредствомъ униатскихъ іерарховъ.

Этимъ моментомъ воспользовался Ософанъ, и съ сентября 1620 года началъ посвящать ревностныхъ къ отеческой вѣрѣ архимандритовъ и игуменовъ на опустѣвшія для православныхъ владычества. Октября 6 посвященъ имъ на перемышльское епископство Исаія Бонинскій; октября 9 -- на кіевскую митрополию Іовъ Борецкій, а на епископство туровское и пинское Грекъ Аврамій; въ началѣ декабря -- на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій; наконецъ, въ январѣ 1621 года -- на епископство владиміское и берестовское Іосифъ Курцевичъ, на епископство лудское и острожское Исакій Борисковичъ, а на епископство холмское и бѣльское Палсій Инполитовичъ.

Всѣ эти каюедры были заняты панскими ставленниками, архіереями униатскими, во владѣніи которыхъ находились и присланы къ владычествамъ церковныя имущества. Православные архіереи оставались все тѣмъ же архимандритами и игуменами убогихъ монастырей, которыхъ не захватили еще униаты. Но іезуиты были сильно встревожены появленіемъ православной іерархіи въ виду созданной ими іерархіи униатской. Не успѣлъ патріархъ Теофанъ удалиться изъ предѣловъ Польши, какъ они заставили короля подписать универсалъ объ извлеченіи и преданіи суду самозваныхъ архіереевъ, нарушителей общественнаго спокойствія. Великое дѣло возстановленія кіевской митрополіи готово было рухнуть столь же внезапно, какъ внезапно совершено оно.

По движеніе турецкихъ силъ къ Дибетру представлялось правительству, по преувеличеннымъ слухамъ, повтореніемъ Ксерксова похода къ Грецію, и въ самомъ дѣлѣ Османъ II грозилъ стереть Польшу съ лица земли. Опасность была велика. Король съ большимъ трудомъ собралъ тысячъ тридцать защитниковъ дибетровской границы. Этого войска было недостаточно. Пришлось обратиться къ козакамъ.

Козаки, какъ и Татары, съ начала и до конца своего существованія, раздѣлялись на нѣсколько не только независимыхъ одна отъ другой, но и враждебныхъ ордъ. Соединить ихъ и направить къ одной цѣли могъ только популярный и вѣсѣтъ грозный для соперниковъ

атаманъ-предводитель, какимъ былъ Сагайдачный. Онъ это зналъ. Знали это и королевскіе агенты, трудившіеся въ Украинѣ надъ вербовкою Запорожскаго Войска. Когда имъ было объявлено, что козаки не пойдутъ на Турокъ, если мандаты противъ повыхъ архіереевъ не будутъ отмінены, король нашелся вынужденнымъ сдѣлать понятный шагъ въ церковной униі, которая была его гордостью, его любимую мечтою.

Такъ уцѣлѣла кіевская митрополія, противозаконная въ глазахъ правительства и не поддерживаемая ниоднимъ польскорусскимъ магнатомъ, хотя многіе великіе паны исповѣдывали еще православную вѣру. Только глава протестантовъ, князь Христофоръ Радивилъ, сынъ Христофора, прозваннаго Перуномъ, но фамильной политикѣ своей, оказалъ покровительство новому кіевскому митрополиту, Юву Борецкому,—и замѣчательно, что Ювъ Борецкій, въ письмахъ къ Радивилу, называлъ его заступничество такимъ подвигомъ, который „достойнъ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ“.

Но положеніе православной іерархіи въ Малороссіи было крайне затруднительнымъ. Даже тѣ малорусскіе папы, которые строили еще монастыри, или давали ихъ строить подъ обороной своихъ привилегій, даже тѣ сеймовые ораторы, которые въ церковныхъ братствахъ послали званіе старшихъ братчиковъ и старость, отступились отъ іерархіи, возставшей съ очевидною помощью иноземной власти, подъ козацкою охраною. Ювъ Борецкій и его убогіе товарищи-архіереи воиляли въ Москву, что имъ прибѣгнуть не къ кому: что у нихъ нѣтъ ни царей, ни князей, ни бояръ благочестивыхъ; что *все* бывшіе соиздатели и благодѣтели свѣтлыхъ церквей отступили отъ православной вѣры: одни превратились въ „Ляховъ“, другіе въ униатовъ, третьи въ еретиковъ.

И все-таки еретники, то-есть протестанты, представлялись новымъ іерархамъ единственнымъ прибѣжищемъ въ напастяхъ и гоненіяхъ со стороны панствъ. Самъ Ювъ Борецкій, молчаливо отвергаемый панамъ, остававшимися, повидимому, въ благочестіи, старшаго изъ двоихъ сыновей своихъ, Стефана, помѣстивъ при дворѣ князя Христофора II Радивила (1629), а младшаго, Андрея, послалъ на службу къ царю Михаилу Осдоровичу (1630).

Польско-русскіе протестанты всё еще не теряли изъ виду презираемаго ими православія. Политика велѣла имъ поддерживать и самихъ козаковъ, какъ людей, прикоснувшихся къ интересамъ церкви. До самой смерти Юва Борецкаго (1631) не переставали козацкіе вожди обращаться къ сыну Христофора Радивила-Перуна съ просьбами о ходатайствѣхъ передъ королевемъ.

Та же самая, но болѣе осмысленная, политика заставляла и Москвичей заботиться о малорусской церкви со всею ея паствою. Благочестивыя и вмѣстѣ дальновидныя заботы этихъ собирателей Русской Земли, можно сказать, спасли будущность Малороссіи. Убожество и безпомощность нашего высшаго духовенства были такъ велики, что, по словамъ новаго митрополита, только царскія подаванія удерживали его отъ разсыпанія по свѣту. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени сохранилось множество игуменскихъ просьбъ о дозволеніи монастырской братіи переселиться въ московскіе предѣлы. Одинъ изъ товарищей Гога Борсцкаго, по архіерейству Іосифъ Курцевичъ, былъ даже перемѣщенъ царемъ на суздальскую архіепископію. Другіе просители получали въ Москвѣ пособія деньгами и церковною утварью, причемъ внушалось имъ стоять при своей вѣрѣ до конца.

Царскія подаванія не могли быть очень щедрыми, но при убожествѣ нашихъ церквей и монастырей, удержавшихся въ православіи среди латинства, протестантства и униі, дѣйствовали на духовенство ободрительно. Малорусскіе монастыри, сколько ихъ ни было, съ возстановленіемъ православной митрополіи, стали посылать къ царю просителей „милостыни на церковное строеніе“. Эти просители были угощаемы въ Москвѣ отъ царскаго стола, допускались видѣть „црєсвѣтлыя царскія очи“, удостоивались благословенія отъ царскаго отца, „святѣйшаго патріарха московскаго и всея Руси“, и приносили домой рассказы о Московскомъ Царствѣ, какъ о „странѣ тихой“, представлявшей рѣзкую противоположность съ Королевскою Землею, въ которой, по словамъ кобзарской думы, не было добра.

Естественнаго, что Москву стали у насъ превозносить по монастырямъ, какъ „второй Іерусалимъ“, а царя уподобляли прекрасному Іосифу, готовому призрѣть оскудѣвшій родъ свой среди благоденственнаго царства. Паивная пропаганда обобраннаго униятами духовенства дѣйствовала сильно на умы простонародья, оставшагося внѣ политическихъ вліяній польской интеллигенціи. Тѣснимые своими соперниками архіереи не колебались писать въ Москву, что „отступники святой восточной вѣры, униаты“, дѣйствуютъ за одно съ ихъ „царемъ, гонителемъ на благочестіе“, и что власть этого царя есть не что иное, какъ Господне поущеніе. Еще меньше колебались убогіе, раздраженные противниками монахи и попы впускать прихожанамъ, что истинный царь ихъ возсѣдаетъ на московскомъ престолѣ, а польскій король малымъ чѣмъ лучше гонителя и мучителя Фараона. Благоговѣніе къ верховной власти, въ которой народъ желаетъ видѣть нелицепріятную правду и милость, переносили изъ Варшавы въ Москву. Оставивъ на-

новъ и уніятскихъ іерарховъ съ ихъ надеждами и искательствомъ, устремленными къ центру польскому, православное духовенство и находившіеся подъ его вліяніемъ міряне обратили свои неясныя покаяніи упованія къ центру московскому. Задача будущаго воссоединенія Русской Земли была рѣшена во многихъ умахъ задолго до событій, утвердившихъ это рѣшеніе.

Но слѣдуетъ помнить, что подъ религиозными стремленіями высшихъ представителей церкви и клерикальными интересами низшихъ— у всѣхъ народовъ скрывалась насущная жизнь массы, которою церковь руководить, яко интеллигенція божественная. Эта насущная жизнь весьма часто перерѣшала рѣшенія церкви, и въ настоящемъ случаѣ не торжествовать бы православію въ международной политикѣ надъ католичествомъ, когда бы громадное большинство Рѣчи Посполитой было защищено въ своемъ быту и имуществѣ больше населенія Царства Московскаго.

Изъ ста польско-русскихъ помѣщиковъ, можетъ быть, всего дватри человѣка относительно чернорабочаго класса были безсмысленнѣе и безсердечнѣе помѣщиковъ московскихъ; другіе ни въ какихъ домашнихъ и общественныхъ добродѣтеляхъ не уступали москвитянамъ, а многіе далеко ихъ превосходили. Но въ Московскомъ Царствѣ, при его деспотическомъ правленіи, дворянинъ надъ дворяниномъ, говоря вообще, не могъ совершать безнаказанно такихъ беззаконій, какими была преисполнена конституціонная жизнь общества польскаго; а московскій мѣщанинъ и крестьянинъ не подвергались ни жолперскимъ, ни козацкимъ, ни татарскимъ грабегамъ, отъ которыхъ мѣщане и крестьяне польско-русскіе страдали такъ же беззащитно, какъ и отъ безпрестанныхъ нанскихъ усобицъ. Вотъ что давало силу внушеніямъ нашихъ поповъ и монаховъ, обиженныхъ наче всего покровительствомъ, которое король оказывалъ отступникамъ древнерусской вѣры. Вотъ что дѣлало ихъ похвалы московскому царю и его верховной правлѣ побѣдительно краснорѣчивыми.

Глава VI.

Хотинская война.—Козаки и татары.—Отношенія малорусскаго козачества къ церкви.—Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви.—Усѣхи церковной уни.—„Совѣтованіе о благочестіи“.—Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству.—Козако-панская усобица 1625 года.

Обративъ Сагайдачнаго къ покаянію вмѣстѣ съ его товарищами-атаманами, Теофанъ заставилъ ихъ „принести плодъ, достойный покаянія“. Этимъ плодомъ было, во первыхъ, обѣщаніе идти въ помощь коронному войску противъ Османа, во вторыхъ, обѣщаніе не ходить войною на Москву, „на христіанскій родъ“.

Въ то время, какъ Сагайдачный договорился съ королевскими агентами о неприкосновенности митрополита и владыкъ, поставленныхъ имъ при жизни тѣхъ, которыхъ правительство считало занимающими свои должности законно, козаки были раздроблены своимъ добычнымъ промысломъ на нѣсколько хищныхъ компаній. Одни, пользуясь отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, оживились опустошеніемъ панскихъ имѣній дома; другіе „верстаки добычную дорогу“ по Черному морю; третьи „плюндровали“ православную Волошину, яко землю турецкую, а были и такіе, что гайдамачили въ Нѣмецкой Имперіи подъ шумъ религіозныхъ войнъ, или же, не смотря на свое православіе, участвовали въ бояхъ лисовчиковъ противъ чешскихъ уtrakвистовъ, подъ знаменемъ фанатическаго панскаго угодника, Фердинанда II.

Кличъ Сагайдачнаго былъ услышанъ не скоро, тѣмъ болѣе, что не онъ былъ избранъ гетманомъ. Это званіе козаки, а, можетъ быть, и паны, нашли полезнѣйшимъ предоставить какому-то Бородавкѣ. Сагайдачный кипѣлъ скрытою досадою на дерзновеннаго козака, осмѣливагося взять гетманскую булаву при его жизни. Онъ углубился съ своей дружиною въ поднѣпровскія пустыни, перегороженныя уже татарскими кочевьями, предвѣстниками турецкаго нашествія. Созывая козаковъ посредствомъ гонцовъ и универсаловъ, опъ въ то же время бился съ Татарами и, рашенный въ руку, прибылъ къ становищу

короннаго войска на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Хотина. Когда наконецъ собралось къ нему войско, носившее противозаконно названіе Запорожскаго, но теперь призванное таковымъ, не смотря на свою многочисленность, Сагайдачный отсѣкъ Бородавкѣ голову по приговору войсковаго круга.

Этогого человѣкъ умѣлъ править воинственными помадами. Онъ зналъ, что „вольный козакъ“ подчиняется только деспотической, повергающей на землю силѣ. Ни подъ чьимъ предводительствомъ козаки наши не дѣйствовали такъ единодушно, какъ подъ бунчукомъ этого свирѣпо-геніальнаго набѣдника. И на Черномъ морѣ, и въ Московщинѣ совершали они съ нимъ чудеса боеваго мужества. Подъ Хотиномъ новыя Турки и Беренденъ подвизались не хуже. Но признанію шляхетныхъ представителей Польши, здѣсь эти „хлопы“ были розовымъ вѣнкомъ на головахъ побѣдителей Османа. Правда, Турки шли неохотно на войну, будучи испорчены подкупкою администраціей серала. Роскошная громоздкость Османова лагеря затруднила движенія турецкой арміи. Суровость нашего климата въ осеннее ненастье парализовала азіятскихъ воиновъ, а неудержимое никакими строгостями дезертирство новобранцевъ ослабляло мужество ветерановъ. Но еслибы козаки не были соединены въ одно цѣлое подъ желѣзною рукою своего вождя, не вернулся бы новый Кееркъ отъ береговъ Днѣстра съ позоромъ, и угрозы, съ которыми онъ выступилъ въ походъ, не оставались бы праздными словами.

Польша освободилась отъ опасности, какая когда-либо ей угрожала. Неудачный походъ Османа произвелъ въ Стамбулѣ бунтъ. Османъ погибъ насильственной смертью, и на мѣсто его воцарился султанъ, одинаково неспособный ни къ военнымъ, ни къ мирнымъ распоряженіямъ. Правленіе перешло въ руки женщинъ и евнуховъ, а бунты и междоусобія областныхъ начальниковъ довершали внутреннее разстройство государства. По приниженіи Османомъ II слава турецкаго оружія требовала восстановленія. Патриоты домогались отъ своего безглаваго правительства продолженія войны съ Лехистаномъ. Заключить съ Турціей миръ оказалось для Польши дѣломъ чрезвычайной трудности. Великій посоль Рѣчи Посполитой, князь Христофоръ Збаржскій, жилъ весьма долго въ Царьградѣ, то подкупая членовъ дивана, то дѣйствуя на него чрезъ посредство другихъ европейскихъ пословъ. Его старанія оставались безуспѣшными, и всего больше вредили дѣлу морскіе набѣги днѣпровской вольницы.

Вернувшись изъ похода къ Хотину, Сагайдачный прожилъ всего мѣсяцевъ шесть, и умеръ отъ ранъ въ началѣ 1622 года. По проло-

женной его удачными набѣгами дорогѣ козаки ходили на море большими и малыми флотиліями, можно сказать, безпрестанно. Для Турецкой Имперіи настало время великаго упадка. Добычники это чувяи и, повидимому, были готовы докончить колеблющееся государство. Папскіе нунціи, въ видахъ торжества католичества на Востокѣ, совѣтовали Польшѣ не препятствовать ни козакамъ, ни другимъ смѣлымъ людямъ вторгаться въ турецкія владѣнія и основывать въ нихъ отдѣльныя царства.

Но слабость пошатнувшейся Турціи все еще была для Польши силою грозною. Одни Буджацкіе Татары, кочевавшіе въ окрестностяхъ Биліи, Бѣлгорода, Тегини, причиняли ей своими набѣгами столько же горя и тревоги, сколько теряла Турція отъ козаковъ. Надобно было, во чтò бы то ни стало, заключить съ Турками миръ. Збаражскій употребилъ всѣ усилія для достиженія этой цѣли, и наконецъ миръ былъ заключенъ въ 1623 году.

Всѣ предьдущіе и послѣдующіе переговоры Польши съ Турціей вертѣлись на Козакахъ и Татарахъ. Всѣ польско-турецкія войны были ссорами за козацкія съ одной и татарскія съ другой стороны вторженія. Оба сосѣднія государства, поражая другъ друга, выѣзжали на пограничныхъ ордахъ, съ этой стороны христіанскихъ, съ той — магометанскихъ; оба теряли ихъ изъ горькой необходимости, и оба рады были бы отдѣлаться отъ нихъ навѣки. Но чтò оказалось въ послѣдствіи возможнымъ для Россіи, было не по силамъ ни Польшѣ, ни Турціи.

Въ польско-турецкой республикѣ вопросъ козачества соединился теперь съ вопросомъ церкви самымъ злобѣщимъ для нановъ образомъ, а между тѣмъ козачество приняло повый, весьма опасный характеръ.

До Хотинской войны, какъ это видно изъ актовъ Ольшевской и Растваицкой комиссій, козакующая шляхта допускала въ свое товарищество только *ремесленниковъ* да *торговцевъ*. Но когда этимъ королевскимъ и панскимъ подданнымъ велѣли выписаться изъ козаковъ, а потомъ снова позвали на войну, „выписанные запорожскіе козаки“ увеличили число свое цѣлыми десятками тысячъ „бѣглецовъ отъ *пана*“, дабы тѣмъ прочѣе вкорениться подъ войсковымъ прісудомъ своимъ тамъ, гдѣ отъ нихъ требовали крѣпостной зависимости.

Подобно тому, какъ по козацкому вопросу королевское правительство сдѣлало уступку, обнаружившую слабость преобладающей власти, оно сдѣлало такую же уступку и по вопросу церковному. При жизни архіереевъ, занимавшихъ мѣста свои законно, оно дозволило противозаконно умножившемуся войску, или старшинѣ этого войска, поставить

на тѣ самыя мѣста твердыхъ въ предковской вѣрѣ и въ русской старинѣ людей, называемыхъ схизматиками, то-есть раскольниками.

Козацкіе предводители сблизились такимъ образомъ съ верховниками анти-упіатской церкви, и въ свои петиціи на сеймъ, сверхъ трехъ головоломныхъ пунктовъ (о дозволеніи козакамъ пребывать самосудно въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, гостевать на Черномъ морѣ и увеличить число Запорожскаго Войска), стали вписывать еще просьбы о томъ, чтобы король низложилъ ставленниковъ римскаго паны и утвердилъ ставленниковъ патріаршихъ.

Еслибы въ Избѣ сеймовыхъ пословъ отъ земства и въ Избѣ сенаторской хлопотали о томъ же и польскорусскіе землевладѣльцы православнаго исповѣданія, это было бы весьма прискорбное для королевской партіи явленіе; но оно не разыгралось бы такими ужасами въ будущемъ, какъ разномысліе съ козаками Древинскихъ, Кисслей и всѣхъ тѣхъ ораторовъ, которые вошіяли на сеймахъ о претерпѣваемыхъ православными гоцспіяхъ, но ни разу не заикнулись о томъ, чего домогались козаки со словъ Іова Борецкаго и Христофора II Радвила.

Законность церковной униі была признана, если не одобреніемъ, то молчаніемъ православнаго дворянства польскаго, и тѣмъ же молчаніемъ признавалась противозаконность новыхъ православныхъ архіереевъ. Между тѣмъ православные паны являлись весьма часто земскими послами на сеймѣ, имъ принадлежало veto римскихъ трибуновъ и, произнеся его, каждый изъ нихъ могъ бы уничтожить всѣ текуція постановленія шляхетскаго государственнаго собранія. Но ниодипь сеймъ не былъ чтд называется сорванъ изъ-за того, что отступившіе отъ православія владыки признали главенство римскаго паны. Такъ тѣсно православные паны были связаны другими, болѣе важными для нихъ интересами съ панами католическими.

Эта тѣсная связь давала въ руки козакамъ весьма опасное оружіе, хотя силу его козаки поняли только въ послѣдствіи, — именно: что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у нихъ однозначачими.

Покамѣсть, козачество находилось еще въ томъ періодѣ своего развитія, который соотвѣтствуетъ беззаботному дѣтству и отрочеству. Козаковъ занималъ, покамѣсть, одинъ широкій произволь ссориться и мириться съ кѣмъ угодно и какъ угодно. Они вмѣшивались въ уличныя драки, не какъ представители цѣлой корпораціи, а какъ пріятели однихъ и враги другихъ личностей. Такимъ образомъ, въ 1618 году, былъ ими утопленъ въ проруби подъ Выдубицкимъ монастыремъ намѣстникъ, то-есть экономя уніатскаго митрополита Іосифа Велямина

Рутскаго, Антоній Грековичъ, нѣкогда членъ виленаго церковнаго братства. Такимъ образомъ были ими избиты и ограблены въ Богусловѣ Жиды, проливавшіе, по ихъ словамъ, христіанскую кровь. Такимъ образомъ, на походѣ къ Хотину, ограбили они богатаго Жида въ Бѣлой Церкви, будто бы за то, что у него въ подвалѣ нашли образъ Христа Спасителя, прибитый къ полу гвоздями. Такимъ образомъ занимались они въ граничники къ одному пану противъ другаго, и помогали имъ во взаимныхъ паѣздахъ, не обращая вниманія на то, который изъ нихъ былъ католикъ и который—православникъ, или же дрались въ панскихъ ссорахъ изъ-за собаки, причемъ, въ видѣ панскаго имущества, грабили и православныя храмы.

Самымъ выразительнымъ доказательствомъ ихъ невниманія къ дѣлу вѣры и церкви могутъ служить упіятскіе подвиги полотскаго архієпископа Юсафата Кувцевича, возбудившіе уже въ 1618 году громкіе протесты православныхъ сеймовыхъ ораторовъ и повсемѣстные вопли малорусскаго духовенства. Козаки, въ лицѣ атамана Одинца и сто 15-ти товарищей, не считали этихъ подвиговъ посягательствомъ на свою вѣру до конца жизни Кувцевича (1623), и не сдѣлали ему ни одной укоризны. Между тѣмъ исторія знаетъ, что печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, еще въ 1594 году ходилъ съ наемными козаками въ Новогрудскій повѣтъ, и отвоёвывалъ у каштеляна Полубенскаго нѣсколько захваченныхъ имъ у Киевопечерской лавры деревень; а о козакахъ Сагайдачнаго пишетъ участникъ Хотинской войны, Яковъ Собѣскій, что они вооруженными толпами бродили для грабежа по всей Бѣлоруссіи. Кстати вспомнить и секретное допесеніе королевскаго агента Оборницкаго, подкунавашаго козаковъ для войны противъ Османа II: что они, во время похода къ Дибѣстру, столько надѣлали разореній въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, что едва ли Турки и Татары сдѣлали бы больше.

Вопреки заявленію козацкаго историка *), будто бы, по отпаденіи пановъ отъ малорусскихъ народныхъ интересовъ, козаки взяли знамя вѣры и были единственными борцами за православную церковь и русскую народность, товарищи Юва Борецкаго, спасенные Сагайдачнымъ отъ королевскихъ мандатовъ, не смѣли иначе появляться въ своихъ снаркіяхъ, какъ тайкомъ—то въ средѣ церковнаго братства, то въ какомъ-нибудь монашескомъ общежитіи. Новый кіевскій митрополитъ возлагалъ надежды всего больше на ученаго Мелетія Смогриц-

*) Костомарова.

каго, титулярнаго архієпископа полоцкаго, въ виду мало образованнаго, хоть и краснорѣчиваго Кунцевича. Смотрицкій воспитывался за-границею по протекціи князя Василя, у котораго отецъ его служилъ дворяниномъ. Покровительствуемое протестантами Радивилами братство Св. Духа хлопотало у патріарха Теофана объ его посвященіи, и дало ему пристанище въ своемъ монастырѣ. Отсюда разсылалъ онъ монаховъ и священниковъ для поддержанія въ мѣщанахъ бѣлорусскихъ городовъ приверженности къ древней греческой вѣрѣ, которой противопоставлялась унія, какъ „вѣра новая“, иначе „вѣра римская“. Негерібливѣ всѣхъ спосили бремя новой вѣры жители города Витебска, въ которомъ Кунцевичъ имѣлъ свою резиденцію. Они были стѣснены до такой степени, что совершали богослуженіе только въ шалапѣ, построенномъ внѣ города, за рѣчкой Двиной. Въ положеніи Витебска находились и другіе бѣлорусскіе города, но случаю было угодно вызвать въ немъ, помимо козаковъ, катастрофу, незабвенную ни для восточной, ни для западной церкви.

Утромъ 12 ноября 1623 года, въ воскресенье, православный священникъ, поуніятски раскольникъ, переправлялся тайкомъ изъ города на противоположный берегъ Двины для богослуженія въ „зарѣчной будкѣ“, какъ называли уніаты моельню православныхъ. Архидіаконъ Кунцевича схватилъ его, какъ злодѣя, избилъ до полусмерти и заперъ въ архієпископской кухнѣ. Эта инквизиціонная сцена взволновала весь городъ, присмирѣвшій, какъ и другіе города, передъ закономъ о церковной уніи, который примѣнялся къ православнымъ мѣщанамъ съ казуистическою послѣдовательностью. Загудѣлъ древній вѣчевой колоколъ. Кунцевича вытащили изъ архієрейской палаты, убили тутъ же топорами и бросили въ рѣку.

Кровавое событіе навело ужасъ на королевскую партію. Вообразили, что началась религіозная война, какъ въ Нѣмецкой Имперіи. Имя Наливайка, зловѣщее въ устахъ папистовъ имя, воскресло въ фантастическихъ потемкахъ, какъ вампиръ, которому суждено было пить благороднѣйшую кровь націи. Подозрѣвали, что Витебскъ состоитъ въ заговорѣ со всѣми малорусскими городами, что душой заговора были схизматики архієреи, Борецкій и Смотрицкій, а его тѣломъ — запорожское козачество.

Но прошелъ одинъ, прошелъ и другой мѣсяць. Волненіе въ обществѣ поповъ и монаховъ продолжалось по-прежнему, мѣстами больше прежняго, но мѣщанскія общины не предпринимали ничего враждебнаго въ качествѣ оскорбленныхъ религіантовъ. Нодъ конецъ 1624 года правительство прислало въ Витебскъ военную комис-

сію. Она отсѣкла головы нѣсколькимъ десяткамъ витебскихъ мѣщанъ, конфисковала имущество, какъ тѣхъ, которые попали подъ королевскій мечъ, такъ и тѣхъ, которые успѣли бѣжать въ недоступную для уніятской дѣятельности козацкую Украину, но не открыла ни заговора между малорусскими городами, ни стачки витебскихъ мѣщанъ съ козаками.

Опасныя въ глазахъ трусливыхъ клерикаловъ, наши мѣщанскія муниципалитеты, въ пастоящемъ случаѣ, оказались ничтожными. Они были деморализованы и старою іерархіею своею, и своими пришлыми членами, представлявшими грязный осадокъ заграничнаго протестантства. За весьма рѣдкими исключеніями, безъ которыхъ не могло бы существовать ниодно общество, это была нравственная гниль, выдѣлявшая изъ себя козачество и торгашество, взаимно другъ другу нужныя, но не способныя къ послѣдовательной дѣятельности въ столь важномъ вопросѣ, какъ защита вѣры и церкви. Раздѣленное на соперничавшіе между собою города и соперничавшіе въ самихъ городахъ цехи, малорусское мѣщанство могло только вскипать мѣстами по случаю какой-нибудь кровавой сцены, но для интриги и заговора прогнать иновѣрнаго правительства стояло на слишкомъ низкомъ уровнѣ гражданственности. Невѣжливое, завистливое и жадное къ нечистой поживѣ, оно представляло довольно легкую добычу для своихъ соблазнительей и, вдаваясь, изъ меркантильныхъ интересовъ, въ уличныя драки съ иновѣрцами, торговало подъ рукою съ іезуитами запечатываишемъ православныхъ церквей. Образовавшись изъ смѣшенія протестантскихъ забродниковъ съ тѣми горожанами, которые были поставою развратныхъ доуніятскихъ архіереевъ и вѣчно пьяныхъ поповъ, не могло наше мѣщанство почерпнуть отъ нихъ ни великодушной твердости, ни душевной преданности національной вѣрѣ и церкви, а покровительство шаткаго въ своихъ убѣжденіяхъ дома князей Острожскихъ не сообщило кліентамъ этого дома ни единства дѣйствій, ни благородства поступковъ.

Какова была нравственная атмосфера этого прославленнаго нашими историками дома, показалъ на себѣ, въ числѣ прочихъ, и питомецъ его Мелетій Смотрицкій, ученѣйшій и талантливѣйшій человекъ своей среды. Онъ мужествовалъ до тѣхъ поръ, пока попутный вѣтеръ дулъ въ его парусъ. Но лишь только церковный горизонтъ затмился грозными тучами, онъ малодушно покинулъ безпомощную родину и бѣжалъ на греко-русскій Востокъ. Вернувшись оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ, заговорилъ онъ въ духѣ своихъ гонителей, продалъ православіе наследнику князей Острожскихъ, князю Заславскому, за Дерманскій

монастырь, и занялся въ немъ полемическими сочиненіями въ пользу папскаго главенства.

То было время общаго нереполоха Малоруссовъ, которымъ Москва указала путь къ спасенію ихъ древней вѣры, по которыхъ руководить и оборонять не была еще въ силахъ. Подобно тому, какъ сторонники увіятской проповѣди перетрусили отъ слуховъ про витебскій бунтъ, поборники церковнаго единенія съ Москвою, въ свою очередь, вообразили, что Сигизмундъ III послѣдуетъ примѣру своего пріятеля, Фердинанда II, и начнетъ у себя въ Польнѣ такія гоненія, какныя въ Пѣмецкой Имперіи подвергались Чехи.

Въ самомъ дѣлѣ королевская партія, застрацавъ бѣлорусскихъ мѣщанъ розысками и казною Витебцевъ, въ видахъ общественнаго спокойствія, то-есть покорности „римской вѣрѣ“, воспретила „греческую схизму“, и ввела унию не только въ самомъ Витебскѣ, но и въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ. Наконецъ королевскимъ декретомъ повелѣно было принять унию и всѣмъ вообще нешляхетнымъ жителямъ Бѣлоруссіи.

Слухи, какъ водится, предупреждали событія. Кіевская земля, въ которую до селѣ не было хода новозобрѣтенной панисгами вѣрѣ, ожидала со дня на день подобнаго же декрета. Въ такія истории, какъ утопленіе уніята Грековича въ проруби и нападеніе на Жидовъ, сдѣлались предметомъ страха для привосновенныхъ къ нимъ такъ или иначе людей. Вѣроятность религіознаго переворота была несомнѣнна, и мѣстичи „матери русскихъ городовъ“, не смотря на свои связи съ отважными запорожцами, показали, что они такіе же торгачи, какъ и бѣлорусцы. У нихъ рядомъ съ церковными братчиками, опиравшимися на мужественныхъ иноковъ, существовала партія, предпочитавшая милости иновѣрнаго короля внушеніямъ своего духовенства. Эта партія выступила теперь на сцену дѣйствія, подъ предводительствомъ кіевского войта, Ходьки. Оказался и въ средѣ самого духовенства искатель мірскихъ благъ чаче царствія Божія, которое проповѣдывалъ,—священникъ церкви Св. Василя, Иванъ Юзефовичъ. Предупреждая королевскій декретъ, эти достойные люди объявили митрополита Юва Борецкаго бунтовщикомъ, позорили его всякими словами, и призывали запечатывать приходскія церкви.

Подъ вліяніемъ общаго негодованія православниковъ, были призваны къмъ-то готовые ко всякимъ услугамъ запорожцы. Они распечатали церкви, схватили Ходьку съ его соумышленниками, а предателю Юзефовичу отсѣкли голову. Молва приписывала призваніе козаковъ самому Борецкому, но въ этомъ не заподозрило его ни слѣдствіе,

произведенное мѣстными властями, ни военносудная комиссія, покаравшая козаковъ черезъ годъ за ихъ грабежи и разбои.

Характеръ дѣятельности Іова Борецкаго былъ совсѣмъ иной. Это былъ ревностный и вмѣстѣ кроткій пастырь церкви. Будучи еще приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ, онъ прославился рѣдкимъ въ тотъ вѣкъ милосердіемъ къ сиротамъ и вдовицамъ, безкорыстными трудами на пользу просвѣщенія и евангельскою щедростью къ убогимъ; а когда изъ игуменовъ Михайловскаго монастыря, по общему желанію жителей Кіева, былъ возведенъ въ санъ митрополита, первымъ его дѣломъ было—созвать соборъ для начертанія программы дѣйствій въ духѣ всенობѣдующаго христіанскаго терпѣнія. Въ этомъ достопамятномъ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Совѣтованія о Благочестіи“, возстаповлелная православная іерархія, между прочимъ, постановила: отвергнуть сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя, да будетъ по апостолу: „вы есте чисти“, и да не будетъ: „но не вси“;

хвала вѣру и обряды восточной церкви, порицать и обличать всякіе другіе, но дѣлать это духовно, разсудительно, согласно съ писаніемъ и безъ злорѣчія;

терпѣливо и покорно спосить всѣ обиды, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей, не мстя за себя ни словами, ни проклятіями, ни иными какими-либо средствами;

возбуждать и готовить къ святому мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и сердца народа, дабы каждый радостно переносилъ расхищеніе и грабежъ своего имущества, и терпѣлъ отъ властей притѣсненія пѣнями, узничество, наконецъ, охотно шолъ бы и на смерть зная, что вѣра наша основана кровью, что кровью охраняла она себя отъ всѣхъ ересей, и что тѣ пункты вѣры и тѣ догматы, для соблюденія которыхъ мы не хотимъ соединяться съ римскою церковью, облиты кровью;

хотя бы на православныхъ низвергались отнынѣ стрѣлы, мечи, огонь и воды, но епископы должны одинъ другому пресмствовать, и чины церковныя не должны прекращаться;

призвать изъ Святой Лоонской Горы и привести преподобныхъ мужей Россовъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріяна и Іоанна, прозваніемъ Вишнскаго, вмѣстѣ съ прочими тамъ обрѣтающимися (Россами), житіемъ и богословіемъ цвѣтущими.

Несомнѣнно (сказано въ заключеніе „Совѣтованія о Благочестіи“), что только такими поступками и способами мы привлечемъ къ себѣ и убѣдимъ, какъ городской и сельскій народъ, такъ и дворянство. Тогда

исчезнуть и выдумки, которыя противъ насъ изображаюгь, тогда и тиранія должна прекратиться, и ушія уничтожиться.

Стоя на такой высотѣ христіанскаго пастырства, слагатели соборнаго акта могли только удерживать козаковъ отъ уличной расправы, а не прибѣгать къ подобной защитѣ „древняго русскаго благочестія“. Тѣмъ не менѣе, однакожь, утопленіе одного учата въ проруби, убійство другаго среди Витебска и незаконная казнь третьяго въ Кіевѣ бросали на православную церковь нѣкоторую тѣнь. Если подозрительность нашихъ сосѣдняя дѣло Паллвайба съ дѣломъ православія, назвавъ православіе Паллвайковой сектою, то теперь участіе Борецкаго въ козацкихъ походахъ не поддежало, въ устахъ молвы, никакому сомнѣнію, и сама паства его охотно тому вѣрила. Чего боялся Борецкій во время своего совѣтованія о благочестіи, то и случилось. О православныхъ руководителяхъ народа нельзя было теперь сказать: „вы есте чисти“, безъ прибавки: „но не вси“. Безъ умысла очутились они какъ бы въ кровавомъ союзѣ съ руководителями запорожскаго козачества. Ихъ дѣло сдѣлалось теперь какъ бы общимъ; ихъ отношенія къ правительству—какъ бы одинаковыми.

Правительство и безъ того уже досадовало на козацкія петиціи въ пользу противозаконной іерархіи. Теперь оно стало придумывать средства, какимъ бы способомъ разлучить военную корпорацію съ церковною. Между тѣмъ страхъ отвѣтственности за козацкое самоуправство привелъ православныхъ архіереевъ къ поступку, который могъ остаться безнаказаннымъ только въ странѣ, державшейся, какъ говорилось, неурядицею.

Изъ Цесарской Земли прибылъ въ Кіевъ нѣкто Александръ Оттоманусъ, иначе султанъ Ахія или турецкій царевичъ, крещенный въ православную вѣру и называвшій себя законнымъ наследникомъ турецкаго престола. Этого самозванца поддерживали, съ одной стороны, католическіе папы, прикосновенные къ козакамъ Лисовскаго, служившимъ тогда Фердинанду II, а съ другой — православные шляхтичи, связанные добычнымъ промысломъ съ „козаками Сагайдачнаго“, какъ назывались Запорожцы и по смерти знаменитаго своего предводителя. Съ помощію послѣднихъ, Александръ Оттоманусъ проникнулъ къ Юзу Борецкому, вкрался къ нему въ довѣріе и склонилъ его сперва благословить запорожскихъ атамановъ на завоеваніе Царьграда, а потомъ — ходатайствовать у московскаго царя о пособіи ему (Ахіи) деньгами и людьми для войны съ турецкимъ султаномъ.

Слухъ о готовности козаковъ вести самозванца въ Турцію, какъ это они дѣлали съ Москвою и Молдавіей, встревожилъ королевское

правительство. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій вернулся уже изъ турецкаго плѣна. Онъ одинъ былъ способенъ положить конецъ козацкому самоуправству. Онъ успѣлъ уже разбить на голову Вуджацкихъ Татаръ, которые вторгнулись въ польскіе предѣлы подъ султанскимъ знаменемъ, въ огнищеніе за новыя морскіе набѣги козаковъ. Теперь ему предстояло расправиться съ неугодными ширатами и нарушителями общественнаго спокойствія.

Въ началѣ 1625 года козаки получили отъ него строгій универсалъ. Именемъ короля и Ресублики, Конецпольскій требовалъ, чтобы Запорожское войско переписалось въ шесть тысячъ ресетровиковъ, какъ это было имъ дозволено за ихъ услуги, а всю заштатную массу распустили бы и ничего общаго съ нею не имѣли. Если же этого не сдѣлають, то онъ придетъ къ нимъ съ воспоусудною комиссіею для разбора, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права на козацкія вольности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для кары виновныхъ за все, что они сдѣлали со смерти Сагайдачнаго.

Въ какихъ бы видахъ ни дѣйствовалъ Борецкій, благословляя козаковъ на завоеваніе Царьграда въ пользу крещенаго султанича и сносясь объ этомъ съ московскимъ царемъ, но онъ испугался послѣдствій своего вмѣшательства въ козацкія дѣла.

Козаки, съ своей стороны, видѣли, что играть роль независимой ресублики въ ресубликѣ панской имъ больше польза, и что придется наконецъ свести счеты съ землевладѣльцами. Конецпольскаго знали они, какъ неуксанаго полководца, который изучалъ за-границею изобрѣтенныя Нѣмцами боевыя хитрости, и соединялъ съ ними умѣнье вести стѣнную татарскую войну, какъ и покойный Жовковскій. Задорные въ уличныхъ дракахъ и въ паѣздахъ на панскія маѣстности, отважные и равнодушные къ смерти въ морскихъ набѣгахъ, они боялись Конецпольскаго не меньше, какъ и монахи, которые не знали еще его религіозной терпимости, его независимости отъ іезуитскихъ когерій, его умѣренности въ дѣлахъ войны и политики, и составляли свои сужденія о немъ по угрозамъ своихъ соперниковъ, уніатовъ.

Общимъ совѣтомъ было положено снарядить къ московскому царю посольство, съ лудкимъ епископомъ Исакіемъ Борісковичемъ во главѣ, и просить царя, чтобы онъ принялъ Малороссію со всѣми Божіими церквами подъ свою высокую руку, а козаки-де готовы ему въ томъ помогать. Если же того сдѣлать нельзя, то дать бы въ своей землѣ убѣжище всему дѣбировскому козачеству, а вмѣстѣ съ нимъ и правоставнымъ аріереякамъ, такъ какъ ставленникамъ іерусалимскаго па-

тріарха Ософана угрожаетъ „великое гоненіе отъ Поляковъ“, а „козакамъ бромъ царскаго величества негдѣ дѣться“.

Въ Москвѣ было не ново слышать заявленіе о готовности Малоруссовъ поддаться Восточному Царю, какъ называли Михаила Осеоровича. Объ этомъ хлопотали монахи издавна, и не дальше какъ въ 1622 году, одинъ изъ новыхъ архіереевъ, Исаія Кошицкій, согласилъ многихъ козаковъ и другихъ жителей лѣваго берега Днѣпра, „въ случаѣ притѣвленія отъ Поляковъ“, переселиться въ Московское Царство, о чемъ была послана имъ и челобитная въ Москву. Но гостеприимная и щедрая по-своему Москва на подобныя просьбы отвѣчала благоразумнымъ молчаніемъ. Ходатайство Борецкаго объ Ахіи отбыла она небольшимъ подаркомъ и пожеланіемъ Оттоманусу всѣхъ благъ въ его намѣреніи возстановить православное царство на мѣстѣ Турціи, а предложеніе присоединиться къ Россіи со всѣми Божіими церквами отклонила замѣчаніемъ, что эта мысль еще въ самихъ Малоруссахъ не утвердилась. „Но если вамъ и впредь отъ Поляковъ будетъ утѣшеніе въ вѣрѣ, а у васъ будетъ противъ ихъ соединеніе и укрѣпленіе, говорили собиратели Русской Земли, вы объ этомъ снова увѣдомьте великаго государя и святѣйшаго патріарха; тогда его царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленіѣ видѣть“.

Незрѣлъ еще былъ плодъ великой мысли Іоанна III, возобновленный Филаретомъ Романовымъ, да и сама Москва не встала еще изъ разоренія, въ которое повергли было ее омороченные повѣрцами Русичи. Не могъ еще озабоченный широкимъ хозяйствомъ своимъ домъ Романовыхъ взяться за продолженіе дѣла Рюриковичей. Рано еще было московскому царю объявить себя собственникомъ, отчимъ и дѣдичемъ Русской Земли, захваченной Литвою и Ляхвою. Не пришло еще для него время явиться, подобно вѣятелю на гумнѣ, между смѣшанныхъ элементовъ Рѣчи Посполитой и отвѣять польскій элементъ отъ русскаго на древнемъ нашемъ займищѣ. Онъ далъ только понять своимъ просителямъ, что *будетъ* мыслить о томъ, какъ освободить малорусское православіе отъ латинскихъ и швецкихъ еретиковъ, которые, вооружаясь одинъ на другихъ за обладаніе Русской Землею, въ то же самое время вооружали Русскую Землю на самое себя.

Между тѣмъ Конецпольскій употреблялъ всѣ старанія, чтобы козацкихъ интересовъ не смѣшивать съ интересами прочихъ классовъ.

Малорусское духовенство, тѣшное уніятами, не только грозило имъ козаками, не только укрывалось отъ судебныхъ преслѣдованій

Кунцевичей въ странѣ, переполненной козацкими жилищами, но иногда, подъ гнетомъ безпомощности, бросая поповство, и само вступало въ козаки. Поэтому въ козацкихъ бунтахъ, демонстраціяхъ и притязаніяхъ нерѣдко слышался клерикальный голосъ. Оно, разумѣется, въ лицѣ худшихъ представителей своихъ, подучивало козаковъ на кровавую расправу съ отступниками православія. Оно внушало козакамъ (а козаки, въ свою очередь, внушали зануганнымъ православникамъ), что король со всѣми своими панами о томъ только и думаетъ, чтобъ уничтожить православныя церкви. Оно (также сообщая съ козацкими бунтовщиками) пускало въ ходъ цѣлѣный, но въ тѣ тревожныя времена казавшійся вѣроятнымъ слухомъ, что правительство намѣрено выгубить весь Русскій народъ въ Украинѣ и заселить ее Поляками да Пѣмцами.

И поборники православной самобытности, и поборники соединенія двухъ церквей подъ панскимъ главенствомъ были раздражены взаимными обидами до крайности. Самъ князь Збаражскій, которому такъ трудно было исполнить роль великаго посла въ Царьградѣ, заподозривалъ паше духовенство (не указывая лицъ) въ подучиваніи козаковъ на самоуправство и называлъ его *genus scelestae hominum* *). Не могъ имѣть о немъ лучшаго понятія и Концнольскій, какъ человекъ, воспитанный въ образованномъ обществѣ и возвышенный своимъ положеніемъ надъ поповскими дрызгами. Да и въ самомъ дѣлѣ страшно было бы предполагать въ большинствѣ нашихъ поповъ и монаховъ такія чистыя мысли о призваніи православнаго духовенства, какія выражены его верховниками въ „Совѣтованіи о Благочестіи“. Но политика вслѣла Концнольскому и предводительствуемой имъ комиссіи игнорировать прикосновенность духовныхъ лицъ къ самоуправству добычниковъ.

Концнольскій обращался къ козакамъ, какъ римскій полководецъ къ мятежному легіону, строго внушая имъ, чтобъ они не мѣшались въ дѣла, не относящіяся къ войску, и во все время своего гетманства не привлекъ ни одного попа и монаха къ суду по подозрѣнію въ стачкахъ съ бунтовщиками. Точно такъ поступалъ онъ и съ мѣщанами, которые больше всякаго другаго сословія пользовались козацкою добычею въ качествѣ шинкарей и торгашей, между тѣмъ какъ ихъ молодежь, бѣгая отъ отцовъ и мастеровъ въ запорожскую вольницу, заставила даже правительство называть козаковъ, панами *молочцами*.

*) Проклятый родъ людей.

Козаки гнѣздились по всей Кіевщинѣ. Съ каждымъ монастыремъ, съ каждой городской общиной, съ каждымъ панскимъ дворомъ завязывались у нихъ полупріятельскія, полувраждебныя связи, смотря по ихъ услугамъ и по ихъ беспорядочной, цыганской жизни. Наступить на козаковъ значило—наступить на всю Кіевскую Украину. Потребовать козаковъ къ отвѣту предъ военную комиссію со всѣми прикосновенными къ ихъ преступленіямъ лицами значило — перетревожить всѣхъ осѣдлыхъ жителей. Конецпольскій зналъ, что этимъ онъ поднялъ бы на себя не только православныхъ людей, но и мѣстныхъ пановъ другихъ вѣроисповѣданій. Поэтому онъ выгородилъ изъ козакаго самоуправства всѣхъ шляхтичей, которые дѣлали козакамъ какія-либо *adminicula* *), пужды иѣтъ, что на эти *adminicula* указывали даже сеймовыя постановленія; выгородилъ всѣхъ мѣщанъ, которые поддерживали козачество не изъ одного страха передъ его терроромъ, и все духовенство, о которомъ со временъ Наливайка не переставали носиться слухи, какъ о козацкихъ наушникахъ.

Разосланные короннымъ гетманомъ универсалы такъ успокоили всѣхъ козацкихъ сообщниковъ, что козаки оставили украинскіе города, какъ иноплеменники, какъ случайные завоеватели, какъ безнаказанные притѣснители, а мирные жители всѣхъ вѣроисповѣданій спѣшили заявить свою покорность правительству, умывая руки отъ какой-либо солидарности съ Запорожскимъ войскомъ. Наконецъ и самый крайній изъ такъ называемыхъ козацкихъ городовъ, Крыловъ, былъ оставленъ людьми, которые не хотѣли подчиниться мѣстнымъ властямъ и, въ качествѣ подсудимыхъ только Запорожскому Войску, хозяйничали въ Украинѣ по мѣрѣ господствовавшей здѣсь неурядицы.

Навстрѣчу козацкимъ отрядамъ, подвигавшимся внизъ Днѣпра по правой сторонѣ его, вышелъ изъ Запорожья козацкій гетманъ Жмайло, съ такъ называемою арматою, подъ которою разумѣлся подвижной капитулъ запорожскаго рыцарства вмѣстѣ съ артиллерією.

Жмайло былъ диктаторъ, избранный голотою для устрашенія сравнительно зажиточныхъ и осѣдлыхъ козаковъ. До сихъ поръ козаки уклонялись отъ отвѣта передъ военною комиссією Конецпольскаго, ссылаясь на отсутствіе своего запорожскаго гетмана. Безъ него-де не смѣли они ни покориться коронному гетману, ни защищать оружіемъ козація вольности. Теперь собралось ихъ до сорока тысячъ въ виду королевскихъ комиссаровъ, сопровождаемыхъ тридцатитысячнымъ войскомъ.

*) Всюмоцествованія.

Соперники шляхетской республики рѣшились помѣриться съ нею силою. Таково было ихъ оправданіе передъ королемъ и Рѣчью Посполитою. По первый день битвы, которая со стороны Конецпольскаго была только рекогносцировкой, заставилъ козаковъ отступить. Выкраившись изъ подъ наблюдательныхъ пунктовъ короннаго и наискаго войска, козаки Жмайла, съ необыкновеннымъ искусствомъ бѣгства, углубились въ лѣсную и болотистую труппу, называсмую Медвѣжьими Лозами. Позади себя оставили они нѣсколько трудныхъ переправъ черезъ дѣбровскіе „загоны“, и прикрыли ихъ сильными отрядами конницы. Конецпольскій овладѣвалъ одной переправой за другою съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ козаки ихъ защищали, и постигнувъ козацкій таборъ у Курукова озера, откуда Жмайлу некуда было двинуться далѣе. Произошелъ ожесточенный бой, въ которомъ Конецпольскій лично ходилъ въ атаку, и едва не погибъ въ устроеной ему засадѣ. Козаки дрались отчаянно; но перевѣсъ военнаго искусства съ противной стороны былъ слишкомъ великъ. Въ распоряженіи Конецпольскаго находились иноземные артиллеристы. Они устроили въ разныхъ пунктахъ нидерландскіе шапцы, и мѣткими выстрѣлами папосили козакамъ страшныя потерн. Жмайло попросилъ пощады.

Пощада была дана козакамъ тотчасъ, но подъ условіемъ переноситься въ шесть тысячъ ресстровиковъ и сжечь мореміе челны въ присутствіи коронныхъ чиновниковъ.

Здѣсь украинскіе землевладѣльцы, между которыми были и православыне, поставили козакамъ на видъ ихъ преступленія, которыхъ не могло бы терпѣть, говорили они, ниодно правительство. Козаковъ корили всего больше за морскіе походы, которыми они навлекали на государство опасную Турецкую войну, и въ особенности за морской набѣгъ во время пребыванія въ Царьградѣ великаго посла. Ихъ обвиняли въ томъ:

что они вели переговоры съ московскимъ царемъ, и помогали крымскому хану въ его бунтѣ противъ турецкаго султана;

что давали у себя пріютъ разнымъ самозванцамъ и другимъ вреднымъ для государства лицамъ;

что самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство признаеть законно занимающими эти должности;

что бунтовали подданныхъ противъ сельскихъ хозяевъ и разоряли съ ними шляхетскія имѣнія;

что нападали на староства, а недавно нанали на Кіевъ, убивали, грабили, брали въ пеловолю, оскорбили подвоеводія, палагали на города

поборы, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ звалія шляхетскаго, духовныхъ и жидовъ замучили съ пслыханнимъ варварствомъ.

Козаки оправдывались, какъ ордынцы, чуждые гражданственныхъ попятій, съ примѣсю небывальщины, а въ церковномъ дѣлѣ сослались на „духовныхъ старшихъ“, которые-де имѣли о томъ переговоры съ коронными властями. При этомъ они повторяли ходячія въ то время фразы о великомъ утѣспеніи Божіихъ церквей во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ,—повторяли все то, что кievское духовенство, поддерживаемое магнатами-протестантами, вписывало въ ихъ сеймовыя истиціи, но подѣ чѣмъ ниодннъ изъ православныхъ земскихъ пословъ и магнатовъ не смѣлъ и не захотѣлъ бы подписать свое имя.

Видя, что ихъ слушаютъ безъ гнѣва и нетерпѣнія, козаки Жмайла забыли, что подняли оружіе прогнвъ государственнаго ополченія, и стали домогаться невозможнаго:

чтобы имъ дозволили жить въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ; судяться повсемѣстно собственнымъ козацкимъ судомъ;

оставить за собой забранныя въ королевскихъ городахъ пушки, и—

чтобы греческая вѣра не терпѣла никакихъ притѣспеній (а это значило: чтобы ставленники римскаго паны, утвержденные королемъ и сенатомъ, были низложены, а ихъ мѣста отданы ставленникамъ патриаршимъ, поддержаннымъ иноземнымъ правительствомъ чрезъ посредство Запорожскаго войска).

На всѣ козацкія просьбы королевскіе комиссары повторяли, что терпѣніе Рѣчи Посполитой возбуждаетъ удивленіе всего свѣта, и прибавили слѣдующія интересныя для исторіи днѣпровскаго козачества слова:

„Хотя большая часть васъ не принадлежитъ къ шляхетству, по свободой жизни и великими прсимуществами вы были поставлены наравнѣ съ господствующимъ въ Республикѣ сословіемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ козаковъ до того щадили, какъ людей заслуженныхъ и для государства необходимыхъ, что самъ Концепольскій медлялъ своимъ походомъ противъ нихъ. Опъ всё надѣялся, что козаки образумятся, вѣрнѣе сказать, что лучшая часть Запорожскаго войска, имѣющая законное право на это имя, обрѣтетъ въ себѣ столько силы и рѣшимости, чтобы порвать связи съ кочевниками и присоединиться къ обществу культурному. Опъ увѣрялъ ихъ въ своемъ крайнемъ псжеланіи наступать на нихъ, восхвалялъ ихъ боевое мужество, котораго былъ свидѣтелемъ въ войнахъ съ врагами отечества много

разъ; наконецъ, писалъ въ своихъ предупредительныхъ универсалахъ, что, „нося и самъ на боку саблю, умѣеть цѣнить людей воинственныхъ“. Онъ доносилъ королю, что дѣйствовать противъ козаковъ по-непріятельски всего больше заставило его то обстоятельство, что казаки нѣсколько разъ посылали къ татарскому калгѣ (соправителю хана), Шагицъ-Гирсю, просить помощи противъ коронаго войска.

Какъ, однакожъ, ни снисходительно отнеслись побѣдители къ мятежной вольницѣ, но не могли они подвергать себя новой войнѣ съ нею, новому риску, новымъ утратамъ. Но заключенному въ Медвѣжьихъ Лозахъ, у Курукова озера договору, Запорожское войско должно было отнынѣ состоять всего изъ шести тысячъ человекъ, и во всемъ подчиняться распоряженіямъ коронаго гетмана. Спеціальное дѣло его должно было заключаться въ томъ, чтобы по старинѣ не допускать Татаръ къ пересравамъ черезъ Днѣпръ ниже Пороговъ, очередуясь полками, которые по мѣсту разселенія козаковъ среди королевскихъ подданныхъ, назывались: Переяславскимъ, Черкасскимъ, Чигиринскимъ, Канавскимъ, Корсунскимъ, Вѣлцерковскимъ. Выписанные же изъ реестра казаки обязывались вернуться къ мирнымъ занятіямъ и состоять подъ старостинскимъ присудомъ въ имѣніяхъ королевскихъ, или же подъ пацскимъ. На мѣсто Жмайла козацкимъ „старшимъ“ былъ поставленъ Михайло Дорошенко, отличавшійся усердіемъ и храбростію въ Хотинскую войну. Дорошенку было вмѣнено въ обязанность объѣхать мѣста козацкихъ поселеній, и вмѣстѣ съ подстаростіемъ каждаго изъ нихъ выбрать болѣе надежныхъ и заслуженныхъ людей для вписанія въ козацкій реестръ, что и было исполнено.

Но сказанію московскихъ вѣстовщиковъ, казаки по городамъ слушали Дорошенка потому, что къ нему пристали „лучшіе люди казаки“. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, козацкая голода шумѣла въ кабакахъ по-прежнему, похвалялась уйти въ числѣ сорока тысячъ за Пороги, грозила отправить къ московскому царю посольство съ предложеніемъ—очищать на его имя города, и распространяла слухъ, будто у Конечпольскаго и у Поляковъ задумано, уменьшивъ козаковъ, ввести въ Кіевъ и во всѣхъ „литовскихъ“ городахъ „римскую вѣру“, то есть унию.

Обезпечивъ себя до поры до времени со стороны домашней орды, Конечпольскій получилъ возможность оборонить сѣверныя области Польши отъ Густава Адольфа, который въ это время напалъ съ новоустроенною имъ шведскою арміею на Лифляндію и Померанію. Но знаменитая борьба польскаго фельдмаршала съ лучшимъ полководцемъ

его времени отвлекла къ сѣверу босвыя силы, которыми Польша до сихъ поръ прикрывала себя отъ азіятскихъ хищниковъ.

Хотя Поляки и успокоили турецкое правительство увѣдомленіемъ, что козаки побиты и морскіе челны ихъ сожжены, но своевольная козацкая гюта, поддерживаемая своими благопріятелями, не замедлила снарядить новыя чайки, и появилась на Черномъ морѣ, къ ужасу торговыхъ кораблей, кому бы они ни принадлежали. Это дало Туркамъ предлогъ, или, пожалуй, право развязать руки Тагарамъ, которымъ обыкновенно запрещалось опустошать польско-русскія области, доколѣ король держалъ въ уздѣ козацкую орду. Война съ Густавомъ Адольфомъ тянулась до 1629 года, и во все это время юго-восточныя окраины Польши были выставляемы на добычу народа, существовавшего шабѣгами.

Отъ мѣстной шляхты требовалось не только крайнее напряженіе силъ, но и единодушіе въ самой системѣ огражденія хищниковъ. Эту задачу выполнила она блистательно. Въ неключительномъ своемъ положеніи она доказала, что козацество, подчиненное интересамъ общественнымъ, можетъ внушать исторнику такое же сочувствіе, какъ и все, чѣмъ обезнечивается цѣлость общества. Въѣтъ съ тѣмъ она представляла еще одно свидѣтельство, — что козацкій героизмъ ведетъ свое начало не отъ тѣхъ личностей, которыя стяжали Запорожскому войску поблажанный титулъ наповъ-молодцовъ, а отъ тѣхъ, которые черпали босвое мужество въ зацѣтѣ домашнихъ очаговъ и общественныхъ святилищъ. Здѣсь козаками, то-есть паѣздняками, выступавшими противъ паѣздняковъ, являлись не „ѣшпоршки“ семейнаго и общественнаго быта, а крупныя и мелкія землевладѣльцы, въ сопровожденіи тѣхъ вооруженныхъ дружинъ, безъ которыхъ не могъ тогда существовать ни одинъ панскій и шляхетскій домъ, и подъ начальствомъ панскихъ „почтовъ“, которые заключали въ себѣ и опытныхъ паѣздняковъ, и опытныхъ вождей.

Изъ числа предводителей такихъ почтовъ, или дружинъ, выдавался тогда восшными способностями „рукодаіный слуга“ дома Замойскихъ и „регентаръ“ охранной силы его, Стефанъ Хмелецкій, носившій титулъ брацлавскаго хорунжаго. Занимая въ этомъ домѣ такое мѣсто, какое занималъ сперва Косицскій, а потомъ Паливайко въ домѣ Острожскихъ, онъ игралъ важную роль въ побѣдѣ Конецпольскаго надъ Татарами въ 1624-мъ и въ его походѣ на козаковъ Жмайла въ 1625 году. За свою сторожевую и охранную службу получалъ онъ отъ Фомы Замойскаго содержаніе, которое далеко превосходило жалованье, отпускаемое королемъ всей запорожской старшинѣ съ ся гетмапомъ, или „старшимъ“, что показываетъ сравнительную благонадежность

панскихъ и запорожскихъ полководцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и запорожскій бытъ, основанный, какъ у Татаръ, на произвольной добычѣ.

Когда было рѣшено двинуть коронныя силы противъ Шведовъ, мѣстные землевладѣльцы, по соглашенію съ короннымъ гетманомъ, сдѣлали Хмелскаго гетманскимъ намѣстникомъ по охраненію границъ отъ Буджацкихъ Татаръ, которыхъ вождь Кантемиръ, или Кровавый Мечъ, не могъ забыть пораженія, нанесеннаго ему Конецпольскимъ, и готовился къ новому вторженію въ Лехистанъ. По въ 1626 году опасность грозила Хмелсцкому разомъ и со стороны Буджаковъ, и со стороны Крыма.

Толпы запорожскихъ добычниковъ пограбили степные улусы Крымскихъ Татаръ. Крымцы рѣшились отомстить козакамъ, вѣрнѣе сказать — нанамъ за козаковъ, и пришли „великою ордою“ подъ Бѣлую Церковь. Къ счастью, реестровики состояли въ дружескихъ сношеніяхъ съ Хмелсцкимъ, подобно тому, какъ низовцы прежняго времени имѣли свои связи съ панскими дружинниками Косинскимъ и Паливайкомъ. Хмелскій приспѣлъ къ нимъ въ-время на помощь, и поразилъ Крымцевъ такъ, какъ биваль ихъ во времена оны литовскій гетманъ, князь Острожскій.

Никто изъ предводителей пограничныхъ ополченій, ниже самъ Конецпольскій, не усвоилъ себѣ татарской тактики и стратегии въ такой степени, какъ Стефанъ Хмелскій. По отзывамъ современниковъ, онъ первый показалъ свѣту, что Орду можно не только настигнуть, но и принудить къ битвѣ въ открытомъ полѣ. Популярность Хмелскаго, какъ охранителя границъ, возросла до баснословности, и дала ему средства соединить подъ своимъ предводительствомъ всѣ паличныя средства защиты польскорусской колонизаціи отъ азіатскихъ чужаидниковъ.

Напрасно Кантемиръ выжидалъ возможности обновить свою наѣздническую славу. Наконецъ ему показалось, что благоприятное для того время наступило. Въ 1629 году Конецпольскій былъ поглощенъ борьбой съ Густавомъ Адольфомъ больше, нежели когда-либо, а реестровые козаки, оставшіеся въ Украинѣ подъ старшинствомъ Михаила Дорошенка, снова поладили съ Крымцами, и, собравъ толпу вышесанной изъ реестра голоты, пошли въ Крымъ на помощь одному Гирею противъ другаго. Они явили себя тамъ героями, достойными лучшаго дѣла, но были разбиты Турками, припавшими участіе въ крымской усобицѣ, и голова падшаго въ битвѣ Дорошенка была взоткнута на стѣнахъ Кафы, разоренной, лѣтъ восемь тому назадъ, Са-

гайдакшымъ. Хмелецкій лишился въ диѣтровскихъ козакахъ важной поддержки; но и безъ нихъ отразилъ Кантемира такъ блистательно, что затмилъ славу самого Конецпольскаго.

Побѣда знаменитаго короннаго гетмана подъ Кровавымъ Мечомъ въ 1624 году была прославляема въ современныхъ „новинахъ“, какъ въ Россіи—Мамаево побоище. Важность оказанной Хмелецкимъ польско-русскому краю услуги засвидѣльствована современниками еще выразительнѣе. Исторія „шляхетскаго народа“ не представляетъ другаго подобнаго примѣра общественной награды за военные подвиги. Въ это время кievскій воевода Юма Замойскій занялъ постъ короннаго канцлера, и предложилъ въ сенатѣ сдѣлать его рукоудайнаго слугу, Хмелецкаго, вмѣсто самого себя, кievскимъ воеводою. Предложеніе было необычайное; но папы рады, всегда дѣлившіеся на партіи въ вопросахъ о дигнитарствахъ, не воспротивились тому, чтобы „панскаго слугу“ посадить, яко воеводу, въ сенаторскія кресла.

То былъ самый разумный политическій шагъ. Одинъ Хмелецкій былъ способенъ воеводскій постъ въ Кievскомъ краѣ сдѣлать устоємъ козакошляхетской взаимности. Козакъ по ремеслу, онъ былъ талантомъ война равешъ Сагайдачному, котораго превосходилъ мягкостью сердца и умственнымъ развитіемъ. Своєю популярностью и своимъ умѣньемъ соединять въ одно предпріятіе дикіе элементы общества съ элементами культурными, онъ могъ бы совершить подвиги, превосходящіе все, чѣмъ былъ полезенъ Польшѣ гениальный наѣздникъ. Но гибельная судьба аристократической республики не дала шляхетскому народу видѣть результаты его истинно гражданственнаго отношенія къ талантамъ панскаго слуги и прославить отечество той *людокостью*, которою была проникнута польская жизнь, пока не исказили ся клерикалы. Хмелецкій скончался, не успѣвши вступить въ свою должность.

Съ его смертію польскій горизонтъ затмился снова тучею, которая была разогнана Конецпольскимъ у Курукова Озера. Блестящія дѣйствія короннаго гетмана противъ Шведовъ заставили Густава Адольфа просить у Польши мира; но Шведскій походъ повлекъ за собой новый походъ прогнвъ козаковъ.

Эго великое для Польши несчастье произошло, главнымъ образомъ, изъ того источника, изъ котораго вытекли самыя гибельныя политическія и общественныя бѣдствія польско-русской республики.

При неограниченной почти свободѣ каждой шляхетской личности, государственные доходы въ Польшѣ собирались безпорядочно, а контролировались еще безпорядочнѣе. Королевская казна никогда не имѣла средствъ, которыя были бы достаточны для веденія съ кѣмъ

бы то ни было войны, а правительственные лица всячески противодействовали королю въ учрежденіи постоянного войска. Они заставляли короля дѣлить между собой государственныя имущества въ видѣ староствъ и вѣчныхъ пожалованій, съ обязательствомъ помогать государству, какъ деньгами, такъ и людьми, — съ обязательствомъ, которое было гарантировано только общественнымъ мнѣніемъ. Деньги собирались въ казну съ королевскихъ и панскихъ имѣній не иначе, какъ по приговору земскихъ пословъ. Тѣмъ же приговоромъ опредѣлялось и количество такъ называемаго *платнаго* или *гросевого* войска. Въ поддержку набираемой въ короткое время арміи, землевладѣльцы снаряжали на собственный счетъ военныхъ людей, подъ именемъ панскихъ почтовъ, надворныхъ козаковъ, драгунъ, рейтаръ, которыми паны перѣдко предводительствовали лично, въ качествѣ вольныхъ гетмановъ. Эти дружины вербовались изъ безземельной шляхты, которая, по ремеслу своему, составляла въ польскорусскомъ обществѣ самое древнее, исконное козачество, но болышую частью — изъ настоящихъ козаковъ, именно тѣхъ, которые находили болѣе для себя выгоднымъ служить въ надворномъ панскомъ войскѣ, нежели въ такъ называемомъ Запорожскомъ. Подобно тому, какъ члены шляхетскаго общества, обѣдѣвъ, или провинясь передъ королемъ и республикой, вступали въ козацкое товарищество, члены этого товарищества, будучи выписаны изъ козацкаго ресстра, несли службы панской. Такимъ образомъ число козакующаго народа никогда не уменьшалось въ Польшѣ, напротивъ, постоянно увеличивалось, грозя подавить классы экономическіе, какъ это наконецъ и случилось.

Побѣжденные въ Медвѣжьихъ Лозахъ козаки показывали число своего боеваго и добычнаго класса въ 50.000 человекъ. Варшава полагала, что козаковъ на Украинѣ и на Запорожьѣ не меньше 60.000. Но это число далеко не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые кормились въ Польскомъ государствѣ мечомъ и грабежомъ подъ именемъ ресстровыхъ и выписанныхъ козаковъ, или подъ именемъ послушныхъ и непослушныхъ мѣщанъ, подъ именемъ платныхъ надворныхъ козаковъ, чабановъ, будшковыхъ, могильниковъ, винниковъ, брозарниковъ и всякаго рода гультаевъ-ветягъ. Многіе изъ мѣстныхъ уроженцевъ и забродниковъ турецкихъ, греческихъ, славянскихъ, прошедши ускусь украинскаго наѣзника, гайдамака, грабителя, вора, служили дунайскимъ князькамъ; другіе проживали утѣкачами, заволоками и ренегатами-потурнаками въ крымскихъ улусахъ, въ буджацкихъ уймакахъ; третьи гостили на Дону, или промышляли въ Сѣверципѣ. Множество козаковъ можно было встрѣтить въ арміяхъ Тилли и Валленштейна,

не говоря ужъ о козакахъ Лисовскаго, въ сообществѣ которыхъ бывали козаки Сагайдачнаго, доиды и даже герои воровскаго Тушинскаго лагеря, кровные Москвичи. Невыносимые для голышей порядки турецкіе, пѣмецкіе, польскіе и московскіе созидали антикультурное сконище чужезднхъ номадовъ, которые, въ качествѣ христіанъ и мусульманъ, долго нарушало равновѣсіе между двумя половинами сѣверной Славянщины, склоняясь то на одну, то на другую сторону со времени Менгли-Гирсевскихъ, и наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка, дало перевѣсъ половинѣ московской.

Полагаясь на свои шляхетскіе ресурсы, и съ высоты культурнаго величія презирая безземельниковъ и бездомовниковъ, именитые Поляко-Руссы воспитывали хищный духъ козачества въ такихъ войнахъ, какъ Московская, Турецкая, Шведская, и воспитали его наконецъ до отваги—ринуться заодно съ мусульманами-ордынцами на безпорядочное, но цвѣтущее сельскимъ хозяйствомъ государство.

Война съ Густавомъ Адольфомъ заставила шляхетныхъ обладателей Малороссіи вывести въ поле всѣхъ, которые, въ силу Куруковскаго договора, были (разумѣется, только на бумагѣ) возвращены къ промысламъ мирнымъ. Съ другой стороны, необходимость отражать Татаръ панскими почтами дома принудила землевладѣльцевъ снаряжать въ козаки и тѣхъ подданныхъ, которые когда-либо участвовали въ запорожскомъ промыслѣ, или только мечтали о козачествѣ. Крымскія усобицы давали между тѣмъ работу корчемпой гологѣ, а старыя связи съ допцами и сѣверяками поддерживали разбойно-героическое настроеніе во всѣхъ тяготившихся ремесленнымъ и земледѣльческимъ бытомъ. Такъ сельско-хозяйственная республика, чрезъ посредство самихъ же сельскихъ хозяевъ, претворялась въ республику воинственную, и производительныя силы польскорусскаго общества терялись въ массахъ чужездниковъ.

Со смертію Стефана Хмелецкаго и Михаила Дорошенка и съ благополучнымъ окончаніемъ Шведской войны многія тысячи гулящаго народа наполняли городскія и сельскія общины, проиная свою добычу, снискивая себѣ пропитаніе тягостною для воина и мародера работою и поэтизируя въ хмѣльныхъ пѣсняхъ своихъ козацкое житіе, па соблазнъ и развратъ мечтательныхъ умовъ.

Между тѣмъ Концепольскій былъ поставленъ своимъ правительствомъ въ обычное для польскаго фельдмаршала затрудненіе: ему печѣмъ было выплатить жалованье войску, наведенному для войны съ Густавомъ Адольфомъ. Чтобы не допустить жолнеровъ до неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ бунта, коронный гетманъ расквартировалъ ихъ

по Кіевской Украинѣ такимъ образомъ, чтобы хоругвь отъ хоругви была отдѣлена значительнымъ разстояніемъ. Опъ предпочелъ бы расквартировать свое войско въ болѣе населенныхъ и спокойныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ эта вѣчно волнующаяся страна, богатая отъ природы и бѣдная отъ татарскихъ набѣговъ и козацкаго буйства. Но внутреннія области польскорусской республики были истощены постоянными и переходами жолнеровъ, которые въ буйствѣ не уступали козакамъ.

Жолперы были здѣсь, какъ всегда и вездѣ, крайне обременительны для занимаемыхъ ихъ постоянными имѣніи. Но жаловались на нихъ не столько землевладѣльцы и державцы, не столько даже беззащитные ратан и мужики, сколько тѣ люди, которые, побывавши въ козацкомъ товариществѣ, смотрѣли на себя, какъ на свободную отъ всякихъ повинностей шляхту. Хотя ихъ дворы, грунты, займища составляли собственность панскую, хотя часто они колебались между выходомъ въ новыя слободы и выгодами старой осады, но присутствіе нахальныхъ вояковъ возмущало въ этихъ праздныхъ бѣднякахъ чувство собственности еще больше, нежели въ людяхъ трудолюбивыхъ и зажиточныхъ.

Ископное соперничество двухъ церквей проявило себя въ этомъ случаѣ какъ пельза вредоноснѣе. Участники Шведскаго похода, „выписанные запорожскіе козаки“, наслушавшись въ Уѣлоруссіи воплей мѣщанъ и поповъ на уніятскіе захваты и прижимки, распустили по городамъ и селамъ слухъ, будто бы Ляхи приняли съ цѣлью вырѣзать всю Русь вплоть до московской границы и заселить Украину польскимъ да нѣмецкимъ народомъ.

Къ этому присоединилась обычная тревога поповъ и чернецовъ, которымъ вѣчно грезилось, что всѣ безъ исключенія Ляхи о томъ только и думаютъ, какъ бы на мѣсто православія ввести „вѣру римскую“. Пугая чернорабочую массу, козаки пугали вмѣстѣ съ тѣмъ и ея почти столь же невѣжественное духовенство. Въ Кіевѣ по базарамъ ходили ложные слухи о томъ, что дѣлается въ панскихъ селахъ, а въ панскихъ селахъ рассказывали, будто бы Кіевъ сдѣлается векорѣ другимъ Витебскомъ. Въ простомъ народѣ и въ поповскихъ семьяхъ вѣрили, что жолперы сѣкутъ головы митрополитичьимъ служкамъ, и что одинъ жолперъ, булучи Русяномъ, предостерегъ митрополита о ляхскомъ замыслѣ вырѣзать сперва козаковъ, а потомъ поголовно и всю Русь.

Именемъ вѣры и личной безопасности козаки возбуждали сельскій народъ къ избіенію жолперовъ, сопровождая свои внушенія обычными попойками. Ихъ не по чести было съскивать, имъ нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта; но въ случаѣ удачи, они очутились бы

въ завидномъ положеніи пановъ жолнеровъ и мѣстныхъ шляхтичей.

Злоумышленная агитація шла изъ Запорожья, въ которомъ вѣчно гнѣздились ненавистники украинскихъ порядковъ, и для котораго спокойное состояніе роднаго края было томительно, какъ для всякой эмиграціи. Затѣвая повтореніе усобицы, разыгранной столь неудачно въ 1625 году, проповѣдники козацкой вольницы старались втянуть осѣдлыхъ жителей въ свое разбойное дѣло и рядомъ съ бунчуками козацкими выставить знамя церкви.

Элементъ религіи поддерживался въ козацкихъ мтежахъ, безъ сомнѣнія, не такими людьми, какъ составители „Совѣтованія о Благочестіи“. Тѣ, въ борьбѣ съ унией, выразительно возлагали надежду на устраненіе всякой мстительности и на святое мученичество за свои православныя убѣжденія. Кіевскія убійства 1625 года можно всего скорѣе приписать внушеніямъ пановъ, которыхъ крайняя бѣдность и пасилія со стороны униатовъ заставили перемѣнить рясу на козацкій кожухъ-кажанокъ. Но въ 1630 году обнаружилось и внѣшнее подучиванье козаковъ на кровавую расправу съ ихъ противниками во имя вѣры и церкви.

Вскорѣ послѣ побоища въ Медвѣжьихъ Лозахъ, Густавъ Адольфъ прислалъ въ Бѣлую Русь и къ запорожскимъ козакамъ состоявшаго у него на службѣ Москвича, Рубца, въ качествѣ великаго посла, для какихъ-то „добрыхъ дѣлъ своихъ“. Этотъ великій посолъ просилъ у московскаго царя провожатыхъ, и подговаривалъ его къ отмщенію польскимъ людямъ за великую неправду, которую они учинили Царской землѣ и царскимъ подданнымъ. Рубцу отвѣчали тогда въ Москвѣ, что время мести еще не настало; но въ архивныхъ бумагахъ 1630 года сохранился слѣдъ совмѣстнаго возбужденія козаковъ противъ польскаго правительства со стороны шведскихъ и московскихъ людей. Утраченная переписка Посольскаго Приказа по этому предмету оставила его въ тѣни. Но къмъ бы ни были возбуждены сами запорожцы извпѣ, они своими розказнями о задуманномъ Ляхами ломаньѣ вѣры въ Малороссіи довели дѣло до того, что нѣсколько хоругвей, захваченныхъ врасплохъ, было перебито.

Слухъ объ этомъ не замедилъ дойти до коронаго гетмана, и онъ тотчасъ послалъ въ Украину коронаго стражника, Самуила Лаца Тучанскаго, съ его дружиною.

Этотъ сановникъ былъ тотъ же козакъ, но козакъ съ папской стороны, или съ изнанки, наѣздникъ-аристократъ, терпимый одними потому, что не было никакихъ средствъ оставить его безчинства, и

покровительствуемый другими потому, что онъ защищалъ ихъ имѣнія отъ людей, еще болѣе вредныхъ. Къ числу покровителей напа Лаца принадлежалъ и самъ коронный гетманъ, Стапиславъ Конецпольскій. Мѣстные городскіе книги и суды давно были полны жалобами на вторженія самого Лаца и его дикой дружины въ панскіе дома, на грабежъ панскихъ имѣній и па разбои по большимъ дорогамъ. Нѣсколько разъ уже сеймовыя собранія присудили его къ изгнанію и лишенію чести, то-есть объявили *банитомъ* и *пифамисомъ*. Но въ гошитвѣ за Татарами и въ усмиреніи козацкихъ бунтовъ онъ былъ незаменимъ, и Конецпольскій охранялъ его отъ исполнительной власти обычными въ панской республикѣ военными *жюментами*. Лаца, съ его домашнимъ ополченіемъ можно было послать въ самый отчаянный „подъѣздъ“ и въ самую гибельную свалку скорѣе, нежели всякаго другаго. Рискованныя предпріятія были отрадою этого рыцаря шляхетской украины, преслѣдуемаго законами и угрожаемаго мщеніемъ за оскорбленіе не однихъ мелкихъ и великихъ панскихъ домовъ. Ему не доставало только случая, чтобъ изъ украинской шляхетчины перейти въ украинскую козачину, и разыграть въ ней роль папа Косинскаго. Этимъ больше, нежели чѣмъ-либо другимъ, надобно объяснять поблажку, которую давалъ ему коронный гетманъ вмѣстѣ съ той партіей, которая поддерживала его самого въ панской республикѣ.

Козаки знали Лаца хорошо, и столько же его боялись, сколько ненавидѣли, а ненавидѣли его тѣмъ болѣе, что онъ съ гайдацкимъ своимъ характеромъ соединялъ католическую набожность: въ послѣдніе дни масляницы занимался онъ въ монастырѣ и предавался дисциплинарному покаянію въ старыхъ грѣхахъ, чтобы смѣло дѣлать новыя. Слухъ о его походѣ въ Украину встревожилъ заговорщиковъ, и они, для умноженія числа отчаянныхъ людей, сочинили легенду, будто бы Лацъ, прійдя въ мѣстечко Лысянку на самый Великдень, вырѣзалъ всѣхъ его жителей до поги, мужей, женъ и дѣтей, собравшихся въ церкви, — даже и самого священника вмѣстѣ съ прихожанами. Наши ученые историки принимаютъ этотъ грубый вымыселъ за несомнѣнный фактъ, и тѣмъ самымъ показываютъ намъ, какъ было естественно со стороны безграмотныхъ людей опаго темпаго времени вѣрить козацкимъ вѣстямъ.

Масса бунтовщиковъ увеличилась быстро. Но то были одни выписчики. Реестровые козаки, освобожденные, тому назадъ пять лѣтъ, отъ террора голоты, предводимой Жмайломъ, не хотѣли очутиться снова подъ громами артиллеріи Конецпольскаго.

По смерти Дорошенка, старшимъ надъ ними былъ поставленъ

Григорій Саввичъ Чорный. Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не позволялъ имъ шираться на морѣ, отвергалъ посулы и услуги добычниковъ, желавшихъ пользоваться правами реестровиковъ, и строго наказывалъ тѣхъ, которые участвовали въ морскихъ набѣгахъ.

Но успѣвъ склонить Чорнаго на свою сторону, заговорщики выставили противъ него новаго Жмайла, носившаго имя Тараса Ѳедоръвича. Этотъ „озвался гетманомъ“ за Порогами по примѣру предшествовавшаго ему избранника голоты, и привлекалъ къ себѣ гультаевъ изъ всей Украины. Гультаи вооружились, какъ могли, на счетъ побитыхъ жолнеровъ да ограбленныхъ земляковъ, и направлялись въ недоступныя для правосудія мѣста, грозя расправиться съ реестровиками, какъ съ измѣнниками. Напрасно Чорный посылалъ за Пороги утѣнительныя универсалы. Запорожская голота, съ своей стороны, распространяла универсалы Тараса Ѳедоръвича по Украинѣ, доказывая въ нихъ колеблющимся между двухъ предводителей, что у кого въ рукахъ армата, при томъ остается и войсковая власть. Этотъ аргументъ дѣйствовалъ на козацкую логику сильно, и тѣ изъ реестровиковъ, которыхъ не по чести было сыскивать, перебѣгали цѣлыми кунями къ избранному демагогами гетману.

Весной 1630 года Конецпольскій пришелъ въ Украину слѣдомъ за Ланцемъ. Онъ уже не засталъ Чорнаго въ живыхъ: запорожцы погубили его обманомъ. Въ отвѣтъ на утѣщенія преданныхъ правительству козаковъ, пизовые бунтовщики обѣщали наконецъ покориться, но только тогда, когда въ Украину придетъ изъ Запорожья армата. Чорный повѣрилъ имъ, не припаялъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ, былъ схваченъ и казненъ варварскимъ способомъ: ему отрубили сперва руки, а потомъ голову.

Терроръ обладателей войсковой арматы повліялъ окончательно на вѣрныхъ правительству козаковъ. Только третья часть ихъ, въ числѣ двухъ тысячъ, дождалась Конецпольскаго. Коронный гетманъ применилъ эти двѣ тысячи къ своему войску, и занялся умиротвореніемъ края, взволнованнаго *выписанными запорожскими козаками* какъ называли ихъ современныя Великоруссы, или *выписчиками*, какъ называли ихъ Поляки.

Подъ вліяніемъ лѣтописныхъ вымысловъ, козаконанскую усобицу 1630 года у насъ обыкновенно представляютъ религіозною борьбою, въ которой козаки играли роль защитниковъ православія. Но Конецпольскій и его ротмистры-католики охраняли отъ козацкаго буйства даже такіе монастыри, какъ Печерскій. Украинскія лѣтописи, съ го-

лоса запорожскихъ интригановъ, повѣствуютъ, а наши историки вторятъ имъ, будто бы и старшій сынъ Юза Борецкаго, Стефанъ, въ званіи согника взбунтовавшихся козаковъ, палъ въ битвѣ съ войскомъ Концнопольскаго, тогда какъ онъ благополучно состоялъ въ домашнемъ почтѣ князя Радивила, а самъ Ювъ Борецкій такъ былъ далекъ отъ участія въ козацкомъ бунтѣ, что, по его усмиреніи, московскіе вѣстовщики видали его среди козацкой антиреволюціонной рады въ качествѣ просителя милостыни на церковное строеніе.

Концнопольскій прогналъ козаковъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, заперъ въ Переяславѣ и, послѣ трехнедѣльной блокады, принудилъ покориться на Куруковскихъ пунктахъ. Странное пристрастіе къ одной воюющей сторонѣ и еще болѣе страшная непріязнь къ другой, при воиющемъ у насъ отсутствіи исторической критики, завели нашихъ историковъ такъ далеко, что они представляютъ Концнопольскаго побѣжденнымъ въ „Переяславской войнѣ“. По въ „Нактахъ съ Запорожскими Козаками“ корошній гетманъ обращаетъ къ своимъ побѣдителямъ такое слово:

„Глубоко оскорбленъ маестатъ его королевской милости, нашего милостиваго государя, Запорожскимъ Войскомъ, которое Тарасъ вывелъ на власти. Великое преступленіе совершили козаки тѣмъ, что Чорнаго Грицка Савича, поставленнаго надъ ними отъ его королевской милости старшимъ, не только за такового не признали, но, набѣжавъ на него неожиданно и поймавъ, жестокосердо замучили. Не простительно виновны они въ томъ, что въ прошломъ году, втогнувшись въ Черное море, надѣлали много вреда въ турецкихъ владѣніяхъ. Еще преступнѣе поступили они, когда однихъ принудили насиліемъ, а другихъ мнимымъ ломаньемъ вѣры, въ которой никому не сдѣлано никакой кривды, подвели къ нападению на королевскія хоругви, стоявшія по квартирамъ.

„Но, такъ какъ, признавъ себя виновными, они столько разъ и письменно, и чрезъ пословъ униженно просили насъ о пощадѣ; имѣя, кромѣ того, въ виду, что немалая часть Запорожскаго Войска пребыла непоколебимо въ своей вѣрности и послушаніи при королевскомъ войскѣ, и не желая, чтобы погибли запорожскіе козаки, оказавшіе такъ много услугъ королю и Рѣчи Посполитой и покрывшіе себя славою,—отпускаю нынѣ всѣмъ имъ вѣпу ихъ, по подѣ слѣдующимъ условіемъ.

„Хотя всѣ они называютъ себя виновными, и всѣ просятъ помилованія за произведенное кровопролитіе, считая заслуженнымъ наказаніемъ понесенныя ими утраты; по Тарасъ Федордовичъ, будучи ихъ

предводителемъ, оказывается виновнѣе всѣхъ: ибо, по его внушенію и отъ его имени, начали твориться всѣ эти злодѣйства. Поэтому, не отрицая его виновности, Запорожское Войско нитаетъ надежду на милосердіе его королевской милости, что, отпустивъ козакамъ чрезъ меня вину, нашъ милостивый государь проститъ и того, который долженъ былъ исполнять то, чего желало все войско, и просило меня оставить его подъ войсковымъ секвестромъ до дальнѣйшаго объявленія королевской воли. На что я, по горячей просьбѣ обѣихъ частей Запорожскаго Войска, согласился, съ тѣмъ чтобъ онѣ обязались немедленно исполнить рѣшеніе его королевской милости, лишь только оно воспо- слѣдусть.

„Постановленія Куруковской комиссіи должны остаться неизмѣнными во всѣхъ пунктахъ своихъ. Запорожскіе козаки обязались тѣмъ, которые теперь, не взирая на запрещеніе его королевской милости и волю старшихъ, пошли на море, строго наказать, предводителей похода выдать и челны сжечь. Обязались также отдавать всякое уваженіе тѣмъ, которые остались вѣрны своему долгу, сражались выѣтъ съ войскомъ его королевской милости, такъ какъ ради ихъ заслугъ оказано помилованіе и прочимъ“ *).

Покоренные панскимъ оружіемъ козаки снова принесли, какъ и пять лѣтъ назадъ, торжественную присягу на вѣрность королю и республикѣ. Послѣ присяги вписаны были въ шеститысячный реестръ заслуженные козаки, которыхъ исключили было изъ него за ихъ вины. Войско Запорожское взялось наблюсти, чтобы всѣ выписчики разошлись по своимъ домамъ. Старшимъ козацкимъ коронный гетманъ приказалъ быть Тимошу Михайловичу (козаки называли его Тимошемъ Орендою, или Арендаренкомъ), какъ человѣку, по словамъ документа, доказавшему свою вѣрность, мужество и опытность въ рыцарскихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой. Этотъ старшій произнесъ отдѣльную присягу, которою обязывался воспрещать хожденіе на Запорожье козакамъ, не состоящимъ на королевской службѣ, не сзывать въ кумы ни охотниковъ, ни выписчиковъ, напротивъ карать всѣхъ, кто бы отважился это дѣлать. Вслѣдъ за своимъ старшимъ, войско присягнуло сжечь всѣ морскіе челны, и тѣхъ, которые не состояли на королевской службѣ, не принимать къ себѣ ни на Запорожьѣ, ни на Украинѣ.

*) Достойно замѣчанія, что авторъ „Богдана Хмельницкаго“, въ 4-мъ изданіи этой книги, игнорируетъ „Пакты съ Запорожскими Козаками“, обнародованные мною въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, и что козаки остаются у него попрежнему побѣдителями Концессіонскаго.

Такъ было уничтожено польскорусскою республикою четвертое посягательство добычниковъ на овладѣніе продуктами чужаго труда.

Не можетъ быть, чтобы защитнику ся домовитыхъ и промышленныхъ классовъ не было извѣстно, что козацкій мятежь поддерживался отчасти и православнымъ духовенствомъ.

Дошедшая до насъ „Львовская Лѣтопись“, писанная однимъ изъ современныхъ священниковъ, свидѣтельствуеъ, что тогдашнее духовенство наше имѣло превратное понятіе о характерѣ государственныхъ дѣятелей съ одной стороны и козацкихъ демагоговъ съ другой. Въ ней, наиримѣръ, говорится, будто бы коронное войско, на походѣ въ Украину, избивало всѣхъ Малоруссовъ безъ разбора, единственно за то, что они — Русь; будто бы Конецпольскій прибылъ въ Украину съ великимъ гнѣвомъ на козаковъ и на всѣхъ Малоруссовъ; будто бы доминиканцы освятили ему мечъ на искорененіе Руси, и будто бы онъ выпросилъ у козаковъ миръ, подъ условіемъ, чтобы козаковъ было хоть сто тысячъ.

Эти и другія сказки, повторяемыя донинѣ, какъ достовѣрные факты, въ свое время должны были сильно дѣйствовать на образованіе мнѣній въ малорусскомъ цесѣжественномъ обществѣ. Ихъ, безъ сомнѣнія, фабриковали не одни козаки, но и приходскіе попы заодно съ монахами.

О подучиваніи козаковъ противъ шляхты со стороны поповъ и монаховъ сохранились извѣстія въ перепискѣ весьма почтенныхъ представителей землевладѣльческаго класса въ Малороссіи, и козацкія петиціи на сеймъ, сочиняемыя духовными лицами, если не протестантами, козацкія посольства въ Москву, направляемыя и даже сопровождаемыя духовными людьми, говорятъ намъ, что эти извѣстія заключаютъ въ себѣ добрую долю правды. Но въ современныхъ письменахъ не сохранилось, даже и въ видѣ клеветы, свидѣтельство, чтобы Конецпольскій, въ качествѣ умирителя козацкаго бунта, принималъ карательныя мѣры противъ православнаго духовенства. Напротивъ, по сказанію того же львовскаго лѣтописца, при особѣ короннаго гетмана находилось пять православныхъ священниковъ, очевидно, для успокоенія умовъ на счетъ его прибытія въ Украину *). Далѣе львовскій лѣтописецъ представляетъ Конецпольскаго явнымъ противникомъ церковной униіи (какимъ былъ и его современникъ Левъ Солига). По дошедшему

*) Есть основаніе думать, что эти пять священниковъ придалъ Конецпольскому Петръ Могила, бывшій архимандритомъ Печерской Лавры.

до него слуху, корошій гетманъ, осматривая кровавое поле битвы, говорилъ со слезами: „Вотъ она унія: лежить Русь вмѣстѣ съ Поляками“!

Козаки были такъ рѣшительно направлены духовенствомъ къ исканію московскаго подданства, что, по заключеніи Переяславскихъ пактовъ, сдѣлали новую попытку перейти подъ высокую царскую руку. Но Москва въ то время не довела еще своихъ донцовъ до присяги на подданство царю: ей было бы не по силамъ перерабатывать разомъ двѣ вольницы въ полезныя для государства орудія, и она отклонила искательство днѣпровцевъ, какъ и въ 1625 году. Будь она такъ осторожна и самоувѣренна, какъ Польша, разбойный элементъ, выработанный свирѣпымъ деспотизмомъ Грознаго съ одной стороны и феодальными порядками Польши съ другой, воспреобладалъ бы въ ней надъ элементомъ государственно-хозяйственнымъ, и навѣрное бунтъ Стеньки Разина сопровождался бы въ Царской Землѣ руиною, какую устроилъ въ Землѣ Королевской Богданъ Хмельницкій.

Глава VII.

Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенной по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.—Тяготѣніе малорусской массы къ Московскому Царству.— Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи.—Преобладаніе польской идеи въ эпоху возстановленія православной іерархіи.

Между тѣмъ какъ происходили новыя ссылки козаковъ съ московскимъ правительствомъ, весною 1631 года скончался Іовъ Борецкій. Съ Борецкимъ прекращается политическая дѣятельность убогихъ, но дерзновенныхъ иноковъ, отважившихся подражать первымъ апостоламъ христіанства, которые своей готовностью умереть за вѣру обезоруживали классическихъ преслѣдователей своихъ.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки нашей церковной политики, но эти загнанные ушіятами и отвергнутые православными папами люди разграпичили у насъ рѣзко „древнее русское благочестіе“ и съ панствомъ и съ протестантствомъ. Они выработали истинно-христіанскую программу дѣйствій, до какой никогда не возвышался Намѣстникъ Христа, принизившій божественное къ человѣческому,— не возвышались и нѣмецкіе реформаторы церкви, низведшіе высокіе идеалы Евангелія къ уровню добродѣтелей посредственныхъ.

Родъ этихъ смиренныхъ, „по великихъ людей восходить, можно сказать, къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси. Не тѣ изъ нашихъ предковъ, которые подражали Византійцамъ въ созиданіи храмовъ, и не тѣ, которыхъ имена прославились защитой нашихъ городовъ отъ кочевыхъ язычниковъ, завѣщали намъ стойкость въ чувствѣ нашей народности, основою котораго сдѣлалось православіе. Варягорусскій міръ сознавалъ весьма грубо внушенную ему духовными его вождями задачу—„побороть за христіанъ на поганые полки“. Въ числѣ этихъ вождей находились люди, которыхъ идеалъ былъ выше воинственной борьбы съ иновѣрцами. Чуждаясь радостей, достигнутыхъ торжествомъ надъ „погаными“, они скрывались отъ своихъ буйныхъ почитателей въ

ископанныхъ собственными руками нещерахъ, и всю жизнь упражнялись въ христіанской кротости, которой больше, нежели чего-либо другаго, недоставало въ быту варягорусскаго воина. Безсознательно восполняли они своимъ подвижничествомъ русскую жизнь, слишкомъ пизмепную и матеріальную при всей своей свѣжести, которою дышетъ дошедшій до насъ обломокъ ея эпоса. Они, въ эпоху юности русскаго общества, были то самое, что нынѣ составляютъ въ немъ проповѣдники высшихъ идеаловъ жизни—люди науки и литературы. Они были религиозно-философскимъ проявленіемъ народнаго духа, и представляли въ себѣ зачатки будущаго его развитія.

Когда кипучіе Игори, Всеволоды, Олеги погибли одинъ за другимъ вмѣстѣ съ храбрыми дружинами своими, какъ воины, несостоятельные граждански въ борьбѣ за христіанъ,—беззащитныя нещеры отшельниковъ уцѣлѣли надъ рѣкой Славутомъ какъ бы чудомъ, и сохранили въ новомъ, разноплеменномъ обществѣ петропутьмъ и нерушимымъ лучшее, что выработала ваша старина. По волна за волной набѣгала съ Запада на русскую развалину, и заносила нашу родную почву соромъ жизни чуждой.

Только обычный сборъ медовой дани на Печерскій монастырь соединялъ между собой далеко разбросанныя остатки былаго стропія Русн. Только этимъ чисто-экономическимъ способомъ узнавала погруженная въ невѣжество масса, гдѣ находится среда земли ея.

Добродѣтели нещерныхъ подвижниковъ совершались безмолвно и, по христіанскому смиренію, скрывались даже отъ братіи; и пороки и преступленія покупателей хлѣбовъ духовныхъ были между тѣмъ на виду у всѣхъ мірянъ, и наполняли города позорными сценами.

Самому непредубѣжденному историкъ можетъ казаться иногда, что малорусская церковь не поддерживала мѣстной народности въ ея упадкѣ; что наше бѣлое духовенство принизилось къ самой землѣ подъ управленіемъ безчествующей іерархіи, а наши черноризцы законались въ общепительскихъ интересахъ своихъ, и равнодушно предоставили міру взынуть въ глубокихъ колеяхъ его безпутства.

Но въ то время, когда нравственная немощь вельможъ, умышленная потьма приходскихъ поповъ и подстрекаемое протестантами стремленіе церковныхъ братствъ къ религиозной гегемоніи вели малорусскую народность къ самоуничтоженію, въ то самое время наше монашество, подъ покровомъ аскетическаго отреченія ко всему мірскому, хранило въ своей отособленной средѣ непоколебимыхъ инкапковъ пришлыми ученіями представителей русскаго элемента, и несримо для міра поддерживали нашу древнерусскую народность въ новомъ

русскомъ обществѣ. Между тѣмъ какъ на исторической сценѣ этого общества появлялись религіозные борцы, руководимые съ одной стороны латинцами, съ другой—протестантами, съ третьей—подавленными Турціей Греками, за его сценой едва слышны были голоса людей, не пуждавшихся для своей дѣятельности ни въ покровительствѣ, ни въ милостяхъ такихъ вельможъ, какъ Василій Острожскій и Радивилъ Перунъ. Это были именно тѣ люди, которые не довѣряли просвѣщенію, приходившему къ намъ съ Запада, и въ отособленной средѣ своей разрабатывали науку восточнаго исповѣданія вѣры, науку „истиннаго благочестія“.

Лучшею школою духовнаго здравомыслія почитали они Афонъ, гдѣ преданія и обычаи древняго христіанства хранились въ строгой неизмѣнности. Съ этой горы паменованной Святою и, при псевдѣствѣ Грековъ XVI вѣка, составлявшей единственное убѣжище восточнаго просвѣщенія, съ этой знаменитой горы по переставали приходять къ намъ люди, вооруженные глубокимъ разумѣніемъ тѣхъ пунктовъ православной вѣры, которые, по словамъ „Совѣтованія о Благочестіи“, были облиты кровью. При самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, они продолжали дѣло основателей Печерскаго монастыря, и, такъ сказать, поддерживали на маякѣ огонь, когда весь Малорусскій край былъ объятъ бурей и мракомъ. Не знаемые ни міромъ, ни его бытописаніемъ, они тѣмъ не менѣе имѣли многихъ послѣдователей своего богомыслія, и въ общепіи съ нами хранили цѣлость восточной церкви въ нашей землѣ, наполненной иновѣрными пришельцами.

Въ эпоху церковной неурядицы, когда между православными и протестантами происходили конфедераціи и съѣзды, когда между хранителями и отрицателями древнихъ церковныхъ преданій заключались письменные договоры о взаимной оборонѣ отъ папистовъ, и когда вмѣстѣ вельможныхъ руководителей православнаго движенія были въ устахъ у каждаго гонимаго или тѣснимаго за стойкость въ древнемъ русскомъ благочестіи,—существовало въ Малороссіи цѣлое общество людей, которые на панскія конфедераціи и съѣзды смотрѣли, какъ на дѣла еретическія; для которыхъ искать у протестантовъ обороны отъ папистовъ значило спастись отъ одного печистаго духа посредствомъ другаго, и которые мнимыхъ протекторовъ православія давно уже считали людьми еретиченными.

Во главѣ этого общества стояли тихіе, молчаливые иноки, которыхъ Афонъ живымъ примѣромъ своихъ подвижниковъ воспитывалъ помимо науки, скверцавшей христіанство сквозь медіумъ образованности языческой. Иноки эти выдѣлялись изъ того же шляхетнаго

класса, который волею и неволею поддерживалъ у насъ польское можновладство, но отличался отъ своихъ собратій тѣмъ, что не шли въ панскіе осадчіе, не дѣлались вельможескими крестурами въ качествѣ искателей дигнитарскаго хлѣба, не „домогоресговали“, въ духовномъ бездѣйствіи, на родовыхъ участкахъ земли, отдавъ себя подъ щитъ одного или другаго папа, и даже не вдавались въ военное ремесло, которое въ тѣ времена было самымъ почетнымъ, но его крайней необходимости, самымъ свободнымъ, по невозможности его регулировать, и самымъ грубымъ, по отчужденію отъ сферъ семейной и общественной дѣятельности. Они удалялись въ монастырь—или потому, что сознавали свою неспособность къ практической предпріимчивости, или потому, что, будучи одарены характерами крутыми, отрицали все, что не было согласно съ преданіями русской церкви и старины. Целѣустройство въ утонченности общественнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ области академической науки, было естественнымъ ихъ достоинствомъ. Борьба съ нуждой и горемъ, котораго было много и внутри монастырскихъ стѣнъ, не всегда развивала лучшія стороны ихъ природы. Но они стояли къ чернорабочей массѣ ближе тѣхъ, чѣмъ ею правили. Они внушали ей довѣріе своей неприкосновенностью къ выгодамъ правленія. Они знали простой народъ во всѣхъ его слояхъ, и умѣли покорять дикій духъ украинскаго ремесленника и украинскаго хлѣборода короткимъ внушеніямъ вѣры.

Была у этихъ проповѣдниковъ публика и за чертой чернорабочей массы. Ихъ слушались во многомъ, если не во всемъ, „славенные мѣщане“, которые соответствовали нынѣшнимъ почетнымъ гражданамъ, а съ ними и богатые купцы. Ихъ вліяніе простиралось и на тѣ шляхетскіе дома, которые оставались внѣ широкаго круга власти магнатовъ. Объ одномъ изъ такихъ домовъ даетъ намъ понятіе „Боркулабовская Хропка“, изображающая зажиточную и даже знатную захолустную шляхту въ тѣсной связи съ просвѣщеннымъ домашнимъ средствами приходскимъ духовенствомъ и въ то же время съ монахами, которые являются среди мірянъ въ качествѣ энергическихъ исправителей общественной правдивости.

Но сами они, эти круги, неуживчивые характеры, эти суровые противники всего иновернаго, иноплеменинаго, иноземнаго, все-таки сознавали невозможность выдержать, въ своихъ иноческихъ обществѣхъ, развѣдающее дѣйствіе польско-ѣмецкаго новаторства и, спасаясь отъ его „сатанинскаго обаянія“, удалялись даже изъ Печерскаго монастыря на Аюль, „яко въ духовную школу“. Тамъ проживали они по многу лѣтъ, утверждаясь въ несомнѣнности православія, и дѣ-

латись наконецъ образцами христіанскаго здравомыслія. Объ нихъ-то, объ этихъ строгихъ аскетяхъ, по близкимъ и далекимъ обителямъ, шла усладительная для добрыхъ иноковъ молва, какъ о „преподобныхъ мужахъ Россіахъ, житіемъ и богословіемъ цвѣтущихъ“. Ихъ словесныя и письменныя наставленія дѣйствовали тѣмъ шире, тѣмъ больше были сосредоточены въ богомыслии пламенный духъ ихъ. Они являлись достойными подражателями тѣхъ малосвѣдущихъ въ академической наукѣ неслателыхъ Божія царства и Божіей правды, которыхъ здоровый умъ, въ полномъ согласіи съ непорочною совѣстью, восторжествовалъ надъ „премудрыми и разумными“ грекоримскаго міра.

Одинъ изъ такихъ преподобныхъ мужей Россіи, упомянутый въ „Совѣщаніи о Благочестіи“, Іоаннъ Вишенскій, долженъ былъ имѣть особенно сильное вліяніе на соотечественниковъ, судя по самородному краснорѣчію его посланій, приносимыхъ въ малорусскіе монастыри игуменами аоонской школы, а равно и потому, что эти посланія сохранились въ рукописяхъ до нашего времени, не смотря на превратности человѣческихъ мнѣній и судебъ. Появиться имъ въ тогдашней печатной полемикѣ, заправляемой протестантами, было невозможно, такъ какъ Іоаннъ Вишенскій, со всею рѣзкостью врожденнаго ему сарказма и грозой духовнаго обличенія, возсталъ противъ сближенія съ образованными по иноземному папамъ, которое привело въ нашу Южную Русь лагвинскую, и вслѣдъ за нею и протестантскую проповѣдь. Для приданія большей цѣны ходившей по рукамъ рукописи, одно изъ аоонскихъ посланій было даже адресовано (вѣроятно, переписчикомъ) въ начальнику православія, князю Острожскому. По понасть подъ типографскій станокъ его двора могло оно всего менѣе, потому что именно въ этомъ посланіи говорится, что „иыгъ русскіе князья *всѣ* осерегичились между Ляхами, и отступили отъ христіанства, отъ истинной вѣры“.

Не входя здѣсь въ обзоръ вдохновенныхъ воззваній аоонскаго аскета, скажемъ, что его изображеніе мірской и монашеской жизни объясняетъ намъ больше, нежели всѣ другіе документы, какимъ образомъ невѣроятная русская партія, примкнувшая къ монастырямъ, устояла въ своихъ православныхъ возрѣніяхъ противъ просвѣщенной западною наукою партіи, которая опиралась на православныхъ Острожскихъ и протестантовъ Радивиловъ.

Борьба между ними шла втихомолку: ибо малоученые, убогіе и въ быту своемъ мужиковатые иноки не имѣли возможности ни препираться съ образованными въ панскихъ кругахъ богословами, ни писать противъ нихъ доказательно, какъ писалъ противъ панистовъ

тайнствешный авторъ „Анокрисиса“, ни даже печатать написанное. Но еслибъ эта борьба со стороны людей малосвѣдущихъ велась въ тѣсномъ пространствѣ и не охватывала круга, описываемаго радіусомъ инокскаго скитанія за сборомъ медовой дани и за милостынею на церковное строеніе, — дѣло малорусскаго православія было бы проиграно.

Аоонъ постоянно поддерживалъ Печерскую обитель въ строгомъ храниніи унаслѣдованной отъ временъ апостольскихъ вѣры, и постоянно снабжалъ ея братію своими питомцами, подобными Іоанну Вишескому, который повергнулъ въ сретикъ вѣхъ русскихъ князей задолго до формальнаго ихъ отступничества. Даже въ тѣ времена упадка церкви и народнои правевенности, когда иповѣрная власть, не стѣсняемая вельможными православниками, вводила въ обитель пренедобнаго Осодосія архимандритовъ Вассіановъ, эта обитель заключила въ своихъ стѣнахъ такихъ инокъ, которые своими тихими добродѣтелями продолжали дѣйствовать на современный русскій міръ такъ вліятельно, какъ дѣйствовали Аптоній и Осодосій Печерскіе на древній. Они-то, эти молчаливники, эти покорные всякимъ властямъ затворники, эти безоружные борцы за православную церковь, противопоставляя всякому насилію одну готовность терпѣть лишенія, истязанія и самую смерть, царили у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ побѣдительно, и правили народными симпатіями могущественно.

Когда „свягопамятный“ князь Острожскій отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ-либо фундашемъ инокнаго церковнаго братства, инокнаго училища, инокной типографіи, ни даже какого-нибудь нештатнаго ревнителя народнаго просвѣщенія, — изъ Печерскаго монастыря вышелъ убогій инокъ Исаія Коинскій, или Купинскій, въ видѣ попрошайки, и замѣнилъ широкопомѣтнаго магната въ поддержкѣ малорусскаго церкви съ неизмѣримымъ превосходствомъ.

Коинскій вовсе не готовился къ общественной дѣятельности. По характеру и по монастырскому воспитанію своему, онъ былъ аскетъ; а представители нашего Малорусскаго племени, способные къ аскетизму, не имѣли иной задачи своего подвижничества, кромѣ внутренняго, молчаливаго самоудовлетворенія красотой христіанской любви, основанной на самоотреченіи въ пользу ближняго. Они жаждали одного блага въ жизни, — чтобы сдѣлаться пренедобными по примѣру тѣхъ двухъ подвижниковъ, которыхъ наша церковь помнитъ въ заключеніе каждаго богослуженія.

Что Исаія Коинскій этого достигнуть во мнѣніи спасающейсѣя братіи, свидѣтельствуетъ намъ слѣдующее характеристическое пазва-

ніе, данное почитателями его духовныхъ подвиговъ сочиненію, которое написалъ онъ въ руководство монашествующимъ: „Лѣтвица духовнаго въ Бозѣ житія христіанскаго, трудолюбіе составлена и въ Пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постническому Житію написана преподобнымъ Отцемъ нашимъ Исаіею Конинскимъ, иже поспичествова и Безмолвія путь проходя при пещерѣ Отца нашего Антонія иже въ Кіевѣ, послѣдн же бывша митрополитомъ того же богоспасаемаго града Кіева“.

Какъ много значилъ въ тѣ времена строгій монашескій аскетизмъ для жизни практической, показываетъ фактъ, что постника и молчальника Исаію вызвало для своего назиданія и руководства Богоявленское церковное братство, возникшее въ Кіевѣ по примѣру братства Львовскаго.

То было время исполненія католико - религіозныхъ чашій вавскаго легата Пизона, напрасно хлопотавшаго о привлеченіи на лоно римской церкви Константина Ивановича Острожскаго, отца князя Василія. Съ окончательнымъ переходомъ въ католичество возвеличеннаго литовскимъ гетманомъ дома, многія православныя фамиліи подѣлались католическими. Но нѣкоторые держались еще православія, и какъ будто находились подъ вліяніемъ грозной правды, высказанной Іоанномъ Вишенскимъ: „Когда бы не было между вами этихъ клобуконосцевъ, то давно бы вы уже погибли, давно бы утратили свои высокія мѣста, давно бы совершился надъ вами приговоръ: *„се оставляется вамъ домъ вашихъ нустъ“*“

Къ числу вѣрныхъ покамѣсть православію фамилій принадлежали паны Ложки въ Мозырскомъ повѣтѣ, надъ Припестью, князья Вишневецкіе, распространившіе свои владѣнія отъ Горыни до Сулы и Сейма. Исаія Конинскій пользовался въ отживающемъ свой вѣкъ поколѣній православнаго дворянства особеннымъ уваженіемъ за свою постническую и молчальническую жизнь. Онъ выпросилъ у пановъ Ложекъ привилегированное, то есть не подлежащее королевскому праву мѣсто въ Кіевѣ, близъ церкви Богоявленія, и основалъ на немъ, съ помощію церковнаго Братства, монастырь, извѣстный донынѣ подъ именемъ Братскаго, съ цѣлью доставить въ немъ приютъ убогому духовенству, выѣстѣ съ грекославянскимъ училищемъ для распространенія въ народѣ православнаго просвѣщенія.

Къ подобнымъ же пожертвованіямъ расположили онъ и домъ князей Вишневецкихъ. Юный наслѣдникъ этого дома, знаменитый въ послѣдствіи отступникъ православія, князь Іеремія, находился уже, какъ это случилось со многими княжичами и паничами, въ рукахъ

тѣхъ просвѣтителей польскорусской республики, которые, не трогая даже вѣры, претворяли русскій элементъ въ польскій и православное возрѣпіе въ католическое. Но зато его мать, княгиня Райца, хваталась обѣими руками за людей, которые одни были способны предохранить великихъ малорусскихъ пановъ отъ неполненія надъ ними угрозы Іоанна Вишненскаго. Она дала Исаіи Копинскому все средства возстановить древній Густыпскій монастырь, близъ Прилукъ, обезпечить устроенный имъ подъ Лубнами монастырь Мгарскій и основать Ладинскій, недалеко отъ Густыпскаго.

Путешествіе патріарха Ософана въ Кіевъ черезъ Густыню заставляетъ насъ вспомнить, что Густыпскій монастырь служилъ для Москвы искони передаточнымъ пунктомъ ея политики относительно Польши, Молдавіи и Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе и на то обстоятельство, что Исаія Копинскій былъ посвященъ Ософаномъ въ архіереи первый.

Какъ будто изъ смиренія уступилъ Исаія санъ митрополита посвященному вслѣдъ за нимъ Іову Борецкому, будучи уже извѣстенъ въ Кіевѣ и своимъ житіемъ, и богословіемъ, и церковностроительными подвигами. Имя епископа перемышльскаго принадлежало ему только титулярно. Опъ поселился въ Ладинскомъ скитѣ съ однимъ только послушникомъ, ископалъ вмѣстѣ съ нимъ собственноручно пещеру и собственноручно же построилъ кельи для превращенія скита въ женскій монастырь, который существуетъ и нынѣ.

Но видно, что эта энергическая, пламенная духомъ натура не чужда была тѣхъ недостатковъ, которые неразлучны съ пустынножительствомъ и удаленіемъ отъ разнообразной сцены человѣческихъ дѣлъ. Сохранилось извѣстіе, что, будучи призванъ игуменствовать въ Межигорскій монастырь, Исаія Копинскій не поладилъ съ братіею, избралъ изъ нея двѣнадцать человѣкъ такихъ аскетовъ, какимъ былъ самъ, и перевелъ въ свою пустынную Густыню. Тамъ опять не поладилъ онъ за что-то и съ Іовомъ Борецкимъ,—можетъ быть, за его общительность, за его сношенія съ иновѣрцами. Самая просьба его къ московскому царю заставляетъ предполагать, что молчаливикъ Исаія питалъ въ душѣ какія-то мрачныя мысли. Въ одно время онъ рассылалъ по нашей Руси предостерегательное посланіе, въ которомъ заподозривалъ Борецкаго и другихъ архіереевъ въ расположенности къ униі. Но причины разлада, предосудительнаго въ нѣкоторомъ смыслѣ для обоихъ подвижниковъ, надобно искать не столько въ нихъ самихъ, сколько въ новомъ поворотѣ нашей церковной политики, подъ вліяніемъ польскорусскаго панства.

Мы уже знаемъ, что въ высшемъ обществѣ, созданномъ на русской почвѣ нпоземною образованностію, не сочувствовали возстановленію православной митрополіи въ виду іерархіи уніятской. Реакція дѣлу, справедливому исторически, по смущающему польскорусскую государственность, выражалась въ началѣ только общимъ молчаніемъ, которымъ земскіе послы и вообще члены сейма покрывали нынѣ славныя, но тогда ничтожныя имена Борецкаго, Коппинскаго и другихъ православныхъ архіереевъ. Потому она выразилась такимъ же *coup d'état*, какимъ со стороны противодѣйствительнаго общества было посвященіе владыкъ и архимандритовъ на мѣсто признанныхъ законными.

Дѣло въ томъ, что этимъ самовольнымъ посвященіемъ у великихъ паповъ, окружавшихъ передовой нѣкогда у насъ на Руси домъ князей Острожскихъ, похищала ихъ наслѣдственное право патроната какая-то смѣшанная, иногда безпутная и часто дикая масса народа, тяготившая къ чужому государству. Эти великіе паны, въ поколѣніи, образовавшись по обнаруженіи церковной уніи, сдѣлались изъ православныхъ, а нѣкоторые даже изъ протестантовъ, католиками; по тѣмъ не менѣе именовали себя, какъ и прежніе отступники, *Русью*. Хотя престопагодная Русь, воспитываемая нашимъ духовенствомъ въ православіи, именovala *Ляхами* даже и тѣхъ польскорусскихъ паповъ, которые перешли въ католичество, и тѣхъ, которые измѣнили древнему русскому благочестію ради нововѣрія нѣмецкаго, но на это злобѣщее обстоятельство въ высшемъ обществѣ не обращалось вниманія. Аристократы католики и протестанты, заодно съ православною братіею своею, вознамѣрились принесть своему классу кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ нею „Царствующую Лавру“ по старинѣ. И государственная политика, и сословный антагонизмъ не позволяли имъ терпѣть, чтобы преемникомъ Борецкаго и Турова преемника, Плетенецкаго, сдѣлался демагогъ, сынъ темной толпы монаховъ, мѣщанъ, „нижней шляхты“ и мужиковъ, опирающейся на вооруженное вмѣшательство запорожскихъ дугарей въ церковныя дѣла.

Знаменитый домъ Замойскихъ, нѣкогда православный, теперь католическій, озаботился этимъ дѣломъ. Ему помогали окатоличенные Русины Потоцкіе, готовые окатоличиться литворусскіе князья Корыбуты Вишневецкіе, такіе же князья Радвиллы и многіе православные паны, отличавшіеся отъ Поляковъ только вѣрою, которую въ душѣ признавали полусересью, или „вѣрою хлонскою“, по съ которою не хотѣли, покаместъ, разставаться. Русскіе протестанты, терявшіе, со времени Скарги, одного знатнаго представителя своего за другими,

присоединились охотно къ этой церковно-соціальной лигѣ, и общими стараніями возвели въ санъ архимандрита Киевопечерской Лавры Петра Могилу, состоявшаго въ родствѣ съ Вишневецкими, Потоцкими, Корецкими, Радивилами и другими первенствующими польскорусскими домами.

Представитель молдавскаго или румынскаго дома Могиль, Іеремія Могила былъ одинъ изъ тѣхъ богачей, которымъ турецкій диванъ обыкновенно продавалъ господарскій престолъ, подъ которыхъ обыкновенно подкапывались въ султанскомъ сералѣ другіе денежные люди. Обезпечивая себя на всякій случай дружбою польскихъ пановъ, родъ Могиль всегда отличался особенною преданностью Польской Коронѣ. Іеремія Могила и его братъ Симеонъ, отецъ Петра Могилы, устроились въ русинской Польшѣ, какъ въ другомъ отечествѣ, купили себѣ значительныя имѣнія и, по ходатайству Яна Замойскаго, получили въ 1593 году *индигнатъ*, въ актѣ котораго сказано, что онъ даруется Могиламъ за особенную приверженность къ Полякамъ. Въ 1595 году Янъ Замойскій, въ качествѣ великаго короннаго гетмана и канцлера, посадилъ Іеремію на господарскомъ престолѣ въ Лессахъ, какъ польскаго вассала. Но господарилъ Іеремія недолго. Мѣсто его занялъ братъ его, Симеонъ. Но и тотъ былъ вытѣсненъ, истребленъ откушниками, какъ слѣдуетъ, по существу дѣла, назвать тогдашнихъ господарей обоихъ дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи. Могилы окончателно переселились въ Польшу, которая въ неурядицѣ превосходила Турцію, но все-таки представляла больше безопасности личной.

Современная переписка панскихъ пупціевъ съ Римскою Куріей представляетъ намъ отца и дядю Петра Могилы въ такой же связи съ предводителями польскихъ іезуитовъ, въ какой состоялъ съ ними и домъ князя Василія. Папирьяръ, въ наставленіи, данномъ пупціемъ Маласпиною преемнику его въ Польшѣ 1593 года, говорится, что „папа установилъ въ Молдавіи и Валахіи епископа, который недавно прибылъ въ свою резиденцію“; а въ инструкціи, полученной изъ Рима пупціемъ Симонеттою 1606 года, сказано уже прямо: „Хотя господарь Симеонъ исповѣданія греческаго, не смотря на то, весьма расположенъ къ католикамъ, равно какъ и братъ его Іеремія, послѣ котораго вступилъ онъ на господарство. Вы будете поддерживать пріятельскія отношенія съ нимъ и съ его секретаремъ, добрымъ, какъ говорятъ, католикомъ“, и пр. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще господарь Петръ Хромой трактовалъ съ пупціемъ Аннибаломъ изъ Капуи (1587—1590) о введеніи въ его краѣ католичества, и что посредни-

комъ между ними былъ извѣстный іезуитъ Станиславъ Варшавскій. Словомъ, Римская Курія уваживала за властителями православныхъ Волоховъ, какъ и за польскорусскими православниками. Самъ Петръ Могила получилъ воспитаніе, какъ и князь Василій, при содѣйствіи іезуитовъ.

На сколько впечатлѣнія дѣтства отразились въ зрѣлыхъ лѣтахъ Петра Могилы, невозможно опредѣлить покамѣсть; но свидѣтельства современниковъ не все говорятъ въ пользу его православности, и еще меньше обнаруживаютъ въ немъ русскую идею, которою были исполнены Іовъ Борецкій и Исаія Копиенскій.

Петръ Могила отличался жизнью трезвою и набожною, подобно своему совмѣстнику по митрополіи, Іосифу Рутекому и паперенику князя Василія, Инатію Потѣю, подобно фанатику панскаго главенства Іосафату Кунцевичу, и, въ періоды покаяній, коронному стражнику Самуилу Лацу, подобно, наконецъ, іезуиту Петру Скаргѣ, добродѣтельному, въ своемъ родѣ, человеку, и многому множеству другихъ личностей того вѣка, которыхъ никакія насилія надъ ближнимъ не лишали благочестія и богоугодности, усвоенныхъ въ регулированномъ по извѣстному способу обществѣ. Онъ былъ ревнителемъ того, что въ его время называлось просвѣщеніемъ, какъ и все польскорусскіе магнаты, считавшіе дѣломъ чести и долга, или побуждаемые тщеславіемъ и разчетомъ, основывать училища, типографіи, монастыри, госпитали. Онъ былъ возобновителемъ церквей, издателемъ церковныхъ книгъ и духовныхъ сочиненій, исправителемъ обрядовъ богослуженія, защитникомъ интересовъ своей митрополіи, воспитателемъ за-границей молодыхъ людей, наконецъ, основателемъ латино-греческой коллегіи, изъ которой въ послѣдствіи образовалась Кіевская духовная академія. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы наша исторіографія вписала его имя въ лѣтопись русскихъ доблестей, наравнѣ съ великимъ и святымъ именемъ Борецкаго. Поразительной разницы между ними она не замѣтила.

Борецкій былъ создателемъ русскомосковскаго, Могила—русскопольскаго единства. Сдѣлавшись въ началѣ іеромонахомъ, а потомъ архимандритомъ Печерскаго монастыря, Могила велъ себя такъ благочестиво и дѣятельно, что православный кіевскій митрополитъ не усумнился видѣть въ немъ достойнаго себя преемника. Однакожь надобно помнить, что этого митрополита и проходимецъ Ахія умѣлъ увѣрить въ святости своихъ стремленій и правдѣ своей царственности. Могила сумѣлъ не хуже Ахіи смыкать благоволеніе къ себѣ наипаго въ своей святости Іова Борецкаго, и сдѣлался его душеприказ-

чикомъ. Но не осталось никакого свидѣтельства, чтобы богатый архимандритъ Кіевонечерской Лавры когда-либо помогъ убогому митрополиту въ церковномъ стропиліи или въ дѣлахъ милосердія и правосвѣщенія.

Сдѣлавшись митрополитомъ въ свою очередь, Могила спосился съ московскимъ царемъ по предметамъ церковныхъ украшеній, выписывалъ отъ него мастеровъ сусальщиковъ, предлагалъ ему къ услугамъ своихъ ученыхъ монаховъ, и посылалъ ему весьма цѣнные подарки; но когда братъ усоншаго митрополита, Андрей Борецкій, намекнулъ ему о воссоединеніи Руси съ Русью, онъ отвѣчалъ не обвиняясь, что за это стоило бы посадить его на колъ. Одно этого свидѣтельства, сохранившагося въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, достаточно для того, чтобы знать, кто былъ Могила. Но я представляю и другія.

Противъ избранія Петра Могилы архимандритомъ нечерская братія возставала всѣми своими силами. Пря о немъ продолжалась два года. Въ этой прѣ Копинскій, какъ и ему подобные ревнители древняго русскаго благочестія, могъ играть важную роль. Можетъ быть, потому разошелся онъ и съ самимъ Борецкимъ, что между начинателями русскаго воссоединенія очутился человекъ инаго воспитанія, иной среды, инаго политическаго стремленія.

Могила восторжествовалъ наконецъ надъ оппозиціей; но его поддерживалъ канцлеръ Замоискій, по его собственнымъ словамъ, „своею презентаціею, залецаньемъ и милостивою интерцессіею“,—восторжествовалъ такъ побѣдительно, что сдѣлался митрополитомъ, не проходя инокескаго искуса (какъ объ этомъ свидѣтельствуется преданный ему монахъ Кальнофойскій).

Основанное Могилою сперва въ самой Лаврѣ училище вызвало также упорное прогиводѣйствіе со стороны соборныхъ старцевъ, и сохранилось преданіе о жестокихъ мѣрахъ, которыми оно было подавлено со стороны можновладника архимандрита.

Перемѣщенія этого училища въ Братскій монастырь домогался отъ Могилы Борецкій, чтобы поставить его подъ контроль паствы своей, и на кіевскомъ Подолѣ опять доходило дѣло до того, что Могилѣ и его воспитаннымъ за-границею преподавателямъ латиногреческой коллегіи козаки, безъ сомнѣнія, подкупленные монахами, грозили смертию униата Грековича.

Противники Петра Могилы въ этомъ случаѣ были, конечно, неучи; но схоластическая наука, посаженная имъ въ Кіевѣ, произвела рабское подражаніе польщизинѣ, не вдохновила Малоруссовъ ниоднимъ

поэтическимъ стихомъ, а только сблизила малорусское общество съ польскимъ до неразличности. Цвѣзды въ схоластической мудрости были по своему правы, когда на пощечія новаго митрополита взирали съ тѣмъ же недоумѣемъ, съ какимъ относились и къ педагогическимъ ухаживаньямъ іезуитовъ.

Превозносятъ Петра Могилу за образованіе въ заграничныхъ академіяхъ наставниковъ его коллегіума, въ числѣ которыхъ были и его преемникъ по митрополіи, Сильвестръ Коссовъ. Но мы знаемъ, что князь Василій съ такимъ же усердіемъ къ распространенію наукъ доставилъ заграничное образованіе отступнику Мелетію Смотрицкому, а благочестивый домъ Киселей—другому отступнику, Кассіану Соковичу. Митрополитъ Коссовъ не могъ, подобно Смотрицкому и Соковичу, отвергнуться православія; но стоя на высотѣ схоластической науки, не внушалъ уваженія къ себѣ въ той средѣ, которая произвела Іоанна Вишенскаго, Іова Борецкаго и Ісаію Коппискаго.

Одинъ изъ рождественныхъ имъ по духу вѣры и по ревности къ русскому православію представителей тогдашняго духовенства, берестовскій игуменъ Доанасій Филиповичъ, въ дневникѣ своемъ, представляетъ Коссова некателемъ собственныхъ приватъ подъ архіерейскою рясюю, наравнѣ съ прочими сановниками Могилына кружка, которые, по его словамъ, то покупали себѣ привилегіи на архимандріи и игуменства, то продавали себя уніатамъ и іезуитамъ, то собирали деньги на снятіе съ себя банниціи. Пламенный вѣрою до изступленія, Филиповичъ относится ко всей Могилынской іерархіи въ томъ духѣ, въ какомъ Іоаннъ Вишенскій отнесся къ папамъ православникамъ. Изобразивъ безсиліе свое въ борьбѣ съ равнодушіемъ вельможъ, которыхъ напрасно убѣждалъ въ зловредности уніи, Филиповичъ говоритъ, что уніа погибнетъ непременно, но что ее поддерживаютъ покажутся наши старшіе духовные, если не словомъ, то самимъ дѣломъ, а это, замѣчаетъ онъ, еще хуже.

Немудрено, что Коппискій, питавшій ту же самую недоумчивость къ воспитанникамъ латинскихъ академій, занодозрилъ было и самого Іова Борецкаго въ склонности къ отступничеству. Ісаію Коппискаго представляютъ завистникомъ, сварливымъ инокомъ, честолюбивымъ святошю; но все это лишь для того, чтобы придать сіяніе достоинствамъ Петра Могилы. Между тѣмъ въ поступкахъ молдавскаго господарича мы замѣчаемъ возмутительное для простосердечныхъ отшельниковъ искусство составлять себѣ партію и проводить своихъ кліентовъ на высшія духовныя должности.

Два убогіе черворизца, Коппнскій и Ворецкій, взяли на себя дѣло церкви и народнаго просвѣщенія, уроченное ополаченнымъ доможъ князей Острожскихъ; по между нихъ втерся можновладный родственникъ Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Корецкихъ, Радивилловъ, и сдѣлался душеприказчикомъ ницкаго митрополита. Очевидно, Могила былъ на то, чтобы по смерти Ворецкаго тотчасъ возсѣсть на митрополию. Но его подозрѣвали въ стачкахъ съ паннетами на счетъ православія, и па мѣсто Ворецкаго былъ посвященъ путешествовавшимъ въ Москву греческимъ митрополитомъ Кирилломъ огтертымъ Могилою суровый товарищъ Ворецкаго, Псаія Коппнскій. Занятое Ворецкимъ до смерти игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ также было предоставлено партіею строгихъ православниковъ Коппнскому.

Что Могила противодѣйствовать ему въ занятіи мѣста Ворецкаго, видно изъ попытки нѣсколькихъ михайловскихъ монаховъ объявить своимъ игуменомъ придв ршаго Могила, Филатія Кезаревича. Волненіе въ средѣ избирателей заставило Кезаревича отказаться отъ своей роли, которая могла сдѣлаться для него небезопасною, такъ какъ михайловская братія имѣла дружескія связи съ запорожцами. Могила не смѣлъ дѣйствовать открыто, и Коппнскій утвердился на митрополиі и архимандріи покамѣсть невозвратно.

Въ то время король Сигизмундъ III былъ уже дряхль. Въ Москвѣ усилились даже слухи о его смерти и о возшествіи на престолъ Владислава IV. Иезуиты пріутихли съ своею казуеникой. Протестанты и съ ними православные стали надѣяться на уничтоженіе униі, которая опротивѣла и самимъ католикамъ, какъ это всего яснѣе видно изъ письменныхъ уирековъ Льва Соніги Иосафату Кунцевичу. Но дѣло, освященное Римомъ, было неприкосновенно для католической Польши. Все, чтд возможно было сдѣлать для уснокоенія религиозныхъ раздоровъ, эго—вернуться къ тому порядку вещей, какой существовать до побѣдки Терлецкаго и Потѣя въ Римѣ, по вернуться безъ всякой ломки и сумагохи.

Маюрусскіе паны, воспитанные польскою цивилизаціей, всѣ были болѣе или менѣе похожи на князя Василя. Сближеніе восточной церкви съ западною было ихъ общемою мыслью. Они подготавливали всю свою жизнь къ тому, чтобы соединить оказавшееся несоединимымъ. Самые протестанты, подъ конецъ жизни Сигизмунда III, начали уступать общему направлению церковносоціальной политики. Ихъ поголовное обращеніе къ панетву было только вопросомъ времени, а королевичъ Владиславъ свою вѣротеримостью ослаблялъ въ нихъ и послѣдній задоръ сектантовъ. Поэтому стояще Коппнскаго на древ-

нихъ преданійхъ церкви не находило сочувствія въ высшемъ кругу, тѣмъ болѣе, что было поддерживаемо низшими классами, опиралось на козацкую силу и, что было всего возмутительнѣе для польскихъ государственныхниковъ, было освящено московскимъ кліентомъ, забвѣннымъ изъ Турціи митрополитомъ. Напротивъ Могила былъ такой человекъ въ глазахъ южнорусскихъ магнатовъ, котораго нельзя было попрекнуть ни происхожденіемъ, ни убожествомъ, ни искательствомъ у незнакомой для нихъ Москвы.

Могила уже при жизни Борецкаго, по словамъ папистовъ, „подавалъ наилучшія надежды“ на примиреніе несогласій между двумя вѣроисповѣданіями, и едва не предупредилъ витебской трагедіи устройствомъ малорусскаго патриархата. По проекту „Смотрицкаго, обласканнаго Могилою, только что вступившимъ тогда въ монашество, православные и уніаты должны были собраться на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патриарха, который, судя по смыслу проекта, долженъ былъ сдѣлаться не кто другой, какъ Могила. Партія Конинскаго воспротивилась этому дѣлу съ одной стороны, а Римъ взглянулъ на нее недобѣрчиво съ другой, и малорусскій патриархатъ не состоялся.

Гибель Кунцевича и отступничество Смотрицкаго могли послужить Петру Могилѣ предостереженіями и со стороны раздраженной папвы, и со стороны подозрительныхъ ея руководителей. Волею и неволею онъ долженъ былъ играть роль строгаго послѣдователя преданій русской церкви: только этимъ и было возможно ему обезоружить опаснаго ревностью къ Божію дому Конинскаго. Онъ ждалъ своего времени, и время его настало въ 1632 году, когда скончался Сигизмундъ III.

Прежде всего сочиняетъ онъ козакамъ петицію, въ которой, наперекоръ фактамъ, говорится, будто бы казаки уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молятъ и слезно просятъ объ успокоеніи ихъ древней греческой церкви; потомъ собираетъ въ свою пользу голоса православныхъ пановъ, заручается ходатайствомъ протестантовъ Радвильовъ и католиковъ Замойскихъ, получаетъ отъ нововзбранаго короля привилегію на кіевскую митрополию, принимаетъ посвященіе въ митрополита въ Львовѣ отъ ничтожнаго архіерея, Іереміи Тисаровскаго, торжественно, въ предиссѣніи митрополичьяго креста, возвращается въ Кіевъ и принимаетъ польское можновладетво къ соглашенію несогласной папвы своей.

Въ кіевскомъ обществѣ повторяется процессъ образованія папской республики. Мы уже и прежде, въ качествѣ православниковъ,

то группировались вокруг Острожскихъ и Радивиловъ, то замыкались въ предѣлахъ городскихъ общинъ и цеховъ, и между тѣмъ давленіе нивѣрпой политики на нашу религіозную совѣсть было таково, что, достигши теперь, въ лицѣ Петра Могилы, церковнаго самосуда и самоуправленія, мы очутились въ болѣе странномъ положеніи, чѣмъ въ какомъ были подъ властью доуніятскихъ нашихъ архіереевъ, ознаменовавшихъ себя въ исторіи святокупетвомъ и распущенностію жизни.

Потеря нашихъ церковныхъ имуществъ, безсиліе нашихъ петицій на государственномъ сеймѣ, наша нищета, наше невѣжество и полигическое разномысліе — заставляли и самыхъ смѣлыхъ изъ насъ, каковы были составители „Совѣтованія о Благочестіи“, впадать въ упаніе и безнадежность. Вдругъ среди насъ появляется человекъ, обѣщающій намъ возвращеніе потеряннаго, пріобрѣтеніе религіозной равноправности, обиліе необходимыхъ для просвѣщенія средствъ и едипсіе умовъ подъ авторитетомъ знатнаго происхожденія, широкаго родства съ патронтами Рѣчи Посполитой, умѣнья властвовать и высокой по тогдашнему научной образованности. Наши церковные борцы, уповавшіе то на козацкую подмогу, то на высокую руку московскаго царя, видя, что козацкая подмога оказывается разбѣгомъ и грабежомъ, роплюющимъ достоинство православія, а царская высокая рука не рѣшастся простереться надъ нами, но недостатку въ малорусскомъ обществѣ соединенія и крупнаго стоянья, пошли толпой подъ щитъ можновладника митрополита, и оставили убогаго подвижника Копинскаго въ положеніи, напоминающемъ неопредѣленность, двусмысліе и рискъ непризнаваемыхъ правительствомъ гетмановъ Запорожскаго Войска. Одни изъ нашихъ поповъ и монаховъ заняли подъ щитомъ законеннаго митрополита позиціи ресстривиковъ, усердствовавшихъ коронному гетману; другіе окружали митрополита самовольнаго въ видѣ какихъ-то выписчиковъ, противившихся прудержающей власти.

Могла и въ званіи печерскаго архимандрита умѣль тѣснить Копинскаго своими Кезаревичами. Облеклись теперь во всеоружіе церковнаго верховенства, онъ пустиль въ ходъ правило древняго Рима — „раздѣлай и властвуй“, вмѣстѣ съ правиломъ Рима новаго — „дѣль оправдывастъ средства“. Основателя Братскаго монастыря, страшнопримпаго дома при немъ для пристановица гонимому духовенству и вмѣстѣ грекославянскаго училища для образованія борцовъ за православіе — тѣсниль въ виду священства и монашества тотъ, кто воспользовался готовымъ фундаментомъ для возведенія на немъ полуіезуитскаго коллегіума, тотъ, кто и самой митрополіи съ печерскою архимандріей достигъ по дорогѣ, проторенной Копинскими, Борецкими, Пикифорами

Турами, Плетенецкими. Предвохитивъ у Копинскаго старѣйшинство въ православной церкви, Могила исключилъ даже имя его изъ печатнаго списка кievскихъ митрополитовъ, а созданное имъ изъ ничего училище переименовалъ въ коллегіумъ своего имени.

Оскорбленный до глубины души измѣнчивостью собратій, удручаемый нуждой и старостью Копинскій все-таки продолжалъ писать кievскимъ митрополитомъ и проводилъ скитальческую жизнь, нища людей, способныхъ чувствовать по православному, какъ онъ. Но Могила и тутъ преслѣдовалъ его своими Кезаревичами, выисывавшими въ гродскія книги протестаціи о его самозванномъ будто бы игуменствѣ въ Михайловскомъ монастырѣ.

Даже московскій царь пересталъ для Копинскаго быть предметомъ упованія. Могила протѣснился между нимъ и Копинскимъ такъ, какъ прежде между Копинскимъ и Борецкимъ. Посылая царю въ подарокъ цуги лошадей и предлагая свои услуги для просвѣщенія народа по припятому отъ него молдавскимъ господаремъ способу, Могила затеръ при московскомъ дворѣ память о томъ архіереѣ, который первый изъ Малоруссовъ высказалъ великую мысль о воссоединеніи Русскаго міра.

Еслибы польскорусская республика одолѣла и переработала свои разбойные элементы (аристократическій и демократическій) такъ, какъ это сдѣлало у себя Московское Царство,—она бы вѣчно помнила услуги, оказанныя ей пріемишемъ ея Петромъ Могилою. Хотя кievскія волненія, свидѣте и глухой борьбы съ нимъ приверженцевъ Копинскаго, и заставили его принять на себя образъ древняго русскаго благочестія во всемъ, чѣмъ видигъ и смыкаетъ малообразованное общество, по онъ до такой степени повернулъ церковную іерархію вспять отъ Москвы къ Польшѣ, что преемникъ, Сильвестръ Коссовъ, и послѣ формальнаго присоединенія Малороссіи къ Московскому Царству уклонялся отъ присяги на подданство московскому царю.

Заслуги Петра Могилы по народному просвѣщенію, въ смыслѣ доставленія учебныхъ средствъ, и по малорусскому православію, въ качествѣ завоевателя похищенныхъ ушьятами церковныхъ имунностей, преувеличиваются у насъ, какъ и многое въ излюбленныхъ личностяхъ. Молдавскій господаричъ хлопоталъ вовсе не о пробужденіи русскаго самосознанія, не о томъ, чѣмъ проповѣдывалъ Іоаннъ Виницскій. Могиллинская литература была водою на латвиопольскія колеса. Могиллинское просвѣщеніе было наивнымъ, если не умысленнымъ продолженіемъ іезуитской работы надъ выдѣлкой „добрыхъ католиковъ“ изъ закоренѣлыхъ въ своей малограмотности схизматиковъ. Вся жизнь Петра

Могила и вся его политическая дѣятельность была такимъ же притупляющимъ русское сознаніе явленіемъ, какъ и жизнь князя Василя со множествомъ другихъ жизней, выдѣланныхъ іезуитами въ православной средѣ по образу своему и по подобию.

Це Острожскіе и не Могила привели великій Русскій міръ къ единству дѣйствій путемъ православія, а именно тѣ люди, которые незримо для польскихъ политиковъ противодѣйствовали острожацамъ и могилинцамъ. Пицій митрополитъ Исаія Копинскій це напрасно скитался изъ монастыря въ монастырь, изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ. Какъ ни громки были слова и дѣла, которыми митрополитъ богачъ и магнатъ, со многочисленною кликою своихъ панегиристовъ, заглушалъ его негодующій голосъ, но вопли великаго подвижника-аскета дошли даже и до насъ, пробившись сквозь лукавыя рукониси современниковъ и забытыя буквою головы потомковъ.

Вытѣсненный изъ украинской обители Іова Борецкаго, Копинскій дважды проникалъ въ столицу къ правосудному, но безсильному „королю королей“, къ безпомощному отцу польскорусскихъ „королятъ“, Владиславу IV. Владиславъ не сомнѣвался въ справедливости жалобъ Копинскаго и поставилъ можновладнику митрополиту на видъ, что онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „наступалъ гвалтомъ на жизнь и имущество сѣверскаго архіепископа, игумена Святаго Мпхаила Золотоверхаго Кіевскаго; что онъ пограбилъ его имущество, документы, серебро, церковные и его собственные аппараты; что и самого его (Копинскаго) онъ билъ, окровавливалъ, держалъ въ темницѣ, присваивая себѣ его доходы“.

Не могъ и, конечно, не желалъ Владиславъ возстановить Копинскаго въ достоинствѣ кіевскаго митрополита, но повелѣлъ возвратить ему Михайловскій монастырь со всѣми принадлежащими къ нему имуществами и назначилъ по этому дѣлу особую комиссію изъ воеводъ, духовныхъ лицъ, судей, коморниковъ. Однакожь монастырь возвращенъ ему не былъ, и Копинскаго прогнали даже изъ Мгарской обители. Она была передана въ распоряженіе Могилѣ племянникомъ его, по двоюродной сестрѣ, Іеремію Вишневецкимъ, который тогда объявилъ себя католикомъ.

Въ глазахъ отвергшихся православія, или готовыхъ отвергнуться его при обстоятельствахъ благопріятныхъ, Могила былъ правъ, даже захватывая монастыри у подвижника, истратившаго жизнь на ихъ устройство, а Копинскій и въ своихъ жалобахъ на грабежъ, ноби, заключеніе въ темницу былъ безпокойнымъ кляузникомъ, полупомѣшаннымъ аскетомъ, отстающимъ противникомъ просвѣщенія, заимствован-

наго изъ „лучшаго его источника“. По такихъ неутомимыхъ жалобщиковъ, такихъ засидѣвшихъ въ монастыряхъ аскетовъ и отсталыхъ противниковъ западной науки было у насъ много, и они громкимъ хоромъ приписывали все бѣдствія, постигшія и постигавшія православную церковь, именно тому просвѣщенію, которое приходило къ намъ съ Запада чрезъ посредство шовѣрцевъ. Простодушно, пеловко, иногда крайне грубо и невежественно проповѣдывали они: что „западнымъ хитроуміемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится“; что „философствующіе по западнымъ образцамъ отъ благочестія мнѣніями своими устраниаются“; что „наученный богомыслию заглѣтами церкви безъ книгъ премудрѣеть, простотою философы посмѣиваетъ, смиреніемъ гордость потачмаетъ“, - и однакожь ихъ странная проповѣдь проникла въ Малорусскій народъ глубоко. Слушатели ихъ слова и свидѣтели ихъ страданій переводили не совѣтъ ясныя мысли огорченныхъ апостоловъ на языкъ обыденной жизни своей. Толки о Ляхахъ, поступающихъ на православіе, ширились по всякъ путамъ, которыми странствовали подобные Копинскому скитальцы. Убѣжденіе, что упія должна погибнуть, становилось общимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось въ народѣ убѣжденіе и о неизбѣжной гибели всего ляхскаго. Возникшая у монаховъ эпохи Юва Борецкаго потребность некать убѣжища въ Московскомъ Царствѣ—въ эпоху Петра Могилы увеличилась. Цѣлые монастыри снимались таборомъ и бѣжали къ московскому рубежу „на царское имя“ отъ однихъ слуховъ о стачкахъ митрополита Петра Могилы съ папистами. Эти бѣгавшія перепуганныхъ монаховъ за московскій рубежь, гоньба за ними со стороны мѣстныхъ властей, какъ за похитителями чужой, принадлежащей монастырю, а не монахамъ, собственности и производимые надъ ними въ дорогѣ грабежи, наполняли трепетомъ весь пограничный край, и отзывались въ малорусскихъ захолустьяхъ чудовищными слухами о наступленіи Ляховъ на христіанскую вѣру. Невѣжественная чернь принимала эти слухи безъ всякой повѣрки, безъ всякой сообразительности, и на дѣлѣ ея души залегала неслепая покажѣть мысль о поголовномъ истребленіи Ляховъ. Это религіозно-національное истребленіе Ляховъ предуготовлялъ не меньше самихъ іезуитовъ Петръ Могила, вопреки своему душевному желанію — принадлежавшую Польшѣ Русскую землю соединить съ нею неразрывно.

Глава VIII.

Искатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства. Папы строятъ на Днѣпрѣ крѣпость Бодакъ; козаки ее разрушаютъ. — Пронесложденіе козацкаго своевольства отъ панскаго. — Крымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства. — Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья. — Запорожцы и городовики.

Историческій характеръ Петра Могила извращенъ у насъ до такой степени, что этого Поляка въ православномъ облаченіи противоставляютъ польскорусскимъ напамъ, и утверждаютъ, въ „ученыхъ“ монографіяхъ, будто бы онъ былъ „благоклоненъ къ козакамъ, постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ“ и незадолго до смерти „ободрилъ“ Хмельницкаго въ его замыслѣ, „даже прибавилъ, что того постигнетъ клятва, кто въ такомъ дѣлѣ не приметъ участія, будучи способенъ помогать разсудкомъ или оружіемъ“ *).

Было совсѣмъ напротивъ. Могила, какъ это мы знаемъ документально, угрозилъ брату Юва Борецкаго странною казнью за одинъ намекъ о возможности перехода Малороссіи подъ московскую державу. Благоклонность его къ козакамъ ограничивалась только наймомъ ихъ къ себѣ на службу для набѣговъ на соседнія имѣнія, а пріязненныя къ нимъ отношенія опровергаются однимъ уже тѣмъ, что его кліенты въ своихъ книгахъ называли козаковъ „дерзкими ребелизантами“ **). Въ 1630 году Могила жаловался Концелярскому на грабежи, которые терпятъ отъ нихъ монастырскія имѣнія; въ 1636 году посылать къ павлюковцамъ своихъ игуменовъ съ увѣщаніемъ покориться панскому правительству, а въ началѣ 1638-го привѣтствовалъ въ Кіевѣ умирителя ихъ, Николая Потоцкаго, отъ имени всего духовенства. Тогда же дѣло козачества было проиграно и на Масловомъ Ставу козакамъ объявили рѣшеніе Рѣчи Посполитой, которое уничтожало

*) Костомаровъ.

***) Кальнофойскій, „Торагурима“.

ихъ окончательно, присланный отъ Петра Могилы проповѣдникъ увѣщевалъ ихъ евангельскими изреченіями покориться приговору наповь безропотно.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія и на то обстоятельство, что питомецъ Петра Могилы, кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синописѣ“ исчислялъ всѣхъ кіевскихъ воеводъ, въ томъ числѣ и католиковъ, но не упомянуть въ этой первоначальной исторіи Малороссіи ни о мнимыхъ борцахъ за вѣру и присоединителяхъ къ Россіи нашего края, ни объ ихъ славныхъ гетманахъ.

Козаки готовы были сражаться противъ кого угодно и за кого угодно, какъ ремесленники боеваго дѣла. Одни изъ нихъ служили Могилѣ для захвата монастырскихъ имуществъ даже у такихъ людей, какъ Исаія Кошинскій, а другіе служили самому Кошинскому, пока онъ имѣлъ чѣмъ имъ платить, для обороны отъ такихъ напастниковъ, какъ могилинскій Кезаревичъ. Но была существенная разница между отношеніями къ Запорожскому Войску одного и другаго митрополита. Старый митрополитъ готовъ былъ во всякое время повторять козакамъ увѣщаніе восточнаго патріарха Теофана, чтобъ они не ходили войною на христіанскій родъ, Москву. Напрогивъ новый, состоя въ родствѣ и дружбѣ съ вельможными отступниками православія, могъ только желать, чтобъ они во всемъ слѣдовали руководителямъ польской интеллигенціи и политики, іезуитамъ. Это подтверждается исторически извѣстными событіями.

До вступленія Могилы на митрополию, козаки были въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ московскимъ царемъ. Царь „отпустилъ имъ вину ихъ и преступленье, дерзнутое ими противъ его благочестиваго государствія“. Козаки, съ своей стороны, ходатайствовали о дозволеніи быть подъ государевою высокою рукою, такъ какъ имъ „кромѣ государевой милости дѣться негдѣ“.

Поимая религію и церковь не лучше мусульманъ, козаки, въ въ 1630 году, пытались поднять малорусское простонародье на повсемѣстное изобіеніе Ляховъ и Поляковъ. Подобно тому, какъ Паливайко готовъ былъ прислужиться Сигизмунду III рѣзаньемъ ушей и посовъ сверхштатнымъ добычникамъ, Тарасъ Федоровичъ хотѣлъ угодить Михаилу Федоровичу украинскимъ разбоемъ. Ничего лучшаго отъ козаковъ нельзя было ждать, какъ отъ „людей (по отзыву Посольскаго Приказа) дикихъ, необузданныхъ, не имѣющихъ страха Божія“. Но политика Петра Могилы низвела козачество еще одной ступенью ниже. Въ Тарасовщинѣ было хоть такое оправданіе разбоя, къ какому прибѣгаютъ иногда Жиды, нападаая среди базара на мужика съ

крикомъ *ваагъ!* „Ляхи наступають на христіанскую вѣру“, твердили козаки вмѣстѣ съ раздраженными монахами. Они выступали здѣсь въ роли защитниковъ Руси, которую жолнеры, по ихъ словамъ, пришли вырѣзать поголовно до московской границы, выступали въ роли мстителей за истребленіе цѣлыхъ мѣстечекъ съ женщинами, дѣтьми и понами, какъ объ этомъ распускали они слухи. Но вторгнуться въ православное царство, гдѣ не было ни Ляховъ, ни жолнеровъ, ни церковной уни, было гораздо хуже. Однакожь такое вторженіе совершилось въ 1633 году, какъ въ 1618-мъ, и новый митрополитъ не сталъ отвлекать козачковъ отъ братоубійственнаго предпріятія, тогда какъ Польшу охранялъ отъ нихъ всячески.

При такомъ поддерживаніи православной вѣры, которой „Знамя“, по словамъ извѣстнаго историка, „взяли козаки“, король Владиславъ IV призвалъ подъ свои знамена 15.000 воиновъ, недавно предлагавшихъ „единому православному царю“ службу свою, и пустилъ ихъ впереди шляхетскихъ дружинъ своихъ прокладывать татарскіе шlahи отъ Смоленска къ Москвѣ.

И польскіе, и иноземные наблюдатели возобновленной войны съ Московскимъ Царствомъ приписываютъ ей усиленіе блистательной отваги и оустошительнымъ подвигамъ дѣбировской орды, какъ и въ походѣ Сагайдачнаго. Отступленіе знаменитаго московскаго воеводы Шенна отъ Смоленска, его капитуляція и заключеніе вѣчнаго мира съ уступкою Польшѣ нѣсколькихъ удѣльныхъ когда-то княжествъ возвысили Рѣчь Посполитую въ глазахъ соеѣдей, запугали грозную для нея Турцію и заставили Крымскихъ Татаръ искать у короля вассальства, съ обѣщаніемъ завоевать ему Буджаки и всю Волощину до самого Дуная. Таковы были косвенные результаты произведенной Петромъ Могилою перемѣны въ нашей церковной политикѣ.

Всеѣ приходскіе ионы, ставленники Борецкаго и Кошинскаго, подъ разными предлогами, были смѣщены; архимандріи и игуменства раздавались тѣмъ лицамъ, которыхъ воиѣвшій точно въ пустынѣ Филиповичъ осуждаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ пособниковъ уни. Въ козацкія петиціи на сеймъ, казавшіяся грозными и самому Льву Социгѣ, никто уже не вписывалъ церковныхъ домогательствъ, и козацкіе исповѣдники перестали внушать войсковой старшинѣ, что ходитъ на христіанскій родъ, Москву, великій грѣхъ. Теперь представители церковной іерархіи, съ Могилою во главѣ, стали внушать, что церковь католическая отличается отъ православной только нѣкоторыми обрядами. Это отличіе Могила всячески сглаживалъ въ издаваемыхъ имъ требникахъ, приспособляя православное богослуженіе

къ католическому, а чтобы дѣйствовать еще сильнѣе на умы въ духѣ единенія нашей Руси съ Польшею, поставилъ по всей Кіевщинѣ, Сѣверщинѣ и Полтавщинѣ такъ называемыя фигуры, или распятія, на подобіе католическихъ. Такъ какъ московское богослуженіе и нагѣвомъ, и нѣкоторыми формальностями отличалось отъ установленнаго Могилою, и фигуръ, или распятій, по московскимъ дорогамъ не видать было вовсе, то и получалось для наблюдателя такое впечатлѣніе, какъ будто *русскимъ* вѣра—одно, а *московскимъ*—другое.

Но казаки не сдѣлались ни лучше отъ сближенія своей старшиной съ „духовными старшими“ при Іовѣ Борецкомъ, ни хуже отъ разъединенія съ ними при Петрѣ Могилѣ. Ихъ происхожденіе, ихъ социальное развитіе и самое паденіе ихъ Запорожскаго Коша (при Екатеринѣ II) зависѣли отъ ихъ добычнаго промысла, противоположнаго общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Не разставались они съ этимъ промысломъ никогда, какъ не разстается животный организмъ съ естественнымъ своимъ питаніемъ. Такъ и въ Московскую войну 1633—1634 года, когда 15.000 отборныхъ казаковъ обновили дикую славу Сагайдачнаго въ Великороссіи, громадная козацкія кучы разбойничали по старому на Черномъ морѣ. Повторялась все та же исторія, которой начало мы видѣли въ царствованіи Стефана Баторія. Никакія угрозы, просьбы и обѣщанія не могли удержатъ иограниченныхъ добычниковъ отъ грабежа турецкихъ владѣній и черноморскихъ купцовъ въ то время, когда Баторію всего нужнѣе былъ миръ съ повелителямъ правовѣрныхъ. Еще Владиславъ IV стоялъ подъ Москвою, а своевольные казаки подняли Турокъ на Польшу по-прежнему. Султанъ Мурадъ IV выступилъ было уже къ Адрианополю. Но бластательный для Польши и унижительный для Россіи Поляновскій миръ сдѣлалъ его сговорчивымъ. Турки обѣщали обуздать Тагаръ, Поляки — казаковъ.

Въ исполненіе новаго договора, Консепольскій построилъ на Днѣпрѣ, выше Пороговъ крѣпость Кодакъ, и снабдилъ ее сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ львовскаго жителя, Француза Маріона. Маріонъ долженъ былъ наблюдать строго, чтобы по Днѣпру не гнали лодки для выдѣлки за Порогами морскихъ челновъ; чтобы изъ городовъ не доставляли на Запорожье съѣстныхъ и военныхъ припасовъ; чтобы никто безъ билета отъ украинскаго начальства не ходилъ въ днѣпровскія низовья ни водой, ни сухимъ путемъ.

Крѣпость на урочищѣ Кодакъ была окончена, и возымѣла дѣйствіе свое въ 1535 году. Въ это время „пофортунило“ одному изъ запорожскихъ пиратовъ, черкасскому козаку Сулимѣ. Былъ онъ въ

плѣну у Турокъ, и какимъ-то способомъ освободился отъ галерной каторги, овладѣлъ самой галерой, подобно кобзарскому Самуилу Кішкѣ, и положилъ триста Турокъ. Это случилось не на Русскомъ Черномъ, а на Греческомъ Вѣломъ морѣ Архипелагѣ. Сулима направился съ своей добычей въ Римъ, и представилъ свой призъ святому отцу, Павлу V.

Неизвѣстно, какимъ путемъ вернулся онъ въ Черное море, только слава его гремѣла среди добычнаго рыцарства. Охотники до козацкаго хлѣба, не давашіе сложиться и окрѣпить польско-русской республикѣ, рвались на Запорожье къ счастливому атаману. Но Кодакъ останавливалъ многихъ, если не всѣхъ, и двадцать отважныхъ молодцовъ сидѣло уже у Маріона въ кандалахъ. Сулима, предводительствуя шестью тысячами пиратовъ, овладѣлъ крѣпостью, вырѣзалъ гарнизонъ до ноги, а самого Маріона казнилъ смертью. Одинъ изъ патовъ королевской рады пишетъ въ своемъ дневникѣ, что Сулима разстрѣлялъ Маріона. Но авторъ „Львовской Лѣтописи“, характеризую козаковъ своимъ вымысломъ, или ихъ собственнымъ хвастовствомъ, говоритъ, что несчастному Французу сперва отѣкли руки и положили за пазуху, потомъ привязали его къ столбу, насыпали въ штаны пороху и взорвали на воздухъ.

Вернувшись въ Украину, Сулима хотѣлъ повторить попытку Юмайла и Тараса. Но въ это время калужскій и переяславскій староста Лукашъ Жовковскій, родной братъ великаго полководца, жилъ въ Переяславѣ по должности королевскаго комиссара. Онъ пользовался репутаціей „добраго пала“ даже у православныхъ священниковъ *), и умѣлъ расположить въ пользу правительства реестровыхъ козаковъ. По его совѣту, реестровики овладѣли кошемъ бунтовщиковъ, схватили Сулиму съ пятью главными заговорщиками, забрали его артиллерію, пожгли морскіе челны, а схваченныхъ зачинщиковъ бунта привезли на сеймъ въ Варшаву.

Король отнесся снисходительно къ преступленію Сулимы, и готовъ былъ помиловать его. Онъ помнилъ козацкіе подвиги, нуждался въ боевомъ народѣ и на будущее время. Коронный гетманъ и павы королевской рады, съ своей стороны, искали смягчающихъ вину обстоятельствъ, и хлопотали на сеймѣ о помилованіи преступниковъ. Но турецкій и татарскій послы представляли тутъ же, что въ этомъ году

*) Записки прилудскаго священника въ Амьенѣ, названныя мною „Хмельницкою Лѣтописью“.

козаки пять разъ выходили въ море для разбоя. Они настояли на казни Сулимы и его товарищей атамановъ. Сулимъ отсѣкли голову, потомъ разсѣкли его тѣло на-четверо и развѣсили на четырехъ копцахъ Варшавы, къ омерзѣнію зрителей (замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Альбрехтъ Радивиль, ревностный католикъ). Передъ казнью Сулима привялъ католическую вѣру и просилъ положить ему въ гробъ золотую медаль, съ изображеніемъ папы Павла V, пожаловавшую ему святымъ отцомъ за его рыцарскій подвигъ.

Когда пришла очередь казнить пятерыхъ товарищей Сулимы, и они стояли уже на эшафотѣ, коронный канцлеръ, Оома Замоискій, выпросилъ у короля помилованіе одному изъ нихъ Павлу Михновичу Буту, иначе Павлюку. По расчету ли, или по наследственной терпимости, дѣйствовалъ сынъ знаменитаго Яна Замоискаго, но онъ сдѣлалъ такую же ошибку, помиловавши Павлюка, какъ и Острожскій, помиловавъ Косинскаго. Вернувшись на родину Бутъ*), или Павлюкъ, поступилъ по пословицѣ о волкѣ, который никогда не перестаетъ смотрѣть въ лѣсъ. Онъ сдѣлался ватажкомъ выписчиковъ и возмутителемъ расстреливаемыхъ.

Между тѣмъ казнь, отъ которой спасло его ходатайство коронаго канцлера, послужила украинскимъ лѣтописцамъ темою для сочиненія публичной инквизиціи надъ мнимыми героями національной свободы. Сами ли Павлюки сочиняли варшавскіе ужасы, или имъ служили своею грамотностію озлобленные нины и монахи, только въ Малороссіи, вмѣстѣ съ козацкими бунтами совершалась революція мѣстной, имѣвшая гибельное вліяніе на судьбу ея обитателей, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Наша Малорусская нація, въ цѣломъ своемъ составѣ, очутилась тогда въ Польскомъ государствѣ между двухъ противоположныхъ теченій. Верхнее увлекало ее къ Западу, нижнее — къ Востоку, и въ обоихъ теченіяхъ участвовали люди, усвоившіе іезуитскую манеру морочить общество. По мороченью современниковъ, съ одной стороны, посредствомъ выдумокъ въ пользу панства, а съ другой — посредствомъ басенъ, ложныхъ слуховъ и представленій козацкихъ разбоевъ войною за вѣру, служить потомству объясненіемъ событій, въ силу которыхъ совершилось отнаденіе Малороссіи отъ Польши.

Въ то время, когда умы пановъ, мѣщанъ, самихъ козаковъ, чернорабочихъ сельскихъ жителей, бѣлаго и чернаго духовенства нахо-

*) Слово *буть* по-украински значило толмачъ, по-польски (*bót*) — саногъ.

дѣлись подъ вліяніемъ одного или другаго мороченія,—разбойный элементъ польскорусской республики продолжалъ развиваться на счетъ хозяйственнаго и промышленнаго общества.

За Московской войною 1633 — 1634 года послѣдовала повалъ Шведская война. Въ этой войнѣ казаки, недавно еще направляемые Шведами противъ Польши, подвизались мужественно противъ Швеціи. Литовскій каштеляръ Альбрехтъ Радивилъ, въ своемъ дневникѣ, рассказываетъ о чудесахъ ихъ отваги и искусства. Отрядъ, состоявшій изъ 1.500 человекъ, подъ предводительствомъ атамана Вовга, папашинъ товарищемъ каштеляра, Павломъ Сонігою, сѣлъ на заготовленные для него подъ Юрбургомъ чайки. Самъ каштеляръ угощалъ козацкую старшину водкой и медомъ, а мѣщане снабдили весь отрядъ нищюю и папашками. Появившись на Балтійскомъ морѣ подъ Пяпявою, казаки озадачили Шведовъ невиданной здѣсь со временъ Канута и Ингяльда флотиліей, овладѣли кораблемъ, нагруженнымъ съѣстными припасами, аммуниціей, и укасили шведскихъ моряковъ больше всего тѣмъ, что, разбросанные бурей по морю, появлялись передъ ними, съ возвратомъ тишины, въ прежнемъ числѣ и порядкѣ.

Тѣ же самые казаки, или ихъ товарищи, разорили, какъ уже сказано, королевскую крѣпость на Днѣпрѣ, а турецкаго султана и крымскаго хана, обезпеченныхъ мирнымъ договоромъ съ Польшею, вооружили своимъ пиратствомъ противъ Поляковъ до такой степени, что королевскому послу въ Стамбулѣ не дозволяли видѣться ни съ какими другими послами, требовали, чтобы Поляки приехали магомташскую кѣру, чтобы платили ежегодную дань Портѣ и истребили козаковъ. Въ противномъ случаѣ, Турки грозили опустошить Польшу огнемъ и мечемъ.

Такое оскорбительное для польскорусской республики требованіе заявляли въ Стамбулѣ уже нѣсколько разъ, и всегда изъ-за повой *swawoli ukraińnej*, которая еще въ концѣ XVI вѣка озабочивала государственныя соймы. Сводъ польскихъ законовъ (*Volumina Legum*) долго не называлъ этой *swawoli* козаками; и въ самомъ дѣлѣ, не одни казаки, но вся шляхта, мѣщане, даже католическое и православное духовенство, имѣли въ своемъ составѣ разбойный элементъ, не дававшій ни частнымъ хозяйствамъ, ни хозяйству государственному пользоваться тѣми богатыми средствами для преуспѣянія, какія представляли польскія и русскія провинціи королевства. Въ козацкомъ самоуправствѣ и въ козацкихъ набѣгахъ разрушительный элементъ разбоя панель только самое безобразное и вопіющее выраженіе свое. Но это произошло не отъ чего ипаго, (повторяю въ сотый разъ), какъ

отъ своевольства шляхетскаго и отъ наѣздовъ одного папа на владѣнія другаго.

Еслибы по крайней мѣрѣ государственное казначейство польское было въ порядкѣ! Тогда бы и король и республика имѣли средства подавлять козацкіе бунты въ-время, останавливать охотниковъ до козацкаго хлѣба въ стремленіи къ легкимъ заработкамъ, которое убивало въ Поляко-Руссахъ всякую привычку къ постоянному и настойчивому труду. Но, ассигнуя весьма скудные средства въ распоряженіе короля и короннаго гетмана изъ опасеній къ одному и другому, законодатели республики давали обыкновенно козацкимъ разбоямъ дойти до невыносимости, и только тогда, когда „страшный домашній огонь“ охватывалъ цѣлыя области, принимались гасить его собранными второпяхъ средствами.

Павлюкъ, желая стать на мѣсто предводителя ресетровиковъ, Василія Томилска, пачалъ съ того, что представилъ имъ козацкую старшину папскими потоковниками и заѣдателями козацкаго жалованья, которымъ-де она дѣлится съ папами.

За участіе въ Московскомъ походѣ козакамъ дозволили вписать въ шеститысячный ресетръ еще одну тысячу козаковъ, освобожденныхъ такимъ образомъ отъ старостинской и папской юрисдикціи. Но жалованья, опредѣленнаго Запорожскому Войску, всё-таки изъ „королевскаго скарба“ не присылали. Когда ресетровые козаки привезли Сулиму въ Варшаву, они просили короля заплатить ихъ войску давно уже исполчаемый *жолдъ*. Король и въ этомъ важномъ случаѣ очутился въ необходимости отсрочить исполненіе козацкой просьбы, отговариваясь—чѣмъ же? тѣмъ, что и квартирное или коронное войско не получило еще заслуженнаго жолду, „но недостатку денегъ въ скарбѣ“.

Козаки просили позволенія расположить свою армию въ шляхетскихъ имѣніяхъ, во вниманіе къ оскудѣнію ихъ средствъ. Но королевская власть на шляхетскія имѣнія не простиралась, а законодательное собраніе не могло отдать пограничную шляхту на съѣденіе козакамъ, которые уничтожали всякую доходность имѣнія, лишь только въ немъ поселялись. Это значило бы собственными руками рунуть стѣну, сдерживавшую напоръ Азіи на Еврону.

Такимъ образомъ ресетровые козаки ни за то, что выдали Сулиму, ни за то, что сожгли его челны, разорили конь и забрали артиллерию, не получили никакой награды. Послы ихъ привезли только обѣщаніе, что жалованье будетъ выплачено не позже Рождественскихъ святокъ. Но наступилъ повій 1636 годъ; прошла въ

напрасныхъ ожиданіяхъ зима; приближался уже и лѣтній срокъ полученія жолда, день св. Ілїи, а деньги изъ Варшавы не приходили.

Нѣсколькихъ мѣсяцевъ проволочки было достаточно для Павлюка, чтобы поднятъ въ сулямищахъ подавленный козацкій духъ. Недовольные правительствомъ ресстровые козаки, въ свою очередь, не могли противиться убѣжденіямъ людей, бредившихъ вольною волею.

Бунтъ обнаружился прежде всего въ Переяславлѣ, котораго населеніе заключало въ себѣ козаковъ больше, чѣмъ всѣ другіе такъ называемые козацкіе города. Это былъ бунтъ козацкой черни, всегда готовой броситься на козацкую знать, которую она называла *дуками стбланиками* съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ низшая шляхта называла вельможныхъ пановъ *королями*. Для собственнаго спасенія, „значные козаки“ прикинулись такими же бунтовщиками, въ ожиданіи выручки отъ корошняго гетмана.

На первый разъ отвелъ грозившую имъ бурю прїѣздъ въ Переяславъ королевскаго комиссара Лукаша Жовковскаго. Онъ убѣдилъ козаковъ отерочить назначенную ими на день св. Ілїи войсковую раду, увѣряя, что скарбовый писарь ѣдетъ уже въ Украину съ козацкимъ жолдомъ. Но козацкая чернь, подзадориваемая сулямищами, продолжала твердить о недоплатенномъ жалованьѣ, другими словами — давать бунтовщикамъ предлогъ къ террору надъ старшиною. На бѣду, скарбовый писарь съ измышленными деньгами не являлся, а между тѣмъ одинъ изъ червопорусскихъ пановъ подалъ козакамъ повый поводъ къ волненіямъ.

Это былъ единственный сынъ русскаго воеводы, Яна Даниловича, и внучъ (по дочери) великаго Жовковскаго, Станиславъ Даниловичъ, владѣвшій широкимъ пространствомъ пустынной земли между Русью, Днѣпромъ и Тясминомъ, въ качествѣ корсунскаго старосты. Прибывши въ свой старостинскій городъ Корсунъ въ сопровожденіи обычнаго у знатныхъ пановъ почта, русскій воеводичъ, какъ его титуловали, расквартировалъ свою челядь въ домахъ ресстровыхъ козаковъ. За постои панскихъ служебниковъ и коронныхъ жолперовъ козаки обижались больше всего, какъ люди, освобожденные отъ всякихъ повинностей, и этотъ щекотливый пунктъ надлежало бы пану старостѣ обойти. Но не таковъ былъ русскій воеводичъ. Славный восприми своими подвигами, онъ отличался такимъ буйствомъ, какъ любой козакъ во время кинѣны козацкаго своевольтва. Въ 1631 году, на сеймовомъ съѣздѣ, „безъ всякой вины“, какъ пишетъ очевидецъ, искалѣчилъ онъ вишницкаго старосту Калиновскаго, отсѣкъ ему три пальца на правой рукѣ, ранилъ лѣвую и сверхъ того нанесъ

еще пятнадцать разъ. Маршалковскій сеймовый судъ объявилъ его лишеннымъ чести, или инфамисомъ. По обычаю всѣхъ знатныхъ преступниковъ, Данилѣвичъ старался смыть съ себя инфамію усердною общественною службою. Когда новый король предпринялъ походъ въ Смоленщину, Данилѣвичъ явился къ нему съ контингентомъ, содержаниемъ на собственный счетъ, и много ему содѣйствовалъ въ одолѣніи Шенна. Теперь онъ прибылъ изъ червононорусскихъ имѣній своихъ въ Корсунъ вербовать выписанныхъ изъ ресетра козаковъ для похода на Татаръ, которые угрожали украиннымъ поселеніямъ со стороны очаковскихъ степей. Здѣсь ему доложили, что монахи Никольскаго монастыря самовольно основали на его старостинской землѣ мѣстечки Булжигъ, Ворошы, Лозы и Пива. Данилѣвичъ велѣлъ прогнать чернецовъ изъ устроенныхъ имъ хозяйствъ, а повозможешное ими мѣстечко приписать къ старѣству.

Этимъ были затронуты интересы козаковъ, присоединившихся къ осадамъ, не подлежащимъ старостинскому прѣсуду. Старыя тяжбы Никольскаго монастыря съ низовцами за дѣвировскія угодія и недавнія жалобы монастыря Печерскаго на козацкіе грабежи свидѣлствуютъ, что козаки были тяжелы для монашескихъ хозяйствъ не меньше шляхты; но раздосадованные постосмъ корсунцы стали воиять, что Ляхи наступаютъ на христіанскую вѣру. Воили ихъ сдѣлаются еще характеристичнѣе, когда мы скажемъ, что Данилѣвичъ, навербовавши отрядъ выписчиковъ, пытался отразить съ нимъ татарскій набѣгъ, и погибъ въ отважномъ бою за безопасность Украины.

Ничто подобное не входило въ расчетъ пресловутыхъ борцовъ „за вѣру, честь, имущество и самую жизнь обитателей Малороссійской Украины“. Они имѣли въ виду лишь новый бунтъ, который долженствовалъ доставить имъ права, равныя шляхетскимъ. Общественное мнѣніе козацкихъ поселковъ терроризовало старшихъ козаковъ такъ сильно, что во всѣ полки разосланъ былъ, по выраженію комиссарской реляціи, очень горячій универсалъ, въ которомъ козацкій гетманъ Томиленко повелѣвалъ, подъ смертною казною, чтобы всѣ полки днемъ и ночью собирались „какъ на гвалтъ“, и прибывали къ арматѣ, которая выступитъ къ Русавѣ для генеральной рады.

Жовковскій былъ въ это время боленъ и чувствовалъ приближеніе смерти. По его представленію былъ назначенъ ему въ помощь другой комиссаръ, черниговскій подкоморій, Адамъ Свѣптольдовичъ Кисель изъ Врусилова.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ Малоруссовъ, которые строили и охраняли Польшу заботливѣе самихъ Поляковъ. По сомнительности его

отношеній къ другимъ борющимся народностямъ, его можно назвать роднымъ сыномъ князя Василя и роднымъ братомъ Петра Могиля; но по искусству лавировать между противодѣйственными силами онъ превзошелъ ихъ обоихъ. Когда внутренняя политика Сигизмунда III пресграждала дорогу къ возвышенію всѣмъ православнымъ, онъ умѣлъ получать королевскія пожалованія за одно то, что, ораторствуя на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры, позволялъ считать и называть себя униатомъ. По смерти Сигизмунда онъ принялъ сторону Петра Могиля, но постоянно возбуждалъ въ панисахъ надежды на примиреніе малорусской церкви съ римскою, и дѣлался необходимымъ какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, какъ для свѣтскихъ властей, такъ и для духовныхъ. Украинскія волненія послужили Киселю къ возвышенію, какъ человѣку вліятельному въ средѣ бунтовщиковъ. Они, эти волненія, заставили играть столько ролей, сколько существовало партій, желавшихъ видѣть въ немъ своего благодѣателя.

Въ качествѣ новаго комиссара, Адамъ Кисель явился лично въ козацкую раду. Тамъ голоса раздѣлились надвое. Одни требовали морскаго похода, другіе домогались наступленія на города, чтобы поместиться надъ тѣми властями, отъ которыхъ козаки терпятъ обиды, засѣсть въ панскихъ имѣніяхъ и ждать уплаты жолда на готовомъ хлѣбѣ, какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ жолнеры.

Киселю удалось уговорить козаковъ пождать по крайней мѣрѣ до праздника Рождества Богородицы, и, пока наступилъ обѣщанный имъ срокъ, онъ такъ искусно подѣлывалъ козаковъ на партіи, что одна партія мѣшала другой дѣйствовать въ видахъ задуманнаго бунта. Для этого принялъ онъ систему подкупа, на который козацкая старшина пошла безъ исключеній, а къ подкупу присоединилъ шпіонство, отъ котораго также не отказались члены козацкаго товарищества.

Здѣсь онъ весьма ловко воспользовался тѣми козаками, которые отличались богобоязливостью. Съѣздивъ въ Кіевъ къ своему пріятелю, Петру Могиля, и попросивъ его послать въ козацкій кошъ двухъ игуменовъ. Игуменамъ была вручена нисемная инструкція, какъ они должны были дѣйствовать на козацкіе умы. Наконецъ, прикинулся больнымъ, прощался нисемно съ единовѣрцами до загробнаго свиданія, а между тѣмъ сочинилъ фальшивое нисмо къ себѣ отъ короля и, въ видѣ особенной расположенности къ знатымъ козакамъ, послалъ его секретно Томиленку. Въ нисмѣ король выражалъ свое огорченіе, что козаки не вѣрятъ его обѣщаніямъ, что собрались устроить черную раду (совѣтъ войсковою черни), идти на Занорожье и опустошать панскія имѣнія; потомъ увѣрялъ Киселя, что деньги будутъ высланы не-

премѣнно, и грозилъ козакамъ своимъ гнѣвомъ, если они будутъ упорствовать въ мятежныхъ замыслахъ.

Между тѣмъ въ официальныхъ дописаніяхъ своихъ Кисель называлъ козаковъ людьми religionis nullius, bellua sine capite (не имѣющими никакой вѣры, безголовымъ чудовищемъ), дикарями, на которыхъ всего лучше дѣйствовать страхомъ. „Они уважаютъ духовныхъ греческой религійи и любятъ богослуженіе“, писалъ онъ къ Конецпольскому: „но сами похожи больше на Татаръ, чѣмъ на христіанъ“. Козацкій бытъ уподоблялъ онъ вереду, который лопнетъ только тогда, когда парветъ, и вообще относился къ козакамъ съ отчужденіемъ и презрѣніемъ, вовсе не такъ, какъ иновѣрецъ Конецпольскій, который уважалъ въ нихъ рыцарскій духъ, третировалъ ихъ какъ шляхтичъ шляхтичей, предстательствовалъ за нихъ у короля, скорбѣлъ о нихъ, осматривая поле битвы.

То подкуная козаковъ, то мороча ихъ своими выдумками, то дѣйствуя на почитателей духовенства и любителей православнаго богослуженія, Кисель держалъ Запорожское Войско въ нерѣшимости отъ августа 1636-го до апрѣля 1637 года, и уже хвалился своимъ успѣхомъ въ разрушеніи запорожской крामолы. Но козакъ охладѣли на время къ бушту по другимъ, болѣе сильнымъ вліяніямъ.

Крымскіе ханы давно уже рвались изъ-подъ султанскаго вассальства, подобно дунайскимъ князьямъ, и готовы были сдѣлаться польскими пограничниками. Уже въ 1597 году Крымцамъ было такъ тѣсно въ обѣдѣлой Тавридѣ, что они предлагали Сигизмунду III свое подданство. Но Сигизмундъ польскій домогался въ то время шведской короны, и оставилъ ихъ посольство безъ отвѣта. Въмѣсто того, чтобъ обратитъ свой добычный промыселъ на турецкія владѣнія, Татары продолжали существовать на счетъ Польши, и пограничныя польскорусскія области, за политическую несостоятельность правительства, платились многими и многими тысячами асыра. Тенерь еще однажды представился Польшѣ случай сдѣлать изъ Крымцевъ относительно Турціи то, что сдѣлала изъ козаковъ Москва относительно Польши.

Разобиженный турецкимъ султаномъ Инаеть-Гирей предлагалъ польскому королю свое вассальство. Онъ просилъ у Владислава хоть небольшой помощи, чтобъ уничтожить своихъ измѣнниковъ, Будацкихъ Татаръ, и завоевать все заднѣстровскія турецкія колоніи до самаго Дуная. На свою долю крымскій ханъ бралъ одну добычу; города и землю предоставлялъ королю. Конецпольскій сильно настаивалъ на принятіи ханскаго предложенія, представляя Владиславу IV, что по-

добный случай успокоить Польшу со стороны Азии никогда не повторится. Но въ Варшавѣ боялись новыхъ успѣховъ предприимчиваго короля. Въ Варшавѣ боялись даже той популярности, которою онъ пользовался у своихъ сподвижниковъ, козаковъ. Татарское присоединеніе къ Коронѣ, вмѣстѣ съ готовностью днѣпровской вольницы идти войной подъ самый Царьградъ, сдѣлало бы короля независимымъ отъ шляхты; а еслибы Владиславу удалось образовать въ Турціи отдѣльное царство, какъ объ этомъ была у многихъ мысль послѣ Хотинской войны, тогда бы польскій король явился такимъ же неограниченнымъ государемъ среди „королятъ“, какимъ былъ московскій самодержецъ среди потомковъ удѣльныхъ князей. Законодательное собраніе шляхты не дало Владиславу денегъ для поддержки турецко-татарскихъ смуть и помѣшало набирать войско для занятія турецкихъ кресовъ, или украинъ. Между тѣмъ въ переговорахъ съ представителями шляхетскихъ партій ушло драгоценное время. Щедрый на обѣщанія, мечтательный и вмѣстѣ безстыдный Владиславъ обпадежилъ Инасть-Гирея своею помощію, по ограничилъ се тѣмъ, что, тайкомъ отъ своихъ напавъ рады, дозволилъ козакамъ идти съ Крымской Ордой за Днѣстръ.

Предводителемъ козацкаго контингента былъ не кто другой, какъ Павлюкъ. Онъ увлекъ за собой самую буйную часть Запорожскаго Войска, и вотъ почему дипломатія Киселя представлялась успѣшною. Но козаки, безо всякой дипломатіи, сдѣлали напрасными всѣ ухищренія королевскаго комиссара по козацкому вопросу и всѣ старанія королеваго гетмана по вопросу татарскому. Въ то время, когда павлюковцы геройствовали подъ ханскимъ бунчукомъ въ Буджакахъ, менѣе доблестные товарищи ихъ воспользовались отсутствіемъ босваго народа изъ Крыма, и сдѣлали опустошительный набѣгъ на очаковскіе улусы. Ханскій походъ увѣнчался было успѣхомъ. Буджацкая Орда была разбита, разогнана, ограблена, и покорившіеся уймаки пашлись вынужденными переселиться въ Крымъ. Но вѣсти о козацкомъ набѣгѣ на очаковскія кочевья заставили Инасть-Гирея послѣдить возвращеніемъ въ свой Крымскій Юртъ, а въ его отсутствіе покорившіеся ему буджацкіе мурзы взбунтовались, побили на переправахъ султановъ, какъ титуловались ханскіе принцы, и вернули свою Орду съ ея стадами на Буджаки.

Такимъ образомъ крымскій ханъ изъ друга снова сдѣлался врагомъ Польши, а вредоносная Буджацкая Орда угнѣздилась за Днѣстромъ по-прежнему. Между тѣмъ Турки, зная, что козаки помогали хану опустошать султанскія владѣнія, считали себя въ правѣ разорвать съ Польшею миръ, а паша добычники, ходившіе въ Буджаки,

съ соизволенія короля и въ очаковскія стѣны вопреки его волѣ, подъяли снова въ Украинѣ мятежъ, который началъ было утихать.

Къ прѣжнимъ неудовольствіямъ козаковъ прибавилось теперь новое. Въ отсутствіе Навлюка, козацкая старшина отправила на сеймъ просьбу объ уплатѣ задержаннаго за четыре года жалованья. При этомъ козаки просили, чтобы въ козацкій ресстръ на вакантныя мѣста вписывали только тѣхъ, кого желаетъ войско, чтобы войсковая армата содержалась на счетъ королевскаго скарба, а скарбовыя рудокопни и селитренныя заводы отпускали, сколько понадобится ей, желѣза и пороху. Въсѣгѣ съ тѣмъ козаки жаловались на королевскихъ чиновниковъ, которые не только выгоняютъ козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній, но не допускаютъ ихъ жить и въ имѣніяхъ королевскихъ, такъ что множество козаковъ выселилось уже съ женами и дѣтьми къ московскому Бѣлгороду.

„Это потому (писали козаки), что намъ не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не дозволяютъ торговать горѣлкою, пивомъ, медомъ; даже на свадьбы и крестины не позволяютъ намъ курить и варить напитки. А тутъ еще паны старосты, поссорившись, паѣзжаютъ одинъ на другаго, и въ своихъ паѣздахъ бьютъ козаковъ. Между тѣмъ дворы, оставшіеся по смерти козаковъ, умершихъ на королевской службѣ, поступають въ распоряженіе пановъ старостъ и подстаростіей, которые грабятъ козацкое имущество, выгоняютъ козацкихъ вдовъ, и даже престарѣлыхъ, неспособныхъ уже къ службѣ стариковъ бранятъ, грабятъ и обижаютъ“.

То было время преслѣдованія стараго митрополита молодымъ, убогаго ипока богатымъ паномъ въ бѣломъ клобукѣ. Исаія Копинскій, вытѣсненный изъ Михайловскаго и Мгарскаго монастырей, считался уже, пресогорченный и безпомощный, среди того народа, которому онъ отдалъ всю жизнь, и своими сѣтованіями будилъ недовольство сильными міра сего въ сердцахъ не только обиженныхъ ими, но и завистливыхъ къ нимъ людей.

Одновременно съ нимъ странствовалъ берестовскій игуменъ, Аонасій Филиповичъ, на большихъ разстояніяхъ между Варшавою, Москвою, Кіевомъ и Литовскою Брестью. Этотъ ипокъ, полупомѣшанный на пылѣннѣйшій взглядъ, но вдохновенный свыше на тогдашній, видѣлъ небесныя знаменія, предвѣщавшія гибель уни, которой онъ приписывалъ всѣ ссоры пановъ съ панами, мѣщанъ съ мѣщанами, жолнеровъ съ жолнерами, и заподозривалъ въ пристрастіи къ ней даже тѣхъ, которые, подъ предводительствомъ Петра Могила, отвосвали у униатовъ нѣсколько церквей и монастырей.

И тѣми же самыми дорогами скиталось безъ пристанища по всей Малороссіи множество пизшаго духовенства, „удеспектованнаго“, какъ выразился Филищовичъ, повымъ митрополитомъ, и за кусокъ хлѣба платило самыми возмутительными слухами объ утѣсеніи православія. Умы неучепыхъ, но тѣмъ еще больше приверженныхъ къ старымъ порядкамъ поповъ, монаховъ и пажобныхъ мірянъ были раздражены переворотомъ въ церковной іерархіи, который намъ представляютъ продолженіемъ дѣятельности Борецкаго и его аоонской школы. Православная шляхта не называла Петра Могилу митрополитомъ до самой смерти Копинскаго; а между тѣмъ о немъ повторялись вездѣ такіе рассказы: что онъ бралъ приступомъ православные монастыри, точно пновѣрецъ; что, выхлопатавъ себѣ привилегію на монастырь и вломившись въ него съ пушками, какъ въ непріятельскую крѣпость, допытывался у монаховъ денегъ побоями; что престарѣлыхъ и слѣпыхъ игуменовъ, послѣ побосевъ, клалъ живыми въ гроба, и позволялъ себѣ надъ непокорными его вслѣбнымъ черницами такую тиранию, такую когда-либо видывали въ монастыряхъ. Одинъ изъ православныхъ паповъ, спасавшійся отъ Хмельничины въ Печерскомъ монастырѣ, вписалъ въ свой дневникъ мѣстнос преданіе, что слуги Петра Могилы схватили въ Михайловскомъ монастырѣ самого Копинскаго и, перекинувъ, точно какой мѣшокъ, черезъ копя, привезли въ Печерскій монастырь.

Больше изъ пенависти къ иноплеменному владыкѣ, господствовавшему открытою силою, нежелли на основаніи точныхъ извѣстій, поны и черницы шумѣли по всей Малороссіи, что Могила идетъ путемъ Рогозы, Терлецкаго, Потѣя, а полубезумный отъ огорченій, дряхлости и нищеты Копинскій писалъ къ разлученной съ нимъ братіи Мгарскаго монастыря, — будто-бы польскій король съ панами своей рады и арцыбискупамн постановилъ на сеймѣ уничтожить православную вѣру въ Польской и Литовской землѣ, обратить православныя церкви въ римскіе костелы, упразднить монастыри и вывести русскія книги; будто бы Петръ Могила отпалъ отъ христіанской вѣры и благословилъ отъ римскаго папы въ патріархи; причемъ будто бы Могила далъ польскимъ панамъ и арцыбискупамъ клятву сохранять одинъ видъ христіанской вѣры, а между тѣмъ христіанскую вѣру своимъ учепіемъ попать и всю службу церковную вмѣстѣ съ римскою вѣрою уставить по наказу римскаго папы.

Казалось бы, козакамъ, столь тѣсно связаннымъ, судя по нѣкоторымъ ихъ демонстраціямъ, съ церковью, слѣдовало бы, при семъ удобномъ случаѣ, упомянуть объ опасности, грозившей православію.

По они, во всю войну 1637 и 1638 годовъ, ни въ просьбахъ на сеймъ, ни въ жалобахъ, подаваемыхъ королю и коронному гетману, ни даже въ сношеніяхъ съ частными лицами, не обозначили черты, которою обыкновенно характеризуютъ у насъ козацкіе бунты. Между тѣмъ это была первая козакошляхетская усобица, о которой до насъ, игрою случая, весьма обильная переписка не только козаковъ съ ихъ противниками, но также и людей, постороннихъ козацкимъ интересамъ, однакожъ интересовавшихся вопросами церкви и экономическимъ бытомъ польскорусскаго общества въ Малороссіи.

Совокупность всѣхъ официальныхъ и частныхъ писемъ десятилѣтней эпохи, предшествовавшей бунту Хмельницкаго, представляетъ борьбу малорусскаго духовенства и малорусскихъ мѣщанъ съ папистами за религіозные и экономическіе интересы церкви съ одной стороны и борьбу землевладѣльцевъ съ разбойно-помаднымъ элементомъ за успѣхи сельскаго хозяйства—съ другой. Козаки въ глазахъ не только католической, но и православной шляхты, являются, если не наемниками воюющихъ между собою свѣтскихъ и духовныхъ пановъ, то партизанами какого-нибудь атамана, который сзывалъ ихъ подъ свой бунчукъ, то противъ оплонныхъ Татаръ и Турокъ, то противъ тѣхъ властей, которыя не давали имъ свободно заниматься добычнымъ промысломъ. По отношенію къ Польшѣ, они являются такими точно удалцами и разбойниками, какими были Хлопки Косолопы по отношенію къ Москвѣ, съ тою только разницею, что единоначальный характеръ московскаго общества не допускалъ домашней орды образоваться въ подобіе вольнаго рыцарства ни по украинамъ государства, ни на Дону.

На просьбу реестроваго козачества о расширеніи правъ его послѣдовало рѣшеніе, показывавшее, что правительство не намѣрено потворствовать ему ни въ чемъ. По исчисленію „скарбовыхъ людей“, козакамъ слѣдовало доплатить жолдъ за три, а не за четыре года. Именемъ короля имъ отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, отказывали въ правѣ покупать въ городахъ мѣста для поселенія и въ правѣ заводить собственныя випокурни и пивоварни; наконецъ, объявили, что въ козацкій реестръ будутъ вписываемы только люди, аттестованные папами старостами, и сдѣлали козакамъ выговоръ за то, что они своевольно селятся въ Корсуни, возбуждая въ своемъ войскѣ неудовольствія на распоряженія мѣстнаго старосты.

Озлобленные такимъ рѣшеніемъ козаки собрали въ апрѣлѣ 1637 года раду между Русавою и Кагарлыккомъ. Передъ созваніемъ рады

пущена была по всёмъ козацкимъ околицамъ „поголоска“, будто бы король будетъ воевать съ турецкимъ султаномъ, и для того призвезъ на службу всёхъ желающихъ сдѣлаться козаками. Охотниковъ до козацкаго промысла было въ Малороссіи такъ много, что въ раду собралось болѣе 10.000 человекъ, и эти десять тысячъ угрожали превратиться въ двадцать, въ тридцать и болѣе.

Королевскіе комиссары, подольскій воевода Станиславъ Потоцкій и черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, предупреждая разливъ козачества, поспѣшили явиться среди рады съ экарбовымъ шенаремъ, который привезъ наконецъ козакамъ жолдъ. Но они тотчасъ замѣтили, что недоплата жолда служила ресстровикамъ только предлогомъ къ бунту. Козаки грозили двинуться всею своею массою на Запорожье. Козаки готовились оставить Королевскую Землю совсѣмъ и переселиться въ Землю Царскую. Козаки требовали, чтобъ имъ вернули Корсунъ для помѣщенія войсковой арматы, и не хотѣли возвратить четырехъ захваченныхъ въ Кіевѣ пущекъ.

Комиссары отклонили ихъ требованіе совѣтомъ — обратиться вновь къ королю съ просьбою объ ихъ пущадахъ на ближайшемъ сеймѣ, такъ какъ инструкція уполномочивала ихъ (комиссаровъ) только на приведеніе Запорожскаго Войска въ порядокъ. Они показывали козакамъ отсчитанныя уже деньги, и велѣли произнести присягу согласно Куруковской комиссіи. Но тутъ поднялся новый ропотъ. „Довольно уже мы присягали!“ кричали козаки. „Довольно уже мы выполняли всего такого и теперь выполняемъ!“

„Наны молодцы“ (сказалъ имъ тогда Потоцкій) „не доводите Рѣчь Посполитую до крайности. Если еще однажды обижать она противъ васъ мечъ, то обижать его съ тѣмъ, чтобъ изгладить и самое имя ваше. Пускай лучше эта земля заляжетъ у нея пустыремъ, пускай лучше водятся здѣсь дикіе звѣри, чѣмъ бунтующая чернь. Начать маетесь вы, пожалуй, начнете, но до предполагаемой цѣли не доведете никогда. Не грозите намъ тѣмъ, что уйдете на Запорожье. Здѣсь въ Украинѣ останутся ваши жены и дѣти, да и сами вы долго оставаться за Порогами не можете. Рано или поздно, но принесете наконецъ головы подъ саблю Рѣчи Посполитой. Напрасно также грозите вы измѣнить королю и переселиться въ другія мѣста. Отчизна ваша — Днѣпръ. Нигдѣ вы не найдете другой такой. Дома и сравнивать нельзя съ Днѣпромъ, равно какъ и тамошней неволи съ здѣшнею свободой. Что рыбѣ безъ воды, то козакамъ безъ Днѣпра; и чей Днѣпръ, того и козаки должны быть вѣчно“.

Послѣ такой рѣчи, комиссары попрощались съ козаками, и объявили, что возвращаются къ королю съ деньгами и съ донесеніемъ объ ихъ бунтѣ.

„Это убѣжденіе“, писали они въ своей реляціи, „такъ размягчило варварскія сердца, что у многихъ козаковъ полились слезы. Одни паны остались непреклонными. Старшій ихъ, хотя простой, но трезвый и скромный человекъ, положилъ булаву и комышину, знаки своей власти, поклонился всему войску, пожелалъ ему лучшаго согласія подъ начальствомъ болѣе счастливаго вождя, и удалился изъ рады“.

Козаки раздѣлились на партіи, и спорили одни съ другими отъ утра до вечера. Наконецъ упростили Томиленка вернуться на свой постъ, присягнули по всей формѣ, и тотчасъ же одного бунтовщика, какого-то Грибовскаго, приковали къ пушкѣ. Но сгорѣжка освободила узника и выѣтъ съ нимъ ушла за Пороги.

Тамъ находился глава мятежной партіи, Павлюкъ, дававшій камергеру козацкой радѣ. Педѣли черезъ двѣ онъ сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, овладѣлъ войсковою арматою, и увезъ ее на Запорожье. Такимъ образомъ уплата козакамъ жолда и торжественная присяга на основаніи Куруковской коммиссіи не послужили ни къ чему.

Узнавъ о похищеніи арматы, Томиленко послалъ къ Павлюку двухъ козаковъ съ обѣщаніемъ образумиться и вернуть армату Запорожскому Войску. Но титулъ Запорожскаго Войска павлюковцы присвоили себѣ, и; въ качествѣ главнѣйшихъ представителей козачества, увѣдомили ресстровиковъ изъ Микитина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь, о своемъ намѣреніи исправить безпорядки, произведенные будто бы козацкою старшиною въ Украинѣ во время ихъ пребыванія у крымскаго хана.

Это увѣдомленіе было не что иное, какъ прокламація, вооружавшая войсковую чернь противъ старшины и вызывавшая ее изъ Украинъ за Пороги. Въ виду апокрифическихъ прокламацій, принятыхъ у насъ за автентичныя, и въ виду невозможности положенія, какое даютъ у насъ козакамъ въ исторіи Малороссіи, мы этотъ документъ, писанный козаками къ козакамъ на польскомъ языкѣ, прочтемъ съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ него видно, какимъ тономъ надобно было павлюковцамъ говорить съ людьми невѣжественными и чѣмъ возможно было подвинуть на первый революціонный шагъ покорную правительству массу. Онъ перебираетъ всѣ чувствительныя струны въ козацкихъ сердцахъ; но между этими струнами не оказывается въ немъ ни приверженности къ церкви, ни патріотизма, которыми отличаются козаки, изображенные нашею исторіографіею.

.....„Услыхавъ о такомъ безславн войсковой арматы“ (писали павлюковцы), „что она не имѣеть уже мѣста на власти, мы этимъ очень огорчились, и напались вынужденными выйти изъ Запорожья, чтобы взять ее къ себѣ. Причемъ, по милости Божіей, не сдѣлано нами никакого насилія ни товарищамъ нашимъ, козакамъ, ни папамъ-урядникамъ. Никого пигдѣ не *росквиливили* (не доведя до вопля), мы взяли армату, какъ собственныя клейноты и скарбы. Теперь—хвалимъ Бога и его святу ю милость—войсковая армата поставлена на обычномъ мѣстѣ, въ которомъ она явилась во времена славы памяти предковъ козацкихъ, старинныхъ добрыхъ молодцовъ Запорожскаго Войска. Каковыя козацкіе предки, старинныя добрыя молодцы, стояли за насъ грудью и проливали кровь въ разнообразной службѣ королямъ, милостивымъ папамъ своимъ, и всей Рѣчи Посполитой. Выходя изъ Запорожья съ арматою, для славы королей, милостивыхъ паповъ своихъ, козаки, подъ ихъ предводительствомъ, добывали славу и корысть Запорожскому Войску и никогда не лежали на власти, никакой кривды не дѣлали подданнымъ его королевской милости, равно какъ и въ имѣніяхъ шляхетскихъ; а побывавши гдѣ-нибудь на королевской службѣ и получивъ за свои заслуги кровавыя жолды, обыкновенно ставили армату на Запорожьѣ. И этакъ было хорошо; этакъ не надобно было имъ обращаться съ плачемъ и жалобами къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и къ папамъ урядникамъ украиннымъ. До сихъ поръ много есть въ Запорожскомъ Войскѣ старинныхъ добрыхъ молодцовъ, которые помнятъ, какъ водилось прежде.

„Но теперь“ (продолжаютъ павлюковцы) „одишь только Богъ Святыи можетъ знать, что въ этомъ Войскѣ дѣлается. Козацкіе старшіе—да благословить ихъ Богъ—не оглядываются на предковъ и не соревнуютъ тѣмъ папамъ-гетманамъ Войска его королевской милости Запорожскаго, которые подвизались для доброй славы съ арматою и клейнотами войсковыми,—тѣмъ гетманамъ, которые постоянно пребывали съ войскомъ на Запорожьѣ. Въмѣсто того, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, помѣстивши армату и войсковыи скарбы на власти, не могли почему-то идти за Пороги. Точно медвѣдя изъ лозъ, такъ трудно было сорвать коньми армату обратно на обычныя мѣста, гдѣ и кони бывали не нужны. Богъ Милосердый вѣдаетъ, что это такое. Видно, отяжелѣла и, по причинѣ великой тяжести, не имѣла мѣста на власти. Поставили было армату въ Корсуни, такъ папы жолперы выгоняли, а въ Кіевъ и въ Бѣлую Церковь, откуда получала она содержаніе, нечего было и думать. Неужели вы забыли Буруковскую комиссію, а равно и то, что по Кіевъ и Бѣлую Церковь папы-жолперы не долж-

ны были ступить и ногою по сю сторону? *) Потомъ они измѣнили даншую имъ присягу, и дали намъ на содержаніе войсковой арматы только Черкасы, Чигиринъ и Ырыловъ **), гдѣ уже и людей пѣтъ, съ которыхъ бы армата могла имѣть содержаніе. Но и оттуда паны урядники повыгоняли насъ. Не обвиняйте же насъ за то, что мы, взявши армату, поставили ее на обычномъ мѣстѣ. Сами вы должны согласиться съ нами, что пока армата стояла на власти, то и выписи многократно бывали, за то что паны-урядники клеветали на насъ передъ его королевскою милостію. Но этой причинѣ перестали насъ уважать и повыгоняли нашихъ товарищей изъ шляхетскихъ имѣній, а заслуженныхъ козаковъ грабили и повернули подъ свои права, и вновь ограбили“.

Оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ все вопросы малорусской общественности, чуждые козакамъ по существу дѣла, представляя Курковскую комиссію въ превратномъ видѣ, говоря небывальщину о козацкихъ правахъ и сосредоточивая вниманіе массы на обидахъ отъ старшины и мѣстныхъ властей во вкусѣ престопаднаго многословія, навлюковскій универсалъ переходитъ къ прямому вооруженію войсковою черни противъ старшины.

„Все это случилось потому, что наши старшіе въ панскихъ имѣніяхъ на власти брали частыя и нестерпимыя *стипендіи*, и обращали въ свою корысть. Вотъ за что нашихъ товарищей повыгоняли изъ шляхетскихъ имѣній и имущества ихъ пограбили. Ибо паны-урядники, хотя бы провинился и не товарищ панъ, тотчасъ клеветали пану коронному гетману на все войско, а панъ коронный гетманъ доносилъ его королевской милости, и отъ того войско наше подвергалось безвинно немилости и неудовольствію короля, нашего пана; отъ того и заслуженный жолдъ не доходилъ до нашего войска. Поэтому было бы гораздо лучше, когда бы козаки составляли одну компанію, одно войско, и у нихъ былъ бы одинъ старшій, а не два. Жили бы мы тамъ заодно, при войсковомъ скарбѣ, какъ братъ съ братомъ, въ страхѣ Божіемъ и въ добродѣтели и въ вѣрѣ, одинъ другаго почитая, какъ дѣлали наши предки, не давая своимъ врагамъ радоваться и топчя ихъ подъ ноги.

„Напрасно вы называете насъ измѣнниками и грозите панамъ жолцерами; напрасно требуете, чтобы мы вернулись назадъ съ арματοю. Мертвый не встанетъ изъ гроба: такъ и мы не думаемъ о возвращеніи арматы. Нѣтъ, лучше вы смягчите сердце ваше и прибь-

*) Ничего подобнаго нѣтъ въ Курковскихъ пунктахъ.

**) Такой же вымыселъ.

вайте къ намъ охотно и одностайно съ остальными восковыми клей-
потами. Будемъ жить вмѣстѣ при войсковомъ скарбѣ; а если его ко-
ролевской милости, нашему милостивому пану, понадобится войско,
то можетъ онъ и здѣсь насъ найти и повелѣтъ намъ своимъ милости-
вымъ писапьемъ идти на его непріятеля. Такъ предки наши хаживали
изъ Запорожья на коронную службу. Но еслибы наша земля жила
въ покоѣ и намъ бы не было повелѣно ходить ни на море, ни на
поле, тогда бы мы всѣ одностайно жили здѣсь на обычныхъ мѣстахъ,
сторожа непріятеля и не допуская вторгнуться въ нашу землю. А то
вырвется изъ города какой-нибудь ватажокъ на море, а на все войско
падаетъ худая слава и королевская немилость, и отъ того пылаетъ
разгорѣвшійся огонь. Вы пишете, будто бы этотъ огонь разрастается
отъ насъ. Нѣтъ, мы въ томъ невиноваты. Соединитесь-ка въ одну
компанію, погасимъ этотъ огонь и пошлемъ общихъ пословъ къ его
королевской милости съ объявленіемъ, почему армата не имѣетъ мѣ-
ста на власти. Кто опасается наказанія за свой проступокъ, пусть
успокоится: войско присягнуло на томъ, чтобы жить по-братски и про
плаго никогда не вспоминать. Но, еслибы, сохрани Боже, вы взду-
мали быть нашими врагами и въ одной компаніи съ нами-жолнерами
поднялись на наше имущество, на нашихъ женъ и дѣтей, то вашимъ
женамъ, имуществамъ и дѣтямъ достанется отъ насъ скорѣе. Только
мы далеки отъ этой мысли. Мила намъ ваша родная земля, такъ же,
какъ и вамъ, только не хочется она къ намъ прихилиться и жить съ
нами въ согласіи“.

Универсалъ оканчивается угрозою тѣмъ, которые правили обще-
ственнымъ мнѣніемъ ресетровиковъ.

„Слышали мы, что ваша милость, панъ-гетманъ, хотѣли идти на
Запорожье, да только пѣкето изъ вашихъ совѣтниковъ не пустилъ васъ,
именно панъ Онушкевичъ, этотъ высокоумный писарь. Былъ уже такой
премудрый писарь, Вовкъ, что сбивалъ войско съ толку, да и самъ
измѣнилъ намъ. Пускай же бережется, чтобъ и ему не было того,
что Вовку“.

Глава IX.

Козакопанская усобица 1637 года.—Реестровики и выписчики?—Лѣвая сторона Дибра встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коронное войско идетъ на козаковъ.—
Битва подъ Кумейками. — Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта.

Предводители реестроваго козачества видѣли, что Павлюкъ идетъ по слѣдамъ Нѣмайла и Тараса Оedorовича. Они умоляли короннаго гетмана спасти ихъ отъ участи Саввича Чорнаго. Оправдывая свою оплошность относительно войсковой арматы, они увѣряли Конецпольскаго въ непоколебимой рѣшимости своей сохранить постановленіе Куруковской комиссіи и Переяславскихъ пактовъ, а о Павлюкѣ доносили, что онъ своими универсалами бунтуетъ противъ земледѣльцевъ (rolników) и пановъ служилую чернь, освобождая каждаго, кто называетъ себя козакомъ, отъ какихъ-либо обязательствъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ они хлопотали, чтобъ украиннымъ властямъ было строго запрещено допускать подвозъ съѣстныхъ припасовъ на Цизь, а помѣщикамъ и ихъ помѣстникамъ было наказано удерживать своихъ подданныхъ отъ побѣговъ за Пороги.

По реестровики, въ свою очередь, раздѣлились на двѣ партіи: одни были готовы идти къ Павлюку; другіе видѣли въ его бунтѣ бѣду для всего Запорожскаго Войска. Томиленко долго колебался между революціонерами и консерваторами, наконецъ поддался страху козакаго террора, отъ котораго не спасли Саввича Чорнаго ириверженцы Конецпольскаго. Тогда консерваторы собрали раду на рѣкѣ Русавѣ, изложили Томиленка, какъ челоуѣка ненадежнаго, и вѣрили старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ Великоруссу. Смѣстили вмѣстѣ съ нимъ и заподозрѣнныхъ войскомъ старшинъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Конецпольскій сдѣлалъ козакамъ выговоръ за самоуправство, однакожь оставилъ новый персоналъ ихъ управленія безъ перемѣны. Павлюкъ между тѣмъ воспользовался истреворотомъ весьма искусно.

Возвышеніе Саввы Кононовича и другихъ знатныхъ козаковъ на степень войсковой старшины произошло не безъ интригъ и соперничества въ козацкомъ товариществѣ. Это было Павлюку на руку. Переяславцы давно уже вооружили противъ себя общественное мнѣніе суровыхъ пизовцевъ. Слава ихъ за Порогами стала „недоброю“ еще въ то время, когда Лукашъ Жовковскій проживалъ въ Переяславѣ. Онъ задавалъ значнымъ козакамъ банкеты, слѣдуя примѣру Оомы Замойскаго, который, будучи кіевскимъ воеводою, угощалъ козаковъ, по выраженію его біографа, *humanissime*. Расположивъ къ себѣ вліятельныхъ между козаками людей, Жовковскій пріобрѣлъ въ нихъ орудія для подавленія бунта, который долженствовалъ охватить козачество вслѣдъ за разореніемъ Кодака. Переяславцы нашли способъ овладѣть кошемъ Сулимы, и отдали въ руки пану комиссару схваченныхъ ими бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ, какъ мы знаемъ, были представлены самими козаками на сеймъ, а другіе отправлены Жовковскимъ снать валы въ пограничномъ тогда замкѣ Гадячѣ, принадлежавшемъ коронному гетману. Эту кару пизовцы приняли къ сердцу ближе, нежели самую казнь Сулимы. Въ козацкой перепискѣ говорится, что разорителей Кодака употребляли на земляную работу съ обрѣзанными ушами. Зная, что и при Петрѣ Великомъ, при пасынкѣ Кіевопечерской крѣпости, козаки доводили его инжперовъ до того, что имъ обрѣкали шагами уши, мы понимаемъ, какъ это дѣлалось 70 лѣтъ назадъ. Во всякомъ случаѣ, для козацкой расправы съ переяславцами представился теперь удобный случай. Составилась компанія людей, готовыхъ на все, и, съ быстротой татарскаго палета, появилась, подъ предводительствомъ самого Павлюка, въ Украинѣ. Ставши кошемъ въ Боровицѣ, городѣ, основанномъ Вишпсвецкимъ, Павлюкъ отправилъ летучій отрядъ, подобный тому, который овладѣлъ въ Черкасахъ войсковою арматою. Запорожцы схватили Савву Кононовича вмѣстѣ съ писаремъ Опушкевичемъ и повопоставленными старшинами, забрали все ихъ имущество, заключавшееся, какъ водилось у козаковъ, въ одной движимости, и доставили въ Боровицу. Здѣсь козацкіе измѣнники были осуждены на смерть и казнены предъ глазами мѣстныхъ жителей.

По запорожцы, рыскавшіе по переяславскимъ хуторамъ, для грабежа и ареста старшинъ, были обмануты въ своей гонитвѣ реестровымъ товарищемъ, Пляшемъ Караймовичемъ. Этотъ Армяпинъ, или, какъ пишутъ иныя, крещеный Жидъ, умудрился схватить двухъ Павлюковыхъ атамаповъ, Ганжу и Смолягу, иначе Смольчугу, потомъ, забравши свою движимость и окруживши себя дружиною пріятелей ко-

заковъ, пробрался къ корошному гетману въ Баръ, и принесть ему вѣсти о новомъ переворотѣ въ козацкой Украинѣ. Подобно тому, какъ въ 1630 году, по смерти Саввича Чорнаго, запорожскій революціонеръ Тарась восторжествовалъ надъ партією консерваторовъ,—Павлюкъ господствовалъ теперь надъ всѣми козаками, и провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ нимъ заодно дѣйствовалъ и низвергнутый переяславцами Томиленко. Но въ Украинѣ Павлюкъ не остался. Онъ сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ новаго чигиринскаго полковника, Карпа Павловича Скидана, иначе Гудзана, поручивъ ему приготовить украинскую чернь къ общему бунту, а самъ отправился за Пороги для окончательнаго устройства своего войска.

Павлюковскій бунтъ могъ быть подавленъ посредствомъ самихъ козаковъ, какъ и Судиминскій; по въ это время Польша находилась въ такомъ положеніи, что правительство имѣло вынужденнымъ смотрѣть на козацкія злодѣйства сквозь пальцы, какъ войсковую усобицу, и готово было признать за Павлюкомъ старшинство, какъ признано за Кононовичемъ.

Турки не простили Полякамъ поддержки крымскаго хана. Кромѣ того, ихъ раздражало появленіе на Черномъ морѣ новыхъ часкъ изъ Запорожья. Они готовились къ войнѣ, и, какъ было слышно, наводили уже два моста на Дунай. Ханъ между тѣмъ игралъ двусмысленную роль, то подговаривая Поляковъ къ общей войнѣ съ Турками, то входя съ турецкимъ диваномъ въ условія на счетъ переселенія Буджацкой Орды, и угрожая Польнѣ вторженіемъ. 1637-й годъ былъ неурожайный. Дороговизна возросла до небывалой степени. Денегъ въ королевскомъ скарбѣ не было вовсе. Не на чтò было снарядить и одного новаго полка; а старыя кварталныя хоругви, не получая жалованья, жили въ долгъ и закладывали ростовщикамъ даже свое вооруженіе. Въмѣсто повинностей ротмистрамъ, жолнеры бунтовали, подобно козакамъ, и, въ видѣ реквизиціи, грабили королевскія, шляхетскія и духовныя имущества.

Правительственная неурядица дошла до того, что корошпый гетманъ Концепиольскій сдѣлалъ манифестацію передъ Рѣчью Посполитою, слагая съ себя отвѣтственность въ томъ, что войско не выведено въ поле. При такихъ обстоятельствахъ ему было не до козаковъ. Видя отечество въ томъ положеніи, въ какомъ оно было передъ Хотинскою войной, онъ сплзшелъ до того, что послалъ къ Павлюку двухъ ротмистровъ съ замысломъ на войну съ Турками. Но Павлюкъ отвѣчалъ, что козацкія знамена обветшали, что казаки отказываются ходить въ битву *за шматъемъ*, и просилъ прислать Запорожскому Войску новое

знамя вмѣстѣ съ другими войсковыми знаками. На такое униженіе передъ бунтовщикомъ Конецпольскій согласиться не могъ. Онъ обратился къ частнымъ средствамъ, которыми польскорусскіе паны обыкновенно выручали свое отечество въ его опасныхъ столкновенияхъ съ азіятцами.

Между тѣмъ недавно пріобрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался новымъ источникомъ бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ со стороны ея общественной разладицы. Онъ отличался издавна пустышностью, какъ вообще были пустыни и польскія, и московскія окраины. Война 1633—1634 года заставила убраться отсюда все зажиточное, все прочно осѣдлое и хозяйственное. Остались одни тѣ подонки населенія, изъ которыхъ обыкновенно вырабатывались козаки. Но лишь только польскія власти заняли города отъ имени своего короля, казенныя, боярскія и монастырскія *сѣмща* стали наполняться пришельцами.

Тѣснимые другъ другомъ паны выпрашивали здѣсь вѣчистыя и доживотныя пожалованія, а мелкая шляхта съ откушниками и арендаторами, Жидами, Армянами, Греками, Волохами, искала у новыхъ помѣщиковъ и державцевъ выгодной переуступки владѣльческихъ правъ. Чернорабочіе сосѣднихъ областей, привычныя наследственно къ переселенію въ просторныя, малогосподныя мѣста на новыя *воли*, хлынули отовсюду въ эту Канаду Рѣчи Посполитой, ища любезной всѣмъ бродягамъ украинской свободы и того хлѣба, который называется лжачимъ. Правительственные паны и самъ король, въ качествѣ новыхъ землевладѣльцевъ, покровительствовали эмиграціи тѣмъ, что не давали ходу жалобамъ старыхъ землевладѣльцевъ на зловердныя для нихъ зазвымы со стороны задибировской братіи.

Неизбѣжное въ польскорусскомъ обществѣ и зловердное можно-владство готовили такимъ образомъ новую область простонародныхъ волненій, въ придачу къ давнишнимъ малорусскимъ пустынямъ, колонизованнымъ панами по принципу личной свободы, которую рано или поздно приходилось имъ же самимъ ограничивать. Эти волненія сдѣлались тѣмъ опаснѣе для польскорусской республики, что къ бѣглецамъ изъ Земли Королевской присоединились въ Сѣверщинѣ бѣглецы изъ Земли Царской. Великорусскіе крестьяне, слыша о безгосподномъ бытѣ зарубужниковъ, и зная прецеденты завиднаго ихъ положенія, забирали у своихъ помѣщиковъ скоть, грабили всякую движимость, иногда убивали самихъ господъ, и перебѣгали къ сосѣдней шляхтѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, пріобрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался разсадникомъ будущихъ опустошителей Польши, а съ

другой — старыя польскорусскія хозяйства теряли рабочую силу и приходили въ разстройство по мѣрѣ того, какъ поселяне находили для себя выгоднымъ и безопаснымъ оставлять прежнихъ помѣщиковъ для перехода въ новыя паискія осады. Отъ эмиграціонныхъ замѣшательствъ и убытковъ, высокія цѣны на съѣсныя принасы сдѣлались чувствительныѣ. Тѣсно связанныя съ этимъ финансовыя затрудненія правительства отражались на сборахъ къ войнѣ съ Турками, медленныхъ, разорительныхъ въ своей неправильности для всего края, и ободряли подобныхъ Павлюку демагоговъ къ такимъ предпріятіямъ, о которыхъ въ Московскомъ Царствѣ было не слыхать со времени изгнанія Поляковъ.

Руководители польской цивилизаціи, римскіе клерикалы, прибавляли къ этому нестройному хору общественной жизни свою рѣзкую ноту. Они продолжали распространять въ Малороссіи господство папы, не смущаясь никакими препятствіями. Уже въ 1620 году возникнулъ было въ Кіевѣ іезуитскій коллегіумъ, точно редутъ противъ Москвы, напоминавшей о древней отчизнѣ своихъ государей самимъ вопросомъ атаману Сагайдачнаго, Одищу. Появленіе восточнаго патріарха Теофана съ его московскою миссією и смѣлое возстановленіе православной митрополіи въ виду уніятской заставили іезуитовъ отступить въ ранговое имѣніе кіевскихъ бискуповъ, Хвастовъ, чтобы оттуда вновь шагнуть на кіевскія высоты въ 40-хъ годахъ того же столѣтія. Но зато городъ эпического русскаго князя Игоря, отбитый у Москвы Владиславомъ IV, показался имъ столь же удобнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ и древній Полтескъ, отнятый у нея Стефаномъ Баторіемъ. Іезуитскій коллегіумъ, памятный донынѣ въ названіи урочища Кляшторомъ, украсилъ живописный нашъ Повгородъ-Сѣверскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтители Польши нашли возможнымъ завести такую же фабрику папистовъ и на древнерусскихъ берегахъ Альты, въ столицѣ новаго козачества, Череваславѣ.

Съ 1631 года обширная Вишневецчина, обвинявшая Малороссію цѣлною городомъ и селѣмъ отъ Карнатъ до Путивля, сдѣлалась такимъ же достояніемъ римскаго папы, какъ и владѣнія наслѣдниковъ Князя Василія. Князь Іеремія Корибутъ Вишневецкій, въ качествѣ просвѣщеннаго католика, презиралъ монаховъ и монахинь, которыхъ бывшій печерскій молчальникъ, Исаія Копинскій, водворялъ въ его задѣпровскихъ владѣніяхъ, по предвидя его ренегатства, Вишневецкій терпѣлъ ихъ только ради своего родственника Петра Могилы, который для Римской Куріи былъ *spes magna futuri* *). Когда честные игумены

*) Великая надежда будущаго.

обращались къ нему съ просьбами и жалобами, онъ отвѣчалъ имъ съ пренебреженіемъ, и давалъ чувствовать близость насильственнаго ихъ перехода подъ главенство римскаго папы. Зато въ Лубкахъ, Ромнѣ, Хоролѣ и другихъ городахъ своихъ строилъ онъ костелы, и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщающаго въ замкахъ гарнизоны.

О притѣсненіи православныхъ жителей этимъ, покаместъ, очень слабымъ оккупационнымъ корпусомъ, раскиданнымъ среди широкихъ займищъ, и о защитѣ русской церкви козаками не можетъ быть здѣсь и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ это у насъ принято говорить въ печати. Но форпосты католичества тѣмъ не менѣе томили многія сердца, сознававшія себя русскими, и привлекали грозу, готовую разразиться надъ польскими владѣніями.

Подобно тому, какъ іезуиты незримо для гражданской власти направляли уличныхъ бунтовъ на разореніе инопѣрческихъ церквей, наши монахи и попы, въ свою очередь, пользовались козаками гультаями для уничтоженія малковъ, направляющихъ движеніе въ Русскую Землю папистовъ. Говоря вообще, эти поклонники восточныхъ патріарховъ были никакъ не хуже, но и не лучше, своихъ братьевъ по ремеслу, поклонниковъ римскаго первосвященника. Они были только невѣжественнѣе, и потому менѣе способны организовать въ сокрушительный заговоръ противъ свободы совѣсти, но проповѣдывать религію вражды готовы были точно такъ, какъ и тѣ, которые похищали у нихъ духовные хлѣбы.

Лишь только анархисты навлюковцы одолѣли козацкую партію порядка, тотчасъ же вся кабацкая голь, всѣ голодные и лѣнливые бѣдняки, призванные запорожцами къ праздной и пьяной свободѣ, накинлись на королевскіе и панскіе города, отмѣченные католическими сооруженіями. Начали жечь костелы, убивать католическихъ духовныхъ и грабить ихъ имущества. Потомъ принялись и за шляхту. Требовали отъ нея лошадей, оружія, одежды, съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для козацкаго войска. При малѣйшемъ сопротивленіи грабили, разоряли, подвергали насиліямъ, убивали. По мѣрѣ возможности, шляхта давала гультаямъ отпоръ. Въ такихъ случаяхъ козацкая голода падала на панскіе дворы громадными купами, брала ихъ приступомъ, расхищала панское добро и предавалась всяческимъ ругательствамъ надъ побѣжденными.

Пожары, грабежи, убійства, захватившіе польскорусскую республику въ такой голодный годъ и при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, распространили страхъ и смятеніе по всѣмъ старымъ и но-

вымъ окраинамъ королевства. Адамъ Кисель, а за нимъ и другіе паны, проживавшіе въ своихъ сѣверскихъ имѣніяхъ, бѣжали съ лѣваго берега Днѣпра на правый, взывая къ своей шляхетской братіи о помощи противъ козацкаго разбоя. Остальные урядники и землевладѣльцы запирались въ укрѣпленныхъ городахъ, и дѣлали оттуда вылазки на Павлюковыхъ гайдамакъ, разорявшихъ безоборонныя имѣнія.

Между тѣмъ намѣстникъ Павлюка, Скиданъ, ипаче Гудзанъ, рассыпалъ по заднѣпровской Вишневечинѣ и Сѣверцинѣ универсалы, призывая подъ свой бупчукъ всѣхъ, кто когда-либо участвовалъ въ козацкомъ промыслѣ, и грозя тѣмъ помѣщикамъ, которые бы осмѣлились не пускать своихъ подданныхъ въ козацкое войско, или воспрещать имъ продажу ихъ имущества. Этимъ онъ расторгалъ тѣ обязательства, на которыхъ ихъ папы и панскіе рольники держали при себѣ рабочій народъ, колебавшійся въ Украинѣ между добычнымъ и сельскохозяйственнымъ бытомъ. Населенію, устроившемуся здѣсь по закону взаимныхъ услугъ и пуждъ, угрожало паденіе до низшей ступени ассоціаціи, до ступени ордынской.

Князь Геремія Вишневецкій былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ колонизаторовъ Украины. Основанныя имъ на Мосуліи и на Поднѣпріи слободы останавливали напоръ татарской дичи на всю польскую и московскую Сѣверію. Наслѣдникъ онаго славнаго Вишневецкаго, котораго народъ воспѣваетъ и нынѣ, правда, въ уродливой пѣснѣ, подъ именемъ Байды, онъ, подобно Конецпольскому, умѣлъ относительно козаковъ держаться въ равновѣсіи между грозой къ нимъ и милостью. Козаки ютились густо въ его украинскихъ осадахъ, и хаживали вмѣстѣ съ нимъ въ бывшую Половецкую Землю отпугивать къ Перекопу татарскія ватаги, но не смѣли бунить противъ его осадчихъ и намѣстниковъ. Онъ удержалъ бы гультаевъ и теперь отъ разрушенія костеловъ, отъ грабежа и разбоя; но гроза турецкой войны вызвала князя въ его волыпскія имѣнія, а послѣ бѣгства Киселя и другихъ пановъ за Днѣпръ, Вишневечина, со всею Нѣжинщиною и Черниговщиною, пришла въ такое хаотическое состояніе, какъ будто польскимъ Заднѣпріемъ овладѣли Татары.

Предоставивъ покамѣстъ эту часть королевства собственной ея участи, колонизаторы малорусскихъ пустынь нацрЯгали всѣ усилія къ отраженію турецкаго пашествія на Поднѣстрія. Татары прорывались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сквозь липію подольскихъ и брацлавскихъ колоній. Мелкая съ ними война и гонитва за ихъ летучими отрядами предвѣщали войну великую и опасную. Но, къ счастью Рѣчи Посполитой, весь придунайскій край бѣдствовалъ въ этомъ году отъ

неурожая травъ такъ точно, какъ и владѣнія польскія. Турки ма- певрировали по берегамъ Дуная, но не рѣшались двинуться по слѣ- дамъ несчастнаго Османа къ Днѣстру. Противъ нихъ дѣлалъ такую же демонстрацію вдоль Днѣстра Концепольскій, съ малочисленнымъ ко- роннымъ войскомъ, которое онъ умудрился таки вывести въ поле. Къ нему примкнуло нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ съ домашними своими ополченіями. Задача состояла только въ томъ, чтобы непріятель видѣлъ готовность короля къ войнѣ, и въ этомъ отношеніи раз- счесть Концепольскаго былъ вѣренъ. Турецкая война отодвинулась въ будущее. Прикарпатская Русь и ея защитники вздохнули свободнѣе. Паны стали подумывать о томъ, какъ бы имъ обуздать козаковъ.

Но король медлилъ съ универсаломъ о походѣ въ Украину. Онъ всё еще разсчитывалъ на возможность турецкой войны, которая дала бы ходъ его боевымъ способностямъ и облегчила бы тяготѣвшее надъ нимъ бремя панской опеки. Концепольскій настаивалъ на необходи- мости обуздать запорожскую вольницу, но представлялъ, что выставить противъ нея недостаточныя силы значило бы рисковать и честью и безопасностью государства. Слухи о разореніи костеловъ и гибели католическаго духовенства тревожили правительство гораздо меньше, чѣмъ возмущенія рабочаго народа въ королевщинахъ и панскихъ имѣ- ніяхъ. Не смотря на церковный задоръ со стороны козаковъ, борьба съ ними имѣла характеръ все еще чисто экономической, и въ этомъ исключительномъ смыслѣ велись у Концепольскаго переговоры съ За- порожскимъ Войскомъ.

Въ концѣ октября 1637 года коронный гетманъ послалъ къ сво- имъ ослушникамъ послѣдній увѣщательный универсалъ.

„Если вы забыли Куруковскій договоръ,“ писалъ онъ, „то прочи- тайте сызнова, и если не хотите его понять, то я вамъ объясню. На Запорожьѣ должна находиться обычная стража для наблюденія за пе- реправами и добыванія вѣстей о Татарахъ. Старшій козацкій долженъ находиться при полкахъ и сотняхъ, поселенныхъ въ королевскихъ го- родахъ и имѣніяхъ. Ему ввѣрена армата; ему предоставлена всякая власть надъ войскомъ. Желаніе ваше имѣть одного старшаго похвально; но я хочу, чтобъ онъ былъ у васъ не на одинъ мѣсяць и не на два, но утвержденный и поставленный королемъ, оставался бы до тѣхъ поръ, пока будетъ того заслуживать, стараясь о славлѣ его королевской милости. Обагрятъ такъ часто руки кровью вашихъ старшихъ, вы оскорбляете вслчество вашего государя, а пролитая вами неповинная кровь должна вопіять о мщеніи и привести васъ такъ или иначе къ погибели.

„Войсковые знаки и пословъ“ (продолжасть универсалъ), „могъ бы послать къ вамъ его милость король, но требовать этого подданнымъ отъ государя—дѣло не только непристойное, но и вредоносное. Кто монарху и пану своему предписываетъ законы? Кто можетъ ему повелѣвать? Получая ежегодный жолдъ, вы обязаны служить республикѣ во всякое время. А если станете ожидать пословъ, знаковъ, литавръ, то будете видѣть непріятеля развѣ только изъ-за частокола.

„До сихъ поръ государство смотрѣло сквозъ пальцы на ваши разбои, грабежи, хищничество, но больше терпѣть ихъ не станеть. Хоть бы и вся Украина стала разбойничать за одно съ вами, не думайте, что у республики не хватитъ силъ унять васъ и даже истребить. По милости Божіей, она до сихъ поръ не только давала отпоръ великимъ монархамъ, но и ставила ихъ въ трудное положеніе. Она и эти народы покоряла мечемъ своимъ. Знайте же, что, если не оставите своего бунта и не подчинитесь Куруковскому постаповленію, то вся Рѣчь Посполитая займется тѣмъ, чтобы не только прекратить своеволие, но погребить и самое имя козаковъ. Припомните себѣ Куруковщину, Переяславщину, которыя изъ-за небольшого числа вихреватыхъ головъ пожрали столько добрыхъ молодцовъ. Сабля у короля длинная: досягнетъ она васъ и на лѣсистыхъ дорогахъ. Опомнитесь, пощадите ваши вольности, не губите вашихъ достатковъ, пріобрѣтеній и, что всего дороже, вашей жизни. Пускай злосланный бунтовщикъ, которому не правится господство его королевской милости, ищетъ себѣ иной земли, ипаго государя, а васъ, добрыхъ воиновъ, къ послѣдней гибели не приводитъ“.

По ждаты отъ козаковъ покорности было напрасно. Реестровое войско находилось подъ терроромъ выписчиковъ, которые ограбили уже многихъ козацкихъ дукъ, и грозили каждому шляхтичу, мѣщанину и мужику не только разореньемъ, но и смертью. Собравшаяся за Порогами голода надѣялась на помощь крымскаго хана, Павлюкова пріятеля, и грозила „городовикамъ“ пометиться, съ помощью Татаръ, надъ всѣми „ворогами“ своими. Это нахло каждому татарскою пеголею и турецкою каторгою. Реестровики ужасались одинаково и пріхода жолперовъ для расправы съ бунтовщиками, и появленія бунтовщиковъ, сопровождаемыхъ Ордою.

Дѣйствительно Павлюкъ ухаживалъ за ханомъ, и подговаривалъ его къ совмѣстному походу въ папскія имѣнія. Сперва ханъ обладеживалъ его въ этомъ, рассчитывая на козацкую помощь въ борьбѣ съ предводителемъ Буджацкихъ Татаръ, Кантемиромъ. Но въ концѣ 1637 года Кантемиръ потерялъ то положеніе въ обществѣ турецкихъ башей,

которое дѣлало его опаснымъ для Ипасть-Гирей. Тогда Ипасть-Гирей заговорилъ съ козаками другимъ языкомъ. „Вы не что иное, какъ тѣло безъ головы“ (сказалъ овъ запорожскимъ посламъ). „Для такихъ своевольниковъ у всѣхъ монарховъ ворота пастежь. Ступайте на всѣ четыре стороны, а воевать за васъ я не памѣренъ“.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ судьбу Павлюка. Но его неудача была для „городовиковъ“ тайною. Къ нимъ, однакожь, доходили слухи, что гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра находится не въ блестящемъ положеніи за Порогами: что ему не на что снарядить свое войско; что голодъ и дороговизна бунтуютъ противъ него голоду, а между тѣмъ къ нему нахлынули изъ Украины такіе козаки, которымъ не на что купить себѣ даже татарскаго лука; что Павлюкъ отказывался сажать безоружныхъ голышей на чайки для морскихъ разбоевъ, и пытался сдѣлать между козаками *руж*, съ тѣмъ, чтобы неспособныхъ къ войнѣ отослать въ Украину, но голыши грозили утопить своего гетмана въ Днѣпрѣ и составляли противъ него черныя рады.

Павлюкъ очутился въ такомъ положеніи за Порогами, въ какомъ находилась бывшая войсковая старшина среди взбунтовавшихся имъ рестровиковъ. Полагаясь на обѣщанія хана идти вмѣстѣ съ нимъ на разореніе панскихъ имѣній, онъ пропустилъ самое удобное время для морскихъ разбоевъ. Осенью Черное море сдѣлалось опаснымъ для козацкаго „гостеванья“, а идти въ Украину безъ хана Павлюкъ не смѣлъ. Между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе за Порогами угрожало ему голодомъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда бы паны остановили подвозъ такъ называемаго бдрошна *) изъ верхней Украины, не объятый еще козацкимъ бунтомъ. Всѣ-таки зимовать на Запорожьѣ казалось болѣе безопаснымъ, нежели стать лицомъ къ лицу съ той силою, которую паны успѣли накопецъ собрать противъ Турокъ. Дождавшись „весняного пролѣтя“, или „весенней воды“, самаго лучшаго времени для „верстанья добычной дороги“ по Черному морю, Павлюкъ надѣялся добыть необходимыя для своего предиріятія средства, и въ то же время поднять на Польшу Турокъ, а когда паны будутъ заняты защитой Днѣстра, вторгнуться въ Поддѣпріе и утвердить за собой титулъ гетмана навсегда.

Все это было извѣстно Концепцольскому отъ самихъ же сообщниковъ Павлюка, которые заискивали панской благосклонности на тотъ

*) *Борошно* у Запорожцевъ составляли: овесъ, сѣно, тютюнъ, сало, сухари, мука разнаго рода, медь, соль, мисо, рыба, деготь, наличныя деньги на порохъ, возы, полотно, платки, чоботы и т. д.

случай, если бунтъ его окажется неудачнымъ. Зима была самое удобное время для подавленія козацкаго бунта, потому что козакъ бралъ не столько силою, сколько искусствомъ зарываться въ землю и забираться въ недоступныя для преслѣдователей топи. Наступить на „городовыхъ“ козаковъ прежде, чѣмъ они соединятся съ запорожскими, Конецпольскій могъ и съ малымъ войскомъ, а когда реестровики отдѣлятся отъ выписчиковъ, то этимъ самымъ силы козацкія уменьшатся на столько, на сколько панскія увеличатся. Потомъ предполагалось возстановить разрушенный Сулимою Кодакъ, и навсегда прервать своевольное сообщеніе Украины съ Запорожьемъ.

Но объявленный жолнерамъ походъ былъ соединенъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое составляло въ Польшѣ вѣчное препятствіе къ развитію государственной дѣятельности. Срокъ, на который были наняты жолнеры, оканчивался 1 декабря. Жалованье не было имъ выплачено и за предыдущую четверть года. Жолнеры не могли отказаться отъ похода, но пошли неохотно, съ тѣмъ чтобы, дослуживъ четверти, составить *związek* (революціонную сходку) и постоять за свои права противъ правительства. Они готовились къ бунту въ виду бунтовщиковъ, которыхъ должны были усмирять.

Эти чернорабочіе военнаго ремесла питали къ можновладникамъ ту самую зависть, что и козаки. Задолго до появленія мятежнаго козачества, они упражнялись въ мятежахъ, называвшихся звѣонками, роконами, конфедерациями, и само правительство учило ихъ своевольничать, не платя имъ во-время жолла. Козаковъ они ненавидѣли, какъ людей, оспаривавшихъ у нихъ права постоя на украинскихъ пограничьяхъ, и презирали, какъ людей омужичившихся; но, въ массѣ своей, были готовы занять ихъ мѣсто и ниспровергнуть существующій порядокъ вещей со всѣмъ, что было дорого и свято для націи.

Еслибы не домашнія панскія ополченія, кадры которыхъ составляла родовитая шляхта, то наемное, или квартирное, войско давно бы разыграло съ Польшей трагедію, которую готовили ей козаки. Въ бунтахъ своихъ оно не останавливалось ни передъ чѣмъ, разоряло и грабило костелы такъ точно, какъ и дигпровскіе добычники, и хотя большею частію принадлежало къ римской церкви, но, смѣшанное съ иновѣрцами, вообще презирало ксенздовъ, и многіе католики жолнеры по пяти и больше лѣтъ не бывали у исповѣди. Рѣдкій изъ нихъ не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за грабежи и насилія, которые они позволяли себѣ въ видѣ привилегіи военнаго быта. Всѣ города и всѣ королевскія, панскія, духовныя имѣнія сторожились ихъ, какъ Татарь: поднимали передъ ними подъемные мосты, запирали съ прибли-

женіемъ жолнерской хоругви ворота, выставляли на валахъ и за частоколами вооруженныхъ людей, часто вступали съ ними даже въ бой, когда проигравшаяся, промотавшаяся и сердитая на все осѣдлое толпа требовала насильственно постоя.

Какъ между козаками, такъ и между жолнерами были трезвые, сдержанные и даже публичные предводители; но вообще ротмистры, поручики или намѣстники ротмистровъ, хоружіе и товарищи предавались грабежу во время постоевъ и переходовъ до такого безобразія, что за жолперскою хоругвию весьма часто тянулся обозъ всякой добычи, сопровождаемый забранными у мирныхъ жителей лошадьми, коровами, волами, а красой дикой сцены жолперской жизни были непотребныя женщины, помѣщавшіяся даже въ такихъ лагеряхъ, какъ тотъ, который стоялъ противъ Османа II съ опасностію потерять независимость отечества. Это то своевольное войско, вмѣстѣ съ панскими ополченіями, уступившими ему немногимъ, и козаками, въ которыхъ оно находило себѣ достойныхъ подражателей, было главною причиною той бѣдности панскихъ и королевскихъ крестьянъ, которая поражала наблюдателей помѣщичьяго, старостинскаго и державскаго быта польскаго. Оно же распространяло въ малорусскихъ провинціяхъ Польши и ту ненависть къ *Ляхамъ*, которою пользовались для своихъ военныхъ цѣлей козаки, происходившіе въ значительной мѣрѣ отъ промотавшихся, или же наказанныхъ баниціею да инфаміею жолперовъ.

Теперь эти рыцари, проведя лѣто въ сторожевой службѣ на турецко-татарской границѣ, охотно вернулись бы въ свои дома и приставовища на зиму; но ихъ вели въ украинскія пустыни воевать съ народомъ, у котораго, кромѣ копя да оружія, нечѣмъ было поживиться даже послѣ побѣды. Правда, козацкія жилища часто бывали полны скота и меду, главныхъ продуктовъ номаднаго хозяйства, а козацкія жены и дочки составляли для жолперовъ самый пріятный предметъ завосванія; но эти блага не всегда доставались имъ дешево.

„Косо поглядывали жолнеры на дорогу отъ Днѣстра къ Днѣпру“ (говорить въ походномъ дневникѣ войсковой проповѣдникъ ихъ). „Одни припоминали себѣ, *experientia docti*,*) Куруковщину, Медвѣжьи Лозы и многократныя битвы подъ Черяславомъ, зная, что съ этими бунтовщиками война не очень легка, не очень коротка и безопасна. Другіе размышляли о недавнемъ сеймовомъ рѣшеніи—распустить ихъ отъ колесъ изъ обоза **). Третьи не желали служить далѣе конца четверти,

*) Наученные опытомъ.

***) Изъ лагеря.

и заявили объ этомъ пану полевому гетману въ генеральномъ сборѣ передъ выступленіемъ изъ лагери. Всю надежду возлагали паны на Божіе покровительство, которое можетъ послать современемъ спасительное средство въ безнадежномъ положеніи дѣлъ“.

Званіе полевого короннаго гетмана въ это время носилъ человекъ, весьма вліятельный по обширности своихъ владѣній, воевода брацлавскій Николай Потоцкій. Вся подольская шляхта называлась хлѣбоядцами дома Потоцкихъ, которому принадлежали многія стардства и падь Дибиромъ, и въ Сѣверчинѣ. Ради собственныхъ интересовъ, люди мелкіе, вассальствовавшіе такъ или иначе въ этомъ домѣ, должны были поддержать щитъ, подъ который себя отдавали. Ради собственныхъ имущественныхъ и политикопанскихъ интересовъ, долженъ былъ и самъ полевой гетманъ взять на себя дѣло, требовавшее столько же боевой оытности, сколько и мужества. Падобно было выслужиться передъ шляхтою въ обстоятельствахъ трудныхъ и опасныхъ, чтобы доказать магнатскую готовность жертвовать имуществомъ и жизнью для общаго блага шляхетской братии.

Когда кварталные жолнеры, не выходяшіе никогда изъ долговъ и потому расположенные ко всему отчаянному, стали отказываться отъ продолженія службы, Потоцкій склопалъ ихъ къ уступчивости то просьбами, то различными обѣщаніями, то ручательствомъ, что на ближайшемъ сеймѣ они будутъ освобождены отъ отвѣтственности за буйства и грабежи. Этакъ оы привлекъ многихъ надежныхъ вояковъ на свою сторону. Но голодные, оборванные, проигравшіеся въ карги и въ кости жолнеры бушевали въ „рыцарскомъ кругу“ своемъ передъ послами полевого гетмана. „Рѣчь Посполитая неблагодарна къ памѣ!“ кричали они, какъ бы повторяя упрекъ запорожскихъ рыцарей. „Столько сеймовъ занимается она только постановленіями противъ жолнеровъ да выдумываньемъ, какимъ бы способомъ стѣснить военныхъ людей. Трибуналы за вязанку сѣпа лишаютъ насъ права на полученіе почетныхъ должностей. Панскіе банкеты начинаются и оканчиваются нашимъ униженіемъ. Называютъ насъ нищими да бродягами. У колесъ въ обозѣ даютъ намъ отставку, и зелятъ разлетаться во-свояси по воздуху. Но землѣ возвращаться намъ пельзя: надобно миновать панскія имѣнія изъ почтенія къ панамъ, а хотъ и не изъ почтенія, такъ по-неволѣ, потому что вездѣ разосланы универсалы, чтобы съ нами поступали, какъ съ непріятелями. Духовныя имущества ограждены отъ насъ церковнымъ проклятіемъ, а королевскія находятся въ панскомъ владѣніи, какъ ранговья. Проси и грози, какъ хочешь, только уважай дапныя панамъ права, милуй ихъ владѣнія, умирай съ голоду,

ходи въ лохмотьяхъ, служи въ долгъ, и жди послѣдняго разоренія, пока не свесетъ голову острая смерть“!

Такія пререканія происходили между полевымъ короннымъ гетманомъ и квартальнымъ войскомъ у самаго входа въ область козацкаго мятежа и въ тотъ именно моментъ, когда быстрымъ наступленіемъ на городовыхъ козаковъ можно было оторвать ихъ отъ запорожской голоты, которая, представляясь издали грозною силою, поддерживала украинскихъ гультаевъ насчетъ работающихъ людей всякаго званія.

Срокъ обязательный для жолнеровъ службы между тѣмъ истекалъ. Павлюковцы это знали, и воспользовались усобицей своихъ противниковъ по-козацки. Они распустили въ Украинѣ слухъ, что король ничего не знаетъ о предпріятіи Потоцкимъ походѣ; что король самъ борется съ панами; что онъ бѣжалъ изъ Польши въ Литву; что онъ зоветъ къ себѣ жолнеровъ на помощь, и оттого не хотятъ они идти на козаковъ съ Потоцкимъ.

Заслуга этой выдумки принадлежитъ Карлу Павловичу Скидану-Гудзану, который именовалъ себя „полковникомъ Войска его королевской милости Запорожскаго на всей Украинѣ“, а иногда—„онъ купомъ Украины“. Онъ обѣщаль мѣстнымъ землевладѣльцамъ всяческое вознагражденіе за дозволеніе проживающимъ въ ихъ имѣніяхъ товарищамъ Запорожскаго Войска продавать свою „худобу“ для немедленнаго вступленія въ его ополченіе, а козакамъ повелѣвалъ, подѣ страхомъ смертной казни, вооружаться и запасаться лошадьми и провизіей противъ пановъ жолнеровъ, которыхъ называлъ непріятелями греческой вѣры и душманами. Когда же грабежь и разбой распространились по беззащитной Украинѣ, старался успокоить великаго короннаго гетмана, Конецпольскаго, что козаковъ несправедливо обвиняютъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою въ бунтахъ, воззваніяхъ къ свольнымъ людямъ, наѣздахъ на замки и шляхетскіе дома, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ приходили вопіющія донесенія мѣстныхъ чиновниковъ и жалобы сельскихъ хозяевъ, страдавшихъ отъ козацкаго гайдамачества.

Стоя въ Бѣлой Церкви, на самомъ порогѣ оказанной Украины, Николай Потоцкій съ одной стороны слышалъ революціонныя угрозы панамъ жолнерамъ, „непріятелямъ греческой вѣры и душманамъ“, а съ другой—топотъ удаляющихся отъ него хоругвей, которыя покидали горсть его приверженцевъ передъ глазами непріятеля, и возвращались въ центральную Польшу съ намѣреніемъ засѣсть въ одномъ изъ королевскихъ имѣній, и домогаться наградъ за свои заслуги, какъ они выражались подѣ бокомъ у короля. Нѣкоторыя хоругви были уже въ

18 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, въ Коростышовѣ, и поджидали только своихъ уполномоченныхъ, которые, вмѣстѣ съ послами прочихъ хоругвей, должны были рѣшить въ „генеральномъ кдлѣ“ (кругу): драться ли имъ съ козаками, или же идти терзать, какъ тогда говорилось, *viscera reipublicae*).

Это кѣло собралось невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви, въ Хвастовѣ. Потоцкій, въ сопровожденіи преданныхъ ему ротмистровъ, явился среди шумящихъ представителей жолнерства и объявилъ рѣшительно, — что отступитъ отъ Бѣлой Церкви значило бы ободритъ козаковъ на самыя дерзкія предпріятія, и потому онъ идетъ на нихъ съ нѣсколькими хоругвями да съ наемными Нѣвцами, предпочитая смерть столь постыдному отступленію.

Въ послѣднее время пришелъ къ Потоцкому съ небольшимъ ополченіемъ Адамъ Кисель. За нимъ прибыло еще нѣсколько паповъ. Другіе увѣдомляли, что спѣшать къ нему на помощь. Въ случаѣ торжества надъ козаками, взбунтовавшихся жолнеровъ ждала война съ магнатами, и нѣтъ бы было не сдобровать. Буяны пошумѣли еще немного, потомъ опомнились, и прислали къ пану гетману декларацію, что обязываются прослужить подъ его предводительствомъ еще три педѣли, но поклялись на сабляхъ—по истеченіи этого срока, избрать себѣ вольными голосами старшаго, и общими силами добиваться у короля справедливости.

Потоцкій обѣщаль не допустить ихъ до этой крайности: по его ходатайству, правительство, безъ сомнѣнія, проститъ имъ все, что ими сдѣлано противузаконнаго, удовлетворитъ заслуженнымъ жалованьемъ и дозволитъ достойнымъ въ ихъ средѣ людямъ занимать почетныя должности.

Въ началѣ декабря полсвой коронный гетманъ двинулся въ козацкую Украину.

Голодъ въ 1637 году былъ такъ великъ, что жолнеры, не привыкшіе уважать право собственности во время своихъ походовъ, часто принуждены были довольствоваться хлѣбомъ, спеченнымъ пополамъ съ желудями. Съ наступленіемъ Филиппова поста, наши священники разрѣшили прихожанамъ ѣсть мясо. Замедливъ походомъ въ глубину Украины, Потоцкій далъ козакамъ время перемолотить хлѣбъ отъ прѣсныхъ урожаевъ и спрятать въ пашенныхъ ямахъ по полямъ и лѣсамъ.

*) Нѣдра республики.

Начались уже довольно крѣпкіе морозы, но снѣгу не было. Колоть и гололедица затрудняли движеніе войска. По пограничныя паны, равно какъ и ихъ жолнеры, были тѣ же козаки по своей выносливости. Устроивъ колонизацію малорусскихъ пустынь при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, они выработали въ себѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе способность бороться за свое созданіе и съ людьми и съ природою. Война 1637—1638 годовъ доказала, что польскорусскимъ витязямъ недоставало только государственной соподчиненности, для исполненія угрозы, которую сдѣлалъ козакамъ Конецпольскій.

Главнымъ сѣдалищемъ своего бунта козаки избрали Заднѣпріе и Сѣверщину. Тамъ съ октября читались по кабакамъ и базарамъ универсалы Скидана-Гудвана, которыми онъ возвѣщалъ „всѣмъ вообще посполитымъ людямъ христіанскаго роду“, что „враги Русскаго народа и старожитной греческой вѣры, Ляхи, идутъ въ Украину за Днѣпръ, чтобъ истребить Запорожское Войско и папенскихъ подданныхъ, и, совершивъ тиранство надъ женами и дѣтьми, отдать всѣхъ въ певолію“; поэтому-де онъ призываетъ къ оружію всѣхъ, „кто только называется товарищемъ и остается при благочестіи и истинной вѣрѣ“.

Отдѣляя такимъ образомъ благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, Скидановы универсалы отдѣляли все вообще посольство отъ нановъ, которые, въ простонародномъ, усвоенномъ отъ ревностныхъ борцовъ за православіе возрѣніи, смѣшивались безразлично съ Ляхами; а что Ляхи были способны рѣшиться на истребленіе своевольныхъ подданныхъ, въ этомъ украинская чернь сомнѣвалась еще меньше львовскаго лѣтонисца. Чтò поны да монахи шептали па ухо, то козаки, можно сказать, проповѣдывали съ кровель. Подготовляемые съ 1630 года рассказами о повсемѣстномъ избіеніи Руси, объ умышленіи короля и сенаторовъ на русскія церкви, объ ихъ намѣреніи вывести русскія книги, мужики вѣрили, что козачество поднимается вновь на папство изъ-за того, чтобы не было въ Украинѣ какой-то певѣдомой имъ, по неспавистой по одному имени своему римской вѣры, униі. Толки о ломаньѣ древней вѣры, вмѣстѣ съ голодомъ и безнаказанностью за грабсжъ, вывели на поприще гайдамачества всѣхъ, кому нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта,—и проповѣданное козаками благочестіе сдѣлало быстрые успѣхи.

Въ городахъ князя Вишневецкаго Ромнѣ, Лохвицѣ, Прилуки, Лубнахъ, собирались громадныя купы бунтовщиковъ для опустошенія папскихъ имѣній, подъ видомъ защиты посполитыхъ людей отъ истребленія, а ихъ женъ и дѣтей—отъ татарской и турецкой псволи. Въ одномъ Галачѣ, принадлежавшемъ Конецпольскому, вписалось въ козаки до

2,000 человекъ. Въ Персяславѣ служилая шляхта была осаждена козаками въ замѣѣ, и томилась голодомъ. Полтавщина избутовалась подъ предводительствомъ популярнаго между козаками Остриина, иначе Острианицы. Наконецъ, и Нѣжинъ, старѣство самого Потоцкаго, присоединился къ мятежу. Вообще на Заднѣпріи считалось болѣе 20,000 народу, вписавшагося въ козаки. Замѣна эконоимическихъ порядковъ порядками жизни помадной поправилась ему. Козацкіе повобранцы чуяли силу своего многолюдства, и хвалились, что не дадутъ Ляхамъ перейти на ту сторону Днѣпра.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ убѣжище па случай неудачнаго столкновенія съ папами жолнерами, Скиданъ появился на Поросьѣ и сталъ сзывать козацкую раду въ Корсуни. Но Преддѣпріе, не отгороженное ничѣмъ отъ внутреннихъ провинцій Королевской Земли, вставало на землевладѣльцевъ осторожно. Служилая шляхта и мелкіе помѣшники удерживали еще здѣсь не только въ городахъ, но и въ селахъ установившійся порядокъ жизни. Осѣдлые козаки-реестровики показывали даже расположенность къ мѣстной шляхтѣ. Имъ не вѣрили, не находили между ними ни одного *цнотливого* (добродѣтельнаго), знали, что они подговариваютъ мужиковъ къ предательству; но, трепеща за свою жизнь, оставались на своихъ мѣстахъ, и колебанье чернорабочихъ между панскою и козацкою силою склонялось въ пользу новиповенія панамъ.

Еще въ то время, когда жолнеры были далеко отъ Роси, по этому рубежу козатчины ходили тревожные слухи, будто бы Лацъ заходить козацкимъ поселеніямъ въ бокъ со стороны степей вмѣстѣ съ наемными Татарами, а Потоцкій приближается къ нимъ прямымъ путемъ. Жолнерскія волненія заставили Потоцкаго простоять надъ Росью цѣлыя двѣ недѣли въ бездѣйстви. Въ то время страхъ панскаго имени пачаль было уступать страху имени козацкаго. Но изъ Запорожья стали приходиться вѣсти, что Навлюкъ находится въ опасномъ положеніи среди бунтующей голоты. Одно время его считали даже низложеннымъ. Подъ влияніемъ такихъ вѣстей, оставшіеся дома ресестровики дотога охладѣли къ бунту, что Скиданъ, созвавши раду въ Корсуни, не дождался ся рѣшенія, и ушелъ въ Мошны.

Въ это время Навлюкъ, державшійся недалеко за рѣчкой Тясминомъ въ выжидательномъ положеніи, получилъ извѣстіе, что хоругви уходятъ отъ Потоцкаго въ Польшу, и что Потоцкій только съ горстью отважныхъ людей, не зная о близости Пизоваго Войска, рѣшился вторгнуться въ Украину. Моментъ показался ему счастливымъ. Онъ быстро двинулся впередъ, чтобъ не дать жолперамъ спрятаться въ Мошнахъ, выбивъ оттуда Скидана.

Съ своей стороны Потоцкій сѣнилъ покончить съ малочисленною гольюю скидаповцевъ, пока они не соединились еще съ павлюковцами и не подняли на него всѣхъ присмирѣвшихъ ресстровиковъ.

Павлюкъ принялъ всѣ мѣры, чтобы походъ его оставался для наполеоновъ жолнеровъ тайною. Поэтому передовые разъѣзды панскіе не привозили Потоцкому никакихъ вѣстей о пизовнахъ. Остановясь у села Кумеекъ, Потоцкій послалъ корошняго стражника Лаца Тучанскаго выбить Скидана изъ Мошенъ; но въ этотъ самый день, именно 5 (15) декабря, Павлюкъ подошелъ къ Мошнямъ.

Отрядъ Лаца, состоявшій изъ разновѣрной шляхты, Татаръ, Волоховъ и украинскихъ козаковъ, оказалъ важную услугу Потоцкому, опредѣлявъ силы непріятеля и давши знать о его намѣреніяхъ.

Ночуя съ 5-го на 6 декабря въ Мошняхъ, Павлюкъ разослалъ во всѣ стороны универсалы къ своей козачествующей братіи, уведомляя, будто бы жолнеры въ Корсуни и въ другихъ мѣстахъ поразоряли церкви, а по селамъ повырѣзывали жепцигъ и дѣтей. Онъ повелѣвалъ козакамъ, подъ строгою карою, спѣшить къ нему днемъ и ночью — воевать за христіанскую вѣру и золотыя вольности козаціи.

Лаць, между тѣмъ, почевалъ въ полѣ, не снимая папщыря, равно какъ и весь его полкъ, а утромъ подступилъ къ Мошнямъ.

Вообразивъ, что подъ Мошнями самъ Потоцкій, Павлюкъ наступилъ на жолнеровъ Лаца съ таборомъ и пушками. Здѣсь-то разбойники лацовщики показали, за чтѣ прощались имъ всѣ ихъ злодѣйства. Они, какъ выразился авторъ походнаго дневника, припесли павлюковцевъ на своихъ плечахъ къ полевому корошному гетману, запявшему боевую позицію подъ Кумейками. Стократно инфамизованный бапитъ находился въ своей стихіи. Онъ такъ искусно раззадорилъ павлюковцевъ, что, даже паткнувшись на стоящее въ боевомъ порядкѣ войско Потоцкаго, павлюковцы ломились впередъ, очертя голову. Во всю дорогу, разъяренная толпа сопровождала стрѣльбу и гарцовыя схватки дикимъ крикомъ, крупною бранью, насмѣшками, и сквернословіемъ не только противъ корошныхъ гетмановъ, но и противъ самого короля.

Ресстровые козаки, составлявшіе Павлюкову копницу, знали, что съ Потоцкимъ не легко будетъ управиться, и держались поодаль. Зпалъ отъ нихъ, безъ сомнѣнія, и самъ Павлюкъ, что главныя непріятельскія силы стоятъ передъ нимъ, но раздумывать было поздно: предводимая имъ орда могла сломить Потоцкаго только первымъ напоромъ. „А чи далѣко панъ гетьманъ почувати ме?“ (кричали передовые бойцы его, размахивая значками). „Лацкику, Лацкику!“ (грозили другіе), „побіжишъ ты до хѣщкику“ (то-есть: спрячешься въ густыхъ кустахъ).

Но уже гремѣли съ разныхъ сторонъ пушки. Уже пѣмецкая пѣхота открыла такъ называемый нидерландскій бой, и тотъ самый Лащъ, который бѣжалъ, огрызаясь передъ козаками, точно волкъ передъ собаками, ломился теперь, какъ медвѣдь, въ козацкій таборъ, на челѣ своихъ панцырныхъ ротъ.

Военное искусство Потоцкаго оказалось гибельнымъ для павлюковцевъ, разсчитывавшихъ на свое многолюдство. Реестровики, павлюдавшіе бой издали, бѣжали въ самомъ его началѣ. Но Потоцкій напрасно ждалъ, что выписчики, очутясь подъ огнемъ и желѣзомъ, точно въ адской кузницѣ, попросятъ пощады. „Это хлонство было такъ ожесточено“ (писалъ онъ въ своей реляціи), „что мы только и слышали выраженіе ихъ рѣшимости лечь одному на другомъ; а когда кто изъ нашихъ падалъ съ коня, они бросались на него, и рвали трупъ на куски, пока мы не покрывали его грудю козацкихъ труповъ“.

Таковъ былъ результатъ сочиненныхъ Павлюками да Гудзапами вѣстей о разореніи церковей православныхъ, объ истребленіи по селамъ женъ и дѣтей козацкихъ. Углубляясь въ таинственный козацкій край, Потоцкій даровалъ жизнь всѣмъ пойманнымъ „языкамъ“, пе тронулъ ниодного козацкаго жилища, а приводимые къ нему встрѣчные попы, ободренные подарками, свидѣтельствовали на разспросахъ, что козаки не терпятъ ихъ присутствія въ своихъ кошахъ и таборахъ. По люди, выдавшіе разореніе католическихъ костеловъ и участвовавшіе въ избіеніи ксендзовъ, твердили съ умысломъ, что войско, предводимое Коцепольскими да Потоцкими, вырѣзываетъ прихожанъ до поги вѣстѣ съ ихъ священниками, выдавлиываетъ женщиныамъ деревомъ груди, варитъ козацкихъ дѣтей въ котлахъ, а когда схватить обманомъ козацкихъ вождей, то сжигаетъ ихъ въ присутствіи сенаторовъ среди Варшавы, пригвоздивши къ смолянымъ доскамъ, ломаетъ на рукахъ и погахъ кости, тянетъ колесомъ жилы и распинаемыхъ такимъ образомъ борцовъ за православіе бьетъ по лицу грудю, отрѣзанною тутъ же у жены.

Самая звѣрская битва кинѣла подъ Кумсейками отъ полудня до ночи. По обезумленные Запорожцами выписчики гибли напрасно. Передъ вечеромъ, въ самый критическій моментъ, когда одинъ еще часъ упорнаго боя стоилъ бы, можетъ быть, Лащамъ и Потоцкимъ безславной гибели, Павлюкъ и главныя сообщники его исчезли незамѣтно со сцены кровавыхъ подвиговъ, какъ и реестровая конница. Но и послѣ бѣгства вождей, мужья и отцы мнимо истребленныхъ женщинъ и дѣтей, поклонники мнимо норуговыхъ святилицъ, защитники тѣхъ силъ, которыя будутъ вырѣзаны до ноги, и тѣхъ людей, кото-

рых отдадутъ невѣрнымъ въ неволю, продолжали сражаться,—цѣтъ, они продолжали гибнуть! Они, къ прискорбію, и, можетъ быть, къ ужасу пановъ, валились кучами одни на другихъ.

Въ это время изъ толпы добычниковъ выдвинулся дикій талантъ, блистательно поддержавшій низкое но средствамъ и цѣлямъ, но геройское по рѣшимости дѣло Павлюка и Скидана. Пѣкто Дмитрій Томашевичъ Гуня *) счумѣлъ во время крушенія козацкаго табора, состоявшаго изъ многихъ тысячъ воевъ, устроить позади бойни другой воевой таборъ, вооруженный двумя пушками. Гоня въ сумеркахъ разсѣянное наконецъ полчище выписчиковъ, жолнеры Потоцкаго нагнулись на новыи вагенбургъ, такъ же крѣпко сцѣпленный, какъ и тотъ, который стоилъ имъ потери множества храбрыхъ воиновъ. Его окружили со всѣхъ сторонъ и до поздней ночи стрѣляли изъ пушекъ, отъ чего козаки, по словамъ очевидцевъ, переворачивались, точно въ кипящемъ котлѣ. Оставалось только дожидаться утра, чтобъ истребить остатки павлюковцевъ. Но Гуня, какъ бы волшебствомъ, какъ бы прославленнымъ *характерствомъ* запорожскимъ, провелъ козаковъ своихъ между оцѣпившихъ его ведетовъ, и исчезъ, не покинувъ позади себя не только пушекъ, но и ниодного цѣлаго воеа.

Потоцкій напрягалъ послѣднія силы своего изнуреннаго и перекалѣченнаго войска, чтобы не дать козакамъ уйти за Пороги, или переправиться съ Русскаго берега Днѣпра на Татарскій. Къ его счастью, широкая рѣка покрылась пловучимъ льдомъ, и не представляла бѣглецамъ никакой возможности спастись отъ преслѣдованія.

Павлюкъ и Скиданъ заперлись, вмѣстѣ съ характерникомъ Гунею, въ мѣстечкѣ Боровицѣ. Потоцкій прискакалъ сюда по свѣжимъ слѣдамъ выписчиковъ. Начали готовиться къ приступу. Закипѣли мелкія битвы. Козаки были все еще опасны въ виду Днѣпра, который могъ въ одну морозную ночь сдѣлаться мостомъ для соединенія павлюковцевъ со скидановцами. Слышно было, будто бы на Заднѣпріе переправился какъ-то кievскій полковникъ Кизимъ съ сыномъ. Въ довершеніе безпокойства кумойскихъ побѣдителей, Гуня и Скиданъ умудрились ночью пробиться сквозь блокаду.

Опасаясь бѣдственнаго поворота военнаго счастья, Адамъ Кисцель, какъ единовѣрецъ козаковъ, открылъ съ ними переговоры, представилъ имъ, что виновность Павлюка и прежняго козацкаго старшаго, Томиленка, могутъ имѣть оправданіе въ глазахъ снисходительнаго къ За-

*) Слово *гуня*—синонимъ слова *кобенякъ*.

порожскому Войску короля, и, присягнувши передъ козацкими уполномоченными, что жизнь обоихъ будетъ пощажена, склонилъ козаковъ выдать своихъ предводителей, въ знакъ покорности. Такъ несчастные представители Рѣчи Посполитой, не обезпеченные въ своей государственной дѣятельности соответственными средствами, должны были вѣчно играть въ рискованную игру, выпутываясь изъ затруднительныхъ обстоятельствъ не только рискованными, но часто бесчестными и потому вредоносными поступками.

Покорившіеся козаки были призваны папскими литаврами въ раду. Королевскіе комиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, осыпали ихъ упреками за ихъ измѣну и, что хуже самой измѣны, за попытки призвать подъ свои бунчуки противъ христіанъ татарскую орду; а козаки, по волѣ побѣдителя, представили имъ письменное обязательство, въ которомъ говорилось:

что они (козаки) забыли Куруковскую комиссію, писанную ихъ кровью, забыли свою присягу! умертвили старшину свою, привяли къ себѣ простой народъ сверхъ семитысячнаго числа козаковъ, напали на коронное войско (объ Ордѣ, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“, говоритъ реляція, въ обязательствѣ не упоминалось); по святымъ и справедливымъ судомъ Божіимъ, коронное войско разорвало козацкій таборъ, овладѣло арматою, хоругвами, бунчуками и всѣми украшеніями, заслуженными съ давнихъ временъ отъ королей и Рѣчи Посполитой, а большую часть положило труномъ;

что остатокъ Запорожскаго Войска полевой гетманъ постигъ въ Боровицѣ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ козаки умертвили свою старшину, окружилъ ихъ шанцами и хотѣлъ взять приступомъ, но они выпросили себѣ у ясновельможнаго пана гетмана помилованіе, и выдали своихъ старшинъ, которые вовлекли ихъ въ такой упадокъ и во все злое, Павлюка, Томиленка и нѣсколько другихъ, а зачищника бупта, Скидана, обязались всѣ вмѣстѣ найти и также выдать;

что имъ не дозволено избрать старшаго, а только полковниковъ, старшинство же вѣрено пану Ильяшу, переяславскому полковнику, который постоянно находился при коронномъ войскѣ, не участвуя въ бунтахъ;

что козаки обязываются идти на Запорожье, съечь морскіе челны и выводить изъ Запорожья чернь, которая окажется лишнею противъ количества, назначеннаго для сторожи.

„Относительно ресетровиковъ“ (сказано въ заключеніе унизительнаго обязательства) „отдается на милосердіе и волю его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и обѣщаемся быть въ такомъ комнутахъ,

какой ихъ милости папы комиссары намъ оставили, и въ такомъ устройствѣ, какое укажетъ намъ самое милосердіе его королевской милости, нашего милостиваго папа, и пребывать въ полной вѣрности, *цнотѣ* и подданствѣ Рѣчи Посполитой на веѣ грядущія времена. Въ чемъ во всемъ, поднявши руку, присягаемъ, и на то все для вѣчной и безсмертной памяти о карѣ надъ нами за наши преступленія, чтобы на будущія времена не было больше подобныхъ бунтовъ, а равно и объ оказанномъ намъ помилованіи, даемъ сіе писаніе и кровавое наше обязательство подъ войсковою печатью и за подписью нашего войсковаго писаря“.

Этимъ писаремъ и составителемъ обязательства былъ Богданъ Хмельницкій, воспользовавшійся, черезъ десять лѣтъ, бунтомъ Павлюка и Скидана, какъ программю для одолѣнія польско-русскихъ пановъ съ помощью татаръ.

Глава X.

Скитальческій бытъ малорусскихъ поселятъ.—Занугиванье бутовщиковъ казнями.—Триумфъ, устроенный кievскими вѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Попытка козаковъ призвать на помощь Татарь.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единомудія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца“.—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителя.

Между тѣмъ какъ на Русской сторонѣ Днѣпра была рѣшена судьба павлюковцевъ, на Татарской ничего о томъ не знали. Въ отсутствіе Скидана, тамъ властвовала полковникъ кievскихъ козаковъ, Кизимъ. Торжество надъ мѣстною шляхтою, безнаказанные разбои и насилія надъ козацкими ворагами, а ими были всѣ захваченные люди, даже поны и монахи, цесробудное пьянство въ кабакахъ, оглашавшихъ звономъ кобзъ и пронзительнымъ крикомъ кобзарей, до того поглащали умственную энергію безпутной толпы, что она и не думала устроить правильное сообщеніе съ Русскимъ берегомъ, а плывущій по Днѣпру ледъ отбивалъ у нея и послѣднюю къ тому охоту.

Притомъ же въ козацкихъ купяхъ, титуловавшихъ себя Запорожскимъ Войскомъ, кромѣ вражды къ панамъ, не было ничего общаго. Не только новобранцы козачества, но и выписчики, называвшіе себя старинными козаками,—въ самомъ началѣ Павлюковщины, въ случаѣ неудачи затѣяннаго бунта, имѣли въ виду или Донъ, или Бѣлгородскія пустыни Московскаго Царства, гдѣ уже много панскихъ и королевскихъ подданныхъ поселилось на вѣчной, какъ имъ казалось, „воль“. Кромѣ того, они легко могли найти пріютъ въ новыхъ панскихъ осадахъ по рѣкѣ Ворскло, за которою къ востоку шли уже необитаемыя степи. Новые Сапжары, Кобыляки, Лучкы, Череволочня и другія *слободы*, или *волы*, противъ запрета самихъ осадныхъ и собственныхниковъ, служили убѣжищемъ тысячамъ голышей, оставившихъ полуоустѣлыми сравнительно старыя *осады*, изъ одной мечты о полной независимости. Поэтому воспреобладать надъ панами для заднѣ-

провскаго скопища значило пьянствовать на счетъ зажиточныхъ людей, а быть побѣжденными значило разбѣжаться по своимъ притонамъ и перебиваться кой-какъ до новой усобицы съ украинскими землевладельцами.

Не дорожить ничѣмъ, кромѣ подвижности, было тогда свойственно не только козакамъ, и Татарамъ, но и многому множеству пляхты. Стихъ украинской пѣсни:

Ой мала я журѣтися,—
 Пехай на Петрівку:
 Та заберу дітей въ їдру
 Та піїду въ мандрівку.

или такой стихъ:

Ой песнѣ краснѣ, ой веснѣ краснѣ:
 Та изъ стріхъ пода капле.
 Ой уже жъ тому та козаченьку
 Та мандрівочка пахне.—

выражаетъ бытовую дѣйствительность украинской массы. Цѣлый народъ, на пространствѣ отъ Вислы до Сейма, отъ исконной и смоленской границы до Днѣстра *мандроваль* *), переселяясь безпрестанно изъ одной осады въ другую **). По больше всякаго иного сословія *мандрівка* была свойственна козакамъ. Германія, Швеція, Сибирь, Персія, Римъ—вотъ кругъ, описываемый радіусами козацкаго забродничества. Отсюда вѣчная готовность козаковъ къ бунту и дракѣ; отсюда ихъ сторожевая и боевая служба вѣстникамъ и помѣстнымъ владельцамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ; отсюда ихъ продажность не только единовѣрцамъ, по католикамъ и протестантамъ, не только государямъ христіанскимъ, но и магометанскимъ. Побитые подъ Кумейками и втоптанные въ землю подъ Боровицею, козаки мало дорожили тѣмъ, что дѣласть насъ осмотрительными въ словахъ и поступкахъ,—до того мало, что Потоцкій не позволилъ своимъ жолне-

*) Извращенное wandern, странствовать, бродить.

**) Въ „Поставленія выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Комиссію о Сочиненіи Проекта Новаго Уложенія“ (пунктъ 18) говорится: „Простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго перадѣнія отъ своей собственной лѣности и распутства, ибо многие, оставивъ свои нахотныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе проваждаги жизнь праздную и разгульную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсуѣдковъ, работая лѣпше за кормъ и наной виномъ“.

рамъ вѣзжать въ мѣстечко изъ опасенія поваго бунта, а чтобы никому не было повадно, не вѣзжалъ самъ, и встрѣтилъ рождественскія святки среди лагеря.

Слыша о походе козацкой орды за Днѣпромъ, онъ порывался спасать отъ послѣдняго разоренія свое нѣжинское старѣство и прислужиться королю да коронному великому гетману возстановленіемъ порядка въ ихъ заднѣпровщинѣ. Но переправа черезъ „козацкій нляхъ“ была крайне затруднительна. Наконецъ ледоходъ на Днѣврѣ превратился въ плотную массу, и далъ полевому коронному гетману возможность, въ самый деиъ польскаго Рождества Христова, выслать въ одну сторону полковника Станислава Потоцкаго съ легкими хоругвями, а въ другую—Ильяша Караймовича съ покорившимися козаками.

Козаки выступили за Днѣврѣ въ числѣ трехъ тысячъ, и такой имѣли видъ, какъ будто падъ ними не совершилось никакой катастрофы. Это была рессетровая копшица, которая подъ Кумейками загребла жаръ чужими руками. Это были тѣ люди, которые завидовали домовитой нляхтѣ и ухищрялись вырвать у нея господство надъ Украиною, подбучивая на папогъ *Ллгоогъ* лѣпивую и пьяную голоту. Это были отцы тѣхъ, которые, чрезъ двадцать лѣтъ по отпаденіи Малороссіи отъ Польши, вносили въ свои мѣстности сыповей той голоты, которая съ такимъ самозабвеніемъ гибла для нихъ подъ нидерландскимъ огнемъ и шляхетскими саблями.

Глядя теперъ на нихъ, не одинъ землевладѣлецъ, по словамъ участника похода, видѣлъ въ нихъ новыхъ бунтовщиковъ. Но слѣдомъ за рессетровиками переправился по льду Потоцкій съ артиллерією, которая дала себя козакамъ знать и въ Медвѣжьихъ Лозахъ, и подъ Переяславомъ и, наконецъ, подъ Кумейками. Хотя козаки и сами были недурные пушкарѣ, по стратегія и тактика шляхетскаго рыцарства торжествовала падъ ихъ боевою рутиною, а недостатокъ единства дѣйствій уничтожалъ ихъ численное превосходство.

Двадцатитысячное войско, которымъ павлюковцы давно уже хвалились на Татарской сторонѣ Днѣпра, раздѣлялось на нѣсколько самовольныхъ ордъ, изъ которыхъ каждая имѣла въ виду собственную добычу. Еице не зная, что постигло ихъ сообщниковъ на Русской сторонѣ, Павлюковцы, подъ предводительствомъ Кизименка, овладѣли Лубеспекимъ замкомъ, разграбили имущество князя Вишневецкаго, вырѣзали его слугъ шляхтичей и шляхтянокъ вмѣстѣ съ торговцами Жидами, сожгли костель, пили горѣлку изъ его престольной чаши, а состоявшихъ при костелѣ бернардиновъ обезглавили, и бросили тѣла

ихъ на съѣденіе собакамъ, строго запретивши погребать ихъ. Священническіе аппараты и церковная утварь изъ другихъ костеловъ безпрестанно попадались Потоцкому въ кабакахъ. Содержатели кабаковъ приносили ихъ сами, какъ товаръ, отъ принятія котораго за пропой было и страшно отказываться, и соблазнительно.

При наступленіи жолнеровъ на козація купы, засѣвшія въ такихъ замкахъ, какъ Лубенскій, не было встрѣчено отпора нигдѣ; напротивъ, и Кизименко, и множество другихъ ватажковъ были выданы жолнерамъ самими козаками, старавшимися принять видъ людей благомыслящихъ, но запуганныхъ запорожцами. Схваченъ былъ и самъ Кизимъ среди его сообщниковъ.

Имѣя на своей сторонѣ ресетровиковъ, Потоцкій хотѣлъ показать задѣпровскимъ гайдамакамъ паглядно, что эти соблазнитель не только не защитятъ ихъ отъ заслуженной кары, но еще будутъ присутствовать при ихъ казни. Онъ рѣшился поступить съ пойманными разбойниками такъ строго, какъ поступлено было съ Карвацкимъ и другими зачищниками жолнерскаго бунта въ 1613 году: велѣлъ всѣхъ безъ пощады сажать на колья по городскимъ рынкамъ и на перекрестныхъ дорогахъ.

По онъ ошибся въ своемъ расчетѣ. Въ глазахъ поповъ и монаховъ, которымъ было всё тѣснѣе и тѣснѣе въ Малороссіи отъ папистовъ, сидящіе на кольяхъ мертвецы были не разбойники и святотатцы: они были мстители за поруганное благочестіе. Такъ смотрѣли на нихъ и многіе міряне. При всей очевидности истины, упорно держался въ Малороссіи слухъ, что козаки воюють изъ-за упію. Даже такіе люди, какъ игуменъ Филиидвичъ, твердили всюду, что „козацкая война была за упію“. Даже лучший изъ украинскихъ лѣтописцевъ, названный мною самовидцемъ, говоря, что посольство въ Украинѣ жило во всемъ обильно, тѣмъ не менѣе приписываетъ начало и причину войны Хмельницкаго только гоненію отъ Ляховъ на православіе и отягощенію козаковъ.

Только мопахи могилинскихъ монастырей, или вѣрнѣе сказать — поставленные Петромъ Могилою игумены, не участвовали въ распространеніи такого слуха. На разспросы Москвичей: за чтѣ Поляки побиваютъ Черкасъ и грабятъ ихъ животы? они отвѣчали, что козаки стали сзевольничать, побивали по городамъ урядниковъ да Ляховъ да Жидовъ, да стали жечь костелы, — „за то-де ихъ, козаковъ, и побиваютъ, а не за вѣру“ (записали Москвичи въ своихъ свиткахъ-столбцахъ, для свѣдѣнія).

Въ устахъ антимогилянської партіи (а къ ней принадлежало все убогое, невѣжественное, загнанное духовенство) козаки были борцами за православіе и за то, что мы теперь называемъ русскою народностью. По ихъ воззрѣнію, въ Украинѣ боролась вѣра съ вѣрою, а не козаки съ напями, не помады съ колонизаторами пустынь, не чужаждники да голыни съ людьми трудолюбивыми и запасливыми. По одной украинской легендѣ, грѣхи нѣкоторыхъ гайдамакъ были такъ велики, что, когда покаявшійся разбойникъ причащался, такъ два человекъ должны были держать подъ руки пона, чтобы не уналь отъ гайдамацкаго духу. По другой легендѣ, гайдамака перебилъ нѣсколькихъ поповъ одного посаѣ другого за то, что они не находили *покуты* соотвѣтственной великости его злодѣяній. Изъ монастырскихъ сочиненій Павлюкова времени мы знаемъ, что монахи исповѣдывали не одного козацкаго вождя, обремененнаго грѣхами чрезвычайными, и не сомнѣваемся, что внушали имъ то самое, что столѣтніе старики сообщали мнѣ самому о монахахъ-исповѣдникахъ эпохи Желѣзняка и Голты.*).

Жолнерскіе вожди, преслѣдуя разбойниковъ, считали нужнымъ заворачивать въ мѣстные монастыри „для молитвы“, несмотря даже на свое католичество, и, помолясь, твердили монахамъ, что побиваютъ козакомъ совѣтъ не за вѣру, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла, а за грабежи, убійства, за сожженіе костеловъ, за поруганіе святыни. Ихъ, очевидно, беззаконна молва, распускаемая въ Украинѣ то простоудушно, то злобно. Они цунали нульсъ престонародной жизни, и своимъ почитаніемъ православныхъ святилицъ старались успокоить лихорадочное возбужденіе умовъ. Но и тутъ имъ портили дѣло просвѣтителі польскорусской республики. Съ ревнивою подозрительностью походные кашеланы и мѣстные ксендзы нашептывали имъ, будто монахи снабжаютъ козаковъ порохомъ, а козаки разсылаютъ монаховъ и монахинь по всей польской Руси, чтобы они возбуждали противъ Ляховъ не только простой народъ, но и шляхту греческой вѣры.

Эго заставило Николая Потоцкаго призвать къ себѣ игумена Мгарскаго монастыря съ десятью монахами для допроса. Онъ отпустилъ неповинныхъ иноковъ, не сдѣлавъ имъ никакой неприятности; но монашеское перо внесало по сему случаю въ Густынскую лѣтопись такія слова, которыя, въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ, выместили сугубо за перенолохъ честной братіи не на однихъ ксенджахъ,

*) См. „Записки о Южной Руси“.

но и на людяхъ, вовсе не причастныхъ церковной политики Рима: „Тогда понусти Богъ въ землѣ гнѣвъ свой, си есть междоусобная рать: восташа бо Ляхи на родъ Россійскій, глаголемыхъ козаковъ, и нещадно рѣзашу мечи своими благочестивыхъ и невинныхъ челоувѣкъ, а наипаче же вооружи ихъ Сатана на иносескій родъ: глаголаша бо вси, яко калугоры исполняютъ козакомъ своимъ порохи, и зряхуся зѣло“.

Раздуваемое церковнымъ соперничествомъ съ одной стороны, а разбойничаньемъ „благочестивыхъ и невинныхъ челоувѣкъ“ съ другой, пламя соціальной усобицы достигло уже въ то время такихъ размѣровъ, что погасить его могло бы только возвращеніе всей русской шляхты съ ея магнатами изъ католическихъ костеловъ и протестантскихъ „зборовъ“ къ заброшеннымъ въ теченіе столѣтія или преданнымъ въ руки иновѣрцевъ древнерусскимъ церквамъ. Дигѣировскіе и дигѣстровскіе Русины низшихъ классовъ стали смотрѣть на всѣхъ польскорусскихъ землевладѣльцевъ, каковы бы ни были ихъ вѣровація и добродѣтели, какъ на враговъ своего племени, *Ляховъ*, а представителямъ высшихъ классовъ польскорусскаго общества, съ ихъ депендентами, весь оказаченный и добровольно и насильственно людъ представлялся заговорщиками противъ короля и республики, противъ установленнаго вѣками права, противъ всего благороднаго и священнаго.

И тамъ и здѣсь работали не столько явно, сколько келейно, люди, обидчивые по самой профессіи своей и вліявшіе на мнѣнія мірянъ освященнымъ церковію авторитетомъ своимъ. Одни, повторяя съ ненавистью и злобой роковое слово *Ляхи*, придавали ему значеніе иновѣрнаго деспота и вмѣстѣ отступника, предателя роднаго племени своего; а другіе, не зная, чѣмъ объяснить упорство нашего духовенства въ принятіи такой благословешной по ихъ воззрѣнію выдумки, какъ соединеніе подъ главенствомъ папы церквей, прозвали наше православіе Наливайковой сектою, волчьей религіей, и впушали шляхетно урожденнымъ питомцамъ своимъ свойственную фанатикамъ и деспотамъ подозрительность.

Какъ ни воздержны были побѣдители козаковъ подъ Кумейками въ обвиненіи сословія, которос князь Збаражскій назвалъ *genus scelestae hominum*, но внушенія католическихъ патеровъ, безъ сомнѣнія, возымѣли свое вліяніе на расположеніе духа полеваго короннаго гетмана относительно задигѣровскихъ павлюковцевъ и скидановцевъ.

„Не для чего инаго приѣхалъ я въ Нѣжинъ“, писалъ онъ къ великому коронному гетману, „какъ для того, чтобы видѣть этихъ зло-

дѣвѣ на колыяхъ собственными глазами. Не стоить ихъ возить въ Варшаву: пусть возьмутъ плату въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заслужили. Но эта плата не соотвѣтствуетъ тому, что у меня передъ глазами. Какіе тиранства, убійства, грабежи! Еслибъ я казнилъ всѣхъ виновныхъ такъ, какъ они заслуживаютъ, то пришлось бы все Поддѣпріе и Заддѣпріе безъ изыятія вырубить въ пень. Но казнь немногихъ поразить ужасомъ толпу. Разставивъ по дорогамъ сторожами перекрестковъ десять сотенъ казпенныхъ, я покажу на нихъ примѣръ сотнѣ тысячъ. Теперь такое время, что изъ нихъ можно вылѣпить, что угодно, какъ изъ воску, чтобъ ужъ больше это зло не появилось въ нѣдрахъ Рѣчи Посполитой“.

Онъ ошибался горестно. Въ его время статистика не сдѣлала еще поучительнаго наблюденія, что большая часть уголовныхъ преступниковъ совершала свои злодѣянія непосредственно послѣ казней, которыхъ они были свидѣтелями.

Усмиривъ Заддѣпріе, Николай Потоцкій распредѣлилъ своимъ жолнерамъ зимнія квартиры, вѣрилъ надъ ними главное начальство племяннику своему, Стапиславу Потоцкому, а самъ поспѣшилъ на контрактную ярмарку въ Кіевъ, чтобы отдать въ аренду нѣкоторыя имѣнія и, „уплативъ старыя долги, искать новыхъ кредиторовъ“. Это его собственные слова.

Можновладные папы были постоянно въ долгахъ, исключая такихъ „доматоровъ“, какимъ былъ князь Василій, и это не отъ страсти къ роскоши, въ которой обвиняютъ ихъ у насъ поголовно. Они были государи въ своихъ владѣніяхъ, и несли государственные расходы не только по дѣламъ военнымъ, политическимъ, административнымъ, но и по дѣламъ пароднаго просвѣщенія. Имъ дорого стоила независимость, которой завидовали мелкіе шляхтичи и козаки, а еще дороже—та зависимость, въ которой они были принуждены держать своихъ вассаловъ, во что бы то ни стало. Обширныя владѣнія принадлежали имъ только юридически. За громкіе титулы и за вліяніе въ Польской и въ Сенаторской Избахъ они нуждались въ деньгахъ больше своихъ посессоровъ, и подвергались такимъ безпокойствамъ, какихъ не зналъ ниодинъ изъ ихъ кліентовъ.

Въ то время, какъ нациристы свивали Потоцкому вѣнки безсмертной славы, онъ видѣлъ всю шагкость устроеннаго имъ компромисса съ козаками и все бесиліе свое довершить побѣду, отъ которой зависѣла цѣлость республики. По выраженію современнаго наблюдателя Украины, умитворенные и приведенные къ сознанию своего долга козаки смотрѣли на жолнеровъ такъ покорно, какъ волкъ, по-

павшій въ западію. Между тѣмъ въ новыхъ осадахъ надъ Ворскломъ, въ этихъ „разсадникахъ козацкихъ бунтовъ“, какъ называлъ ихъ самъ Потоцкій, сидѣли люди, бѣжавшіе изъ старыхъ слободъ послѣ паденія Павлюка и Скидана. Въ порубежныхъ московскихъ городахъ также было много козаковъ, пріютившихся до новаго случая „варить съ Ляхами пиво“. Потоцкій сознавалъ необходимость идти на Ворскло, въ притоны мятежной черни, прямо изъ-подъ Боровицы, тѣмъ болѣе, что для всего войска въ голодной и обобранной Украинѣ не хватало сытныхъ стоянокъ, но не пошелъ потому, что не осмѣлился сдѣлать этого безъ разрѣшенія короннаго великаго гетмана; а коронный великій гетманъ не могъ дать ему разрѣшенія потому, что Варшава понимала вещи иначе, не такъ какъ тѣ, которыя по самому положенію своему въ виду козацкихъ и татарскихъ кочевьевъ, чуяли, откуда придетъ великая бѣда для государства.

Король, между тѣмъ, продолжалъ мечтать о Турецкой войнѣ, и давалъ завистникамъ короннаго гетмана надежный способъ оставивать его распоряженія относительно козаковъ. Легкомысленно зловредные люди не хотѣли принять во вниманіе, что эта была та пора года, въ которую представлялась возможность подавить окончательно козацкій мятежъ. Отложить расправу съ бунтовщиками до весны—значило увеличить ихъ военныя средства въ сто кратъ.

Потоцкій понималъ это лучше, нежели кто-либо другой, и въ письмѣ къ Конецпольскому говорилъ, что необходимо разогнать скопища черни изъ новыхъ осадъ, пока у него подъ рукой войско, и пока не наступила весна; а его походный капелланъ, въ дневникѣ похода, объяснилъ намъ, почему именно слѣдовало предупредить наступленіе весенняго времени. „Военные люди“, пишетъ онъ, „прибѣгаютъ къ разнообразнымъ средствамъ для торжества надъ непріятельскими силами. Одни возлагаютъ свои надежды на стѣны и окопы, другіе на запасы и огнестрѣльное оружіе; но надежды и мужество козаковъ, живущихъ на Дону и на Днѣпрѣ, поддерживаютъ вода, рѣка, болото. Гдѣ у козака нѣтъ болота или яра, тамъ ему бѣда. Много можетъ онъ сдѣлать при этихъ условіяхъ; много у него тутъ искусства, мужества. Въ противномъ случаѣ онъ—глухой нѣмецъ, ничего не умѣетъ, и гибнетъ, какъ муха. Потому-то зима—жестокій врагъ его: зимой пельзя ужъ ему ни рыть окоповъ, ни уходить водою. Плохо ему восать въ эту пору года. Но весна, лѣто и отчасти осень—это его хлѣбъ, его скарбъ, его достатки и величественная фортуна“.

Но землевладѣльческая, хозяйственная Украина была въ восторгѣ отъ быстрыхъ успѣховъ Потоцкаго, и всѣхъ больше радовался

самъ великій коронный гетманъ, Станиславъ Концпольскій. На его колонизаторскій взглядъ, Потоцкій сдѣлалъ для общаго блага столько же, сколько, на взглядъ Оомы Замойскаго, сдѣлалъ, въ отсутствіе Концпольскаго, Стефанъ Хмельницкій, и даже больше. Чуждый того славолюбія, который заставляетъ быть скупымъ на похвалы товарищу, онъ объявилъ, что полевой коронный гетманъ великимъ своимъ подвигомъ проложилъ себѣ дорогу не только къ высшимъ наградамъ изъ королевской руки, но и къ безсмертной славѣ, которая не умолкнетъ“ (прибавилъ онъ съ безсознательной ироніей) „до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая“.

Одно только десятилѣтіе суждено еще существовать славолюбивой республикѣ шляхты до того роковаго момента, когда она, вмѣстѣ съ пылѣвшимъ побѣдителемъ, пала во прахъ передъ козако-татарскою ордою, чтобы не встать уже изъ своего позорнаго упадка.

Въ Кіевѣ предводителя козаковъ и творца широкой, небывалой еще въ Королевской Землѣ казни встрѣтили мѣщане и шляхта со всевозможною торжественностію. Кіевскіе мѣщане вѣчно враждовали съ окрестными помѣщиками въ силу стариннаго антагонизма между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, вѣчно съ ними тягались, какъ и другіе города, за обширныя нѣкогда мѣщанскія займища, но въ козачипѣ видѣли они такое же разлагающее начало общественной и экономической жизни, какъ и хозяйственная шляхта. Они привѣтствовали Потоцкаго искренно.

Съ одинаковой искренностію привѣтствовалъ его и митрополитъ Пётръ Могила, въ качествѣ архипастыря, по пуждающагося больше въ козацкихъ „слезныхъ мольбахъ объ успокоеніи древней греческой церкви“, и въ качествѣ хозяина, терпѣвшаго въ наслѣдственныхъ и ранго-церковныхъ имѣніяхъ своихъ козацкія буйства наравнѣ съ экономистами свѣтскими. Могила поспѣшилъ поздравить короннаго полевого гетмана съ побѣдой у него на дому, а могилинскіе коллегіанты сочипили въ честь кумейскаго героя латинскую орацію, превративъ Павлюка въ Катилину.

Въ слѣдующее затѣмъ утро, схваченные за Днѣпромъ бунтовщики, Кизимъ и его сынъ, были посажены на колъ среди кіевского рынка, а ихъ сообщнику, Куцу, отрублена голова. Павлюка и Томиленка Потоцкій отослалъ въ Варшаву.

По праву побѣдителя, онъ отправилъ въ свои замки взятая у козаковъ пушки, въ числѣ которыхъ находились и заслуженныя нѣкогда козаками у нѣмецкихъ императоровъ. На одной изъ нихъ была надпись: *Ferdinandus me fecit* (можетъ быть, памятникъ пораженія,

въ сообществѣ лисовчиковъ, чешскихъ утраквистовъ); на другой: Rudolphus Secyndus Imper.; на третьей: Rudolphus Secundus Imperator, Bogemiae Rex etc.; на четвертой была арабская надпись; на пятой не было никакой надписи. Шестую пушку Потоцкій возвратилъ кievской мѣщанской муниципіи, такъ какъ она была изъ числа кievскихъ, захваченныхъ козаками на Кодакѣ; седьмую подарилъ своему сподвижнику, коронному стражнику Лацу Тучапскому, а восьмую позволилъ удержать у себя реестровикамъ.

Но безпокойства, возникшія за Днѣпромъ, показывали, что торжество противниковъ козачины было преждевременное. Королевскіе комиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, съ нетерпѣніемъ дожидались вѣрныхъ вѣстей изъ Запорожья. Туда давно уже было послано нѣсколько чигиринскихъ козаковъ съ універсаломъ, который объявлялъ о пораженіи бугтовщиковъ подъ Кумейками, объ осадѣ Боровицы, о выдачѣ Павлюка и Томиленка съ двумя другими козацкими вождями, и приглашалъ всѣхъ, кто дорожить козацкимъ званіемъ, покориться правительству, по примѣру городовыхъ реестровиковъ. Посланцы не возвращались. Отправлены были другіе,—и другіе пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ по Украинѣ разнесся слухъ, что Скидапъ и Чечуга собрали вокругъ себя тысячъ пять отважныхъ людей на днѣпровскихъ островахъ, и готовились къ морскому походу по первой весенней водѣ, съ тѣмъ, чтобы, вернувшись изъ похода, вторгнуться въ королевскія и папскія имѣнія. Поразили эти слухи Кисѣля и Станислава Потоцкаго, тѣмъ болѣе, что, какъ они писали, „еще не слеглись могилы кумейскія, и въ нѣдрахъ Украины сидѣли творцы этихъ могилъ, готовые подавить всякое волненіе черни“.

По причины глухаго вниманія оказанной массы были очевидны. Съ одной стороны наши монахи, пугаемые сомнительными дѣйствіями Петра Могилы и подстрекаемые партією Копинскаго, готовились уходить за московскій рубежъ со всею подвижностью и даже съ монастырскими крестьянами, чтобы спастись отъ насильственнаго обращенія въ унию и латинство. Съ другой, раздраженное козацкими разбоями и святотатствами католическое духовенство, предупреждая событія, хвалилось недалекимъ торжествомъ „истинной“ вѣры надъ греческою схизмою, и ободряло такое же бравурство со стороны расквартированныхъ по Заднѣпрію жолнеровъ, которые, въ своихъ попойкахъ и въ дракахъ съ козаками, являлись борцами за католичество, тогда какъ наши пьяницы горлапли про свое „благочестіе“.

Сидящіе на кольяхъ мертвецы отнюдь не уменьшали раздраженія ни въ духовенствѣ, ни въ міряпахъ,—тѣмъ болѣе, что настроенные своими исповѣдниками жолнеры указывали на нихъ православникамъ, какъ на вывѣску зловредной схизмы. На свою бѣду, ксендзы и ярсы панисты вообще своими розказнями дѣлали изъ казенныхъ злодѣевъ, въ глазахъ нашей черни, праведныхъ мучениковъ. Во многихъ городахъ, козацкія головы, выставленныя на позорныхъ столбахъ, среди рыпка, неизвѣстно какъ исчезали. Розыски и допросы по такимъ случаямъ вели вовсе не къ тому, къ чему были направляемы. Но королевскіе комиссары поняли это только весною 1638 года. Покамѣсть, они все еще надѣялись уладить дѣло посредствомъ преслѣдованія строптивыхъ и благосклоннаго обращенія съ людьми покорными.

Произведя тщательную ревизію по всѣмъ семи полкамъ, такъ чтобы никто не вписался подъ именемъ убитаго, или чтобы сыпъ надшаго бунтовщика не занялъ мѣста своего отца, комиссары открыли, что число ресстровиковъ убыло съ прошлаго года всего только на 1.200. Ресстровики воспользовались этимъ открытіемъ, чтобы весь бунтъ взвалить на виинсчиковъ, которые де насильно вовлекли ихъ въ войну съ панами. „Нѣтъ“, отвѣчали имъ комиссары, „мужики не бунтовали бы, когда бы вы ихъ къ тому не подстрекали. Поднявши мужикомъ, одни изъ васъ поджидали дома, какъ имъ послужить счастье, а другіе, явившись на коняхъ подъ Кумейками, разбѣжались въ нашихъ глазахъ“.

Уличенные въ недавней измѣнѣ ресстровики кричали, что не желаютъ больше подвергаться кровавой карѣ и докорамъ изъ-за измѣнниковъ и свосвольниковъ и дали новую торжественную присягу въ томъ:

чтобы не измѣнять правительству и не поднимать на него руки; не посягать на жизнь старшинъ, и не сзывать козаковъ въ черную раду;

не ходить за Пороги и на Черное море безъ воли коронныхъ гетмановъ, сжечь всѣ чайки и истреблять всѣхъ бунтовщиковъ.

Последняя статья присяги была всего важнѣе для правительства. Немедленно были разосланы приказанія схватить мятежниковъ, укрывающихся въ Полтавщинѣ, и въ томъ числѣ славнаго въ нашихъ лѣтонисяхъ Остряницу. Но Остряница подкупилъ и мѣстныхъ урядниковъ и прикомандированныхъ къ нимъ козаковъ. Его представили умирающимъ, даже покойникомъ, и дали ему возможность выйти за московскій рубежъ со всѣмъ родомъ своимъ и со всѣми своими соумышленниками, причемъ бунтовщики угнали въ придонскія пу-

стыни и всю слободу, въ которой гнѣздились. А сыпчики, пощадѣлавши тревоги среди мѣстнаго населенія и выпудивъ у многихъ зажиточныхъ людей окупъ, расположили умы вовсе не въ пользу правительства.

Между тѣмъ комиссары, воображая, что рѣшимость козаковъ разорвать связи съ мятежниками, не уступить новымъ соблазнамъ, отправили ихъ на Запорожье, подъ начальствомъ Ильяна Караимовича и полковника короннаго войска, Мелецкаго, придавъ послѣднему значеніе королевскаго комиссара. Въ городахъ оставили на стражѣ только по сотнѣ козаковъ изъ каждаго полка. Полки Чигринскій и Вѣлоцерковскій предназначались оставаться за Порогами для содержанія очередной стражи; но голодъ не позволялъ собрать съѣстныхъ припасовъ разомъ на все время очереди стоянки, то есть на три мѣсяца, и потому было приказано имъ явиться подѣ Крыловъ только въ половинномъ составѣ.

Прибывъ къ означенному уже Павлюковичиюу Мякитину Рогу, гдѣ кочевала запорожская вольница, Мелецкій послалъ въ Сѣчь универсалъ, приглашавшій проживающихъ тамъ ресетровниковъ воспользоваться королевскою милостью, по примѣру ихъ украинскихъ братьевъ, а окозаченой черни, бѣжавшей изъ королевскихъ и панскихъ имѣній, позволявшій свободно вернуться домой со всею своею добычей. Въ противномъ случаѣ универсалъ грозилъ лишити жизни оставшихся ими въ Украинѣ жепъ и дѣтей.

Сколько извѣстно изъ актовыхъ книгъ и другихъ точныхъ свидѣтельствъ, подобныя угрозы никогда не были приводимы въ исполненіе; но они давали такое убѣдительное основаніе для сочинителей ложныхъ слуховъ о лясеской тиранніи, что эти слухи и теперь еще кажутся справедливыми людямъ неувѣдущимъ и несообразительнымъ.

Въ настоящемъ случаѣ они оправдывали распространяемые умноженно за Порогами рассказы объ избіеніи козацкихъ поселеній въ Корсуни и другихъ городахъ и селахъ по рѣкѣ Россі. Озлобленные и безъ того сѣчевики приняли универсалъ Мелецкаго съ яростью, изорвали въ клочки, и приковали посланцевъ къ пункамъ.

Прождавъ нѣсколько дней отвѣта въ своемъ стану, Мелецкій напелъ однажды утромъ на берегу Днѣпра угрожающее письмо. Оно подѣйствовало, точно чары, на ресетровниковъ, боявшихся запорожскаго террора пуще всякой грозы со стороны правительства. Ресетровники перебѣгали въ Сѣчь толпами, а въ стану Мелецкаго происходило такое волненіе, что онъ и его товарищи Ильяны боялись очутиться въ плѣну у собственныхъ подчиненныхъ.

Воду въ Днѣпрѣ между тѣмъ „пустило“, а съ весеннею водою ожили самыя дерзкія падежды запорожской вольницы. Мелецкій отъ 28 февраля (10 марта) писалъ къ Станиславу Потоцкому, чтобъ онъ разослалъ по украинскимъ городамъ предостерегательныя универсалы и снабдилъ города стражею, которая бы не пускала къ низовцамъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни вспоможеній, „потому что тѣ, которые вочують за Порогами“ (говорилъ онъ), „руководятъ всѣмъ бунтомъ“.

Съ своей стороны Ильяшъ Караимовичъ послалъ гонца „вскачь“ съ универсаломъ ко всѣмъ атаманамъ и товариществу, оставшимся дома, чтобъ они, подъ опасеніемъ смертной казни, до возвращенія войска изъ похода, ни одного человѣка не пускали для рыбнаго промысла ни за Пороги, ни на Донъ, ни на другія рѣчки. Въ то же время онъ умолялъ гетманскаго намѣстника въ Украинѣ, чтобъ онъ приказалъ всѣмъ старостамъ и подстаростіямъ удерживать народъ отъ побѣговъ на Запорожье, и не пропускать туда никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ былъ увѣренъ, что запорожцы измѣнятъ сами себѣ, когда у нихъ не станеть чѣмъ питаться.

Станиславъ Потоцкій немедленно разослалъ строгіе универсалы, грозившіе конфискаціей имущества и смертною казнію тѣмъ, кто будетъ посылать на Низъ борошно и другіе нужные для войска припасы. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ сильную стражу въ Чигиринѣ и въ Кременчугѣ, котораго никто не могъ миновать, идучи за Пороги ни водою, ни сухимъ путемъ: ибо тамъ Днѣпръ“ (писалъ онъ въ реляціи) „идеть уже въ рѣчки“. Одна была бѣда, что на вопросы, какъ поступать здѣсь въ предстоящихъ событіяхъ, отъ коронныхъ гетмановъ получались отвѣты весьма пскоро. Тамъ были свои причины медленности, о которыхъ было неудобно даже выразаться иначе, какъ по-словницами.

Между тѣмъ по Украинѣ разнеслась (распущенная, безъ сомнѣнія, съ умысломъ) молва о пораженіи вѣрныхъ правительству козаковъ на Низу, и долетѣла въ одну сторону до пограничныхъ московскихъ воеводъ, которые увѣдомили о томъ своего царя, а въ другую—до коронныхъ гетмановъ. Всего сильнѣе дѣйствовала она на украинскихъ мѣщанъ и мужиковъ, которые страдали отъ жолнерскихъ постоевъ. Охранители безопасности Рѣчи Посполитой, своимъ самоуправствомъ, бравурствомъ, своими упреками въ измѣнѣ, придирками къ заподозрѣннымъ людямъ ради подарковъ и въ особенности „неспочестными рѣчами“ съ женщинами (изъ которыхъ издавна были грѣшныя и запорожцы) наклоняли на свое государство опасность горше прежней.

Кто прежде и не думалъ бунтовать, и тотъ желалъ теперь низовцамъ успѣха, склонялъ въ ихъ пользу мнѣшіе близкихъ къ себѣ людей, и уходилъ за Пороги отъ дѣйствительной или кажущейся бѣды. Озлобленныхъ людей въ Украинѣ прибавлялось; расположенныхъ въ пользу порядка и закона уменьшалось. Передъ жолнерами и мѣстными властями всё сохраняли видъ покорности. Передъ вѣчистыми панами, старостами, державцами и дозорцами разныхъ имѣній чернорабочіе не высказывались. Но бѣгство на Запорожьѣ усиливалось; безпокойство шляхетскаго сословія вмѣстѣ съ духовными папистами возрастало, и, можно сказать, въ самомъ воздухѣ ощущалось уже дыханіе новаго бунта.

Возвращеніе ресетровиковъ изъ похода не возстановило въ простомъ народѣ ни охоты къ мирнымъ занятіямъ, ни утѣренности, что села и города, объѣдаемые жолнерами, не подвергнутся мстительному набѣгу Запорожцевъ. Тревожные слухи предупреждали событія. Начальники военныхъ отрядовъ, разбросанныхъ по зимнимъ стоянкамъ между Шѣжиномъ и Чигиринномъ, бросались опретью защищать пограничье отъ вторженія козацкой орды. Но козацкая орда нигдѣ, покамѣстъ, не появлялась.

Въ началѣ апрѣля, Стапиславъ Потоцкій получилъ извѣстіе, что за Ворскломъ собралось до 3000 низовцевъ, и покушается на пограничную отъ Московскаго царства крѣпость Гадячь, чтобы овладѣть тамошними пушками. Гадячскіе урядники умоляли Потоцкаго спасти ихъ городъ. Потоцкій поднялъ на ноги всё свои хоругви; велѣлъ и Ильяшу двинуться съ ресетровиками къ Гадячу. Но оказалось, что нѣсколько десятковъ козаковъ, бѣжавшихъ за московскій рубежъ, угнали въ Вишневчинѣ стадо рогатаго скота, и вѣсть объ этомъ, переходя изъ устъ въ уста, выросла до громадныхъ размѣровъ.

Но въ отсутствіе Стапислава Потоцкаго, Шѣжинѣ обнаружили, что въ немъ есть люди, готовые затѣять новый бунтъ. На рынкѣ передъ замкомъ, выставлено было на столбахъ нѣсколько козацкихъ головъ. Ночью кто-то спялъ эти головы, и замковая сторожка слышала, какъ бунтовщики, вмѣсто бубновъ, стучали въ пустыя бочки. По слухамъ, въ ту же ночь собралось 200 гультаевъ, и вышли было на грабежъ панскихъ имѣній, но, слышавъ о возвращеніи Потоцкаго, вернулись въ городъ „мелкими червячками“. Велѣдствіе розысковъ о похищенныхъ головахъ и злонамѣренныхъ гультаяхъ, было набито биткомъ три тюрьмы подозрительнымъ народомъ. Целзвѣстно, какъ съ этимъ народомъ поступлено, но достойно замѣчанія, что одинъ при-

ходскій дьякъ, обвиненный въ похищеніи козацкихъ головъ, оправданъ только потому, что присягнулъ въ своей неповинности.

Адамъ Кисель въ это время въ Варшаву на сеймъ, передъ который былъ представленъ знакомый уже сеймующимъ намъ Павлюкъ вмѣстѣ съ Томиленкомъ и еще двумя соучастниками козацкаго бунта, которыхъ имена остаются намъ неизвѣстными. Кисель напрасно твердилъ земскимъ посламъ и сенаторамъ, что эти старшины выданы за его ручательствомъ; напрасно предостерегалъ, что ихъ казнь породитъ недоверіе къ представителямъ правительственной власти, и раздражитъ козаковъ пуще прежняго. Его не слушали, ходатайства его не уважили. Слухи о сожженныхъ костелахъ, о поруганіи священныхъ сосудовъ и аппаратовъ, объ избіеніи апостоловъ „единой спасающей церкви“ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставили невѣжественную Палывайкову секту и волчью религію ради вѣры, вносящей въ общество просвѣщеніе и человѣчность,—эти слухи дали римской партіи рѣшительный перевѣсъ надъ польскою и русскою, —клерикаламъ католикамъ надъ протестантами и дисунитами,—игоземному фанатизму надъ національною терпимостью. Общественное мнѣніе правительственной шляхты было слишкомъ сильно раздражено противъ козаковъ. Самъ король, помнившая Павлика по просьбѣ короннаго канцлера, долженъ былъ теперь согласиться съ рѣшеніями національнаго собранія, каковы бы они ни были. Поэтому онъ утвердилъ и всѣ прочія мѣры принятыя сеймомъ для предупрежденія козацкихъ бунтовъ на будущее время.

Ресстровые козаки представили королю и его раднымъ намъ просьбу о возвращеніи прежнихъ правъ, которыя, по ихъ словамъ, были имъ пожалованы за ихъ „кровавыя услуги“. Они просили также о защитѣ козацкихъ вдовъ отъ притѣсеній украинскихъ урядниковъ, и жаловались на короннаго стражника, Ланца Тучапскаго, завладѣвшаго тремя селами Трахтомировскаго монастыря, да на кіевскаго земскаго писаря, православнаго наиа Прѣскуру, присвоеннаго четвертое село того же монастыря. „Упомянутая церковь Божія“, сказано было въ козацкой инструкціи на сеймѣ, „тернить множество обидъ отъ этихъ двухъ пановъ, и потому послы должны горячо и со слезами просить его королевскую милость, чтобы всѣ оныя села были возвращены“.

Но на горячія просьбы послѣдовалъ холодный отвѣтъ, или вѣрнѣе—выговоръ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что козачество не вырвано съ корнемъ только по особенной сердечной добротѣ его

королевской милости. А въ сеймовой конституціи 1638 года о козакахъ постановлено слѣдующее:

„..... разгромивъ ихъ и отвративъ отъ Рѣчи Посполитой *imminens periculum*, *) отнимаемъ у нихъ на вѣчныя времена всѣ ихъ давнія юрисдикціи, почетныя званія, прерогативы, доходы и нынѣ отличія, заслуженные ими отъ нашихъ предковъ, а нынѣ утраченные ихъ бунтомъ, и будемъ считать уцѣлѣвшихъ отъ гибели на войнѣ посольствомъ, обращеннымъ въ мужиковъ.

Что касается трахтомировскихъ селя, то они не только не возвращены козакамъ, напротивъ, сеймовая конституція назначила особыхъ комиссаровъ, которые бы сдѣлали розыскъ, что отнято козаками у шляхты въ сосѣдствѣ Трахтомирова, и все то возвратить старымъ владѣльцамъ.

Жестоко отомстили козаки правительствующей шляхтѣ въ томъ же году за ея строгость; но ихъ тайные сообщники, поны и монахи, беспальные въ борьбѣ съ панами современниками, надѣлали еще горшеи бѣды панскимъ потомкамъ. Они въ своихъ лѣтописяхъ заставили польскихъ пановъ, на варшавскомъ сеймѣ 1638 года, казнить съ Цероновокою свирѣпостью тѣхъ козаковъ, которые въ то самое время угоняли въ Московщину полавскихъ слобожанъ, потомъ пытались, какъ увидимъ, повторить въ Украинѣ Павликовщину и, наконецъ, были побиты товарищами въ домашнихъ дракахъ за рубежомъ Королевской Земли. Лѣтописные ужасы переходили въ видѣ историческихъ фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспроизводились литературными талантами въ стихахъ и въ прозѣ, давали работу казунетикѣ русскихъ историковъ, и воспитывали въ русскомъ обществѣ умственную козачину, которая до сихъ поръ не перестала дѣйствовать на множество честныхъ и добрыхъ отъ природы сердець крайне зловредно.

Въ дѣйствительности казненъ былъ за бунты 1637—1638 года только Павликъ съ тремя его сообщниками, но ихъ не терзали инквизиторски, какъ это было нужно украинскимъ лѣтописцамъ. Правда, злой геній Польской націи, воплотясь въ какого-го ксендза, предлагать сейму свою возбуждительною брошюрою — надѣть Павлику на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленный желѣзный скипетръ. Но позорный для государства и общества ксендзовскій проектъ былъ отвергнутъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что преступникамъ отсѣкли головы и взоткнули на колы.

*) Погибельную опасность.

Между тѣмъ погибельная для Польши мысль, заявленная первымъ возмутителемъ козачества, Кристофомъ Косинскимъ, продолжала свое темное дѣло въ козацкой средѣ. Враги польской гражданственности дѣлали новыя попытки уничтожить ее съ помощью своихъ товарищей по ремеслу, Татарь.

Пресмникъ Навлюка, геніальный варваръ Дмитрій Гуля, еще въ февралѣ 1638 года, просилъ помощи у ханскаго совправителя, султанъ-калги, противъ своихъ „непріятелей“, готовящихся, какъ онъ зналъ, къ походу на Запорожье. Но въ помощи ему, какъ и Навлюку, было отказано, потому что козаки, которыхъ крымскій ханъ въ своей жалобѣ королю называлъ „пограничными“, ^{Сидорамъ} ~~напали~~ на его пословъ между Бѣлгородомъ и Очаковомъ, на урочищѣ Кочубей (гдѣ нынѣ Одесса) и двоихъ убили, а двоихъ взяли въ пеловою.

Получивъ отказъ въ Крыму, запорожцы звали къ себѣ на помощь Донцовъ. Но въ это время Донцы, вмѣстѣ съ 6.000 выписчиковъ, которые пробирались на службу къ персидскому шаху, овладѣли Азовомъ, и были въ немъ осаждены Турками. По выраженію походнаго казначея Николая Потоцкаго, „козаки готовы были звать о помощи даже къ Плутону, лишь бы только воскресить свою славу, погребенную подъ Кумейками, и спасти свою честь, придавленную памогильнымъ курганомъ“. Не являлись къ нимъ на помощь ни мусульманскіе, ни христіанскіе товарищи по ремеслу. Пришлось еще однажды стоять съ повобранцами-гультаями противъ паповъ.

Въ первой половинѣ апрѣля 1638 года запорожцы пришли челнами въ Кременчугъ, а сухимъ путемъ, подъ предводительствомъ Скидана-Гудзана, явились неожиданно въ Чигиринъ (два стратегическіе пункта, замѣнявшіе намъ Кодакъ). Еще вѣсть объ этомъ не дошла до ближайшей жолнерской стоянки, Иркліева, какъ Максимовка, Пива, Черная Дуброва, вмѣстѣ съ Кременчугомъ, были заняты выписчиками, и папское добро въ этихъ новыхъ осадахъ было обращено въ войсковую собственность.

Въ Пивахъ, одинъ изъ украинскихъ монаховъ, названный въ реляціи „добрымъ шляхтичемъ“, попалъ случайно между торжествующихъ козаковъ, и видѣлъ, какъ Скиданъ переправлялся на Татарскую сторону Днѣпра, велъ съ собой связаннаго чигиринскаго полковника. Монахъ узналъ, что у козаковъ на байдакахъ пять пушекъ, вывѣдалъ объ ихъ намѣреніяхъ, выкрался отъ нихъ, и далъ знать жолнерамъ, стоявшимъ въ Иркліевѣ, что козаки хотятъ ударить на нихъ всѣми своими силами, потомъ идти на Переславъ и перехватать поставлен-

пую коронными гетманами козацкую старшину, какъ это сдѣлалъ въ прошломъ году Павлюкъ.

Нашествію повыхъ Торковъ и Берендсевъ, Черныхъ Клобуковъ, предшествовали распущенныя ими вѣсти о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ украинскими жителями отъ своихъ постояльцевъ, жолнеровъ, за то, что держатся старой греческой вѣры, и за ихъ русское происхожденіе.

Хотя жолперы не наругались ни падъ одной церковью, и заключали въ своемъ личномъ составѣ множество, если не большую часть, людей православнаго исповѣданія, но жители какого-нибудь Нѣжинна вѣрили, что въ Прилукѣ, Ромнѣ, или Лубнахъ совершаются такія-то насилія, святотатства, кощунства, а въ этихъ городахъ рассказывали то самое про Нѣжинъ. Этимъ способомъ пропаганда ненависти къ такъ называемымъ *панамъ Ляхамъ* усиливалась по мѣрѣ того, какъ она представляла выгоды для тѣхъ, которые были себѣ на умѣ, и въ мутной водѣ ловили рыбу.

Представители польскихъ порядковъ среди малорусскаго хаоса были обречены бороться, можно сказать, съ воздухомъ, наполненнымъ заразительными міазмами вражды, которую породили сперва тѣ, кого они признавали своими просвѣтителями, а потомъ и тѣ, кого они отвергли за отсутствіе у нихъ наукъ и за „умножившееся у нихъ отъ того грубіяństwo“. Вотъ въ чемъ собственно заключалось трагическое польскопанской усобицы, а вовсе не въ томъ, кто кого побивалъ, или вырѣзывалъ до поги. Это была не столько видимая борьба людей съ людьми, сколько незримый бой боговъ съ богами,—боговъ, посягающихъ взаимно на приносимыя имъ жертвы, и, для достиженія эгоистическихъ цѣлей своихъ, не колеблющихся съ обѣихъ сторонъ въ выборѣ средствъ.

Въ Ирклевѣ и въ Переяславѣ были припаты все мѣры предосторожности со стороны жолнеровъ и оставшихся вѣрными правительству ресстрониковъ. По слухамъ, пизовыхъ козаковъ накопилось уже до шести тысячъ. Было получено извѣстіе, что 2.000 мятожниковъ переправились у Кремепчуга черезъ Устье Пела и пошли, какъ можно было догадываться, къ Хоролу и Миргороду.

Между городами, охрапяемыми коронными и козацкими отрядами, сообщеніе сдѣлалось затруднительнымъ, и отъ этого распускаемые запорожцами слухи дѣйствовали на приверженцевъ правительства еще тревожнѣе. Было слышно, что атаманъ Сухій стоитъ надъ Сулою въ Жовнинѣ, верстахъ въ 20 отъ Ирклева. Между тѣмъ знали, что козаки Гуни овладѣли четырьмя перевозами черезъ Днѣпръ, именно: въ

Кременчугѣ, Максимовкѣ, Бужинѣ и Чигринѣ-Дубровѣ, или Черной Дубровѣ. То же самое старались они сдѣлать и по всему Днѣпру, чтобы прервать сообщеніе между коронными гетманами и ихъ украинскимъ войскомъ.

Шляхта боялась, чтобы низовцы не подплыли къ Кіеву, и не овладѣли стоявищо тамъ коронною артиллерією. Положеніе жолнеровъ, квартировавшихъ въ Украинѣ, представлялось отчаяннымъ. Край былъ до того голоденъ, что охранители городовъ больше страшились осады, нежели приступа. Подвергаясь лишениямъ, жолнеры тѣмъ безцеремоннѣе обирали мужиковъ, и этимъ вооружили противъ себя все простонародье, можетъ быть, еще больше, чѣмъ измысленнымъ на ихъ счетъ поруганіемъ церквей, до котораго не допустилъ бы ихъ ни одинъ изъ тогдашнихъ ротмистровъ, питомцевъ Копецпольскаго. Теперь имъ предстояла расплата за всякую курицу, что была припущдена готовить своему постояльцу жена какого-нибудь сіромахи, которому волей и неволей пришлось на Запарожѣ „луги потирати, своимъ тіломъ комаринъ, якъ ведмедівъ, годувати“. Теперь предстояло имъ сводить съ козаками счеты за всѣ ласки, похищенныя у ихъ женъ и дочерей насиліемъ, или соблазномъ. Постонародная память сохранила въ кобзарскихъ думахъ до нашего времени память объ этомъ паравиѣ съ независными козакамъ жидовскими арендами и съ козацкими вымыслами о поруганіи церквей.

Предчувствуя бѣду, жолнеры каялись, что, имѣя въ виду зимнюю стоянку, записались въ квартирнос войско до самаго лѣта. „Мудрено воевать съ непріателемъ“, разсуждали они, „который, если только захочетъ, легко можетъ увеличить силы свои,—которому ничего не стоитъ добыть себѣ оружіе, и котораго не вдругъ испугасишь, когда у него есть хоть небольшая защита—какая-нибудь заросль, или болото. Не даромъ говорятъ: берегись примирепнаго врага! а панъ врагъ умѣетъ выдержать татарскія атаки, привыкъ переносить жажду и голодъ, зной и стужу, пеутомимъ въ нападеніяхъ, и не остановится даже передъ нидерландскими батареями, парастами, валами и шапцпамъ. А па морѣ что онъ дѣлаетъ! Посреди волпъ нападаетъ легкими чайками своими па суда, искусныя въ чужеземныхъ оборотахъ, и побѣждаетъ всѣ ихъ воспыны хитрости. Изволь воевать съ такимъ непріателемъ па тонціи желудка!“

Но козакъ, кромѣ самыхъ занятыхъ, сомнѣвались въ успѣхѣ своего предпріятія. Ихъ предводители, какъ Острипица, вывезли даже своихъ женъ и все свое имущество за московскій рубежъ. Задача ихъ состояла въ опустошеніи, а не въ завоеваніи края; опустошать же

безнаказанно край можно было въ такомъ только случаѣ, когда бы лѣвобережные жолнеры были отрѣзаны отъ правобережныхъ. Для этого предположено было держаться главными силами вдоль „Обычнаго Козацкаго Шляху“ и овладѣть во что бы то ни стало Кіевомъ.

Но привычные къ стройнымъ движеніямъ ресстровики, утративъ нѣсколько сотенъ, перебѣжавшихъ къ запорожцамъ, оставались на сторонѣ панской. Въ ополченіяхъ Гуни, Скидана и Острипицы немного было людей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Большею частью они состояли изъ новобранцевъ, которымъ старые козаки наобъщали шубъ, серебра, коней и всякой добычи; а было много въ этихъ ополченіяхъ и такихъ *нетлѣ*, которыхъ вышесчики и взбунтовавшіеся козаки заставили силою участвовать въ войнѣ противъ пановъ. Козацкія куны были вооружены плохо. Значительная часть скидановцевъ имѣла одиѣ дубины да косы. Надѣяться на удачное столкновеніе съ коронными силами было нельзя. Приходилось бороться съ жолнерами только выносливостью, искусными передвиженіями да сидѣньемъ въ недоступныхъ окнахъ.

Захвативъ на Днѣпрѣ переправы, низовцы поплыли байдаками къ Кіеву, а сухопутное войско ихъ открыло свои дѣйствія противъ пановъ между рѣками Целомъ и Ворсклою. Это междурѣчье изобиловало въ то время обширными лѣсами и болотами, которые представляли для козацкой стратегіи множество неприступныхъ позицій. Здѣсь козаки добывали и вынасмывали коней для войны. Здѣсь у нихъ были невѣдомыя жолнерамъ пастбища для скота, угоняемаго изъ богатой Вишневеччины. Война и вмѣстѣ кочуя по окраинамъ панскихъ владѣній, они усиливали себя новыми бѣглецами, и заготовляли въ лѣсахъ запасы солитры, въ которой жолнеры часто пуждались въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ Острипица, вмѣстѣ со Скиданомъ, занялъ городъ князя Вишневцакаго, Голтву, отличавшійся кружкой позиціей надъ рѣкой Целомъ. Станиславъ Потоцкій соединилъ главные отряды своего войска и посѣлилъ на берега Цела. Не было никакой возможности пробиться въ городъ обыкновеннымъ боемъ. Надобно было противъ козацкихъ пашней сдѣлать собственныя. Занявъ здѣсь непріятеля атакою, Потоцкій устроилъ напцы противъ города съ другой стороны рѣки, и подъ ихъ прикрытіемъ перебросилъ черезъ рѣку мостъ, по которому пытался вломиться въ Голтву. Козаки оборонялись бѣшено, отбили нападеніе, сожгли мостъ. На другой день снова началась постройка моста, подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ эйлеровъ. Предвидя это, козаки переправлялись ночью въ лѣсъ, завалили дорогу, по которой

могло бы прійти къ Пѣмцамъ подрѣшеніе, открыли по нимъ изъ-за пней пальбу и, когда Пѣмцы выстрѣляли заряды, истребили всѣхъ до одного.

Въ это время Станиславъ Потоцкій ударилъ всѣми силами на козацкія укрѣпленія. Но, когда жолнеры и ресетровые козаки были заняты приступомъ, бунтовщики, засѣвши ночью въ байракахъ, ринулись на его станъ. Только превосходство вооруженія и боеваго искусства помогло Потоцкому устоять на позиціи. Онъ отступилъ къ Лубнамъ и рѣшился ждать подрѣшенія изъ-за Дибіра.

Острианица и Скидакъ воображали, что Лихи намѣрены бѣжать за Дибіръ, и выступили изъ Голтвы по слѣдамъ Потоцкаго. Они получили вѣсти о движеніи къ нимъ новыхъ козацкихъ кунъ, навербовали ихъ тутъ же въ Задибірин, и надѣялись охватить Потоцкаго со всѣхъ сторонъ. Но, къ удивленію своему, наткнулись на Ляховъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Сулы.

Полагаясь на свою численность, бунтовщики смѣло ударили на Потоцкаго и ресетровиковъ. Жолнеры не дрогнули. Ихъ артиллерія и пѣмецкая пѣхота нанесли козакамъ сильный вредъ. Конница разорвала таборъ. Острианицы и овладѣла двумя стами воевъ. Ресетровые козаки, зная, что съ ними будетъ въ случаѣ успѣха бунтовщиковъ, помогали жолнерамъ усердно. Битва кончилась цѣлымъ днемъ.

Вечеромъ Острианица выгнать въ полѣ почти всѣхъ коней, и заставилъ Потоцкаго думать, что къ низовцамъ пришло свѣжес войско. Онъ обратился въ ту сторону пушечную пальбу; а Острианица, пользуясь клубами дыма и облаками пыли, началъ отступленіе вверхъ по Сулѣ. Наступившія сумерки спасли его отъ преслѣдованія. Впрочемъ Потоцкій былъ обезсиленъ битвою. Войско его крайне пуждалось въ отдыхъ. По слѣдамъ Острианицы отправилъ онъ только нѣсколько хоругвей да нѣсколько сотенъ ресетровыхъ козаковъ, чтобъ онѣ, какъ выражались Поляки, вѣнались на хвостахъ у непріятеля.

Не успѣлъ Станиславъ Потоцкій привести въ порядокъ своей обозъ и артиллерію, какъ открыто было въ степи больше двухъ тысячъ козаковъ, идущихъ на соединеніе съ Острианицею подъ начальствомъ Путивльда. Добытые языки объявили, что эти козаки навербованы на запорожскомъ пограниччѣ, что въ числѣ ихъ находится 500 допцовъ, что всѣ они хорошо вооружены и болышею частью отличные стрѣлки.

Потоцкому удалось захватить это войско въ безводномъ полѣ и, послѣ упорнаго боя, длившагося цѣлый день, принудить къ покорности. Козаки отъ крайней завзятости перешли къ крайней низости:

выдали Потоцкому своихъ вождей, Путивльца и Рѣбуку, а сами изъяснили готовность сражаться, вмѣстѣ съ реестровиками, противъ бунтовщиковъ. Но жолнеры дотого были раздражены своими потерями, что, во время переговоровъ, бросились на побѣжденныхъ и перебили до остатка, какъ бы въ доказательство, что одни воины стоили другихъ. Уцѣлѣли только тѣ козаки, которые попадали между труповъ и притворились мертвыми.

Эта побѣда еще больше обезсилила Потоцкаго. Теперь онъ совсѣмъ отказался отъ преслѣдованія Острияницы. Зато получилъ возможность подтвердить кievскій замокъ нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и обезпечить такимъ образомъ сообщеніе лѣваго берега Дибра съ правымъ.

Пизовцы въ это время, подъ предводительствомъ Бардаченка, занимались разрушеніемъ панскихъ замковъ по Дибру, опустошеніемъ панскихъ имѣній, вербовкою въ нихъ войска, и опоздали прийти вовремя къ ожидавшимъ ихъ кievскимъ козакамъ.

Во время осады кievскаго замка, на нихъ ударилъ неожиданно коронный стражникъ Ланць, грозный предтеча панскихъ силъ. Кіевъ былъ для пизовцевъ потерянъ. Бардаченко держался еще нѣсколько дней на дибровскихъ островахъ. Но 20 (30) мая прибылъ къ Дибру князь Геремія Вишневецкій, и Бардаченко посѣвшился съ Черкасамъ.

Между тѣмъ Острияница сзываетъ къ себѣ кабацкую голоту по верховьямъ Сулы, вооружилъ прогнѣвъ пановъ Роменищину, и съ полкомъ „комониномъ“ (копнымъ войскомъ) отъ Сепчи, чгдъ на Сулѣ, пошелъ къ Миргороду; оттуда двинулся на Хороль, и, перерѣзавъ степное междурѣчье, остановился подъ Сулою, въ 25 верстахъ ниже Лубешъ, у мѣстечка Лѣкомья, отсюда разсылалъ козаковъ своихъ малыми купами для пресѣченія сообщеній между городами и для возмущенія мѣстныхъ жителей противъ правительства—то ложными слухами, то приманкою, то тиранніею.

Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что князь Вишневецкій переправляется подъ Кіевомъ черезъ Дибирь, въ сопровожденіи сборныхъ панскихъ дружинъ. Онъ отправилъ гонца къ Станиславу Потоцкому съ притворнымъ предложеніемъ покорности, а самъ посѣвшился заградить уже и тогда странному „князю Яремѣ“ путь къ Сулѣ.

Съ своей стороны Скиданъ и войсковою шесаръ митсалинковъ (на то время уже не Богданъ Хмельницкій) старались ослабить развѣдочную дѣятельность Потоцкаго своими письмами, въ которыхъ выражали раскаяніе пизоваго Войска въ поднятѣмъ бунтѣ.

По Вишневецкій прошелъ переславскія стени скорѣе, чѣмъ казаки рассчитывали, и привелъ въ Лубны 4000 хорошо вооруженныхъ воиновъ съ 15-ю легкими пушками.

Остришца попалъ самъ въ такое положеніе, въ какое хотѣлъ поставить князя Ярему. Всѣ коронныя силы двинулись противъ него къ рѣчкѣ Слѣбороду. Бросивъ на мѣстѣ часть походныхъ воевъ своихъ, Остришца поспѣшилъ вернуться въ Лукомье.

Между тѣмъ отряды мятежниковъ, призванные Остришцею для пораженія князя Яремы на его походѣ, одинъ за другимъ становились въ долину рѣчки Слѣборода съ превосходными силами своихъ противниковъ. Гонима за добышками отыла у короныхъ вождей цѣлыя сутки, и спасла Остришцу отъ дальнѣйшихъ потерь.

Воображая, что за нимъ гонятся Ляхи въ полномъ своемъ составѣ, этотъ герой лѣтописныхъ вымысловъ уже готовился бѣжать съ компанькомъ своимъ за московскій рубежь. Но иѣшіе гультан заставили его идти вѣкъ по Сулѣ къ Дибіру на соединеніе съ низовцами. Сильный отрядъ, оставленный имъ для защиты лукомской переправы, задержалъ наступленіе Станислава Погоцкаго и князя Вишневецкаго лишь на короткое время.

Ведя передовыя полки, князь Іеремія догналъ Остришцу въ двухъ миляхъ отъ Дибіра, ниже мельницъ села Жовнина, лежащаго на правомъ берегу Сулы. Остановился тогда Остришца, и началъ отабориваться. Мѣстность ему благопріятствовала, потому что Сула, вмѣстѣ съ лѣвобережнымъ своимъ притокомъ, составляла „вилы“, въ которыхъ оны были защищены водою, болотомъ и зарослями съ трехъ сторонъ: позиція истинно козацкая.

Не давая Остришцѣ построить воя въ боевой порядокъ, Вишневецкій стремительнымъ напоромъ сбилъ козацкую пѣхоту, прикрывавшую постройку воевого табора. Панская конница вломилась въ таборъ, и разорвала его надвое. Всѣ козацкіе воя съ порохомъ, всѣ съѣстные припасы и четыре пушки очутились въ рукахъ у князя Яремы. Напрасно компанькъ, предводимый Остришцею, усиливался возвратить эту страшную потерю. Козаки по всему табору были опрокидываемы.

Надъ Остришцею развивался уже только одинъ бунчукъ. Часть козацкой пѣхоты, выбитая изъ воевой крѣпости, начала оканываться надъ водою въ заросли. Часть козацкой конницы, разорванной на отдѣльныя кучи, перебралась черезъ Сулу, и бѣжала къ Дибіру по правому берегу. Остришца воображалъ, что все потеряно, бросился съ остальнымъ компанькомъ влѣвъ черезъ притокъ Сулы, и спасался

бѣгствомъ къ московскому рубежу, гдѣ этого дерзкаго и трусливаго добычника ждала безславная смерть въ домашней дракѣ съ козаками.

Но потеряно было еще далеко не все. Въ козацкомъ вагенбургѣ находились люди, не терпящіеся ни въ какой опасности,—люди, доказавшіе своими дикими доблестями высокую талантливость племени, которому не доставало только благопріятныхъ обстоятельствъ для участія въ благороднѣйшихъ грудахъ челоѳчества. Они обладали великимъ искусствомъ—удержать войско отъ начавшейся паники и, въ моментъ пораженія, поставить оробѣлыя дружины въ боевой порядокъ. Славу этого весьма и весьма рѣдко встрѣчаемаго въ военной исторіи подвига польскіе ротмистры принимаютъ, въ настоящемъ случаѣ, запорожскимъ полковникамъ Кудрѣ и Пенгѣ.

Оставивъ кипящую внутри табора битву, Кудря и Пенга выдвинули въ поле ряды возовъ на подобіе клешней рака, и сомкнули ихъ позади жолнеровъ. Почти всѣ хоругви, вломившіяся въ козацкій таборъ, очутились въ немъ запертыми. Пашскія знамена падали одно за другимъ подъ козацкими ударами. Пройтись обратно сквозь возы не было никакой возможности. Къ счастью пашовъ, князь Вишневецкій не поналъ въ западню, и съ паружной стороны старался разорвать сомкнутые цѣпами возы. Два раза наступалъ онъ на замкнутый таборъ. Козаки густо и мѣтко стрѣляли изъ-за возовъ. Пашенные Венгры, драгуны и выбранцы Вишневецкаго пятились передъ козацкими мушкетерами, самопалами, семнадцатыми пищалями, Гакковницами, несмотря на всѣ его убѣжденія, на всѣ угрозы. Наконецъ ему удалось-таки вломиться въ походный замокъ, и перекалѣченные пашы выскочили изъ козацкой ловушки.

Авторъ войсковаго дневника называетъ эту битву самую ожесточенною и кровопролитною, какую только можно вообразить. „Съ обѣихъ сторонъ“ (говоритъ онъ) „сердца были такъ разъярены, такъ горячо жаждали гибѣли одинъ другаго, что никто не уступалъ врагу ни одного шагу. Легло здѣсь такое множество знаменитыхъ ротмистровъ и товарищей, что великая горестъ останавливаетъ перо мое, и не позволяетъ мнѣ перечислять падшихъ“.

Хотя славу гибельнаго для пашовъ таборнаго маневра знаменитые ротмистры принимали Кудрѣ да Пенгѣ; но едва ли дѣло не въ томъ, что, послѣ бѣгства Острияницы, на сценѣ дѣйствія появился тотъ самый Димитрій Гуля, который подъ Бумейками разыгралъ самую трудную часть боевой трагедіи—отступленіе. Избранный гетманомъ па Сулѣ въ тревогѣ катастрофы, онъ тотчасъ далъ другое направленіе битвѣ, съ могуществомъ генія, которому гомеровскіе вонны при-

писывали божественность, а наши Запорожцы—характерство. Оттѣснилъ Гуня временныхъ побѣдителей съ поля битвы; захватилъ у нихъ четыре пушки, утраченные Остриницею; отнял и взы, которыхъ они не успѣли еще разграбить, или увести отступая. Къ вечеру подошлѣлъ главный панскій обозъ съ артиллеріею и пѣхотою; но уже козаки заняли крѣпкую позицію въ виллахъ Сулы, и начали окапываться рвомъ и валомъ отъ воды до воды. Сколько ни усиливались паны съ вечера помѣшать этой работѣ, всѣ ихъ попытки были напрасны.

Паны пасыпали съ своей стороны параллельный валъ отъ воды до воды, и цѣлый день сгрѣляли изъ пушекъ по козацкому табору. Козаки отвѣчали тѣмъ же. Отъ смрада едва можно было дышать. Но бой продолжался съ ожесточеніемъ. Кромѣ земляныхъ укрѣпленій, паны устроили на обѣ стороны мосты, чтобы поражать козаковъ съ разныхъ сторонъ и возбранить имъ отступленіе. Не дешево обошлись имъ эти работы, козаки осыпали мостовыхъ строителей градомъ пуль и картечь. Но мосты были кончены, и козакамъ сдѣлалось тѣсно.

5-го (15) іюня козаки попросили пощады. Побѣдители отправили къ нимъ для переговоровъ пана Дика. Но козаки получили между тѣмъ извѣстіе, что Скиданъ идетъ къ нимъ изъ Черкасъ, и ободрился. Когда панъ Дикъ подъѣхалъ къ ихъ окопамъ, они потребовали, чтобъ имъ сперва выдали Ильяша Караймовича съ шестью другими полковниками, но потомъ, чтобы дали имъ новыя знамена, возвратили артиллерию, взятую подъ Кумейками, и утвердили козацкимъ гетманомъ того, кого сами они выберутъ. Панскій уполномоченный возразилъ на это, что вѣдѣлъ трагикомъ съ побѣжденными. Тогда ему закричали: „Пане Діку! вертайся боржій, щобъ не було съ тебе диковини“. Едва онъ отъѣхалъ на выстрѣлъ изъ лука, козаки снова открыли пальбу, и подъ однимъ изъ его товарищей убили коня.

День и ночь съ обѣихъ сторонъ продолжалась боевая тревога. Козаки были намѣрены перенести свой таборъ къ устью Сулы, гдѣ рукавъ этой рѣки, или диѣпровскій затокъ, называемый Старцемъ, образовалъ, выѣтъ съ русломъ Диѣпра, островъ, покрытый болотистыми зарослями. Поэтому они безпрестанно занимали пановъ смѣлыми вылазками, а между тѣмъ переправляли черезъ Сулу свои возы, и отсылали ихъ къ такъ называемому Устью Старца.

Съ своей стороны паны усиливались задержать козаковъ подъ Жовнипомъ до прихода Николая Потоцкаго, котораго ожидали къ себѣ со дня на день. Между тѣмъ Скиданъ прислалъ къ Устью Старца передовые байдаки свои, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда. Паны послали къ Диѣпру рессетровыхъ козаковъ съ нѣсколькими хоругвями

жолнеровъ. Но гдѣ были топи и заросли, тамъ козакъ сидѣлъ крѣпко, какъ медвѣдь въ свосемъ логовѣ.

Въ это время въ панскомъ стапу были получены извѣстія, что коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, уже въ Кіевѣ, и что вслѣдъ за нимъ двинется изъ Бара самъ Конецпольскій, одно имя котораго, какъ думали, удерживало тысячи козаковъ отъ бунта.

Не замедлили узнать объ этомъ и завзятые. Судьба ихъ зависѣла теперь отъ того, чтобы до прихода Николая Потоцкаго отступить къ Устью Старца. Панскія силы были истощены, а къ козакамъ съ разныхъ сторонъ являлись подкрѣпленія. Когда война перешла изъ-подъ Лубенъ къ Жовшину, Украина освободилась отъ сторожевыхъ жолнерскихъ разѣздовъ, и теперь изъ всѣхъ мѣстъ, пощаженныхъ голодомъ, шли возы съ хлѣбомъ и повья дружины отважныхъ людей въ тому пункту, на которомъ, повидимому, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: кому владѣть Украиной, колонизаторамъ ли пустынь, или добычникамъ-помадамъ?

Напротивъ паны, вскорѣ послѣ прихода князя Вишневецкаго въ опустошенную бунтомъ Лубешчину, стали пуждаться не только въ людяхъ, но и въ огнестрѣльныхъ снарядахъ. Чѣмъ больше были они козаковъ, тѣмъ больше умножались козацкія купы. Удерживать характерника Гупно отъ перенесенія табора на другую, болѣе крѣпкую позицію не хватало силъ; отрѣзывать пдуція къ нему подкрѣпленія было нехѣмъ; даже отражать козацкія вылазки становилось для пановъ съ каждымъ днемъ труднѣе.

Николай Потоцкій давно уже порывался за Днѣпръ, но паны, жившіе въ глубинѣ шляхетчины, не придавали особенной важности украинской войнѣ съ хлонами, смотрѣли на нее, какъ на предметъ интересовъ мѣстныхъ, заподозривали колонизаторовъ пустынь въ жадности къ обогащенію, часто даже радовались ихъ упадку, и не давали короннымъ гетманамъ средствъ подавить козацкіи бунты энергическими мѣрами. Ко 2-му іюня ст. ст. подъ начальствомъ у Николая Потоцкаго было только три хоругви сборнаго войска. Пороху, свинцу и нушечныхъ ядеръ собралъ онъ только 30 центнеровъ, однакожь двинулся къ Кіеву, и 7-го іюня стоялъ уже обозомъ на Лыбеди.

Не сомнѣвался Потоцкій въ успѣхѣ своего похода, зная, что вслѣдъ за нимъ пойдетъ самъ Конецпольскій, но видѣлъ ясно, что ему предстоитъ весьма трудное дѣло. Изъ пограничныхъ слободъ, расплутыхъ на большомъ протяженіи отъ Кременчуга до Умаи, слободъ, возникшихъ на мѣстахъ, по которымъ кочевалъ Паливайко послѣ гонимы за нимъ Жовковскаго, поднялось и тянулось въ козацкія ста-

ловища все своевольное и пьяное, все ожесточенное въ своемъ лѣнивостѣ и безпутномъ убожествѣ, наконецъ, все легковѣрное и папуганное козацкою расправою.

Коронный полевой гетманъ зналъ уже о битвахъ, происходившихъ подъ Жовниномъ, и извѣщалъ Конецпольскаго изъ-подъ Кіева: что папскому войску „длинно“ надъ Сулою; что много „добрыхъ юпаковъ“ побито и много пало коней; что лѣто сухое, и не только въ травахъ чувствуется великій недостатокъ, но и люди терпятъ сильный голодъ, который между тѣмъ благопріятствуетъ козакамъ, потому что сельская голода, не имѣя, чѣмъ прокормиться дома, идетъ въ войско, богатое хлѣбными подвозами.

Не дожидаясь поддержки, Николай Потоцкій двинулся изъ Кіева, чтобы захватить козаковъ на старомъ становницѣ. Іюня 9 послѣлъ онъ съ нѣсколькими хоругвями въ Переяславъ къ ночи, и чуть свѣтъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Въ то же самое время папские люди великаго короннаго гетмана и другихъ знатныхъ паповъ шли правымъ берегомъ Днѣпра къ Черкасамъ.

Но запорожскій характерникъ Гуля никому не далъ превзойти себя въ искусствѣ передвиженій. Ночью съ 10-го на 11-е число іюня онъ умудрился перекинуть черезъ Сулу мостъ, и исчезъ со всемъ своимъ таборомъ, какъ и подъ Кумейками. Полевой коронный гетманъ засталъ папское войско уже на походѣ къ Устью Старца, и узналъ, что бунтовщики заняли крѣпкую позицію надъ Днѣпромъ, надъ этимъ Обычнымъ Козацкимъ Шляхомъ, по которому и теперь къ нимъ подошло на байдакахъ нѣсколько тысячъ свѣжаго боеваго пароду.

Островъ на Устьѣ Старца, по современному разсказу козацкихъ старожилловъ, служилъ уже однажды для козаковъ убѣжищемъ отъ папской силы. Еще въ половинѣ XVI вѣка, козаки, взбунтовавшіеся противъ князя Вишневецкаго, окончили на этомъ островѣ и защищались отъ его войска. Высокіе валы въ углу острова свидѣтельствовали, что борьба между ними была упорная. Гуля прибавилъ къ этимъ валамъ новые и до того признавалъ свою безопасность, что во время наступившей блокады часто оставлялъ ворота въ теченіе цѣлаго дня отворенными. Пышная почва, поросшая дубровами, благопріятствовала козацкимъ вылазкамъ и ополченіямъ.

Николай Потоцкій подошелъ къ этому мѣсту 12 іюня, когда козаки не успѣли еще все войти въ окопы. Не дожидаясь нападенія, они пріѣтствовали его стремительнымъ ударомъ, и, по выраженію очевидца, здоровались съ короннымъ гетманомъ до поздней ночи.

Ночью пришел панскій обозъ. Коронное войско расположилось длинной полосой напротивъ козацкихъ окоповъ. Николай Потоцкій занималъ козаковъ мелкими битвами и приступами день и ночь, въ ожиданіи своей „арматы“, которая шла по его слѣдамъ изъ Кіева.

Она пришла подъ копецъ іюня. Выстѣ съ нею, въ числѣ другихъ пановъ, явился и знаменитый банитъ Лацъ, ведя за собой 400 отважныхъ воиновъ. Козацкое гайдамачество, разлившееся отъ Гадяча на лѣвой сторонѣ Днѣпра, до Умапя и Дымера, на правой, заставило украинскихъ пановъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для охраненія ихъ имуществъ. Паны панимали людей, способныхъ къ войнѣ по всей Руси и Польшѣ, дѣлали изъ нихъ, по легкому вооруженію, „козаковъ“, или по тяжелому „драгушъ“, разгоняли гайдамацкія купы, и потомъ отправляли свои ополченія въ помощь коронному полковому гетману на берега Сулы.

Духовные паны подражали свѣтскимъ. Различіе вѣроисповѣданій и сословныхъ интересовъ исчезло въ виду общей бѣды. Кіевскій бискупъ прислалъ къ Потоцкому свою хоругвь, которая разбила подъ Дымеромъ болѣе тысячи гайдамакъ, и представилъ ему самого ватажка гайдамацкой купы, какого-то Пожарскаго, судя по фамиліи шляхтича. Іезуитъ Елецъ лично привелъ къ Устью Старца 70 православныхъ всадниковъ, нанявшихся для обороны іезуитскихъ имѣній. Аріанинъ Юрій Немирничъ разтѣзжалъ съ православными подданными своими по правому берегу Днѣпра, разгонялъ ополченія возбужденной черни, и не допуская ихъ соединиться съ низовцами. То же самое дѣлали князья Четвертинскіе; то же дѣлали Прдекуры, Аксаки и другіе православные паны.

Эти разтѣзные команды захватили, въ числѣ прочихъ Запорожскихъ возмутителей и рабскаго на Устьѣ Старца „опекуна Украины“, Скидана Гудзана, вѣхавшаго въ Чигиринъ. Онъ былъ доставленъ въ лагерь Потоцкаго, и въ послѣдствіи казненъ вмѣстѣ съ Путивльцемъ и другими бунтовщиками.

И всё-таки, усмиряя бунтовщиковъ, паны готовили въ будущемъ новыя бунты. Переходы всѣхъ вообще ополченій, хотя бы и козацкихъ, были крайне обременительны для мѣщанъ и поселянъ во всякое время. Тенерь своевольство приверженцевъ правительства давало себя чувствовать всюду, гдѣ можно было непрекнуть мѣстныхъ жителей участіемъ въ бунтѣ. А какъ смотрѣли жолперы въ этомъ отношеніи на панскихъ подданныхъ, видно изъ отзыва самого Потоцкаго о виновности въ бунтахъ всего Поддѣпрія и Заддѣпрія. Походы Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Лацей Тучанскихъ, необходимые и разумные въ глазахъ

людей зажиточныхъ, были непріягельскимъ нашествіемъ въ глазахъ бѣдняковъ. Забывая, что козаки только въ такомъ случаѣ не грабили ихъ, когда они сами дѣлались козаками, бѣдняки вопіяли противъ Ляховъ, руйнующихъ Украину, и такимъ образомъ ширилась пропаганда будущей рунны всего того, что не принадлежало ея дѣятелямъ. Запорожскіе добычники съ одной стороны, а украинскіе попы и монахи съ другой, каждый въ своихъ отдѣльныхъ видахъ, направляли эту пропаганду къ ея истребительной цѣли.

Въ довершеніе бѣдствій, предстоявшихъ польскорусскому обществу, а съ нимъ и всему Русскому народу, не исключая и Московскаго, разбойный элементъ самой шляхты, неодолимый для лучшихъ ея представителей, польскихъ и русскихъ, продолжалъ развиваться па счетъ людей порядка и благоустройства. Подобно тому, какъ низовцы съ украинскими гайдамаками изображали собою въ Польшѣ домашнюю татарщину, буяны и хищники шляхтичи были въ этомъ жалкомъ государствѣ собственною, домашнею козачщиною. Подъ шумъ общей тревоги, произведенной гонитвою за низовцами и за проповѣдуемымъ ими гайдамачествомъ, мѣстные шляхтичи, какъ и во времена Косинскаго, грабили другъ друга, а нѣкоторые изъ польскорусскихъ дворянъ обратили грабежи и насилія въ постоянный источникъ доходовъ, подобно Ланцу Тучанскому. Зло было такъ велико, что сеймовая конституція 1638 года объявила на всю Польшу (не умалчивая уже, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“) слѣдующее:

„Есть у насъ такіе люди, которые, не обращая вниманія на общіе войсковые законы, собираютъ вокругъ себя купы изъ разнаго рода неосѣдлыхъ людей, какъ-то: Волоховъ, Сербовъ, Татаръ, липецкихъ чести шляхтичей, наконецъ, изъ собственныхъ своихъ подданныхъ, и съ этими кучами расхаживаютъ изъ села въ село по шляхетскимъ имѣніямъ, разоряя убогихъ людей постоянно и почлегами, къ великому обремененію шляхетскаго сословія“, и т. д.

Положеніе польскаго правительства было тѣмъ трагичнѣе, что, страдая отъ разнузданности шляхты вообще и жолнерскаго неистовства въ особенности, оно, въ глазахъ козаковъ и тѣхъ, которые сочувствовали козачеству, представлялось не миротворцемъ и защитникомъ, а губителемъ несчастнаго края, возмущеннаго Запорожскою интригою. Димитрій Гуля, сидя въ своихъ окопахъ, дѣлалъ вотъ какія внушенія напамъ, которые рѣшились положить конецъ украинскому евоельству:

„Мы думали“, (писалъ онъ къ Николаю Потоцкому), „что ваша милость, яко папъ христіанскій, сжалится надъ пролитіемъ такого

множества невинной крови, и какъ-нибудь положить конецъ этимъ смутамъ. Но, видно, не для мира и благоустройства пришли вы въ эти плавни, подъ Запорожское Войско, со всѣми своими силами, а съ тѣмъ, чтобы до конца насъ выгубить, распустивъ свои отряды, которые свирѣствуютъ надъ невинною христіанскою кровью хуже какихъ-нибудь несприятелей Св. Креста. Будучи жестокими тиранами, не выѣдете, видно, вы ни правды, ни страха Божія. Пускай бы уже воевали вы съ нами, козаками, которые обрели на то свою жизнь и возложили на Бога упованіе свое. Нѣтъ, вы нападаете на убогихъ людей, которыхъ голосъ и невинно пролитая вами кровь вопіють къ Богу о мщениі, и возбуждаютъ насъ къ нему. Теперь уже мы рѣшились одинъ на другомъ положить свои головы, стоимъ за свои кровавыя заслуги, за права и вольности, данныя намъ издавна святой памяти польскими королями и уничтоженныя нашими измѣнниками, но не примемъ такого мира, какъ подъ Кумейками“.

Если бы было справедливо то, что пишутъ псевдоисторикъ о стоящѣхъ козакахъ за вѣру, о гоненіи польскими папами православія и о жидовскомъ глумленіи надъ церквами, понами и прихожанами среди козацкаго края, то Гуни не премѣнно непрекнулъ бы этимъ Потоцкаго, и ухватился бы за ляшеское поруганіе религіи, какъ за главное оправданіе козацкаго бунта. Но онъ говоритъ объ однихъ войсковыхъ интересахъ. Козаки разглагольствовали только передъ *своею* публикою о наступленіи Ляховъ на православную вѣру. Для возбужденія дикихъ страстей, они сочиняли даже рассудн о томъ, какъ покровительствуемые папами Ляхами Жиды-рандари вмѣшивались въ церковныя обряды. Ничего подобнаго не могли они написать къ Потоцкому и его соратникамъ, въ числѣ которыхъ было множество людей православныхъ.

На письмо Гуни Потоцкій отвѣчалъ, что козаки потеряли свои старинныя права, вооружаясь противъ мажстата его королевской милости, и должны довольствоваться правами, данными имъ теперь отъ короля и Рѣчи Посполитой.

Козаки стояли на своемъ, — что иначе не положить оружія, какъ возвративъ себѣ старыя права.

Потоцкій повелъ свое войско на приступъ (это было 1-го іюля ст. ст.), а между тѣмъ его артиллерія дѣйствовала съ двухъ пуштокъ. Козаки оборонялись цѣлый день, а на другой день опять прислали просьбу о подтвержденіи имъ старыхъ правъ. Чтобы не ожесточать ихъ противъ себя лично, Потоцкій отправилъ къ нимъ пословъ съ

конституціи прошлаго сейма и съ утѣреніемъ, что онъ исполняетъ лишь волю правительства, по отнюдь не посягасть на ихъ вольности.

Чтеніе конституціи было заглушено криками верховодовъ бунта. Гуня просилъ пословъ обождать отвѣта до утра. Но прошло утро, а козаки не давали отвѣта. Наконецъ Потоцкій потерялъ терпѣніе, тѣмъ больше, что кони у него въ стану изнемогали отъ недостатка корма. Козаки также терпѣли голодь. Потоцкій разослалъ отряды по ближайшимъ селамъ, изъ которыхъ они добывали себѣ съѣстные припасы, и велѣлъ выжечь все до тла. Тогда осажденные взмолились о пощадѣ; но покорности, которой отъ нихъ домогались, не выражали.

Началась опять пальба съ разныхъ сторонъ по козацкимъ окопамъ; начались попытки вторгнуться въ обложенный блокадою таборъ. Козаки отражали приступы, и хитрыми вылазками держали панское войско въ постоянной тревогѣ. Послѣ утомительнаго, исполненнаго опасностей дня, наступила такая же ночь. Никто въ панскомъ стану не снималъ съ себя панцыря и оружія.

Юля 5 произошла кровопролитная битва, но она не перемѣнила затруднительныхъ обстоятельствъ той и другой стороны. Оба войска были одинаково сильны своими преимуществами и одинаково слабы недостатками. Старые окопы, усовершенствованные козаками, защищали ихъ отъ пораженія, подобнаго Кумейскому. Козаковъ было такъ много, что они могли оборонять свою земляную крѣпость на всѣхъ доступныхъ пунктахъ. Но ихъ многолюдство быстро приближало время голода; а подвозъ хлѣба и сѣна сдѣлался теперь очень затруднителенъ для мелкихъ партій. Ни мужество козаковъ въ оборонѣ своей позиціи, ни искусство, съ которымъ они добывали себѣ продовольствіе, не могли спасти ихъ.

У нихъ было въ виду другое спасеніе. Просьбами о пощадѣ они только манили „Ляховъ“; вылазками они только развлекали ихъ вниманіе, а кровопролитными битвами ослабляли малочисленнаго непріятеля, въ ожиданіи подкрѣпленія отъ кореунскаго полковника Филопенка, который давно уже вербовалъ новое ополченіе вверху Днѣпра, съ цѣлью пробиться въ козацкіе окопы съ огромнымъ запасомъ заготовленнаго продовольствія. Но Филопенко не давалъ еще о себѣ вѣсти.

О расправѣ съ „Ляхами“ въ открытой битвѣ напрасно было думать. Въ борьбѣ пановъ съ козаками болѣе, нежели гдѣ-либо, оправдывалась истина, что ни тѣлесная сила воиновъ, ни патріотическій энтузіазмъ (котораго козаки не имѣли) не могутъ устоять въ битвѣ противъ хорошо обученнаго войска; а панское войско въ сравненіи съ козацкимъ было почти то же, чѣмъ римскіе легіоны въ сравненіи съ

толпами варваровъ. Нѣмецкая пѣхота, составлявшая опору этого войска, никогда не показала спины козакамъ, никогда не сдалась имъ въ плѣнъ, и лежала трупомъ до послѣдняго человѣка на мѣстѣ, какъ это случилось подъ Голтвою. Артиллерією завѣдывали у пановъ лучшіе заграничныя практики. Квартаное войско вербовалось изъ людей, которые не знали другаго ремесла, кромѣ войны, и перепробовали все способы драки, отъ „татарскаго тапца“ и „козацкаго веремія“ до приемовъ, изобрѣтенныхъ Густавомъ Адольфомъ. Даже панскія ополченія, состоявшія на половину изъ низшей шляхты, старались вести себя на полѣ битвы, какъ подобаетъ истиннымъ рыцарямъ, а нѣкоторые, набранныя изъ наемныхъ Татаръ, Волоховъ, Сербовъ и выписанныхъ изъ ресстра козаковъ, готовы были идти за своими „рейментами“ въ какой-угодно огонь, какъ это доказывали „лацфовцики“.

По въ настоящемъ случаѣ голодный, ограбленный и почти опустошенный край вдоль береговъ Днѣпра, Сулы и пограничнаго отъ запорожскихъ Дикихъ Полей Тясмина представлялъ слишкомъ скудные средства для содержанія многочисленной, сравнительно съ пѣхотою, конницы, да и люди не роскошничали въ стану Потоцкаго. Козаки сидѣли за высокими валами и дѣлали безпрестанныя вылазки. Отраженіе вылазокъ не обходилось для пановъ безъ несчастій, потому что все пространство вдоль оконъ было изрыто круглыми ямками, на которыхъ кони спотыкались, ломали ноги и опрокидывали всадниковъ, а козаки, лежа въ такъ называемыхъ долгахъ, или просто на землѣ, мѣтко стрѣляли по всадникамъ.

Паны, приводя лично, или присылая подъ начальствомъ ротмистровъ и поручиковъ (наместниковъ) свои ополченія, воображали войну съ козаками тѣмъ-то въ родѣ прошлогодней „Кумейницы“, гдѣ были пужны только— сильный паноръ для расторженія козацкаго табора и достаточное количество рукъ для наказанія хлопковъ. Разочарованіе въ мечтахъ о рыцарской славѣ, добываемой въ нѣсколько дней, охладило ихъ энтузіазмъ, и они, подъ тѣмъ предлогомъ, что козаки просятъ уже помилованія, начали поворачивать во-своеси. Между тѣмъ битвы подъ окопами происходили почти ежедневно, и рѣдко проходила ночь, въ которую бы козаки не сдѣлали дерзкой вылазки. Потоцкій находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ.

Но положеніе козацкаго вождя было гораздо хуже. Голодь въ его окопахъ началъ дѣлаться чувствительнымъ. Козаки питались уже одною кониной, употребляя муку только для приправы. Появились новыя депутаціи въ панскомъ стану. По всеѣ онѣ твердили одно и то

же,—что козакамъ не возможно иначе быть, какъ при старинныхъ своихъ правахъ.

Напрасно полевой коронный гетманъ твердилъ имъ, что король назначилъ имъ комиссара и полковниковъ изъ шляхты въ видахъ охраненія ихъ имущества и личной безопасности отъ выписчиковъ и отъ самихъ жолнеровъ. Козаки жаловались на реестровиковъ, преданныхъ интересамъ короны, что они, вводя съ ними хлѣбъ-соль, измѣнили имъ и уронили ихъ достоинство. Козаки совѣтовали и короннымъ гетманамъ беречься ихъ измѣны; выражали желаніе послать отъ себя къ королю пословъ, и просили Потоцкаго объ одномъ,—чтобъ онъ не приводилъ въ исполненіе постановленія послѣдняго сейма, пока не вернутся ихъ послы отъ короля, и оставилъ бы ихъ до слѣдующаго сейма при тѣхъ правахъ, какія признаны за ними Куруковскою комиссією.

Среди переговоровъ и убѣжденій получено было извѣстіе, что Филоенко плыветъ съ Верху Днѣпра на выручку осажденнымъ. Потоцкій обратилъ на него всю свою энергію.

Козацкая флотилія должна была причалить къ берегу черезъ нѣсколько дней. Непреклонному Гунѣ представлялось два выхода изъ его положенія: или, въ соединеніи съ Филоенкомъ, одолѣть „Ляховъ“ превосходствомъ силъ, или, безъ дальнѣйшихъ потерь, удалиться на Запорожье. Если же не удастся ни то, ни другое, тогда будетъ онъ держаться на Устьѣ Старца до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ Потоцкаго снять осаду.

Съ своей стороны Потоцкій, въ случаѣ неудачнаго отраженія идущихъ съ Верху Днѣпра козаковъ, рѣшился зимовать на мѣстѣ и заложить здѣсь новую колонію. Событія принимали подобіе Троянской войны, и этимъ самымъ свидѣтельствовали, что усмиреніе козаковъ—задача слишкомъ трудная для обладателей Королевской Земли.

Предупреждая походы Филоенка шляхетскій Агамемнонъ сдѣлалъ еще одинъ приступъ къ окопамъ, продолжавшійся цѣлыя сутки. Много было явлено съ обѣихъ сторонъ гекторовскаго мужества, ахилловской завзятости и одиссеевскихъ ухищреній; но обоюдные подвиги не привели ни ту, ни другую сторону ровню ни къ чему. Каждая изъ нихъ, рассчитывая на прибытіе Филоенка по-своему, старалась ослабить непріятеля, чтобы легче было поставить на своемъ съ наступленіемъ этого важнаго событія. Въ обоихъ войскахъ истощались огнестрѣльные снаряды; оба войска теряли лучшихъ воиновъ; оба, уничтожая и надрывая другъ друга, оставались по-прежнему въ равновѣсіи силъ и безенія. Въ жару соціальной усобицы, воспламененные тяж-

кими ударами врага, войны забывали цѣль кроваваго спора. Бились уже не за привилегіи, добытыя заслугами и происками многихъ поколѣній, не за равенство съ тѣми, которые, на поверхностный взглядъ, блаженствовали, точно въ раю, на счетъ мучимыхъ, точно въ неклѣ. Бились уже не паи съ хлопами и не мнимыя жертвы съ мнимыми тиранами, а рыцари своего грубаго, по кипучаго физическаго и нравственнаго энергіею вѣка съ одинаково доблестными и свирѣпыми рыцарями. Битва была страшная. Но она предвѣщала еще болѣе кровавый споръ, въ которомъ обѣ великія силы должныствовали взаимно истощиться, чтобы подпасть подъ господство болѣе полезной для челоуѣчества силы.

Свѣдѣнія, добытыя отъ языковъ среди боя, опечалили Потоцкаго. Преданные ему ресстровики подтверждали ихъ справедливость, и былъ такого мнѣнія, что, еслибы и удалось панамъ взять козацкія окопы, то дѣлу былъ бы еще далеко не конецъ. Внутри окоповъ были такіе блокаузы, обезпеченныя водою, что только голодомъ было возможно одолѣть завзятыхъ.

Наконецъ въ панскомъ стану свѣдали, что Филопенка ожидаютъ къ Устью Старца 27 русскаго іюля, въ день „Пальба“ (Пантелсеймона),—день, по примѣтамъ хлѣборобовъ, особенно громоносный и зажигательный. Козаки разставили на валахъ пушки, наготовили при нихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, перечистили свой „огнестрѣльный бой“ отъ коноти, подкормили коней, и рѣшились прикрывать высадку, во чтò бы то ни обонлось имъ. Но лащовицки и хоругви великаго короннаго гетмана сдѣлали на противоположной сторонѣ Диѣпра засаду противъ Филопенка, который часть войска велъ берегомъ, а другую часть посадилъ на байдаки.

Пастушилъ таинственно грозный день Пальба. Филопенко былъ въ самомъ дѣлѣ близко. Но встрѣча съ лащовицками и съ контингентомъ Коненпольскаго обонлась ему не дешево. Много пало у него людей, много потерялъ онъ и запасовъ. Долго провожали его жолнеры, „вѣшаясь“ на его хвостовыхъ отрядахъ, забѣгая впередъ „головы“ и стрѣляя по его судамъ изъ пушекъ и гаковницъ. Громъ пальбы допосился къ Устью Старца, и волновалъ то страхомъ, то надеждою, какъ осажденныхъ, такъ и осаждающихъ. Наконецъ пальба умолкла, потому что Филопенко освободился отъ своихъ преслѣдователей, добравшись до острововъ, до неприступныхъ для непріяеля диѣпровскихъ луговинъ и непроходимыхъ затоновъ. Къ полуночи онъ былъ у пристани, отъ которой козацкіе окопы отдѣлялись только небольшимъ

пространствомъ. На этомъ простраствѣ должна была рѣшиться судьба долгой и мучительной для обѣихъ сторонъ осады.

Ночь была темная. Стрѣльба помогала дѣлу немного. Пошло въ ходъ оружіе холодное—среди мрака, соответствовавшего тому, который папустили въ умы и сердца сражающихся римляне и византійцы.

Главными панскими силами предводительствовали Пиколай Потоцкій и князь Вишневецкій, Агамемнонъ и Ахиллъ знаменитой борьбы на Устьѣ Старца. Паны вывели въ ночную битву изъ обоза все свои хоругви, такъ что въ обозѣ некому было даже сторожить плѣнныхъ, которыхъ было 70 человекъ. Ротмистръ венгерской королевской пѣхоты, панъ Загурскій, выдѣлилъ нѣсколько важнѣйшихъ сѣромахъ изъ толпы, а остальныхъ велѣлъ венгерцамъ изрубить.

Отъ полуночи до поздняго утра стояли паны нерушимою стѣною между войскомъ Филопенка, пробивавшимся къ окопамъ, и войскомъ Гуни, которое силилось проложить ему дорогу. Ворота въ окна не были защищены: они манили пановъ на козацкія засады. Козаки, лежа сплошнымъ помостомъ подъ панскими колоннами, осыпали ихъ смертоноснымъ градомъ пуль. Этихъ отчаянныхъ людей приходилось безпрестанно отпугивать быстрымъ напускомъ конницы. Гибли сѣромахи тысячами, но не уступали шляхетникамъ ни въ горячей завязности, ни въ холодной рѣшимости. Наконецъ шляхетники изнемогли, и Филопенко пробился въ окна.

Но побѣдители были печальны. Большая часть навсербованнаго знаменитымъ корсунскимъ полковникомъ войска пала въ битвахъ. Сѣстныхъ припасовъ уцѣлѣло для всехъ козаковъ только на два дня. Когда то и другое сдѣлалось извѣстнымъ, печаль козацкой черни перешла въ ярость. Филопенка, прославившагося еще въ 1628 г. походами въ заднѣпровскую Туретчину, называли измѣнникомъ. Забыты были его подвиги въ бояхъ съ Татарами и Турками, воспѣты въ кобзарскихъ думахъ; не приняты въ соображеніе препятствія, которые преодолевалъ онъ въ своей экспедиціи; ни во чтѣ поставлено геройство, съ какимъ онъ пробился на помощь къ осажденнымъ. Поклопница только успѣха, козацкая чернь судила его въ „чернецкой“, или черной радѣ безъ старшины, и приговорила къ публичному наказанію кіями у позорнаго столба.

Здѣсь варварское состояніе правовъ и обычаевъ козацкихъ обозначилось рѣзко, въ сравненіи съ правами и обычаями шляхты. „Если бы къ его милости пану гетману“ (иметь походный капелланъ Потоцкаго) „пробился такимъ образомъ какой-нибудь ротмистръ, хотя бы только съ одною сотнею коней, то павѣрное панъ гетманъ принялъ

бы его съ веселымъ видомъ, съ распростертыми объятіями и ободрительными словами“.

Послѣ крайняго напряженія силъ, осажденные упали духомъ, и вошли на мировую съ „Ляхами“. Волей и неволей Потоцкій долженъ былъ оставить козаконъ при ихъ арматѣ и войсковыхъ знакахъ, до тѣхъ поръ пока возвратится ихъ посолъ отъ короля. Тогда козаки обѣщали передать свою армату и войсковые клейноды комиссару, и принять полковниковъ, какіе будутъ назначены правительствомъ. Какъ сидѣвшіе въ осадѣ козаки вынечники, такъ и непослушные напамъ ресстровые, взаимно присягнули—не обижать другъ друга, не укорить мншовавшю войскою, и удалить отъ себя оказаченныхъ панскихъ подданныхъ. Забранныя у пляхты нунки и нунки кievскія рѣшено было возвратить по принадлежности немедленно. Козацкія вдовы были признаны въ своихъ правахъ неприкосновенными. Трахтомировскимъ монахамъ (швалидамъ Запорожскаго Войска) было обѣщано покровительство. Захваченный ресстровиками монастырскій скарбъ имѣлъ быть возвращенъ. Выходъ на рѣчки для рыболовства и въ Дикія Поля для звѣринаго промысла дозволенъ былъ по-прежнему.

Договоръ этотъ подписали, въ качествѣ войскаго писаря, уже не Богданъ Хмельницкій (какъ Боровицкое обязательство), а какой-то Мартынь Пезнанскій. Богданъ Хмельницкій на сеѣ разъ держалъ сторону панскую, и вмѣстѣ съ панами каралъ такихъ людей, какимъ въ прошломъ году былъ самъ и какимъ черезъ десять лѣтъ сдѣлался опять.

1 Юля 29 походные кессы иѣли въ панскомъ стану Те Деум laudamus *). Козаки молились Богу безъ пона, такъ какъ у нихъ по-пу не было мѣста ни въ походахъ, ни въ коняхъ. Звремѣли въ обонхъ становницахъ торжественныя нунки, началось общее пириество и взаимное угощеніе, хотя ни той, ни другой сторонѣ радоваться было нечему. Козаки оставались по-прежнему въ ограниченномъ числѣ, которому „длинная“ королевская сабля смѣло могла предписывать законы; а паны потеряли на Устьѣ Старца больше мужественныхъ ветерановъ, нежели въ войнѣ съ Густавомъ Адольфомъ.

Тенерь свободно расхаживали соратники Гуни по становищу Потоцкаго, а паны—по козацкимъ оконамъ. „Движлся не одиъ инженеръ“ (говорить авторъ походнаго дневника) „трудоу и изобрѣтательности грубаго хлона, осматривая валы, шанцы, батареи и куртины.

*) Тебѣ Бога хвалимъ.

Хотя бы коронное войско и прошикло въ козацкіе рвы, валы, привалки и дубовые частоколы, но еще большихъ силъ пужно было бы на то, чтобы взять козаковъ приступомъ среди ихъ окоповъ⁴.

И однакожь козаки были побѣждены. Не превосходство короннаго войска, не изнеможеніе силъ и не голодъ одолѣли ихъ: одолѣла ихъ малорусская неурядица, происходившая отъ ревниваго чувства личной свободы, — чувства, воспитавшаго весь такъ-называемый козацкій народъ, эту сбродную націю утікачей; одолѣла ихъ взаимная недобѣрчивость между голотою и людьми зажиточными, между войсковою чернью и старинною. Козаки были не способны ни къ строенію, ни къ разрушенію государства. Строить государство могли они только подъ стягомъ Собирателей Русской Земли, разрушать — только подъ бунчукомъ Чингисхановичей.

Юля 30 козаки получили дозволеніе разойтись по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы, въ назначенное время, собраться на раду въ Каневѣ, какъ тѣмъ, которые воевали подъ знаменами правительства, такъ и тѣмъ, которые сражались за приводомъ запорожской вольницы. На этой радѣ козаки должны были выбрать изъ среды себя пословъ къ королю, а пока воротятся послы, сдѣлать новую реестровку.

Не у всѣхъ козаковъ были теперь дома и пристанища. Не только хутора и села, цѣлыя города исчезли, переходя отъ панскихъ ополченій къ запорожскимъ и обратно. Козаки-зимовчакъ по-певолѣ превратились теперь въ безхатниковъ, козаки-дуки — въ нетягъ. Оббившіеся, точно кремень, сѣромахи не всѣ пошли въ броварники, давинники, будники, не всѣ искали рабочаго куска хлѣба въ панскихъ и королевскихъ селяхъ. Большею частью разбрелась они по „низовымъ рѣчкамъ, Дибровымъ помощникамъ“, на рыбные и звѣриные промыслы, отъ которыхъ былъ одинъ только шагъ до промысла добычаго. Многіе очутились на Дону; другіе бѣжали въ московскую Бѣлогородчину и Сѣверщину; а нѣкоторые — даже въ Крымъ, на Буджакъ и въ Добруджу.

Къ намъ вернулись немногіе изъ охотниковъ до *лежачаго* хлѣба, выпечниковъ, потому что у пановъ ожидала ихъ та самая работа и та зависимость, отъ которыхъ они уходили все въ крайнія и крайнія осады. Страна замѣтно опустѣла. Множество лаповъ оставалось незасѣянными, такъ какъ окозаченные поселяне съ осени 1637 года готовились къ жатвѣ иного рода. Дороговизна возлѣ Кіева и на Задибиріи была неслыханная. Маца (4 четверика) жита продавалось на рынкѣ по 40 золотыхъ. Промыслы и торговля были пріостановлены, такъ что даже соль добывалась только изъ-за московскаго рубежа. Сель-

ское хозяйство пришло въ такой упадокъ, что Николай Потоцкій, зимою 1638 года, не находилъ способовъ прокормить людей и лошадей во время переѣздовъ для обозначенія границъ козацкимъ поселеніямъ.

При такихъ обстоятельствахъ, оба корошныя гетмана не знали, куда имъ дѣваться съ квартирнымъ и иноземнымъ войскомъ; переводили его съ одного мѣста на другое, разоряя до остатка королевскія и мимоходомъ шляхетскія имѣнія. Въ Подоліи былъ такой же голодъ, какъ и въ Украинѣ, хотя тамъ и не стояло корошное войско; а вывести его изъ украинскіхъ провинцій значило бы — нарушить недавно составленный планъ обезпеченія Рѣчи Посполитой со стороны границы, и рисковать новымъ козацкимъ бунтомъ.

Счеты у козаковъ съ панами жолнерами никогда не могли быть кончены. Заключало мировую съ Потоцкимъ покоренное войско; заставляло козаковъ присягать отчаявшемуся въ усилѣхъ товариществу. Но изъ окоповъ при Устьѣ Старца разошлось много людей съ неутомимою жаждою мщенія за дѣла, которыя оправдываются государственнымъ правомъ, по которыхъ не признавала правыми козацщина, выработавшая себѣ юрисдикцію антигосударственную и антиобщественную — разбойную. Во время осаднаго судѣнья на Сулѣ подъ Жовниномъ, эти люди находили дикое наслажденіе въ томъ, чтобы добывать сбитыхъ шляхтичей изъ могилъ и издѣваться надъ ихъ трунами. Легко вообразить, на что они были способны и готовы при благоприятныхъ обстоятельствахъ. А наши жолнеры, съ своей стороны, были не такіе войны, чтобы, послѣ всего прошлаго, не давать козакамъ новыхъ поводовъ къ волненіямъ.

За предстоящую зиму корошныя гетманы были еще спокойны; но весна грозила имъ новыми тревогами. Съ весной проснутся, точно пчелы въ ульѣ, низовые камышинки и лугари, готовые къ морскому разбою. Съ весной поплыветъ къ нимъ Днѣпромъ и побредетъ степью все, что будетъ въ силахъ вырваться за чергу королевскихъ и панскихъ сторожей. Вернувшись изъ морскаго набѣга, добывъ отъ Татаръ, Турокъ, Армянъ, Грековъ, Румыновъ, Болгаръ разбоемъ, грабежомъ и мѣновымъ торгомъ оружія, пороху, свинца, низовая голода можетъ опять вторгнуться въ Вишневетчину, или въ панскую Сѣверцину. Если же этого не будетъ, то она съѣздается на Пизу готовыми кадрами для новыхъ утѣкачей изъ пожизненныхъ и вѣчныхъ панскихъ добръ, и будетъ юртоваться за Порогами противоположное „городовому“ и соблазнительное для него козачество до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ силу, или не найдетъ себѣ предводителей, подобныхъ Павлюку, Скидану, Кизиму, Осгрянцѣ, Гунѣ, Филопенку. Еслибы не

беженскіе, вѣрность на Кодакѣ возстановилась бы безостановочно во все это время. Но скарбовые люди постоянно обманывали ожиданія коронныхъ гетмановъ, и заставляли ихъ дѣлать займы на собственный страхъ, лишь бы не уронить своей славы, какъ охранителей безопасности республики.

А между тѣмъ надъ Польшею висѣла туча, требовавшая поваго громоотвода. Коронные гетманы получили извѣстіе, что Острияница, послѣ бѣгства съ поля битвы, ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи многихъ тысячъ народа, изъ которыхъ одни послѣдовали за нимъ съ испуга добровольно, а другіе были угнаны силою. Знали также коронные гетманы, что и послѣ Кумейскаго погрома, и послѣ осаднаго сидѣнья на Устьѣ Старца, пограничные города московскіе, Рыльскъ, Сѣвскъ, Путивль, и бѣлгородскіе степные поселки были переполнены украинскими козаками. Они были убѣждены, что виною козацкихъ бунтовъ—сосѣдство благопріятствующей козакамъ державы: „ибо не уградесть воръ, когда негдѣ сирятать, и не станеть бунтовать мятежннкъ, когда ему негдѣ укрыться отъ преслѣдованія“, писалъ Потоцкій къ Консепцольскому, и настаивалъ, чтобъ онъ повторилъ свои просьбы царю о выдачѣ Острияницы и другихъ зачинщиковъ бунта, бѣжавшихъ въ московскія земли.

Къ сожалѣнію, бумаги Посольскаго Приказа, относящіяся къ этому предмету, утрачены; но мы знаемъ, что никто изъ козаковъ, наводившихъ московскую Сѣверщину и Бѣлгородщину, не былъ выданъ Полякамъ; и, по всей вѣроятности, въ Москвѣ смотрѣли не безъ удовольствія на козакопанскія усобицы, вѣдомыя недавнія вторженія пановъ и козаковъ совместно въ Московское Царство. Какъ бы то ни было, но коронные гетманы съ безпокойствомъ поглядывали на сѣверо-востокъ, откуда, по ихъ справедливому опасенію, новые бунтовщики могли получить сильную помощь.

Таково было положеніе дѣлъ, когда козацкіе упопомоченные (въ числѣ которыхъ находился и будущій Геростратъ Польской Руси, Богданъ Хмельницкій) явились къ королю и сенату съ выраженіемъ раскаянія Запорожекаго Войска въ бунтахъ и съ просьбою о помилованіи. Надѣясь на ходатайство Потоцкаго, они изъявляли полную готовность подчиниться ограниченію козацкихъ вольностей, какое угодно будетъ сдѣлать его королевскою милости и Рѣчи Посполитой.

Какъ письмо къ королю, такъ и инструкція, данная козаками своимъ посламъ, были надиктованы, очевидно, Потоцкимъ. По королевскій отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Паны давали козакамъ остыть, раздѣлится порѣже на козаковъ старинныхъ и новыхъ, на зимов-

чаковъ и безхатинковъ, на рыцарей по наслѣдству и оказачепныхъ мѣщанъ, хлѣборобовъ, чабановъ. Давали паны и шляхетской сторонѣ оправиться послѣ опустошеній и потерь, пополнить свои надворныя дружины, упрочить оборону своихъ замковъ. Давали они время и жолнерамъ угнѣздиться въ такихъ опасныхъ сѣдалщахъ мятежскій, какъ Роменищина, Хорольщина, Лубенщина, Полтавщина, чтобы, въ случаѣ новой попытки къ бунту, остановить завязтыхъ и зимнимъ временемъ, самымъ неудобнымъ для козацкой стратегіи, и перенѣсомъ умѣренной, сравнительно миролюбивой части козаковъ, и готовностью шляхты оборонять свои имѣнія въ самомъ нѣдрѣ козачины, и пресѣченіемъ путей къ побѣгу панскихъ подданныхъ въ козацкія кумы.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ. Наступилъ конецъ Ноября. Тогда только было оповѣщено козакамъ, чтобы они собрались на Масловомъ Ставу (между Кансовомъ и Богуславомъ), надъ рѣкой Россью, для выслушанія королевскаго рѣшенія.

Занявъ до времени собственною особою мѣсто занорожскаго гетмана, Пиколай Потоцкій послалъ предварительно къ козакамъ своего намѣстника, Станислава Потоцкаго, для наблюденія за порядкомъ. Онъ опасался, чтобы во время кочеванья у Маслова Става не возникло между козацкими полковниками соперничества, и не повело все войско къ бунту.

Станиславъ Потоцкій былъ принятъ въ козацкомъ таборѣ почти тельно. Ему, безъ замедленія и отговорокъ, было предоставлено начальство надъ всеми полками и надъ арматою. Онъ учредилъ собственныя *варты* (караулы) и принялъ мѣры къ удержанію войска въ порядкѣ, пока мѣсть соберутся недостающіе полки и согни.

Полевой корошій гетманъ стоялъ между тѣмъ въ Вѣлой Церкви съ охранительными своими хоругвями и членами Маслоставской комиссіи. Освѣдомясь наконецъ, что все обстоитъ благополучно, онъ выступилъ въ Робигну, а оттуда на почлегъ въ Микитники.

Козаки двинулись къ нему навстрѣчу и, пройдя добрыхъ двѣ мили, увидѣли въ чистомъ полѣ корошья хоругви, на челѣ которыхъ, вокругъ полеваго гетмана, стояли знатные паны, явившіеся на комиссію съ своими надворными рогами. Въ стройномъ порядкѣ приблизились козаки съ таборомъ своимъ и арматою, какъ обыкновенно хаживали въ битву, и остановились въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ лука отъ панскаго войска, выстроившаго также въ боевой порядокъ. Тогда старшина, въ сопровожденіи почетнаго конвоя товарищей реестровиковъ, отдѣлилась отъ козацкаго войска, и, подъ предводитель-

ствомъ: Станислава Потоцкаго, подъѣхала къ полевому коронному гетману. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, коронный гетманъ велѣлъ представителямъ Запорожскаго Войска слѣзшиться и сойтись въ коло на средній пространства между двухъ войскъ.

Члены комиссій, войдя къ рыцарскій козацкій кругъ, говорили собранію о казни, постигшей Скидапа, Путивильца и другихъ зачинщиковъ бунта, и о врожденной добротѣ его королевской милости, по которой даровано козакамъ прощеніе, по предстательству обоихъ коронныхъ гетмановъ.

„Хотя и подвергся гнѣву его королевской милости“ (прибавилъ Николай Потоцкій) „за то, что поступилъ съ вами слишкомъ милостиво, но перенесъ я этотъ гнѣвъ съ радостью, имѣя въ виду, что не лилась и не льется больше христіанская кровь, а тѣмъ паче, что козаки, въ знакъ своего раскаянія, присягнули подчиниться волюѣ королевской волѣ. Теперь-то“ (заклучилъ онъ) „предстоитъ вамъ подтвердить самымъ дѣломъ вашу присягу, принявъ порядокъ, какой его королевской милости угодно будетъ даровать вамъ, въ избѣжаніе кровопролитія на будущее время“.

Послѣ того былъ прочитанъ актъ комиссій; а потомъ заготовленный Николаемъ Потоцкимъ совмѣстно съ митрополитомъ Петромъ Могилою проповѣдникъ произнесъ козакамъ увѣщаніе, опираясь на евангельскія слова.

Козаки слушали проповѣдь съ тяжелыми вздохами, и было отъ чего вздыхать имъ. Король и паны его рады отнимали у козаковъ все ихъ самоуправленіе, все знаки ихъ войсковаго достоинства и все земли, захваченныя ими у шляхты. Козаки должны были отдать панамъ свою армагу тутъ же среди рыцарскаго круга и положить къ ногамъ короннаго гетмана свои знаки, булавы и все войсковыя клейноды. Никто не осмѣлялся высказать негодованія. Слышны были только вздохи и сожалѣнія о безразсудствѣ, которое довело Запорожское Войско до такого униженія.

Наконецъ было спрошено у козаковъ, желаютъ ли они принять отъ короля и Рѣчи Посполитой комиссара, вмѣсто гетмана, и полковниковъ-шляхтичей, вмѣсто тѣхъ, которые были избраны ими изъ среды себя?

Отвѣтъ былъ утвердительный, и коронный гетманъ объявилъ королевскимъ комиссарамъ по козацкимъ дѣламъ пана Коморовскаго, которому тутъ же были переданы козацкія нушки и войсковыя знаки, а полковниками назначилъ мѣстныхъ шляхтичей. Эти полковники избрали себѣ шесть полковыхъ асауловъ, въ числѣ которыхъ чигирин-

скимъ асауломъ сдѣлавъ Романъ Пепуга, напоминающій своимъ именемъ прославившагося на Сулѣ Пепугу. Самимъ козакамъ было предоставлено избрать вольными голосами только сотниковъ да сотенныхъ атамановъ, и по этому избранію, однимъ изъ чигиринскихъ сотниковъ явился Богданъ Хмельницкій, войсковою писарь Павлюковщины, сторонникъ папскокозацкой партіи послѣ наденія Павлюка и козацкій посолъ къ королю отъ смиренной капевской рады.

Войсковымъ асауламъ назначено жалованье по 600 злотыхъ, полковымъ асауламъ — по 350, сотникамъ — по 200, а сотеннымъ атаманамъ по 60.

Такъ какъ Трахтомировъ былъ выжженъ до тла во время войны, то резиденціею козацкому комиссару назначить Корсунь, впредь до особаго распоряженія.

Отъ опредѣленія границъ земли, на которой дозволялось козакамъ заводить свои поселки, Потоцкій уклонился, по причинѣ разоренія края обоими воевавшими войсками и невозможности добыть корму ни для лошадей, ни для людей во время объѣзда границъ. Что касается козацкихъ жалобъ на захватъ имѣній, принадлежавшихъ Трахтомировскому монастырю, то онъ объявилъ, что Лацъ получилъ на эти имѣнія королевскую привилегію, основанную на гайдуковомъ правѣ и на правѣ конфискаціи мятежническихъ имуществъ.

Такимъ образомъ коронный полевой гетманъ искусными военными дѣйствіями и ловкою политикою упрочилъ за панами обладаніе Украиной еще на десять лѣтъ, не подозревая, какая разрушительная сила таится въ наименованіи всѣхъ ихъ Ляхами.

Перечитывая документы, относящіеся къ мировой сдѣлкѣ на Устьѣ Старца, къ Капевской радѣ и, наконецъ, къ комиссіи на Масловомъ Ставу, мы напрасно искали въ нихъ имени козацкаго вождя, затмившаго своею геніальностію военную славу папскихъ полководцевъ подъ Кумейками, на Сулѣ у Жовнина и на кровавомъ Устьѣ Старца. Лишь только между козаками и панами пошло дѣло на мировую, имя необоримаго Дмитрія Томашевича Гуни исчезаетъ въ козакопанскихъ транзакціяхъ. Гуня—или самъ отказался отъ предводительства, или былъ низложенъ чернискою радюю, осудившею на позорную кару заслуженнаго полковника Филопейка, — не извѣстно. Знаемъ только, что онъ оставался въ Украинѣ, или за Порогами, до 1639 года, и тогда ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи трехсотъ всадниковъ. Объ этомъ донесъ королю великій коронный гетманъ, говоря, что Гуня бѣжалъ въ Московщину, „безъ всякой причины“, хотя причина для насъ очевидна.

Папы полковники, проживая поочередно за Порогами со своими полками, старались прибрать къ рукамъ предводителей новыхъ морскихъ набѣговъ, за которые Турки уже сажали подъ стражу польскихъ послапцевъ. Къ войсковой черни, оставившейся по-старому на волѣ въ такъ называемыхъ дѣлѣпровскихъ входахъ, они обращались въ ласковыхъ словахъ, приглашая этихъ полудикарей воспользоваться королевскою милостію. Вольные дугари и камышники, съ своей стороны, показывали видъ, что готовы предоставить себя великодушію короля и панской республики, но не выходили изъ Запорожья и, кроясь по луговымъ дубровамъ, пѣтрамъ и камышамъ, заготовляли „бѣропно“ для новаго морскаго набѣга. Преданные папамъ ресстронники схватили кой-кого изъ ватажковъ. Та же участь, вѣроятно, предстояла и геніальному „козармогѣ“, Гунѣ.

Видя предводителей подавленнаго бунта на свободѣ въ непріязненномъ царствѣ, коронные гетманы, съ каждой весной, опасались новаго козацкаго мятежа. Первая весна обоплась безъ волненій въ Украинѣ. Но опасность была до того велика, что Станиславъ Конецпольскій, не дождавшись ассигновки изъ королевскаго скарба, занялъ значительную сумму на собственный кредитъ и отправился съ 4000 воиновъ лично достраивать возобновленную на урочищѣ Кодакъ крѣпость. При немъ валы были возведены на нѣсколько локтей кругомъ. Дальѣйшія укрѣпленія предоставилъ опъ докаичивать Станиславу Потоцкому съ короннымъ войскомъ и двумя полками ресстронныхъ козаковъ.

Какую важность придавалъ коронный великій гетманъ Кодацкой крѣпости, видно изъ инструкціи, которую опъ оставилъ ся „губернатору“, пану Жолтовскому. Вѣрнопный этому пресемнику несчастнаго Маріона сторожевой полкъ состоялъ изъ пяти ротъ, въ которыхъ всегда должнѣ было быть полное количество офицеровъ, на томъ основаніи, что чѣмъ больше въ полку офицеровъ, тѣмъ опъ сильнѣе. Никакихъ людей, кромѣ Поляковъ и Нѣмцевъ, не дозволялось принимать въ Кодацкій гарнизонъ. Такъ какъ Рѣчь Посполитая желала обратить его въ школу пѣхоты, изъ которой бы она могла брать капитановъ и другихъ офицеровъ для прочихъ войскъ, то Жолтовскому вмѣнялось въ обязанность постоянно занимать служащихъ воинскими упражненіями. Кромѣ карауловъ на воллахъ, установлена была полевая сторожа, подъ названіемъ козацкой хоругви, набранной изъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Ворота въ крѣпость должны быть постоянно заперты. Калитку запираеть за часъ до солнечнаго захода, а отпирать за часъ до восхода, когда дневная сторожа займетъ свои мѣста

по всѣмъ „балкамъ“ и долинамъ. Изъ людей пріѣзжихъ никого не дозволялось впускать въ крѣпость; всѣ сдѣлки съ ними производить передъ крѣпостью. Входить въ крѣпость дозволялось только знатнымъ особамъ, но безъ всякой свиты. „Такъ какъ главная цѣль основанія крѣпости“ (сказано далѣе въ инструкціи) „состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать козацкіе морскіе походы и своевольства, то наблюдать, чтобы за Пороги не прошло ни дупни, кромѣ тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за своими полками съ *бюроинюмъ*; но и они должны имѣть напоръ отъ своего полковника. Людей же, которыхъ разные украинскіе папы обыкновенно посылаютъ для рыболовства и зѣфринаго промысла въ низовыя рѣчки, возвращать вспять, не взпрая ни на какіе листы, потому что изъ такихъ людей и накопляются мятежныя куцы“. Наконецъ, предписывалось не пропускать по Днѣпру лицъ дѣлать въ степи частые разъѣзды, и еслибы украинскимъ бѣглецамъ удалось какъ-нибудь пробраться за Пороги, то свѣдавъ объ этомъ, тотчасъ давать знать находящемуся на Запорожьѣ полковнику, которому вмѣнялось въ обязанность держать сторожу не только по Днѣпру, но также на рѣчкахъ Ингуль и Ингульцѣ, сливающихся съ Днѣпромъ у входа въ Черное море.

Обеспечивъ такимъ образомъ границы Рѣчи Посполитой отъ домашнихъ враговъ и татарскихъ вторженій, коронныя гетманы могли бы, повидимому, сидѣть спокойно въ своихъ резиденціяхъ. Но пограничныя дѣла были приведены въ порядокъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности здѣсь продолжалась неурядица, прогрессивно соответствовавшая той, которою отличался всѣ внутреннія провинціи польско-русской республики безъ исключенія.

Размѣстивъ по опаснѣйшимъ пунктамъ 3000 постоянного кватр-янаго войска, независимо отъ козацкаго гарнизона и гвардіи при новой козацкой старшинѣ, правительство съ 1 сентября 1638 года не заплатило ему ни гроша жалованья въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, плл четырехъ четвертей, да задолжало и за прошлый годъ, за самое трудное походное и боевое время, пушкарямъ и драгунамъ. Войско вознаграждало себя, по обычаю, грабежомъ королевскихъ и папскихъ имѣній, а папы старосты, державцы, ихъ намѣстники и папы вѣчистые обороняли свои города и села вооруженною рукою.

Переходы жолнеровъ съ мѣста на мѣсто уподоблялись походамъ черезъ непріятельскую землю. Города и мѣстечки, села и слободы за-

пирали передъ ними ворота и ломали на рѣчкахъ мосты, чтобъ заставить королевское войско идти другою дорогою. При этомъ завязывались драки, похожія на настоящіе сраженія и приступы. Военные суды и гражданскіе трибуналы были полны жалобами на жолперскіе грабежи, насилія, разбои. Но трудно было судить и карать виновныхъ за преступленія, такъ какъ жолперы, въ свою очередь, жаловались на пановъ, которые „не обуздываютъ своихъ подданныхъ“, и позволяютъ имъ безнаказанно обгагрять руки шляхетскою кровью“.

Въ самомъ дѣлѣ, разоряемые жолперами паны пользовались ненавистью поселянъ къ „войсковымъ людямъ“, и предоставляли подданнымъ своимъ свободу нападать на буйныхъ охранителей „шляхетскаго народа“: до такой дикости дошло разъединеніе между сословіями, даже между представителями одного и того же сословія, въ силу событій, сопровождавшихъ колонизацію малорусскихъ пустынь. Каждый великій панъ согласовался здѣсь въ дѣлахъ войны и мира съ другими великими панами на столько, на сколько это было ему нужно для его экономическихъ или фамильныхъ интересовъ.

Посредствующая власть правительства не имѣла въ такъ называемыхъ крѣсахъ никакой силы. Отдавалъ панамъ въ вѣчное владѣніе украинскія пустыни, короли имѣли о нихъ самыя неясныя понятія,— до того, что, напримѣръ, земля, на которой, въ теченіе полустолѣтія, образовалось цѣлое княжество подъ именемъ Виннивегичины, въ сеймовомъ постановленіи 1590 года названа „пустынею рѣки Сулы, лежащею за Черкасами“. На сеймѣ 1590 года было рѣшено, чтобы коронный гетманъ обзрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые козаками. Но этого невозможно было сдѣлать до 1638 года. Въ числѣ выгодъ кампаніи 1638 года считалось немалою выгодною то, что правительство узнало „всѣ важнѣйшія мѣста, входы и укрѣпленіе—отъ Дибяра до Муравскаго Шляху“. Въ старину (писали паны) все это было извѣстно только самоуравному козаку, и за знаніе такихъ мѣстъ козакъ получалъ въ награду полковничество, или другое старшинство. Поэтому-то магнаты не всегда знали, что за земліи они себѣ выпросили, и какъ велико ихъ пространство. Они обозначали предѣлы своихъ займищъ тѣмъ самымъ способомъ, какъ испанскіе *conquerados* въ Повомъ Свѣтѣ.

Панскія владѣнія въ Малороссійской Украинѣ были, можно сказать, отдѣльными царствами, въ которыхъ выше всѣхъ законовъ стоя-

да неподчиняемая законамъ воля самого пана. Такія царства занимали въ XVII вѣкѣ все пограничье Рѣчи Посполитой Польской, составлявшее до нашествія Батыевыхъ Татаръ Землю Сѣверскую, Землю Черниговскую, Переяславскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, и поддерживали свое существованіе тѣми самыми средствами, какими выросли, именно —перезывомъ чужихъ людей въ свои волни, слободы, осады, села, мѣстечки, города да наѣздами на владѣнія малолѣтकों, или людей безоборонныхъ.

Законъ, только для сохраненія своего достоинства въ глазахъ публики, прикрывалъ установленными формальностями переходъ владѣній отъ одного пана къ другому, совершавшійся по праву сильного и по девизу *beati possidentes* *). Королевскія и ранговыя имущества считались также панскою собственностью и были также предметомъ панскихъ витригъ, панскихъ наѣздовъ. Увеличеніе одного панскаго царства на счетъ другихъ зависѣло отъ стажательности владѣльца, или отъ его завзятости.

Но замѣчанію лучшаго изъ польскихъ историковъ, въ спорахъ о поземельной собственности, для магнатовъ значили не столько самыя наѣвіа, сколько то, чтобы поставить на своемъ. „Засморивъ о чемъ-нибудь“ (говоритъ онъ), „надобно было уже упорствовать до конца, не обращая вниманія на все могущія произойти отъ того опасности для себя лично, а хоть бы даже и для отечества“.

Заложить осаду на чужой землѣ считалось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Голоса слабыхъ собственниковъ не дошли до насъ чрезъ посредство письменности; но, какъ велико было число взаимныхъ панскихъ захватовъ и какъ трудно было бороться за свое право землевладѣльцамъ средней руки, можно видѣть изъ того, что самый великій коронный гегманъ Конечпольскій до конца жизни тягался съ княземъ Іеремією Вишневецкимъ за сорокъ мѣстечекъ, основанныхъ его соперникомъ ко юншеаторомъ на земляхъ, принадлежавшихъ къ переяславскому староству.

Войны пановъ съ панами наполняли все прорезушки между войнами виѣвскими да борьбой съ козацкими и жолнерскими своевольствомъ. Самые сеймы, пмѣвшіе въ виду общественное и государственное благоустройство, дѣлались весьма часто сценою шумныхъ споровъ за притя-

*) Блаженны владѣюціе.

запія магнатовъ; не разъ они грозили превратиться въ кровавое побоище изъ-за оскорбленной гордости одного человѣка; и такое явленіе не считалось ни невозможнымъ, ни даже чрезвычайнымъ въ польскомъ обществѣ.

На взглядъ человѣка русскаго, Польша была край, чужой каждому изъ гражданъ за предѣлами его личныхъ интересовъ. Этотъ край былъ обреченъ издавна на расторженіе.

Конецъ перваго тома

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр.

<p>Глава I. Соединеніе Малоруссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ. — Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ. — Расположеніость Поляковъ къ русскому элементу. — Какъ западѣян іезуиты общественымъ воспитаніемъ въ Польшѣ. — Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью. — Церковныя братства и церковная унія.....</p>	3
<p>Глава II. Польскіе мѣщане и польская шляхта. — Земледѣліе и городская промышленность. — Польскорусскіе крестьяне. — Столкновеніе европейскаго хозяйства съ азиатскимъ. — Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ. — Соперничества между мѣщанами и шляхтою. — Колонизація малорусскихъ пустынь. — Украинные города. — Зарожденіе козачества. — Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству. — Мысль объ уничтоженіи козачества.....</p>	33
<p>Глава III. Свобода вѣры и совѣсти въ казачествѣ. — Первая козаконанская усобица. — Три характеристическія черты козацкихъ бунтовъ. — Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Киевомъ. — Признаки разложенія Польши. — Вторая козаконанская усобица.....</p>	57
<p>Глава IV. Крестовые походы на вновѣрцевъ. — „Пачало Трагедіи“. — Гонитва жолнеровъ за козаками. — Козаки бѣгутъ за Сулу. — Блокада козацкаго войска на Солоницѣ. — Гибель козаковъ.....</p>	83
<p>Глава V. Сіяющая перспектива Польши. — Загменіе этой перспективы со стороны Рима. — Развитіе польскорусскаго козачества по поводу чюлковскихъ смуть. — Козаки, недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ. — Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ. — Возстановленіе православной іерархіи въ Киевѣ. — Значеніе царскихъ подаяній „на церковное строеніе“. — Насущные интересы насъ.....</p>	109
<p>Глава VI. Хогинская война. — Козаки и татары. — Отношенія малорусскаго козачества къ церкви. — Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви. — Усѣбхи церковной уніи. — „Совѣтованіе о Благочестіи“. — Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству. — Козаконанская усобица 1625 года. Образецъ вѣрнаго панской республикѣ козака. — Умноженіе козачества на счетъ экономическихъ классовъ. — Соперничество двухъ церквей. — Козаконанская усобица 1630 года.....</p>	138

- Глава VII.** Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенной по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.— Таготиііе малорусской массы къ Московскому Царству.— Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи. 168
- Глава VIII.** Пскатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства.—Паны строятъ на Дибирѣ крѣпость Кодакъ; козаки ее разрушаютъ.—Происхожденіе козацкаго самоуправства отъ панскаго.—Крымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства.—Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья.—Запорожцы и городовики. 186
- Глава IX.** Козакопанская усобица 1637 года.—Ресетровики и вынечники?—Лѣвая сторона Дибира встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коронное войско идетъ на козаковъ.—Битва подъ Кумейками.—Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта. 208
- Глава X.** Спитальческій бытъ малорусскихъ поселянъ.—Замучиванье бунтовщиковъ казнями.—Тріумфъ, устроенный кіевскими мѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Попытка козаковъ призвать на помощь Татаръ.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единодушія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца“.—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителей. 230

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Стрх.</i>	<i>Писемственно.</i>	<i>Должно читать.</i>
16	38	іезуиты	іезуита
23	31	церкви, и не такого	церкви. Не такого характера и не такого
27	15	въ Львовѣ	во Львовѣ
31	2	до унадка	до унаду
—	36	слово	словомъ
33	37	Остальное	Отсталое
34	9	сель	сель
35	25	старину	страну
37	13	передъ нами	передъ ними
—	24	развить	развлечь
38	5	Амуратомъ	Амуратомъ
—	16	Тегиль	Тегинъ
39	4	а подъ	и надъ
—	31	показывались	наказывались
45	6	<i>рашианою</i>	<i>ратманою</i>
51	21	Течиню	Тегиню
52	35	нашею Русью	съ нашею Русью
54	36	лановъ	лановъ
55	22	роль въ	роль и въ
61	5	не совпадаетъ	не совладеетъ
—	36	текстахъ	текстѣ
62	30	эти	бы эти
—	40	не проливалъ	проливалъ
64	7	значить	значило
67	38	Лобода	Григорій Лобода
68	33	Сыхтынскаго	Снятынскаго
69	24	названная	изданная
72	21	цесаря. Козацкіе	и здѣсь-то козацкіе сотники играли роли

77	20	крашнихъ	крашыхъ
—	34	храмовъ	крамовъ
78	16	натисками	натискали
—	18	весьми	вельми
—	19	стаборивъ	отаборивъ
—	27	<i>туртатмяю</i>	<i>туртатмяю</i>
84	12	Великимъ миѣ	Великимъ было
86	22	Хунковскомъ	Хунковскомъ
—	25	Коростянинъ	Коростянинъ
87	12	въ сто	во сто
88	30	поторопками	посторопками
90	9	жондъ	жолдъ
91	8	предубѣждаи	предупреждаи
—	25	Матерницахъ	Матерницахъ
93	28	Чонгаискаго	Чолгаискаго
94	22	положить.	наложить
—	40	подъ Собомиъ	надъ Собомиъ
103	32	подъ Супоемиъ	надъ Супоемиъ
104	20	по которой	но которой
—	23	затопами	затопами
107	24	до ноги	до ноги
108	18	разразилъ	разверзалъ
110	12	раздѣлили	отдѣлили
112	7	томъ	этомъ
—	10	части	чаши
113	31	спасавшагося	спасшагося
117	36	Ахіюку	Архіюку
—	—	Мизевлу	Мизевну
119	15	вооружаются	вооружатся
—	40	и безъ воли	безъ воли
120	25	несогласномъ	несогласномъ
122	8	отказывались	отзывались
124	37	двѣтровскими	двѣтровскимъ
127	33	душа	душа
129	3	отдаленъ	отдалѣлъ
—	22	шляхтича	шляхтича, Великинъ Рутскій
134	19	папскими	папскими
135	30	папствъ	папистовъ
137	10	договарялся	договаривался
138	15	оживились	живились
—	21	папскаго	папскаго
—	27	поддѣтровскія	поддѣтровскія
142	3	Богусловъ	Богуславъ

144	20	Невъѣжливое	Невъѣжественное
—	—	поживѣ	наживѣ
—	25	поставою	наствою
147	1	изображаютъ	изобрѣтаютъ
154	17	Канавскимъ	Капевскимъ
157	4	подъ Кржавымъ	надъ Кржавымъ
158	10	въ короткое	на короткое
—	35	ускусь	искусь
161	5	вольницы	вольности
—	36	Тучанскаго	Тучанскаго
162	8	<i>пифамисовъ</i>	<i>пифамисовъ</i>
—	16	и великихъ	но и великихъ
163	6	Но уснѣвъ	Не уснѣвъ
164	20	власти	власти
—	24	они въ томъ	они и въ томъ
165	14	тѣмъ	тѣхъ
166	38	бывшій тогда	бывшій
168	28	нобороть	ноборать
169	24	и пороки	а пороки
171	21	хлѣборода	хлѣбороба
172	8	искателяхъ	искателей
—	21	которое привело	которые привели
—	22	и вслѣдъ	а вслѣдъ
173	14	заключила	заключала
—	18	дѣйствовала	дѣйствовали
174	5	Копинскимъ	Копинскимъ
—	26	князя	и князя
177	8	подъ которыхъ	и подъ которыхъ
—	26	напскихъ	напскихъ
179	23	собственныхъ	собственнымъ
180	11	Соковичу	Саковичу
183	2	и между	а между
184	28	преемникъ	преемникъ его
—	37	была	была
190	6	и фигуръ	а фигуръ
191	4	исложилъ	положилъ на шѣстѣ
—	22	калужскій	калускій
193	13	Нилывою	Нилывою
195	28	Русью	Росью
197	14	заставилъ	заставилъ его
—	38	собрались	собирались
207	1	воисковыми	воисковыми
—	29	Онушкевичъ	Онушевичъ

212	37	но предвиди	не предвиди
213	28	зловредное	злоторное
230	6	побѣдителя	побѣдителей
238	11	суждено	суждено было
239	28	вниманія	волненія
246	11	нанами	напали
250	13	навербовали ихъ	навербованныхъ
263	7	физическаго и нравственнаго	физическою и нравственною
265	38	Тебѣ	Тебе
267	10	неутомимую	неутомимую
268	40	порѣже	порѣзче
271	20	гайдуковомъ	гадуковомъ
272	13	козарюгѣ	козарюгѣ
273	13	лицъ	лицъ
